

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАХ

**Сборник докладов участников XIV Всероссийской
научно-практической конференции по программе
«Проблемы социокультурной эволюции России
и ее регионов»**

Тула, 15–17 октября 2018 г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Научно-координационный совет
«Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»
Секции философии, политологии, социологии, психологии, права
Отделения общественных наук РАН
Институт философии РАН
Центр изучения социокультурных изменений
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
Тульский социологический центр

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
И СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ
В РЕГИОНАХ**

*Сборник докладов участников
XIV Всероссийской
научно-практической конференции
по программе
«Проблемы социокультурной эволюции
России и ее регионов»*

*Тула,
15–17 октября 2018 г.*

Тула
ТГПУ им. Л. Н. Толстого
2018

ББК 65.261
DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018
С69

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН *Н. И. Лапин* (председатель);
доктор социологических наук *Л. А. Беляева*;
доктор философских наук *Н. А. Касавина*;
кандидат философских наук *В. И. Мосин*

Социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах: Сб. докладов участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (15–17 октября 2018 г., Тула) / Сост. и общ. ред. *Н. И. Лапин, В. И. Мосин*. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2018. – 419 с.

ISBN 978-5-6041453-4-0

В сборнике представлены доклады участников XIV Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», проведенной в Туле с 15 по 17 октября 2018 года, содержание которых отражает новый этап реализации Программы по теме: «Социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах».

Сборник предназначен исследователям в области социологии, экономики, культурологии, специалистам по управлению, лицам, замещающим государственные должности РФ и регионов РФ, а также журналистам и студентам, обучающимся по социологическим, экономическим, культурологическим и управленческим дисциплинам.

ББК 65.261

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(грант № 18-011-20051)*

ISBN 978-5-6041453-4-0

© Коллектив авторов, 2018
© ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник содержит тексты почти 70 докладов участников XIV Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах», которая состоялась 15–17 октября 2018 г. в городе-герое Туле в рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Конференция проходила в аудиториях Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

Названная Программа является межрегиональной. Она была инициирована в 2005 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН, руководитель – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н. И. Лапин). В ЦИСИ были разработаны типовая программа и инструментарий эмпирических исследований «Социокультурный портрет региона России» (авторы – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева), на основе которых научными коллективами в субъектах Российской Федерации стали создаваться социокультурные портреты регионов России. В настоящее время такую деятельность осуществляют исследовательские коллективы ведущих университетов и НИИ в почти 30 регионах страны. Из них 20 регионов представлены на настоящей конференции в Туле. В более чем 10 регионах выполнены повторные исследования, что позволяет не только изучать текущее состояние регионов, но и сравнивать его в динамике. Возникла научная школа социокультурной компаративистики российских регионов. Ее результаты получили высокую оценку президиума РАН.

В 2011 г. по инициативе Н. И. Лапина типовая методика была дополнена методикой получения индексов модернизации, разработанной Центром исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК, руководитель – профессор Чуаньци Хэ) на основе данных международной статистики. ЦИСИ адаптировал ее к особенностям российской статистики. Применение этой методики позволило участникам Программы определить уровни социокультурной модернизации, ее качественные состояния и типы во всех регионах России. Результаты систематизированы коллективом участников Программы и представлены по федеральным округам в «Атласе модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (составитель и ответственный редактор Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.). Тексты, таблицы, цветные карты и графики «Атласа» иллюстрируют тот факт, что в современной России одновременно осуществляются две стадии модернизации: индустриальная (первичная) и информационная (вторичная). К 2010 г.

Россия вошла в подготовительную фазу вторичной, информационной, стадии, однако около 60 регионов из 85 еще оставались на первичной, индустриальной, стадии. Многие регионы испытывают потребность перехода во вторую стадию модернизации. Более 10 научных журналов (московских и региональных) опубликовали позитивные рецензии на «Атлас».

В разных регионах в рамках Программы при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (сейчас – Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ)) ежегодно проводятся Всероссийские научно-практические конференции. Материалы всех конференций опубликованы в виде сборников.

Нынешняя XIV конференция в Туле открывает новый этап в комплексном изучении процессов социокультурной и социоэкономической модернизации регионов: она акцентирует внимание на развитии региональных инновационных систем (РИС) как первичного уровня Российской национальной инновационной системы (НИС). Структура настоящего сборника соответствует оргструктуре конференции: тексты сгруппированы в шесть разделов, названия которых приведены в содержании, и соответствуют этапам конференции: пленарное заседание, пленарные заседания двух секций и трех «круглых столов» (два работали в рамках первой секции и один – в рамках второй секции).

Сборник открывает доклад Л. А. Беляевой, в котором расширяются параметры качества жизни как целевого ориентира инновационной модернизации путем включения жизненно значимых для каждого человека экзистенциальных характеристик. Низкое состояние этого параметра в России видно из его соотношения со странами Европы – как развитыми, так и более близкими России по развитию восточно-европейскими. В докладе Н. И. Лапина показано, что для достижения достойного качества жизни населения России и повышения экономических и социокультурных преимуществ регионов необходимо развивать локальные, т. е. региональные, инновационные системы (РИС), центральным элементом которых является фирма (предприятие); возможность поиска эффективного баланса взаимодействий органов государства и фирм продемонстрирована на примере модели эмпирического исследования и интерпретации его результатов. При этом необходима координация деятельности РИС с функционированием общероссийской системы, настройка РИС на эффективную реализацию федеральных целевых программ в регионах. Обоснован вывод, что в целом России предстоит вступить в качественно новый этап трансформации. В контексте больших вызовов современности, глобальных и внутренних, нашей стране необходимо перейти от «гибридно-реверсивного транзита» к рефлексивному инновационному саморазвитию в соответствии с базовыми ценностями населения России и идеалами справедливости, реального гуманизма.

Во многих докладах читатель найдет оригинальные идеи, интересные факты и конструктивные предложения. Например, узнает, как метод панельной регрессии позволяет осуществить анализ взаимодействия между разнородными факторами РИС. В докладах исследователей из Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого отмечена связь между темпами роста экономики и количеством принимаемых законов – до 2005 г. она была положительной, с 2006 г. она стала отрицательной. Такое снижение темпов роста экономики объясняется влиянием законодательства в период с 2006 по 2011 год посредством регрессионной модели. На конкретном опыте Ульяновской области читатель познакомится с этапами, механизмами, результатами инвестиционной политики губернатора и правительства области, нацеленной на формирование РИС. На основе опыта регионов Черноземья он познакомится с проблемами стратегического планирования, российскими особенностями стратегирования, а также с барьерами, препятствующими созданию успешных стратегий. Словом, перед читателем разворачивается впечатляющая панорама проблем, способов и результатов инновационно-модернизационной деятельности населения и органов управления в 20 регионах России – от Центрального федерального округа (на этой конференции мы начинаем с Тулы) до окраин на западе, севере и юге страны, до Волги, Урала и Сибири – в каждом регионе они свои. Очень важна и интересна информация в докладах специалистов из всегда близких нам республик – Беларуси, Казахстана и Узбекистана.

Все тексты включены в сборник в авторской редакции. Надеемся, что материалы сборника будут полезны специалистам и студентам, вызовут интерес у общественности, работодателей и наемных работников, служащих органов государственной власти и местного самоуправления, привлекут внимание средств массовой информации к столь важной и непростой проблеме развития российского общества – исследованию и регулированию процессов социокультурной и социоэкономической модернизации страны с учетом специфики каждого региона.

В Туле, родине легендарных технических и технологических инноваций, в аудиториях педагогического университета, который носит имя великого подвижника и новатора Льва Николаевича Толстого и отмечает в этом году свое 80-летие, участники конференции имели возможность более полно представить результаты своих исследований и практических рекомендаций, адресованных субъектам инновационных процессов в регионах, рассмотреть проблематику развития РИС, увидеть жизнь населения столицы региона.

От всех участников конференции благодарим ее организаторов – администрацию Тульской области и мэрию г. Тулы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого – за созда-

ние благоприятных условий для работы и возможность ознакомиться с состоянием инновационных систем и социально-экономическим положением региона.

Особая благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку конференции.

Н. И. Лапин,
руководитель программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», председатель программного комитета конференции, заведующий отделом, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

В. И. Мосин,
координатор конференции, заместитель председателя программного комитета, генеральный директор Тульского социологического центра, старший научный сотрудник Центра региональных исторических исследований ТГПУ им. Л. Н. Толстого, кандидат философских наук, доцент

Пленарное заседание
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ
В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 316. 33 (34)

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-7-19

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ –
СПОСОБ САМОРАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹

REGIONAL INNOVATION SYSTEMS –
A WAY OF SELF-DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS

Н. И. Лапин
Nikolay I. Lapin

*Институт философии Российской академии наук,
Центр изучения социокультурных изменений (Москва, Россия)
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Center for Socio-cultural Changes Studies (Moscow, Russia)*

***Аннотация.** На основе результатов многолетних исследований автор полагает, что к настоящему времени в основном исчерпан свой конструктивный потенциал первый, реверсивный этап антропосоциокультурной трансформации России. Предстоит новый этап ее трансформации – становление институтов рефлексивного инновационного саморазвития, которое позволит России достойно ответить на большие глобальные вызовы и повысить качество жизни населения, конкурентоспособность и иные преимущества регионов как социокультурных сообществ.*

В регионах необходимо развивать локально специализированные инновационные системы. Предложена их типология. Показана сложность новых задач и продемонстрирована модель их антиупрощенческого исследования на примере поиска эффективного баланса взаимодействий органов

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (исследовательский грант № 18-011-00386 «Антропосоциокультурный эволюционизм как принцип изучения сложности становления нового российского общества и его региональных сообществ»).

государства и фирм. Выделены основные направления дальнейших исследований проблем социокультурной эволюции российских регионов.

Abstract. *Based on the results of long-term researches the author believes that, to date, largely exhausted its constructive potential first, reversing stage of the antroposociokultural transformation in Russia. A new stage of its transformation is becoming – formation of institutions of reflective innovative self-development, which would allow Russia to adequately respond to the big global challenges and improve the population's quality of life, competitiveness and other advantages of regions as socio-cultural communities.*

In the regions there is a need to develop locally specialized innovation systems. Offered their typology. Shows the complexity of new tasks and demonstrated their solutions antisimplificational model of studies in search of an effective balance of interactions of the State and firms. The main directions of further research on sociocultural evolution of Russian regions.

Ключевые слова: *антропосоциокультурная трансформация, гибридно-реверсивный транзит, саморазвитие региона, региональная инновационная система, баланс взаимодействий государства и фирм, фирма как социальная организация, социальные сети и институты.*

Keywords: *self-development of the region, exogenous-reverse transit, antroposociokultural transformation, regional innovation system, the balance of interactions of State and firms, a firm as social organization, social networks and institutions.*

Цель настоящей статьи – привлечь внимание к особенностям современного этапа трансформации России и к необходимости развития региональных инновационных систем как способа саморазвития регионов, который позволит повысить качество жизни населения и социокультурные преимущества регионов.

Термин *саморазвитие регионов* означает прежде всего развитие способностей и удовлетворение растущих потребностей людей, живущих в регионах, повышение антропосоциокультурного потенциала и преимуществ регионов, в контексте требуемого саморазвития России, учитывающего новые большие вызовы. Речь идет о потенциале и потребностях жителей России на всех уровнях их сообществ:

- на уровне человека – условия для развития и реализации его способностей, повышения качества жизни;
- на уровне организаций, прежде всего трудовых – экономическая их конкурентоспособность, престижность, привлекательность условий и оплаты труда, благожелательные отношения между работодателями и работниками, другие показатели социально-психологического климата;

- на уровнях регионов и муниципалитетов – качество жизни в приемлемом для данного общества диапазоне различий между регионами и муниципалитетами, в целом социокультурные преимущества по отношению к другим регионам и муниципалитетам;
- на уровнях общества и цивилизации – национальная безопасность, среднее для цивилизационно близких обществ качество жизни, конкурентоспособность на мировых рынках;

Как видим, на всех уровнях **основная функция** – совершенствовать условия, позволяющие членам общества иметь достойное **качество жизни**.

Перед новым этапом постсоветской трансформации России

До сих пор постсоветская Россия осуществляла переход (transit) не к новому для нее типу общества, а к уже существовавшему со второй половины XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу. Поэтому вернее будет назвать этот переход *реверсивной трансформацией*. Первая ее стадия (1985–1991 гг.) была подготовительной (перестройка). Вторая стадия (90-е годы) оказалась радикальной, ее основу составила революционно-хаотичная приватизация. Третья стадия (с 2000 г. по настоящее время) стала эволюционной модернизацией, которая стабилизировала результаты второй стадии и продолжает рационализировать их. Источники инициации стадий этого этапа были гетерогенными – интернальными и экстернальными: с одной стороны, они инициированы внутрироссийскими причинами и субъектами, а с другой – ориентированы на заимствование политических, экономических и иных социальных институтов из других стран. Следовательно, в целом первый этап постсоветской трансформации имел *гетерогенно-реверсивный* характер, а его третья стадия обрела качества *гибридного транзита* и в основном исчерпала свой конструктивный потенциал, стала завершающей. Предстоит новый этап трансформации, уже гомогенно российской – этап *становления рефлексивно-гомогенных институтов инновационного саморазвития* России как государства, общества и цивилизации.

Опираясь на результаты многолетних исследований и методологию антропосоциокультурного эволюционизма [1], я могу так резюмировать свои выводы.

Постсоветские преобразования представляют собой новую, сложную эпоху российской истории – эпоху антропосоциокультурной трансформации. К настоящему времени в основном исчерпан потенциал ее первого, гетерогенно-реверсивного этапа, последней стадией которого стал гибридный транзит. Конструктивный внутрироссийский потенциал новой эпохи только начинает выявляться. Его развитие и начало осуществления будут означать качественно новый этап трансформации – становление рефлексивно-гомогенных институтов саморазвития России. В контексте растущих

больших вызовов, глобальных и внутренних, это должно быть инновационное саморазвитие. Пока Россия не начнет осуществлять этот этап, она не сможет достойно отвечать на большие вызовы и ей будет угрожать новый самораспад, второй после самораспада СССР; предпосылки такого исхода также существуют. Я считаю необходимым обосновать и осуществлять первую, позитивную альтернативу.

На начальной стадии нового этапа трансформации, этапа становления институтов саморазвития, необходима новая, гомогенно-российская модернизация – переосмысление уже осуществившегося, гибридно-реверсивного транзита и эволюционное вытеснение ее институтов более адекватными российским условиям институтами рефлексивного саморазвития. Одним из таких институтов должна стать давно декларированная, но не реализованная национальная инновационная система (НИС). Чтобы стать успешной, она должна быть рефлексивно-многоуровневой, а ее первичными уровнями должны стать региональные инновационные системы (РИС), которые специализированно обеспечат саморазвитие регионов, рефлексивно регулируемое «сверху и снизу» (государством и гражданским обществом).

Региональные инновационные системы: их суть, основные элементы, специализация их содержания применительно к особенностям регионов

Всем россиянам, в том числе нам, предстоит много поработать, чтобы становление требуемых институтов началось быстрее и успешнее. Сегодня это во многом зависит от развития инновационных систем в регионах. Уточняю: речь идет о региональных системах, цель которых – содействие созданию и осуществлению *инноваций, предназначенных для рынка*, т. е. таких, результаты которых (товары, услуги, технологии) становятся объектами купли-продажи на российских и зарубежных рынках. Именно они оказываются в динамичном поле стимулов, создаваемых конкуренцией, фокусируют воздействие комплекса социокультурных факторов и сами влияют на них. Следует отметить новый позитивный фактор: к настоящему времени среди российских обществоведов разных школ фактически сложился *консенсус* относительно того, что в России и ее регионах движение к достойному качеству жизни людей, социокультурным преимуществам регионов и устойчивой безопасности всей страны возможно прежде всего на основе инноваций, т. е. как инновационная модернизация.

РИС служат первичным уровнем НИС, на котором должны быть созданы условия для массового возникновения и распространения инноваций (продуктных, технологических, институциональных), при их регулировании «сверху и снизу». Стратегия развития таких систем предполагает сбалансированное использование различных форм собственности, рыночных принципов экономики, повышение качества образования, научных исследований, содержания телевидения и других средств массовой коммуника-

ции, эволюционно-последовательное утверждение прав и свобод человека, демократических норм политической жизни.

Мы начали обсуждать (РИС) год назад, на нашей секции Тюменского форума. На настоящей конференции этой тематике посвящены более 20 докладов. В докладе для секции Форума я уже изложил свое понимание элементов РИС (статья-доклад опубликована в 2017 г. «Вестнике Тюменского государственного университета»). В настоящей статье я ограничусь перечислением основных групп элементов РИС, как они приведены в новой моей статье, написанной совместно с экс-президентом Республики Дагестан Муху Алиевым. Это:

- цели и задачи РИС;
- субъекты инноваций, их сетевые структуры и координирующие региональные органы управления;
- портфель инновационных программ и проектов региона;
- нормативно-правовые, административные, коммерческие механизмы;
- когнитивные элементы;
- прогнозные индикаторы.

«Принципиально значимо разработать и использовать региональные коэффициенты индикаторов, которые позволят учесть различия социокультурных типов регионов и обеспечить дифференцированную справедливость индикаторов в масштабе всего российского общества. Еще более значительная дифференциация потребуется при формировании инновационных систем местных сообществ» [2].

Содержание РИС должно учитывать специфику регионов. Дифференциация содержания элементов РИС может осуществляться по различным основаниям. Этот вопрос недостаточно изучен. В первом приближении можно выделить три группы оснований: 1) исторически сложившиеся социокультурные особенности региона; 2) состояние (тип) модернизированности региона на этапе разработки РИС; 3) эпистемологические особенности моделей инновационного развития, на основе которых разработчики создают РИС данного региона. Третья, эпистемологическая группа оснований имеет фундаментальный характер. Ее содержание достаточно четко представлено известным российским специалистом в области рефлексивных процессов и управления, В. Е. Лепским, который выделил четыре модели инновационного развития на основе таких параметров как тип научной рациональности, парадигмы управления инновационным развитием, базовые объекты управления и другие характеристики [3]. Их сокращенная версия приведена в табл. 1.

Функциональные и линейные модели инновационного развития являются исходными, они опираются на классический тип научной рациональности (субъект-объектные отношения), обычно возникают в интеллектуальном ядре НИС и были широко распространены при построении инновационных систем в 60–70-х годах XX в. Они наиболее эффективны в от-

ношении инновационных процессов на первых фазах индустриальной стадии модернизации, характеризующихся немногими источниками инноваций и непосредственным воплощением новых идей в передовых технологиях. Именно этот тип моделей доминировал в послевоенном СССР. В настоящее время он, по-видимому, будет целесообразен прежде всего в регионах, состояния модернизированности которых, по нашей типологии, относятся к первым двум типам – низко-модернизированные и средне-модернизированные (начальная и средняя фазы индустриальной стадии) [4].

Таблица 1

Эпистемологические параметры моделей инновационного развития

Тип научной рациональности	Базовая парадигма управления инновационным развитием	Базовые объекты управления	Модели инновационного развития
Классический	«Субъект-Объект»	Сложные системы Деятельностная парадигма	Функциональные Линейные
Неклассический	«Субъект-Субъект»	Активные системы Коммуникативная активность	Нелинейные
Постнеклассический	«Субъект-Метасубъект» «Саморазвивающиеся рефлексивно-активные среды»	Саморазвивающиеся среды. Рефлексивная активность	Саморазвивающиеся инновационные среды

Нелинейные модели инновационного развития используют неклассический тип научной рациональности (субъект-субъектные отношения), имеют множество источников инноваций, которые могут возникать в разных частях ИС – не только в исследовательских структурах, но и просто в среде творческих работников любых подразделений деловых организаций. По-видимому, ИС на основе таких моделей будут более целесообразны в регионах третьего типа модернизированности, которые достигли высоких фаз индустриальной стадии и вступают или вступили в подготовительную фазу информационной стадии.

Модели саморазвивающихся инновационных сред соответствуют положениям постнеклассической научной рациональности, в центре внимания которой оказывается этика стратегических субъектов саморазвивающейся среды, ориентирующая их на сохранение их целостности и их сборку [5]. Такие модели могут стать основой построения РИС, относящихся к четвертому типу модернизированности регионов, которые уже достигли зрелости информационной стадии модернизации.

Рефлексивный характер инновационного саморазвития означает, что региональные органы должны в мониторинговом режиме отслеживать

состояния модернизированности регионов и развивать их РИС – повышать их сложность, используя новые, более сложные модели инновационного развития.

О сложности эффективного баланса взаимодействий государства и фирм

Известно, что в наше время инновационные идеи и ноу-хау, как правило, рождаются в научных и проектно-конструкторских организациях, а инновационные процессы реализуются в производственных фирмах, удовлетворяя рыночный спрос потребителей, среди которых также немало организаций (торговых и иных). Фирмы осуществляют инновационные процессы в условиях конкуренции, которая побуждает собственников (мотивирует их) сохранять и повышать свою конкурентоспособность, от которой зависят их прибыль и доходы, а от них, в свою очередь, зависят доходы и качество жизни работающих и всего населения, равно как и социокультурные преимущества регионов. Значит, для конкретного понимания процессов и проблем инновационного саморазвития регионов и муниципальных образований необходимо эмпирическими методами изучать эти процессы и проблемы в соответствующих цепочках-кластерах трудовых организаций. Среди них ключевую роль играют фирмы.

Фирмы, другие трудовые организации функционируют в *социокультурной среде* регионов и муниципальных образований, взаимодействуют с ними. В отличие от организаций, недавно искусственно созданы, их среда сформировалась как компонента естественно-исторического многовекового российского цивилизационного процесса. В разных регионах она имеет как общие характеристики, так и существенные особенности, подчас латентные. Эмпирическое изучение фирм в контексте среды должно учесть множество взаимосвязанных факторов. Характер их взаимосвязей нередко оказывается не просто сложным, но *синергично сложным* (стали говорить «сложностным») и главное – он не допускает простых решений, требует сложностного подхода к их изучению. Этот подход нацелен не только на критический анализ синергичной сложности объектов, но и на *выявление ее латентных смыслов*, понимание которых позволяет делать не одномерно простые практические выводы, а соответствующие синергичной сложности объектов.

Необходимой предпосылкой эффективности такого подхода служит возможно полное знание новых направлений в мировой социологии, в особенности нацеленных на изучение сходных по сложности объектов, и умение адаптировать их к исследованию эндогенно российских объектов. Пока такое умение встречается нечасто. Надеюсь, будет небесполезно, если я иллюстрирую сказанное характеристикой одного из исследований профессора Вадима Валерьевича Радаева, заведующего кафедрой экономиче-

ской социологии, проректора НИУ ВШЭ. Он много сделал для информации российских специалистов о новых подходах к институциональному и сетевому анализу в экономической социологии [6] и, на мой взгляд, вносит заметный вклад в изучение социоэкономических процессов в современной России, которые можно отнести к синергично сложным объектам, исключающим простые решения их проблем.

К таким объектам относится *судьба новых социальных институтов* в современной российской экономике. «Главное, – полагает исследователь, – не то, *откуда* взяты новые институциональные образцы – импортированы в относительно готовом виде из более развитых обществ или скомбинированы из уже имеющегося доморощенного подручного материала. Куда более важно – *что происходит с новыми институциональными формами после их введения*. Почему одно правило безжизненно повисает, оставаясь бумажной конструкцией и отвергаясь участниками рынка, другое – деформализуется ими, встраивается в существующие неформальные практики и частично подрывается, используясь в совершенно иных целях, нежели подразумевалось при введении правила, а третье – приживается, укореняется в деловых практиках и успешно действует в соответствии с предначертанной ролью?» [7].

В качестве объекта изучения Радаев выбрал ***институциональные воздействия государства на процесс легализации российского бизнеса***. Я полагаю, это один из синергично сложных объектов. Поэтому считаю полезным обратить внимание на *антиупрощенческую логику* его исследования. Основной проблемой *осуществления* данного процесса Радаев считает соотношение принуждения агентов бизнеса государством и доверия этих агентов государству. Он выделил три ключевые условия, определяющие успех или неуспех действий государства, нацеленных на легализацию бизнеса: эффективное администрирование новых правил; достижение комплексности старых и новых правил; укоренение новых правил на всех уровнях институциональной системы. Далее он сосредоточил анализ на роли первого условия – *администрирования*, которое осуществляют контролирующие органы государственной власти, на его взаимосвязи с другими факторами процесса легализации бизнеса и получил по каждому комплексному фактору неоднозначные результаты:

- **интересы:** «Для успешного осуществления новых правил их введение должно опираться на интересы ведущих участников рынка»; но одних только экономических интересов недостаточно;

- **принуждение:** «Эффективное введение нового правила невозможно без принуждения со стороны органов государственной власти»; но принудительные меры имеют два принципиальных ограничения: тотальный контроль над деятельностью участников рынка невозможен из-за технологических трудностей; принудительные воздействия часто порождают обратные эффекты;

- **доверие:** причинами этих ограничений служат, со стороны участников рынка: нежелание показать реальный оборот, риск последующего изменения правил игры, опасность потери конкурентных преимуществ; поэтому «принуждение оказывается не эффективным без роста доверия со стороны ведущих участников рынка» – доверия как административным, так и судебным органам.

Анализ практик администрирования позволил исследователю сделать «интересное наблюдение»: «Ослабление контроля и его чрезмерное усиление приводят к одному и тому же результату – распространению оппортунистического поведения участников рынка», т. е. поведения, нарушающего формальные правила и ожидания;

- **баланс:** «Все это подталкивает нас, – резюмирует В.В. Радаев, – к общему заключению о необходимости достижения и тщательного поддержания тонкого баланса применяемых мотивационных инструментов, учитывающего все принципиальные источники хозяйственной мотивации, вместо того, чтобы делать ставку на какие-либо односторонние меры... «Педалирование» одного мотива с большой вероятностью приводит к сворачиванию регулирующего действия других мотивов и общему негативному эффекту. Таким образом, речь должна идти о сочетании разумных мер принуждения участников рынка и культивирования доверия с их стороны, которые способствуют реализации экономических интересов – т. е. о балансе принуждения, доверия и интереса» [7].

На мой взгляд, это одна из *моделей антиупрощенческого исследования сложности* достижения эффективного баланса факторов становления институтов инновационного саморазвития, регулируемого «сверху и снизу». Она вполне может быть использована как при изучении заимствованных институтов (имплантируемых или выращиваемых), так и при исследовании «доморощенного подручного материала», или эндогенных российских институтов, не модифицированных заимствованиями. Они особенно сложны для понимания исследователем в силу своеобразных, подчас неизвестных культурно-исторических условий их возникновения на прежних этапах российского цивилизационного процесса. Поэтому вряд ли можно согласиться с посылкой В. В. Радаева о малой значимости того, *откуда* взяты изучаемые институты. Сложностный подход (анализ) требует учитывать *различия* между «доморощенными» институтами и экзогенными образцами или их рекомбинациями с эндогенными.

Выявление латентных смыслов синергийно-сложностных структур и процессов требует от исследователя *самостоятельного, творческого развития* не только методических инструментов, но и общей методологии исследований, теоретических представлений об изучаемых объектах. Теперь, когда российские социологи достаточно нагружены, подчас перегружены знаниями о существующих зарубежных подходах, стойкая привер-

женность каким-либо авторитетным подходам или бездумное следование самым новым результатам может ограничивать возможности самостоятельного исследования подлинных смыслов латентных факторов, их собственно эндогенного содержания.

Инновационное саморазвитие России и ее регионов станет реальным, если государство, в дополнение к обеспечиваемому им централизованному суверенитету и содействию крупным корпорациям, создаст благоприятные условия для *инновационного развития малых и средних фирм*, заинтересованных в том, чтобы инвестировать необходимую часть прибыли в свое саморазвитие. Такое их саморазвитие создаст экономические предпосылки конкурентоспособности фирм на российском и международном рынках, обеспечит повышение качества жизни населения и социокультурных преимуществ регионов, включая их экономическую конкурентоспособность и другие стандарты современной цивилизованной деятельности бизнеса и жизни населения.

Саморазвитие малых и средних фирм будет тем успешнее, чем более стимулирующую поддержку получают они «сверху и снизу»: как от региональных органов государства и муниципальных образований, так и от гражданского общества – прежде всего от специалистов и их организаций, таких как университеты, НИИ и само бизнес-сообщество. Таким образом, речь идет об инновационном саморазвитии фирм, регионов и гражданского общества, всего профессионально-квалифицированного, интеллектуально способного, индивидуально и социально ответственного населения. Чтобы осуществить переход на траекторию инновационного саморазвития, необходима незаурядная политическая воля высших органов государственной власти, реализующаяся в стратегическом планировании и программировании, в финансово обеспечиваемых целевых программах.

Новые задачи исследований проблем социокультурной эволюции регионов

Они состоят в том, чтобы активно продолжать исследования, которые мы начали в 2005 г. и которые получили высокую оценку Президиума РАН. Требуется не только продолжать исследования, но и переосмысливать их, углублять и конкретизировать. Два года назад, на конференции в Самаре, мы обозначили одно из основных направлений решения этих задач – изучать процессы социокультурной модернизации в *местных сообществах* – в муниципальных образованиях и жизненных мирах населения. Обозначили эти **объекты**, но пока только начали их изучать. С удовлетворением можно отметить, что на настоящей конференции этим объектам и их смыслам посвящены несколько интересных докладов, свидетельствующих о неэффективном функционировании органов местного самоуправления.

Сегодня нам предстоит уяснить и учесть при планировании своих исследований, что, возможно, самые перспективные объекты исследований в регионах – это **фирмы и предприятия, холдинги и корпорации как социальные организации, сети взаимоотношений индивидов и групп в этих организациях, сети их взаимодействий с социокультурной средой (региональными и муниципальными сообществами), укоренение этих отношений в качестве институтов, которые создаются социальными действиями акторов и влияют на самих акторов.** Это и станет практическим применением методологии *социального становления* [8], которую настоятельно рекомендовали использовать мэтры нашей социологии – В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов.

Не только экономические отношения, но и весь комплекс социокультурных процессов, которые существуют в виде совокупности сетей их отношений, складывающихся в контрапунктах жизнедеятельности людей - при выборе работы, в процессах труда, при получении доходов, уплате налогов, приобретении товаров и услуг. Отношений формализованных, неформализованных и полужформализованных, планируемых и спонтанных, в том числе процессов регулирования этих отношений. Возможно, такие сети отношений и жизненных миров образуют *основной ресурс* эндогенно-инновационной активности индивидов и их групп, организаций и регионов.

Можно выделить наименее изучаемые нами объекты и их взаимодействия:

- **государство – фирмы** (взаимодействия региональных органов управления с фирмами, предприятиями, другими бизнес-организациями);
- **фирма – другие фирмы** (соотношение состояний фирм как экономических и социальных организаций данного региона (а также в соотношении с фирмами аналогичной специализации в других регионах), условия реальной конкуренции;
- **работодатель – наемные работники;**
- **работающие – не работающие** люди, их социокультурные сети, страты, группы.

Нам недостает таких исследований для создания более жизненных и впечатляющих социокультурных и социоэкономических портретов регионов, для более глубокого понимания процессов их трансформации, так нужных перед необходимым новым этапом антропосоциокультурной трансформации России. Немало открытий ждут исследователей, ориентированных на применение сложностного инновационного подхода к изучению охарактеризованных объектов и сетей их отношений.

В контексте предпочитаемого этапа антропосоциокультурной трансформации актуализируется необходимость формировать *долгосрочные ориентиры эволюции* регионов и всей России. Я и мои коллеги в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии ве-

дем поиски условий, при которых стало бы возможным заметное движение России и ее регионов в направлении декларированного в российской Конституции *социального государства*, использующего частную и другие формы собственности, социально ориентированное рыночное хозяйство и опирающееся на базовые ценности российской цивилизации [9]. Эволюция российского государства, общества и его региональных сообществ в этом направлении помогла бы успешнее удовлетворять растущие потребности населения в соответствии с его базовыми ценностями и идеалами справедливости, реального гуманизма.

В настоящее время, на мой взгляд, дело не столько в том, «готовы ли регионы и общество к инновационному саморазвитию», сколько в том, *готовы ли региональные и федеральные органы государства* перейти от либерального сопровождения экзогенного транзита к активной реализации стратегии инновационного саморазвития. Повторю: речь идет о стратегии, которая ориентируется *на качественное удовлетворение основных потребностей России, ее населения*, на всех уровнях ее структуры как социокультурного сообщества – человеческо-личностном, организационном, муниципальном, региональном, федеральном, цивилизационном.

На настоящей конференции, в Туле, родине легендарных технических и технологических инноваций, в аудиториях университета, который носит имя великого подвижника и новатора Льва Николаевича Толстого и отмечает свой юбилей, мы имеем возможность более полно уяснить результаты наших исследований и практических рекомендаций, адресованных субъектам инновационных процессов в российских регионах, специально рассмотреть проблематику развития РИС. Их осуществление зависит прежде всего от научной обоснованности и практической релевантности результатов и рекомендаций, но также от нашей способности привлечь внимание бизнесменов, специалистов и государственных служащих, в особенности молодежи. Необходимо изучать и предлагать конкретные способы повышения их активности. Уверен, само выдвижение и обоснование стратегии инновационного саморазвития повысит мотивацию, доверие, консолидацию многих потенциальных субъектов России в преддверии ее новой эпохи, в противовес опасности нового ее самораспада.

На мой взгляд, возникают предпосылки для *общественного дискурса* о стратегии инновационного саморазвития России. К сказанному выше об исчерпании конструктивного потенциала экзогенно-реверсивного транзита можно добавить: одновременно исчерпывает свой конструктивный потенциал и противоборство альтернативных позиций исследователей. Позиций, которые четверть века назад возникли в социологической и экономической науках, долго и упорно отстаивались группами ученых, специалистов этих областей российской общественной науки, в том числе и автором настоящей статьи. В *социологии* размылось противостояние не только содержательных

позиций, но и их организационных структур: возник крупный Федеральный научно-исследовательский социологический центр, который включает Институт социологии и несколько филиалов в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других регионах, в значительной мере ушли в прошлое и конфликтные отношения между общественными социологическими организациями.

Разумеется, снижение прежнего противоборства не исключает новых различий, которые будут возникать по мере выдвижения новых конструктивных подходов и концепций.

Литература

1. Лапин, Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – М., 2018. – № 2. – С. 3–12.

2. Алиев, М. Г. Инновационные системы в регионах и их развитие / М. Г. Алиев, Н. И. Лапин // Общественные науки и современность. – М., 2018. – № 2. – С. 19.

3. Лепский, В. Е. Анализ моделей инновационного развития России / В. Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление: Сб. материалов X Междунар. симпозиума (15–16 окт. 2015 г., Москва); Отв. ред. В. Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2015. – С. 121–131.

4. Атлас модернизации России и ее регионов / Отв. ред. Н. И. Лапин. – М., 2016. – Гл. 10.

5. Лепский, В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В. Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2010.

6. Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. – М.: РОССПЭН, 2002.

7. Радаев, В. В. Баланс принуждения и доверия в процессе легализации российского бизнеса / В. В. Радаев // Модернизация экономики и выращивание институтов: В 2 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – Кн. 1. – С. 360.

8. Штомпка, П. Социальное становление: сущность исторических изменений / П. Штомпка // Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – Гл. 15. – С. 268–292.

9. Лапин, Н. И. Доклады на заседании «круглого стола» ЦИСИ по проблемам формирования социального государства в России / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Н. А. Касавина // Филос. науки. – М., 2018. – № 2. – С. 50–66.

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ФАКТОРОВ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
РЕГИОНОВ РОССИИ**

**PROBLEMS OF IDENTIFICATION OF FACTORS
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS**

**Л. Е. Басовский, Е. Н. Басовская
Leonid E. Basovskiy, Elena N. Basovskiy**

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)*

Аннотация. Усовершенствована теория долгосрочного технико-экономического развития. С помощью эконометрических моделей показано, что в развитых странах доминирует постиндустриальный экономический уклад. В России, Бразилии, Индии и Китае доминирует индустриальный уклад и распространяются постиндустриальные уклады. В отдельных регионах России доминирует постиндустриальный уклад, в некоторых регионах постиндустриальный уклад еще не начал распространяться. Традиционные факторы – рост труда и капитала практически не оказывают влияния на рост экономики современной России. Необходимо идентифицировать новые факторы роста – новые экономические, в том числе связанные с человеческим капиталом, наукой и инновациями, институциональные, социальные, этнические переменные, параметры государственной политики.

Abstract. The theory of long-term technical and economic development been improved. With the help of econometric models, it shown that the post-industrial economic structure dominates in developed countries. In Russia, Brazil, India and China, industrial mode dominates and post-industrial modes are spreading. In some regions of Russia, the post-industrial mode dominates, in some regions the post-industrial mode has not yet begun to spread. Traditional factors - the growth of labor and capital practically do not affect the growth of the economy of modern Russia. It is necessary to identify new factors of growth-new economic, including those related to human capital, science and innovation, institutional, social, ethnic variables, parameters of state policy.

Ключевые слова: *экономический рост, технико-экономические парадигмы, новые факторы роста.*

Keywords: *economic growth, technical and economic paradigms, new growth factors.*

В экономике России в ходе кризиса 2008–2009 гг. произошли системные изменения. В период до этого кризиса в России наблюдался экономический рост, темпы которого превышали темпы роста мировой экономики. После кризиса темпы экономического роста не превышает темпов роста мировой экономики. Проблема экономического роста в последние десятилетия является важнейшей проблемой экономической науки. Этой проблеме посвящено огромное количество теоретических и эмпирических исследований. В ходе этих исследований было установлено существование множество весьма разнообразных типов экономического роста. В частности, было установлено, что некоторые страны демонстрируют ускоренный экономический рост, темпы которого превышают темпы роста мировой экономики, причём тип экономического роста по величине темпов роста, по характеру их изменению в долгосрочных периодах меняется. Другие страны демонстрируют замедленный экономический рост, темпы которого не превышают темпов роста мировой экономики, причём тип экономического роста по величине темпов роста, по характеру их изменению в долгосрочных периодах меняется.

Несмотря на огромное количество исследований пока не удалось достоверно установить детерминанты (факторы) изменений типов экономического роста. В последние годы произошли существенные изменения в научных представлениях о факторах экономического роста. Новые особенности экономического развития разных стран, которые невозможно объяснить традиционными экономическими переменными, вынудили экономистов обратиться к поиску новых детерминант (факторов), оценивая самый широкий спектр гипотез и предположений. Исследованы новые экономические институциональные, политические, социальные, этнические и религиозные переменные, параметры государственной политики, демографические показатели. Результаты этих исследований пока противоречивы. В этих условиях важной основой выявления детерминант (факторов) экономического роста может служить теория и история долгосрочного экономического развития.

В истории экономики обычно выделяют доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный этапы развития. Исследованию проблем перехода от индустриальной экономики к постиндустриальной экономической системе в течение последних десятилетий посвящено множество

опубликованных работ. Обсуждались социальные, экономические, технологические и другие проблемы этого перехода. Экономическая система, которая получила название индустриальной, основывается на возрастающем использовании материальных и энергетических ресурсов. Экономическая система, которую называют информационной экономикой, является системой, в которой особенно важную роль играет информация.

Предпосылки перехода к индустриальному развитию сформировались в Западной Европе в период с 1500 по 1700 год. В это период в Западной Европе произошло кардинальные изменения в религиозных верованиях, в этике, в системе политической власти, в структуре социальных отношений. Эти изменения позволили запустить современный механизм экономического развития. Его движущей силой, по определению Шумпетера, стала деятельность предпринимателей, которые в стремлении к сверхприбыли стали предлагать рынку радикальные нововведения. Стали появляться новые товары, услуги, новые технологии, новые отрасли экономики.

Рост производительности обеспечивался использованием машин, строительством заводов и фабрик. Доля факторного дохода капитала в валовом внутреннем продукте (ВВП) увеличивалась, в основном за счет снижения доли факторного дохода земли – снижения доходов землевладельцев. Технологическую основу перехода к индустриальной системе, как известно, составили машины, которые позволили заменить силу человека, силы природы, которые он использовал ранее. Производство стало машинным, капиталоемким и энергоемким. Получение единицы национального продукта требовало все меньших затрат труда, но все больших и больших капиталовложений. Рост производительности обеспечивался за счет роста капиталоемкости и энергоемкости единицы национального производства.

В первой половине XX века в наиболее развитых странах характер экономического развития и роста стал изменяться. Рост производительности труда перестал сопровождаться ростом капиталоемкости и энергоёмкости производства. Традиционные машины и технологии производства стали заменяться автоматическими машинами, автоматизированными системами, в которых быстро росло количество используемой в производстве информации. Рост производительности труда стал возможен в условиях сокращения капиталоемкости и энергоемкости производства. Указанные изменения вклада ресурсов в производство можно считать признаками начала перехода от индустриальной системы к новой экономической системе, к постиндустриальной, информационной экономике.

Изложенные факты экономической истории, положения теории долгосрочного экономического развития, основанной на зарождении и распространении инноваций, сформулированные С. И. Глазьевым [1], Шарлоттой Перес [2], В. И. Маевским [3], позволили выдвинуть гипотезу о существовании следующей системной модели долгосрочного технико-эконо-

мического развития индустриальных и постиндустриальных экономических систем [4].

Экономическая система, например, экономика страны, региона, фирмы, домохозяйства состоит из нескольких подсистем. Каждая из этих подсистем воплощает определенную технико-экономическую парадигму – определенный технологический уклад. Совокупность этих подсистем обеспечивает производство определённого уровня потребляемых благ, определённый уровень душевого дохода. Каждая новая подсистема, воплощающая новую технико-экономическую парадигму – новый технологический уклад, обеспечивает производство существенно более высокого уровня потребляемых благ, более высокий уровень душевого дохода. Масштабы новой подсистемы, воплощающей новую технико-экономическую парадигму – новый технологический уклад, растут, при этом масштабы предшествующей подсистемы остаются неизменными, а масштабы еще более ранней подсистемы сокращаются. Таким образом, осуществляется процесс экономического роста, основанный на переходах к новым ступеням технико-экономического развития, находящий отражение в постепенном увеличении душевого дохода. Переход к каждой новой ступени технико-экономического развития – переход к преобладанию нового технологического уклада и зарождение новейшего технологического уклада происходят в период экономического кризиса, в ходе которого формируется повышающаяся полуволна цикла Кондратьева.

Описанная системная модель технико-экономического развития дополняется с учетом того, что индустриализация началась с одной отдельной страны – Великобритании, которая стала первым лидером мировой экономики по производительности труда в индустриальный период. Поэтому первоначально циклы Кондратьева, отмечающие переходы к преобладанию новых технологических укладов, можно наблюдать в Великобритании. Постепенно с развитием мирохозяйственных связей в процесс индустриального развития вовлекались и другие страны, и регионы, в которых институциональные условия, обеспечивали возможность реализации кластеров индустриальных нововведений.

В экономических системах стран, следовавших за лидерами мировой экономики по производительности труда, реализовывались технико-экономические парадигмы, составлявших основу экономических систем лидеров. Поэтому в системах стран, следивших за лидерами, первые технологические уклады реализовывались позже, чем в системах стран – лидеров, но их реализация осуществлялась быстрее благодаря возможностям имитации. Это, с одной стороны, обеспечило возможность смен лидеров мировой экономики по производительности труда, с другой стороны, предопределило не совпадение циклов Кондратьева в разных странах. Кроме того, в системах стран, следивших за лидерами, стран, догоняющих лидеров,

новые для них, но реализованные в странах – лидерах технологические уклады могут осваиваются параллельно друг другу.

К индустриальной экономике можно отнести первый, второй, третий и четвертый технологические уклады, поскольку они характеризуются ростом производительности труда за счет увеличения капиталоемкости и энергоемкости национального производства. Последний индустриальный – четвертый технологический уклад основывается на использовании автоматических машин с ограниченными возможностями. Они без участия человека не могут изменить ни алгоритм работы, ни номенклатуру изготавливаемой продукции или параметры обслуживания.

К постиндустриальной экономике можно отнести пятый, шестой и возможные последующие, например, седьмой, уклады. Они характеризуются ростом производительности труда, ростом используемой информации при одновременном снижении капиталоемкости и энергоемкости национального производства. При этом, источниками информации, обеспечивающими рост производительности труда, являются человеческий капитал высококвалифицированных специалистов и новые технологии. Новые технологии основываются на использовании гибких автоматизированных систем, в которых ведущую роль играют новые информационные технологии. В этих системах находят применение роботы, в том числе виртуальные.

Для подтверждения реализации описанной системной модели долгосрочного технико-экономического развития были предприняты попытки построения эконометрических моделей реального душевого ВВП развитых и крупнейших развивающихся стран современного мира за период начиная с момента первых промышленных революций по настоящее время. В результате были построены адекватные модели экономической динамики всех стран, включающие циклы Кондратьева, параметры которых оказались значимыми с высокой достоверной вероятностью. Полученные оценки свидетельствуют о том, что календарные сроки начала формирования циклов Кондратьева в экономике развитых стран существенно различаются. Например, третий цикл Кондратьева начал формироваться в развитых странах в период с 1872 по 1926 г., четвертый – в период с 1926 по 1959 г., пятый – в период с 1984 по 2007 г. Средняя длительность периодов циклов Кондратьева составила 50 лет. Средняя продолжительность третьего цикла Кондратьева составила 51,9 года, четвертого – 49,8 года.

Полученные результаты позволили датировать моменты начала формирования, начала доминирования и начала отмирания технологических укладов в экономических системах развитых и крупнейших развивающихся стран мира. При моделировании рядов реального душевого ВВП как суммы вкладов в его формирование технологических укладов принималось, что в момент зарождения уклада, его вклад принимает нулевое значение, далее она линейно возрастает и достигает к моменту начала доми-

нирования уклада его вклад достигает максимального значения. Этот отрезок времени равен периоду соответствующей волны Кондратьева. В этот же момент, момент перехода к доминированию технологического уклада, зарождается новый уклад. В период доминирования уклада его вклад сохраняет максимальное значение на протяжении периода волны Кондратьева. С момента завершения периода доминирования уклада в течение периода еще одной волны Кондратьева его вклад линейно уменьшается до нуля. Таким образом, предполагается, что одновременно в экономике функционируют воспроизводственные контуры трех технологических укладов [3].

В результате исследований были получены адекватные модели продуктивности реликтовых (первого, второго и третьего), четвертого, пятого и шестого технологических укладов в экономике развитых стран и определены параметры продуктивности технологических укладов с высокой достоверной вероятностью. При этом было установлено, что в период с 1986 г. (США) по 2007 г. (Финляндия) экономика развитых стран перешла к доминированию пятого (первого постиндустриального) и распространению шестого технологических укладов. Экономики России, Бразилии, Индии и Китая характеризуются доминированием четвертого (индустриального) экономического уклада.

При моделировании было установлено, что средняя продуктивность четвертого технологического уклада составляет 2594 Гери-Хемис долл. 1990 года душевого ВВП. Стандартная ошибка продуктивности четвертого технологического уклада – 402 Гери-Хемис долл. 1990 года. С вероятностью 90% величина продуктивности четвертого технологического уклада находится в пределах от 1929 до 3258 Гери-Хемис долл. 1990 года. Продуктивность пятого технологического уклада составляет 12 245 Гери-Хемис долл. 1990 года душевого ВВП. Стандартная ошибка продуктивности пятого технологического уклада – 386 Гери-Хемис долл. 1990 года. С вероятностью 90 % величина пятого технологического уклада находится в пределах от 11 606 до 12 883 Гери-Хемис долл. 1990 года. Продуктивность шестого технологического уклада составляет 25 374 Гери-Хемис долл. 1990 года душевого ВВП. С вероятностью 90 % величина продуктивности шестого технологического уклада находится в пределах от 22 360 до 28 385 Гери-Хемис долл. 1990 года.

Вклад новых, постиндустриальных технологических укладов в душевой ВВП России растет, начиная с 2001 года, и в настоящее время составляет 40–60 % душевого ВВП. По федеральным округам и регионам страны распространение новых – постиндустриальных технологических укладов существенно различается. Регионы, в экономике которых преобладают новые технологические уклады следующие: города Москва, Санкт-Петербург; области Архангельская, Тюменская, Сахалинская, Магаданская; республики Коми, Саха (Якутия); Чукотский автономный округ.

Регионы, в экономике которых отсутствуют, или наблюдаются в незначительных масштабах новые технологические уклады, следующие: области Ивановская, Псковская, Кировская; республики Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Чувашская, Алтай, Бурятия; Алтайский Край. Регионы, в которых получили распространение экономические системы новых технологических укладов, в среднем в два раза превосходят в нацеленности новыми основными фондами регионы, в которых системы новых технологических укладов распространения не получили.

Для того, чтобы оценить, насколько в сложившихся условиях рост экономики в современной России определяется приростом традиционных экономических факторов – труда и капитала, на основе перекрёстных данных – данных региональной статистики были получены эконометрические оценки влияния темпов прироста труда и капитала на темпы роста валового регионального продукта (ВРП). Использование данных Росстат за 2005 г. позволило установить следующее. Взаимосвязь темпов прироста ВРП и темпов прироста численности работников, занятых в экономике региона, практически отсутствует. Коэффициент корреляции темпов прироста ВРП и темпов прироста основных фондов составляет 0,235. Это позволяет значимо объяснять величину темпов экономического роста коэффициентом детерминации регрессионной модели влияния темпов прироста основных фондов, величина которого составила только 11,1 %.

Использование данных Росстат за 2015 г. позволило установить следующее. Взаимосвязь темпов прироста ВРП и темпов прироста численности работников, занятых в экономике региона, практически отсутствует. Коэффициент корреляции темпов прироста ВРП и темпов прироста основных фондов составляет 0,204. Это позволяет значимо объяснять величину темпов экономического роста коэффициентом детерминации регрессионной модели влияния темпов прироста основных фондов, величина которого составила всего 3,1 %.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что использование традиционных факторов – труда и капитала практически не позволяют значимо объяснить изменение темпов роста экономики современной России. В сложившихся условиях перехода экономики России от индустриальной к постиндустриальной экономике необходимы исследования влияния новых детерминант (факторов) экономического роста – новых экономических, в том числе связанных с человеческим капиталом, наукой и инновациями, институциональных, политических, социальных, этнических переменных.

Примером значимой оценки влияния новых факторов на экономический рост могут служить результаты, полученные авторами путем оценки взаимосвязи количества принимаемых Федеральных законов и темпов роста экономики России. Было показано, что до 2005 г. между темпами роста

экономики и количества принимаемых законов существовала положительная взаимосвязь, которая, начиная с 2006 г., сменилась значимой отрицательной корреляционной связью [6]. С помощью регрессионной модели оказалось возможным объяснить снижения темпов роста экономики влиянием законотворчества в период с 2006 по 2011 год.

В регионах проводятся в жизнь законы, прежде всего, работники территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Для оценки их влияния на экономику была построена модель влияния численности работников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти на темпы роста экономики страны в 2010–2015 гг. Полученная модель позволила установить, что численность работников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти влияет на темпы роста экономики страны. С помощью полученной модели можно оценить предложение Л. А. Кудрина, широко обсуждавшееся в средствах массовой информации. Это предложение о необходимости сокращения численности «чиновников» на 30 %. Полученная авторами модель предсказывает, что при сокращении работников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти на 30 % темпы роста экономики страны могут достигнуть величины 5,2 % в год. С учетом того, что полученная модель объясняет явление только на 58 %, можно считать, что предложение Л. Кудрина может обеспечить рост экономики страны на 3,0 % в год. Эта оценка близка к оценке, сделанной Кудриным.

Литература

1. Глазьев, С. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Глазьев. – М.: ВладДар, 1993.
2. Perez, C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages / C. Perez. – Elgar Publishing, 2003.
3. Маевский, В. Введение в эволюционную макроэкономику / В. Маевский // Япония сегодня. – М., 1997.
4. Басовский, Л. Е. Постиндустриальные уклады в экономике России / Л. Е. Басовский, Е. Н. Басовская. – М.: ИНФРА-М, 2017.
5. Kondratieff, N. The Long Waves in Economic Life / N. Kondratieff. – Martino Fine Books, 2014.
6. Басовская, Е. Н. Развитие в России экономики неравенства / Е. Н. Басовская, Л. Е. Басовский // Журн. эконом. теории. – 2011. – № 4. – С. 198–202.

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ:
ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ РОССИИ**

**QUALITY OF LIFE IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY:
INDICATORS FOR RUSSIA**

**Л. А. Беляева
Lyudmila A. Belyaeva**

*Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия)
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

***Аннотация.** В статье качество жизни рассмотрено как комплексная характеристика жизнедеятельности индивида в условиях постиндустриального общества. Теоретическое представление проблемы основано на исследованиях постиндустриалистов и специалистов по качеству жизни. Предложена новая методика субъективной оценки качества жизни с учетом его экзистенциального содержания. Методика апробирована с использованием данных Европейского социального исследования (ESS), что позволило провести сравнение субъективного качества жизни в 18-ти странах Европы и определить место России среди этих стран по общим и интегральному индексам.*

***Abstract.** The quality of life is considered as a complex characteristic of the life activity of an individual in the conditions of a postindustrial society. The theoretical presentation of the problem is based on the studies of post-industrialists and specialists in the quality of life. A new method of subjective evaluation of the quality of life is proposed, taking into account its existential content. The methodology was tested using the European Social Research (ESS) data. Comparison of the subjective quality of life in 18 European countries is carried out, the place of Russia among these countries is determined by general and integral indices.*

***Ключевые слова:** субъективное качество жизни, благосостояние, социальная среда, самочувствие, безопасность, самореализация, экзистенциальный выбор.*

***Keywords:** subjective quality of life, welfare, social environment, state of health, safety, self-realization, existential choice.*

При всем многообразии современных подходов к измерению качества жизни, которые будут рассмотрены ниже, один важный аспект не получил достаточного изучения. Я имею ввиду те характеристики качественной жизни, которые можно определить как наличие пространства для личностного развития, для творчества, свободы в выборе своего жизненного пути и образа жизни. Это те характеристики качества жизни, которые различают людей по степени их самореализации, личностного развития, самоуважения и уважения со стороны других людей. Еще в 1974, Л. Леви, Л. Андерсон включили в понятие «*качество жизни*» совокупность условий физического, умственного и социального благополучия с точки зрения отдельных индивидумов и социальной группы, включая понимание таких состояний, как счастье, удовлетворение потребностей и удовольствие [1]. Эти характеристики качества жизни получают все большее значение в современном обществе, их можно отнести к экзистенциальному содержанию качества жизни. В таком контексте качество жизни еще более отличается от понятия – уровень жизни, определяемый в основном материальными условиями существования человека. Для комплексной оценки качества жизни в современном обществе необходимым является учет таких параметров, которые в своем сочетании характеризуют (1) уровень жизни (благополучие), (2) качество социальной среды, (3) социальное самочувствие и безопасность жизни, (4) наличие возможностей для свободы выбора и самореализации в личном и общественном пространстве.

Базовая гипотеза

Качество жизни, учитывающее экзистенциальные оценки населения, более высокое в странах, вступивших в постиндустриальную стадию своего развития, и наиболее продвинувшихся в построении справедливого, демократического общества, где более успешно реализуются идеи социального государства – справедливости и позитивного экзистенциального содержания жизни.

Методы исследования

Теоретические основания для исследования заявленной проблемы содержатся в тех работах зарубежных и отечественных ученых, которые посвящены постиндустриальной стадии развития современных обществ. Представители постиндустриализма считают, что на этой стадии формируется предельная гибкость, подвижность работы, индивидуализация труда и повседневной жизни. Д. Белл, Э. Тоффлер, А. Турен, Р. Инглегарт, М. Кастельс исследовали переход от индустриальной эпохи к постиндустриальной с информатизацией общества, прежде всего его производственной сферы и сферы услуг и отметили его влияние на становление новой социальной структуры общества, структуру рынка труда, характера занятости, изменение системы ценностей и образа жизни. Как писал Э. Тоффлер в 1980 г., третья – постиндустриальная волна связана с глубокими пси-

хологическими, экономическими и технологическими силами, а также с изменением качественного и количественного состава населения. Люди сегодня более богаты и образованны, чем их родители, и, имея больше возможностей в жизни, просто отвергают требования массификации. Все больше людей различаются по выполняемой ими работе или продукции, которую они потребляют, многие из них требуют, чтобы с ними обращались как с личностями, и сопротивляются социально предлагаемым расписаниям [2]. По мнению Э. Соловьева, информационное общество – «духовный водоворот», характеризующийся утратой согласия, неспособностью прийти к единому стандарту поведения, общим правилам, языку и т. д. Такая мозаика ценностных ориентации порождает резкий рост субкультур, что может увеличить степень конфликтности общества [3].

Для значительных слоев населения постиндустриального/информационного общества качество жизни не определяется исключительно материальными и социальными условиями существования, но значимо также эмоционально-ценностное восприятие возможностей для реализации своего творческого потенциала и свободы выбора в личной и общественной жизни.

Эмпирическая верификация конструкта «качество жизни», сформированного на рассмотренных выше принципах, была проведена мною на материалах Европейского социального исследования (ESS). Оно предоставляет уникальную возможность сравнить страны Европы по многим позициям, а в рамках интересующей нас темы составить композитный индекс качества жизни, включающий не только оценку материальных и социальных условий жизни населения, но и показатели индивидуальных возможностей реализации свободы выбора и саморазвития в отдельных сферах жизнедеятельности*.

Для реализации поставленной задачи были использованы 24 вопроса, включенные в программу ESS. Большинство показателей представлены в анкете 2016 г. и несколько показателей из анкеты 2012 г. В совокупности они отражают отмеченные выше четыре аспекта качества жизни. По каждой группе был рассчитан общий индекс, синтезирующий несколько показателей. В дальнейшем анализе четыре общих индекса были объединены в композитный индекс качества жизни.

* ESS – многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения в странах Европы. Проводится раз в два года методом опроса населения 15 лет и старше по случайной репрезентативной выборке с помощью личных интервью на дому. Первая волна опроса была проведена в 2002 г., Россия участвует с 2006 г. Выборка: 1500–3000 интервью в каждой стране. Применяются единые методы построения выборки, сбора информации, организации и обработки данных. Осуществляется свободный доступ к данным и всей документации сразу после этапа сбора данных и объединения их в общую базу через электронный сайт www.europeansocialsurvey.org. В России исследование проводит ЦЕССИ, руководитель исследования – А. В. Андреев. Объем выборки около 2,5 тыс. респондентов.

Существенной особенностью исследования 2016 г., давшего основной массив эмпирической информации, является включенность в него в основном наиболее экономически развитых стран Европы, а из стран бывшего социалистического лагеря, также наиболее успешно прошедших переход к рыночной экономике: Эстония, Польша, Словения, Чехия. В связи с неполнотой опубликованной информации не были включены в анализ страны, которые участвовали в исследованиях других лет: Венгрия, Словения, Литва, Болгария, Косово, Украина, Греция, Хорватия, Румыния, Турция, Португалия. На таком международном фоне показатели России в сравнении с другими европейскими странами выглядят не слишком хорошо. Но если говорить о векторе развития нашей страны, то ориентация на постиндустриальные страны представляется более предпочтительной, а сравнительное исследование качества жизни может показать неиспользованные возможности для его повышения. Всего в анализе были использованы данные опроса в 18 странах Европы.

Результаты исследования

Рассмотрим последовательно все четыре аспекта качества жизни населения России в сравнении с европейскими странами, построив четыре общих индекса и один композитный, объединяющий все 24 оценки. Оценки производилась в баллах, как это делалось, рассмотрим ниже.

При оценке уровня дохода в каждой стране объединялись две группы – те, кто живет на свой доход, не испытывая материальных затруднений и те, кому этого дохода хватает. Общая численность таких респондентов делилась на 10 и оценивалась в баллах. Например, в России в эту объединенную группу попали 47 % опрошенных, соответственно этот параметр качества жизни набрал 4,7 балла.

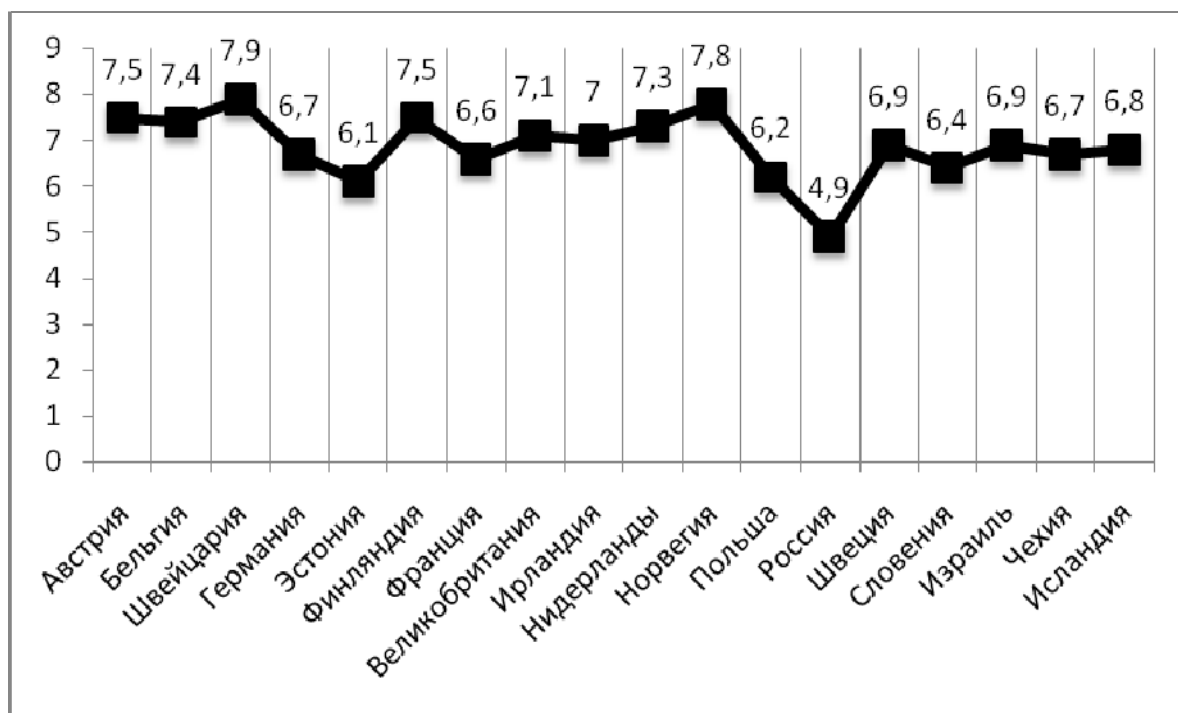
Учитывая первостепенную важность состояния здоровья и здравоохранения для качества жизни россиян, в анализе были использованы три характеристики: оценка системы здравоохранения, оценка состояния своего здоровья и фиксация трудностей, связанных с состоянием здоровья (доступность среды). Первая характеристика оценивалась по среднему баллу 11-ти балльной шкалы, второй и третьей – присваивался балл, соответствующий сумме положительных оценок, деленных на 10. Например, в России состояние своего здоровья как очень хорошее и хорошее оценили соответственно 6 и 35 %, балл составил 4,1. Среди тех, кто имеет инвалидность, физические недостатки сказали, что не испытывают из-за этого трудностей 72 %. Соответственно этой характеристике по России присваивается 7,2 балла.

В оценке системы образования как составной части уровня жизни применялась методика, аналогичная оценке системы здравоохранения – по среднему баллу. В России этот показатель оказался равен 4,6.

Общий индекс по всем четырем аспектам рассчитывался как среднее арифметическое включенных в него показателей.

Представление об общем индексе уровня жизни в России в сравнении со странами Европы можно получить из рис. 1.

Как можно видеть, в целом по уровню благосостояния Россия занимает по оценкам населения последнее место среди 18 стран Европы. Наибольшее отставание фиксируется по уровню дохода и состоянию здоровья респондентов. В оценках системы здравоохранения сразу за Россией (3,8 балла) следует Польша (3,9), а в оценках системы образования близкую – низкую оценку получила Франция: 4,6 и 4,8 балла соответственно.

*Рис. 1. Общий индекс уровня жизни (балл)
Fig. 1. The overall index of living standards (score)*

Аналогично подсчитывался общий индекс качества социальной среды, который определяют, прежде всего, доверие в обществе – между индивидами, доверие институтам, политикам и партиям и общее удовлетворение уровнем демократии в стране. Анализ показал, что качество социальной среды в бывших социалистических странах снижено по сравнению со странами старой демократии под влиянием низкого доверия институтам общества и вообще недовольством уровнем демократии в их странах. Россия, Польша, Словения и Чехия демонстрируют самые низкие показатели по этим позициям среди 18 европейских стран (рис. 2). Несколько выше уровень межличностного доверия в этих странах, но и по этому показателю страны старой демократии значительно их опережают. Так, Россия отстает от Норвегии на 2 балла, правда, она опережает в Польшу на 0,6 балла, но по остальным показателям Россия, к сожалению, на последних местах в оценке социальной среды.

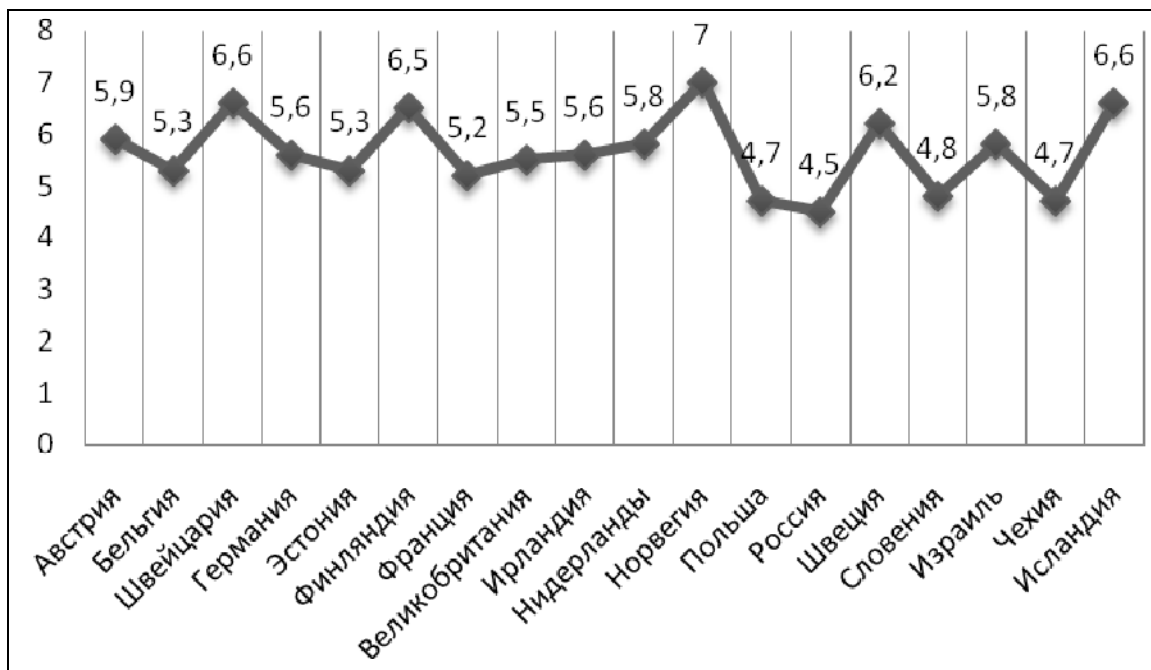

Рис. 2. Общий индекс качества социальной среды (балл)
Fig. 2. Overall index of social environment quality (score)

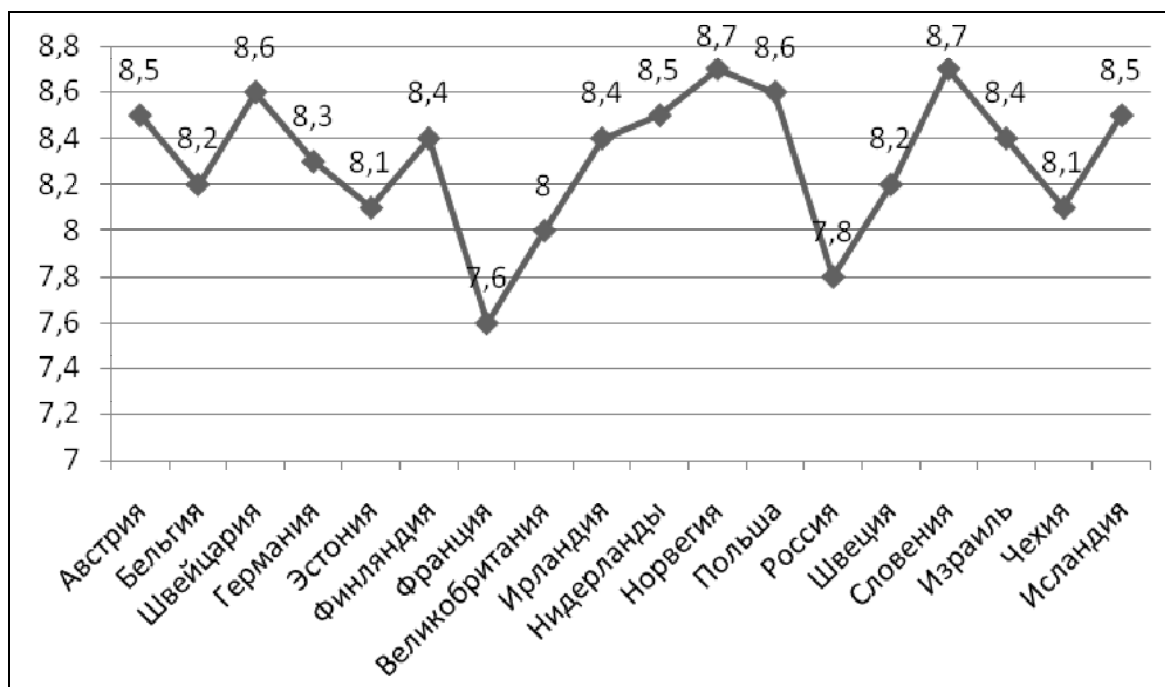

Рис. 3. Общий индекс социального самочувствия и безопасности жизни (балл)
Fig. 3. The general index of social well-being and safety of life (score)

Общий индекс социального самочувствия и безопасности жизни объединяет 4 показателя: удовлетворенность жизнью в целом, отсутствие дискриминации по отношению к респонденту, отсутствие насилия по отношению к респонденту и его семье, безопасность в районе проживания. Россия

занимает по этому индексу предпоследнее место, находясь выше Франции (рис. 3). Наибольшее отрицательное влияние на общий индекс оказала низкая удовлетворенность жизнью населения России. По другим показателям Россия располагается не в конце списка из 18-ти стран, а в оценке безопасности даже в его верхней половине.

При построении четвертого общего индекса, демонстрирующего возможности для экзистенциального выбора и самореализации индивида оценивалось, насколько интенсивно общаются респонденты не по работе, а в приватной жизни, есть ли у них близкие друзья, которые их ценят, с которыми можно поговорить по душам. Эта оценка психологической комфортности существования индивида, что является важным компонентом качества жизни. Следующая пара показателей в этом индексе характеризует участие респондента в регулировании своей трудовой деятельности и его влияние на принятие решений в организации. Включены в общий индекс и показатели оптимизма, уверенности в будущем, знание своей жизненной перспективы. И, наконец, экзистенциальные характеристики качества жизни позволяют оценить самоидентификацию респондента по степени нужности обществу, наличие интереса и преуспевание в разных областях своей деятельности. Всего в расчете этого общего индекса использовано 11 показателей. Сравнение России со странами Европы показано на рис. 4.

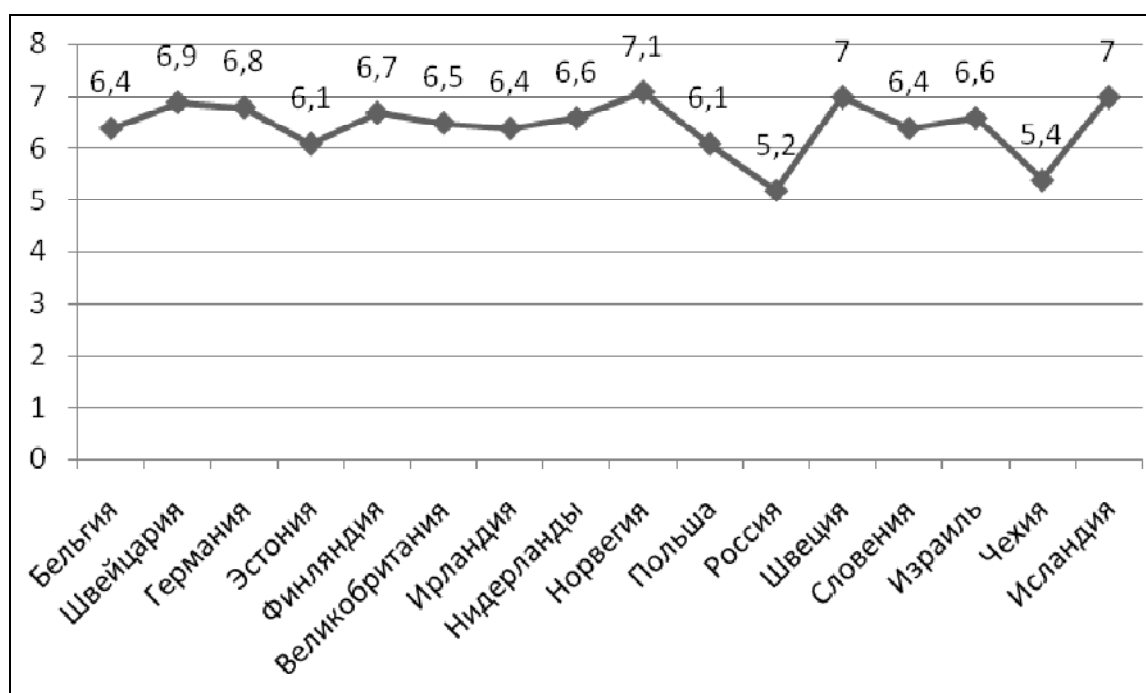

Рис. 4. Общий индекс возможностей для свободы выбора и самореализации (балл)

Fig. 4. The general index of opportunities for freedom of choice and self-realization (score)

Отмечу пониженный показатель экзистенциального позитивного наполнения качества жизни в России в сравнении с другими странами Европы (5,2 балла), только Чехия приближается по этому показателю к России (5,4). Польша, Словения и Эстония имеют соответствующий индекс на 0,9–1,2 балла выше, чем Россия. Самый большой отрыв демонстрирует Норвегия, а также Швеция и Исландия, соответственно 7,1 и 7 баллов. Какие же характеристики оказали большее влияние на такой низкий уровень этого индекса в России? К сожалению, почти по всем компонентам российские респонденты оценили свои возможности и реальное положение хуже, чем респонденты других стран. Особенно удивляет и настораживает, что даже по таким традиционно отечественным качествам жизни как личное общение и наличие друга, с кем можно поговорить по душам, респонденты показали более низкие оценки, чем почти все страны Европы, кроме Польши, Эстонии и Чехии. Можно видеть в этом положении необходимость больше работать в непростых жизненных обстоятельствах, но тот факт, что россияне, по исследованиям, работают по времени не больше, чем в других странах, заставляет предполагать другие причины, возможно, связанные с изменением отечественного менталитета, снижением коллективистских ценностей.

У россиян заниженная самооценка своей ценности в жизни и своих умений. Только 40 % опрошенных отметили, что есть много областей деятельности, в которых они сильны, против 70–90 % респондентов в других странах, в том числе и в бывших социалистических. Немного успокаивает только то, что россияне довольно оптимистично представляют свое будущее – не намного ниже, чем в других странах, и с интересом относятся к своей деятельности. Здесь отставание от населения европейских стран не такое значительное.

Можно предположить, что столь низкие по сравнению с Европейским населением экзистенциальные оценки качества жизни России связаны с изменением социального характера населения. Как писал Э. Фромм, «тот факт, что большинство членов некоего социального класса или культуры обладают сходством значимых элементов характера и что можно говорить о «социальном характере», репрезентирующем суть склада характера, общую большинству членов данной культуры, указывает на степень участия в формировании характера социальных и культурных моделей». По мнению Э. Фромма, социальный характер, зависит от общих социально-экономических обстоятельств жизни людей, они формируют «ту совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [4]. Д. Рисмен, также разрабатывавший эту проблему и выпустивший книгу «Одинокая толпа», писал: «Социальный характер» – часть «характера», разделяемая значимыми социальными группами

пами, и по определению многих современных социальных ученых, является продуктом жизненного опыта этих групп. Такое понимание социального характера позволяет говорить... о характере классов, групп, стран и наций» [5]. Социальный характер – это своего рода внутреннее побуждение, особого рода человеческая энергия, которая канализируется в черты характера и заставляет членов общества действовать так, как это объективно необходимо. Внешняя сила заменяется внутренним побуждением.

На рис. 5 представлен интегральный индекс субъективного качества жизни населения России в сравнении с другими странами¹. Он значительно ниже, чем в европейских странах, участвовавших в исследовании, и отражает общую оценку населением качества своей жизни в период растянувшихся преобразований с неопределенным результатом. Очевидно, что население России довольно низко оценивает условия своей жизни, социальный климат и институты общества, социальное самочувствие, а также собственные возможности для развития и самостоятельного регулирования своего поведения в настоящее время и в будущем.

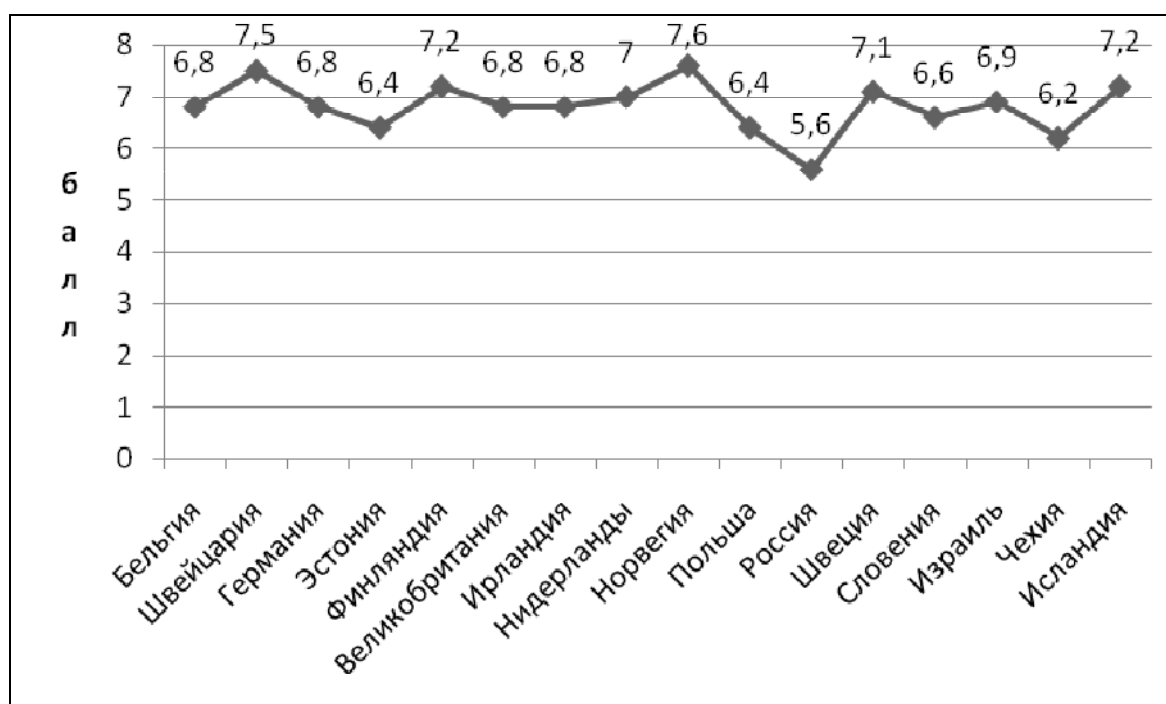

Рис. 5. Интегральный индекс качества жизни в оценках населения (балл)
Fig. 5. Integral Quality of Life Index in Population Estimates (score)

Субъективные оценки качества жизни зависят от целостного субъективного переживания человеком своего существования и своего внутреннего мира. Воздействие внешних и внутренних факторов определяет оцен-

¹ Австрия и Франция не принимали участие в опросе 2012 г., поэтому сформировать полноценный интегральный индекс для этих стран не представляется возможным.

ки субъективного качества жизни, того, насколько человек удовлетворен своей жизнью. Эта удовлетворенность является реакцией не только на сегодняшнее состояние условий жизнедеятельности и возможностей их совершенствования (в материальном, социальном и личностном аспектах), но и исторической памятью в сознании человека. Несколько поколений жителей России были свидетелями травматических социальных изменений в России в конце XX – начале XXI веков, которые, во-первых, произошли в очень короткое время, во-вторых, охватывали одновременно различные области общественной жизни, в третьих, затронули главные ценности, правила и убеждения, в-четвертых, реальная ломка общественного уклада не соответствовала ожидаемому контексту изменений большинством населения, была для многих социальных групп неожиданной. Эти основные признаки травматических социальных изменений, в полной мере проявились в России, оставив по себе последствия в сфере сломанной идентичности, связей, лояльности, навыков мышления и поступков.

Субъективное качество жизни формируется в процессе повседневной жизнедеятельности населения в контексте сравнения внутри страны и за ее пределами. Внутри российские сравнения приобрели остро негативный характер вследствие несправедливого распределения собственности, беспрецедентной материальной дифференциации, глубокой бедности и необеспеченности массовых слоев населения, с одной стороны, и богатства и роскоши избранных слоев, с другой. Формирование системы «власть – собственность» породило отчуждение большинства населения от системы власти, противоречивое проявление в поведении патернализма и самостоятельности, недоверие к институтам и людям, противопоставление интересов власти, индивида и общества. Рассмотренное субъективное качество жизни в России в европейском контексте отражает не только восприятие респондентами фактического состояния условий жизнедеятельности, но и комплекса отношений между институтами, индивидами и общностями, а также оценки психологической комфортности существования индивида, участие в регулировании отношений на производстве, знание своей жизненной перспективы.

Для перехода российского общества в постиндустриальное состояние необходимо не только развитие цифровой экономики, пятого и шестого технологических укладов и соответствующего изменения структуры занятости с ростом «креативного класса», который занял, по мнению Ричарда Флориды, в развитых обществах, особенно в странах Северной Европы, доминирующее положение [6]. Необходимо улучшение качества жизни как комплексной характеристики материального, социального и экзистенциального благополучия населения. В условиях современной России эта задача еще ждет своего решения, как и преодоление тенденции перехода к мобилизационному типу развития, который кажется для многих единственно

возможным, но который реально уже не отвечает моделям поведения наиболее подготовленной, профессиональной части общества, имеющей перспективу превращения в креативный класс – двигателя инновационного развития страны.

Литература

1. Леви, Л. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни / Л. Леви, Л. Андерсен. – М.: Экономика, 1979.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999.
3. Соловьев, Э. Информационное общество [Электронный ресурс] / Э. Соловьев // Новая филос. энцикл. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH131b96cb772df8497f4613>
4. Фромм, Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. – Минск: Коллегиум, 1992. – С. 64.
5. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 121–129.
6. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика XXI, 2007.

**ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ
УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ В РЕГИОНЕ**

**INVESTMENT POLICY AS THE MECHANISM
OF INNOVATION MANAGEMENT IN THE REGION**

**Н. В. Дергунова
Nina V. Dergunova**

*Ульяновский государственный педагогический университет
(Ульяновск, Россия)
Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia)*

Аннотация. *В начале 2000-х годов Ульяновская область находилась в глубоком социально-экономическом кризисе. В условиях кризиса и отсутствия значительных естественных ресурсов ставка была сделана на инвестиции. В статье рассматриваются этапы, механизмы, результаты инвестиционной политики губернатора и правительства области с целью исследования процесса формирования региональной инновационной системы, ее институтов и структурных элементов, необходимых условий.*

Abstract. *At the beginning of the 2000s Ulyanovsk region has been in the deep social and economic crisis. In these circumstances and because of the shortage of the natural resources the focus has been moved on investments. This paper analyzes different periods, mechanisms and results of the investment policy of the local government with the aim to study the formation of the regional innovation system, its institutions and structure as well as necessary conditions.*

Ключевые слова: *региональная инвестиционная политика, инновационная инфраструктура, инновации, технопарки, институты развития.*

Keywords: *regional investment policy, innovation infrastructure, innovations, technoparks, development institutions.*

Инновационная составляющая инвестиционной политики, как и экономической политики в целом, является важнейшим фактором реализации задач, поставленных Президентом РФ в майском указе 2018 года. Руковод-

дство страны поставило перед регионами задачу построения эффективной национальной инновационной системы, в которой региональному уровню уделяется особенное внимание [1]. Инновационное развитие региона зависит от разных показателей: состояния науки, наличия инфраструктуры, обеспечивающей развитие инновационных процессов, степени разработанности соответствующего законодательства, привлекательности инвестиционного климата, состояния венчурного бизнеса и др. факторов [2].

В 1990-е гг. регионы получили большую независимость от Центра, но при этом многие вопросы самостоятельно решать не могли. Отсутствовала единая система в управлении регионами, большое количество регионов перешли в разряд реципиентов, значительно уменьшилось финансирование инновационной сферы. Это в полной мере относилось и к Ульяновской области, которая к тому же в то время входила в «красный пояс» России. В советский период наука представляла собой огромный потенциал для социально-экономического развития всей страны, а формирование сети наукоградов можно считать, по мнению Е. Кирсановой, прототипом современных технополисов [1]. От Советского Союза Ульяновской области достался только один наукоград – научно-исследовательский институт атомных реакторов (НИИАР) в г. Димитровграде. Ульяновская область по показателям социально-экономического развития в начале 2000-х находилась на 74–78 местах в списке регионов России. Привлечь инвестиции в такой регион было крайне затруднительно.

Региональную инновационную политику пришлось выстраивать по-новому в новых условиях: из разряда научной государственной политики она стала формироваться как направление социально-экономической политики и часть инвестиционной политики. В настоящее время формирование научных парков, технополисов и других видов инфраструктуры инновационных процессов преимущественно представляет собой приоритет социально-экономической политики ввиду заинтересованности предпринимательского сектора [1].

В конце 1997 г. Президентом Б. Н. Ельциным был подписан Указ, в котором впервые в новой России определялся статус наукоградов на государственном уровне. Соответствующий закон был принят через два года, поэтому, начиная 2000-х гг., регионы постепенно начинают принимать и реализовывать свои программы развития приоритетных инновационных направлений, формировать нормативно-правовую базу данной сферы, стараться привлекать инвестиции в регионы под конкретные проекты инновационного развития. Отдельным фактором развития данной сферы служит увеличение инновационной инфраструктуры в регионах и венчурного бизнеса. Идея создания и распространения технопарков в России стала активно реализовываться с 2006 г.

Современные концептуальные контуры реализации региональной инновационной политики были обозначены в Стратегии – 2020. Это один из

первых документов, в котором определяется новый этап в развитии инновационной политики, а именно – приоритет регионального инновационного развития. Правительство предлагает «разрабатывать региональные стратегии инновационного развития или разделы по стимулированию инноваций в региональных стратегиях социально-экономического развития с учетом особенностей регионов» [3]. В первую очередь это касается поддержки малого и среднего бизнеса на региональном уровне, «создание и развитие центров компетенции путем создания национальных исследовательских центров» [3], «реализации конкретных проектов в рамках соответствующих государственных программ и подпрограмм, разработанных для высокотехнологичных секторов экономики», а также распространение успешных моделей «коммерциализации результатов исследовательской деятельности...»

Согласно нашим исследованиям индексов первичной и вторичной модернизации регионов к 2010 году Ульяновская область завершила восстановление и полностью прошла первичную модернизацию (индекс ПМ составил 99,4 %). Комплексный индекс вторичной модернизации составил 68 %. Самые низкие показатели вторичной модернизации: индекс инноваций в знаниях – 48 % и индекс качества экономики – 47 % (где самым низким показателем был ВВП на душу населения, который составлял 18 % от стандарта). Губернатором и правительством области ставка была сделана на инвестиционную политику – привлечение зарубежных и российских инвесторов, поскольку в самом регионе в результате политики «мягкого вхождения» в рынок, а по сути сдерживания развития рыночных отношений до 2001 года, крупных инвесторов не было. Губернатор области С.Морозов в инвестиционном послании 2018 года выделил следующие исторические этапы инвестиционной политики.

Первый этап этого пути – 2005–2006 гг. – время определения стратегических приоритетов. В 2004 году в экономику региона было вложено всего 11 с небольшим миллиардов рублей. «У нас не было ни толковой законодательной базы, ни стратегии развития, ни четкой и выстроенной системы работы с инвесторами. Отсутствовали механизмы и инструменты привлечения инвестиций». Но у молодого губернатора было огромное желание изменить ситуацию, желание учиться, заимствовать лучшее.

Второй этап – 2007–2011 гг. Это этап разработки полноценной региональной инвестиционной политики и системы мер для её обеспечения. Область не только ликвидировала свое отставание от большинства субъектов Российской Федерации в работе по привлечению инвестиций, а по ряду ключевых моментов вышла вперед, но и перешла к активному продвижению своих преимуществ. На основе самого передового мирового опыта были приняты важнейшие законодательные решения, сформирована система поддержки инвесторов, разработана первая региональная стратегия

привлечения инвестиций и заложены ключевые инфраструктурные точки роста: промышленная зона «Заволжье» (на заброшенных землях Авиацентра), ПОЭЗ, Наноцентр, бизнес-инкубатор и фонды финансирования бизнеса. В регион пришли такие международные корпорации, как «САБМиллер», «Марс», «Хенкель», «Легран», «Таката», которые не только стали якорными с точки зрения формирования в регионе нового облика экономики, но и выступили своеобразными ориентирами для других инвесторов, принимающих решение о выборе региона. Были приняты первая региональная программа поддержки малого бизнеса, решения о специальной поддержке и льготных режимах, декларирован и введен принцип «налоговых каникул».

Третий этап – 2012–2017 гг. руководство области перешло от создания условий для отдельных инвесторов к созданию комфортной среды для реализации инвестиционных проектов. И это относится не только к бизнес-климату, но и жизненному пространству. Инструментами стали разработка и внедрение федеральных стандартов деятельности органов исполнительной власти по обеспечению благоприятного инвестиционного климата, участие в Национальном рейтинге инвестиционного климата и внедрение целевых моделей.

Их использование позволило региону получить статус одного из лидеров в Российской Федерации по работе с инвесторами и состоянию делового климата. Объем инвестиций в региональную экономику с 2005 по 2017 гг. вырос многократно и суммарно достиг цифры в 750 млрд руб. За все эти годы из региона не ушел ни один серьезный инвестор. Реализовано 115 крупных инвестиционных проектов, в том числе 30 с участием иностранных партнеров, большинство из которых представляют известные всему миру корпорации и компании. Создано более 23 тысяч высокопроизводительных рабочих мест.

Именно поэтому правительство области приняло решение о переходе с 2018 года к новому этапу инвестиционной политики – формированию современной наукоёмкой инновационной экономики. Для реализации задач нового этапа инвестиционной политики создана значительная институциональная среда инноваций и инвестиций. Функционирует «Губернаторский Совет по инвестициям», его рабочие группы обеспечивают привязку деятельности совета к главным стратегическим приоритетам инвестиционной политики. Большой блок сервисных функций осуществляют институты развития, такие как Корпорация развития промышленности и предпринимательства, областной Центр поддержки экспорта. Действующие институты развития сложились практически в каждой отрасли.

За сервисы финансовой поддержки (кредитования) отвечают специально сформированные под эту задачу фонды (региональный фонд развития промышленности, фонд микрофинансирования, региональный гаран-

тийный фонд, региональная лизинговая компания). Для того чтобы их работа была эффективной, правительство региона планирует ежегодно их докапитализировать, расширяя возможности финансирования бизнеса. В 2017 ввели новый региональный закон о поддержке технологических парков и инновационных компаний.

На протяжении нескольких лет в регионе действует одно из лучших в стране инвестиционных законодательств (100 % исполнение целевой модели, отражающей качество регионального законодательства о поддержке инвестиционной деятельности). Сформирована нормативно-правовая база для функционирования в области территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Первая такая зона с эксклюзивным (лучшим в регионе) пакетом мер государственной поддержки для инвесторов создана в Димитровграде. Задача 2018 года – создание еще одной такой территории – ТОСЭР «Инза». Доработан инструмент регионально госпечинвестконтракта: льготы в обмен на модернизацию производств. Задача 2018 года – начать практическое использование этого инструмента. Правительство региона ведет работу с Минэкономразвития РФ об открытии на границе Ульяновска ОЭЗ промышленно-производственного типа «Технологическая долина». Ожидается, что решение будет принято в 2018 году. В настоящее время действует несколько индустриальных парков.

Сквозная линия, которая есть во всех инфраструктурных проектах – инновационная составляющая, создание условий для технологического предпринимательства. Во всем мире формируется новая экономика, основанная на инновациях, цифровых технологиях и технологическом предпринимательстве. Эти процессы невозможны без участия бизнеса, его активной роли. Ближайшая задача для региона – создание комфортной экосреды для коммерциализации знаний, открытия в регионе R&D-компаний, запуска высокотехнологичных стартапов и внедрения новейших технологий.

Правительство региона приняло несколько ключевых решений для успешного развития инновационной деятельности. В 2017 году утвердили Инновационную декларацию, концепцию «Умный регион» и Стратегию опережающего индустриально-инновационного и научно-технологического развития области на 2017–2021 гг. Не только определились с направлениями инновационной специализации (Энерджинет, Фуднет, Аэронет, Нейронет, Хелснет), но и запустили по ним первые проекты. Для управления этими процессами создано Агентство инновационного развития. Оно должно обеспечить стыковку работы инновационных компаний между собой, промышленными предприятиями и образовательной деятельностью. Создан региональный инновационный кластер «Технологическая долина» (Технокампус 2.0). Проект вошёл в список из 12 российских территорий опережающего инновационного развития мирового уровня, отобранных Правительством Российской Федерации.

Успехи достаточно впечатляющие. Однако контент-анализ инвестиционных посланий губернатора за последние три года (2016–2018) обнаружил некоторое несоответствие победных реляций и существующих критериев эффективности складывающейся инновационной системы. В ней явно преобладает линия на развитие бизнеса, поддержку бизнеса, создание условий для развития бизнеса. Вместе с тем, ни разу за три года не поднимался вопрос, не ставилась задача и не было в отчетах правительства перед Законодательным собранием таких аспектов анализа достигнутого как снижение материальных и трудовых затрат, поддержка научных разработок, наличие программы подготовки кадров для инновационной деятельности, развитие венчурного бизнеса. Область никак не может выйти даже на средний уровень благосостояния ее жителей. По уровню средней заработной платы и доходов населения регион занимает 11 место в Приволжском федеральном округе (из 14 субъектов округа). Снижение материальных и трудовых затрат могло бы стать одним из факторов повышения благосостояния населения.

По уровню ВРП на душу населения (в долл.США) после 2010 года обозначилась тенденция сокращения производства товаров и услуг. Если в 2010 году было произведено в регионе товаров и услуг на 7079 долл. США, то в 2016 году эта цифра по данным облстата составила 4319 долл. США (61 % от 2010 года) [4].

Самая главная цель инновационной политики пока не достигнута. Она состоит в формировании самовоспроизводящей системы взаимодействия государства, предпринимательского сектора и научного сообщества. К сожалению недостаточна связь региональных технопарков с университетами, вузами, научными центрами. В действительности получается, что основой для появления технопарков оказывались те предприятия, которые обладают большой инфраструктурой и имеют собственную научную базу. Для привлечения предпринимательского сектора к финансированию инновационного процесса практически не используется венчурный бизнес.

Региональные венчурные фонды предназначены в первую очередь для поддержки предпринимательского сектора в развитии научно-технических исследований в регионе. Но такого фонда в области в настоящее время нет. Опыт инвестиционной политики области основывается на создании в большей степени значительного инфраструктурного ресурса для перехода к инновациям, чем накопления высокого научно-технического потенциала. Регион демонстрирует хорошие показатели развития инфраструктуры инвестиций и инновации в основном за счет средств областного бюджета, поэтому федеральный Центр выделяет дополнительные средства для финансирования различных проектов. Это необходимо, в том числе, и по причине отнесения Ульяновской области к среднетехнологичным регио-

нам по показателю доли расходов на НИОКР в общей структуре расходов предприятий. По данным на 2010 год этот показатель составил 40 % от необходимого стандарта.

Литература

1. Кирсанова, Е. Особенности региональной инновационной политики России: тенденции и перспективы / Е. Кирсанова // Вестн. рос. нации. – 2017. – № 1. – С. 141–152.

2. Федякин, А. В. Регион в фокусе политической теории и практики / А. В. Федякин // Вестн. рос. нац. – 2009. – № 5. – С. 162–182.

3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утв. распоряжением Правительства России от 08.12.2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf>.

4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области [Электронный ресурс]. – URL: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/statistics/

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА¹**

**STRATEGIC PLANNING IN THE DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN MACROREGION**

**Е. А. Когай
Evgeniya A. Kogay**

*Курский государственный университет (Курск, Россия)
Kursk State University (Kursk, Russia)*

***Аннотация.** В данной работе поднимается проблема стратегического планирования. Автор акцентирует внимание на дезактуализации стратегий регионального развития, разработанных в первом десятилетии нового века и необходимости разработки стратегий, соответствующих новым реалиям. Акцентируется внимание на российских особенностях осуществления стратегирования, а также на барьерах, препятствующих созданию успешных стратегий. Автор указывает на необходимость при построении новых стратегий регионального развития максимального учета социокультурных условий, определения соответствующих приоритетов и конкурентных преимуществ развития, соблюдения принципа преемственности стратегий, актуализации вопроса о субъекте стратегического развития.*

***Abstract.** In this work the problem of strategic planning rises. The author focuses attention to deactualization of the strategy of regional development prepared in the first decade of a new century and need of development of the strategy corresponding to new realities. The attention is focused on the Russian features of implementation of a strategirovaniye and also on the barriers interfering creation of successful strategy. The author indicates the need at creation of new strategy of regional development of the maximum accounting of sociocultural conditions, definitions of the corresponding priorities and competitive advantages of development, respect for the principle of continuity of strategy, updatings of a question of the subject of strategic development.*

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Ключевые слова: стратегическое управление, планирование, регион, модернизация, социокультурная эволюция.

Keywords: strategic management, planning, the region, modernization, sociocultural evolution.

Без своей стратегии попадёшь под влияние чужой тактики.

Георгий Александров

Любые, даже самые смелые планы должны опираться на реальные возможности.

Георгий Жуков

Стратегическое планирование, понимаемое нами как процесс создания и осуществления программ и планов действий, нацеленных на решение стратегических задач, следует рассматривать в качестве эффективного инструмента повышения качества жизни территориального сообщества и увеличения ресурсного потенциала территории.

Проблема стратегического планирования развития России и ее регионов получила актуализацию с выходом ряда важных документов. Первый из них – это Федеральный закон № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», устанавливающий нормативную базу стратегического планирования, а также осуществления координации государственного и муниципального управления и бюджетной политики [1]. Представляется важным указать на тот факт, что в данном законе нашла отражение необходимость общественного обсуждения проектов документов государственного стратегического планирования (ст. 13 гл. 3), что открывает возможности для участия в разработке данных документов представителей общественных и научных организаций, а также активистов гражданского общества.

Отдельного внимания заслуживает также вопрос о реализации в российских регионах новой «Стратегии научно-технологического развития РФ» (2016 г.), в которой обозначены ведущие вызовы российскому обществу. Среди этих вызовов выделим такие, как исчерпание возможностей экстенсивного экономического развития страны, ориентированного на эксплуатацию сырьевых ресурсов; нарастание антропогенной нагрузки на среду жизни; важность обеспечения продовольственной безопасности и продовольственной независимости страны; потребность в эффективном освоении и использовании пространства страны, преодолении диспропорций территориального развития. В этом документе отмечено, что обозна-

ченные и другие вызовы «создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления, но одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив научно-технологического развития Российской Федерации» [2].

Нельзя не указать на еще один нормативный документ – Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором обозначены ведущие цели национального развития на ближайшие 6 лет и названы соответствующие направления разработки приоритетных проектов, включающие демографию, здравоохранение, образование, жилье и городскую среду, экологию, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержку занятости, науку, цифровую экономику, культуру, малое и среднее предпринимательство, международную кооперацию и экспорт [3]. Отметим, что названные документы выступают органическим продолжением друг друга, в своей совокупности они задают проблемное поле для теоретических изысканий и разработки практических проектов, касающихся ключевых сфер жизни граждан России.

Следует также обратить внимание на тот факт, что разработка стратегий развития в нашей стране существенно отличается от разработок, осуществляемых в западных странах. Так, Т. А. Нестик на основании проведенного экспертного опроса акцентирует внимание на следующих отличиях: условия осуществления стратегирования – высокая политическая и законодательная нестабильность; необходимость учета значительного количества факторов и сценариев; весомый скепсис по отношению к прогнозам и прогностическим технологиям; высокая зависимость будущего от факторов неэкономического характера, среди которых особо выделены связь с властью и коррупция. Им же отмечены ведущие барьеры стратегирования, к которым отнесены неразвитость навыков стратегического мышления; довольно высокий уровень неопределенности экономической и политической ситуации; стремление получить сиюминутную выгоду; отсутствие системных начал в стратегическом планировании компаний; необоснованный оптимизм; перегруженность оперативными (тактическими) вопросами; наконец, отсутствие связи между управлением рисками и оценкой деятельности руководителей [4, с. 137]. Обозначенные факторы существенно затрудняют выстраивание стратегического планирования, способного дать весомые результаты.

Поле наших исследовательских интересов стали вопросы «регионального стратегирования» – аналитической репрезентации процесса подготовки и реализации стратегического планирования социального развития отдельных субъектов Российской Федерации, в частности, входящих в Центральное Черноземье, а также российского макрорегиона в целом.

Оценка общего фона развития, учет внешних и внутренних вызовов нашей страны указывают на тот факт, что к настоящему времени в определенной мере произошла дезактуализация стратегий регионального развития, разработанных в первом десятилетии нового века. Кризисы 2008–2009 гг. и более поздних периодов привели к фактическому отклонению траектории развития от исходных целевых ориентиров. В настоящее время в большинстве регионов разрабатываются новые стратегии, к их созданию привлекаются как внешние, так и внутренние специалисты, проживающие в самих регионах.

Базовая гипотеза данной работы состоит в следующем. На наш взгляд, об эффективности стратегий социально-экономического развития регионов можно вести речь при следующих трех условиях:

- максимального учета совокупности социокультурных условий и определении соответствующих приоритетов и конкурентных преимуществ развития территориальных общностей;

- соблюдении принципа преемственности стратегий;

- актуализации вопроса о субъекте стратегического развития.

Ключевыми теоретико-методологическими подходами исследования выступают антропный (антропосоциетальный), цивилизационный, социокультурный, структурно-функциональный и субъектно-деятельностный подходы. Исходным подходом при этом является антропный подход, опирающийся на социокультурную парадигму паритетности и взаимопроникновения общества (социальности) и культуры (Н. И. Лапин). В данном подходе, получившем свое развитие в идее антропосоциокультурного эволюционизма, находят свое обоснование следующие установки в понимании социокультурной системы: принцип противоречивости функций социального действия, принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социума, принцип неполноты антропосоциетального соответствия, принцип неустойчивости антропосоциетального равновесия, принцип бинарной противонаправленности социетальных процессов и взаимобратимости их роли [5, с. 5–7]. Нарушение данных принципов создает ситуацию рисков, что грозит установлению нового устойчивого состояния или разрушением системы. Важным методологическим основанием проекта выступает также социокультурный подход, нацеливающий на изучение региона как территориального сообщества, образуемого в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, выполняющего по отношению к ним и к обществу определенные функции и являющегося средой, мотивирующей социальных акторов.

Эмпирической основой данной работы стали методы количественной и качественной стратегии социологического исследования: анализ статистических данных, формализованное (стандартизированное) интервью, проведенное в мае-июне 2018 г.), информационный аудит он-лайн ресурсов и региональных СМИ.

Сфокусируем внимание на возможностях и проблемах социокультурного развития регионов Центрального Черноземья, которые находят отражение, в частности, в стратегиях социально-экономического регионального развития. В каждой из стратегий акцентируется внимание на развитии тех сфер экономики, которые в максимальной мере соответствуют природоресурсному и человеческому потенциалу данного региона. Если попытаться проявить общие конкурентные преимущества развития данного макрорегиона, то они состоят в следующем: выгодное территориально-географическое расположение и благоприятные климатические условия; весомая природоресурсная база для развития энергетики, металлопроизводства и производства сельскохозяйственной продукции; наличие центров компетенции по разработке инновационной продукции в ряде промышленных производств; наличие производственных площадей и обширных земельных участков под размещение промышленных объектов; наличие научно-исследовательских, инженерных и трудовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов; возможность обеспечения инвестиционных проектов инженерной и энергетической инфраструктурой. Однако при этом в регионах фиксируется слабая инвестиционная и инновационная активность; невысокая эффективность производства; дозагрузка производственных мощностей; высокий уровень износа основных фондов (он доходит до 50 %), а также устаревшие технологии производства [6].

Заметим при этом, что фактор промышленного развития регионов выступает весомым звеном в осуществлении модернизационных процессов, задающих ориентиры стратегий. Нельзя не признать, что данные процессы происходят в регионах неравномерно. И в связи с этим конструктивной видится типология регионов Центрального Черноземья, предложенная Н. Д. Нечаевым. Прежде всего, он предложил ряд типов моделей управления территориями, начало формирования которых отнесено к середине первого десятилетия нового столетия. Соответственно *Белгородская область* характеризуется реализацией мобилизационной модели с высокой степенью инноваций, для *Липецкой области* присуща реализация инновационной модели с элементами мобилизационной модели; *Курская и Орловская области* связаны с реализацией согласительной модели, *Тамбовская область* ориентирована на комбинированную модель с мобилизационным трендом и инерционными тенденциями, наконец, *Воронежская область* причислена в данной типологии к областям, где ведущим трендом выступает инерционная модель [7, с. 58]. С данными моделями управления в определенной мере связаны и индустриализационные процессы. Так, «новая» индустриализация разворачивается в Белгородской и Липецкой областях (в ЦФО данному тренду следует также Калужская область), в Курской и Тамбовской областях осуществляется реиндустриализация (в ЦФО к данным областям причислены также Московская и Тульская области). Наконец, деиндустриали-

зация находит свое проявление в регионах так называемого «ржавого пояса» – Воронежской и Орловской областях (в ЦФО данному тренду следуют также Ивановская, Брянская, Смоленская, Тверская, Владимирская и Костромской области, с 2017 г. этот тренд удалось преодолеть Рязанской и Ярославской областям) [8]. Мы видим, что реализация региональной государственной промышленной политики в регионах ЦЧ имеет весомые различия, что обусловлено комплексом экономических, политических, правовых и управленческо-организационных факторов.

Контент-анализ текстов стратегий развития регионов Центрального Черноземья, разработанных до 2010 года, свидетельствует о том, что в четырех из шести документов в качестве цели указано *повышение качества и уровня жизни населения*, в трех указано на необходимость *повышения конкурентоспособности*, в двух – на *развитие и использование человеческого потенциала*. Ряд ключевых задач в рассматриваемых стратегиях сформулирован буквально под копирку, что обуславливает явную оторванность стратегий от действительных реалий. При этом цель как одна из ведущих составляющих развития регионов в большинстве стратегий была обозначена по шаблону, в соответствии с типовым макетом программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации, который не способен охватить реалии функционирования и развития региона с его собственным ресурсным потенциалом.

Но есть и существенные подвижки. Так, в июне 2018 года в Тамбовской области была принята новая стратегия – «Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года». В разработке данного документа активное участие приняли общественные и научные организации, а также предприятия и инвесторы, муниципальные образования и сами жители Тамбовской области. Отметим, что в этой стратегии максимально учтены основные положения общероссийских стратегических документов, подведены предварительные итоги реализации Стратегии регионального развития до 2020 года. В данном документе довольно отчетливо прописаны риски и угрозы реализации ключевых направлений стратегии, касающиеся практически всех регионов ЦЧ: общее снижение трудоресурсного потенциала; территориальный дисбаланс в размещении спроса и предложения трудовых ресурсов; загрязнение природной среды; износ основных фондов промышленного производства; низкая платежеспособность населения в целом; высокая дифференциация населения по уровню доходов; неразвитость инфраструктуры по коммерциализации инновационных разработок; внутренние и внешние угрозы продовольственной безопасности; технологическое отставание систем инженерных инфраструктур; низкий спрос на инновации со стороны бизнеса. И вместе с тем здесь отчетливо обозначены ведущие направления социально-экономического регионального развития: 1. Социальная модернизация на базе созда-

ния конкурентной среды, инноваций и цифровизации социальной сферы; 2. Обеспечение комфортной и здоровой жизни населения на основе удобной и доступной инфраструктуры, благоприятной для проживания окружающей среды; 3. Новая индустриализация, переход к цифровой и постиндустриальной экономике [9]. Есть основания полагать, что новая стратегия регионального развития, имеющая, на наш взгляд, ряд преимуществ по сравнению с предыдущей, станет эффективным документом социально-экономического развития. Важно, чтобы в ней оказались тесно увязанными между собой как стратегические, так и тактические положения. Ведь, как отмечал известный китайский полководец Сунь Бин, «Стратегия без тактики – это самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии – это просто суета перед поражением».

Утверждение реалистической стратегии развития требует активного вовлечения граждан российских регионов как в осуществление выбора стратегии территориальных сообществ, так и в ее реализацию. Как мы убедились ранее, данная установка была успешно воплощена в тамбовской стратегии. А как дела обстоят в других регионах? Насколько известно, к разработке новых стратегических документов регионального развития привлекаются как представители местных научных сообществ (например, в Воронеже), а также внешние специалисты (к примеру, в Орловской и Курской областях). В полевом социологическом исследовании, проведенном в мае-июне 2018 года на территории Курской области (N = 550), нами было предложено по пятибалльной шкале оценить важность развития конкретных компонентов человеческого потенциала в регионе. Наивысшей оценкой был оценен *трудовой потенциал* (трудовые способности жителей региона) – 4,2 балла. Это неудивительно, ведь свои перспективы проживания в регионе его жители оценивают, прежде всего, исходя из возможности быть трудоустроенным и получать адекватное материальное вознаграждение за свой труд. Второе место было отведено *интеллектуальному потенциалу* (накопленным знаниям, навыкам и умению применить их на практике) – 4,1 балл. Данная оценка указывает на весомую роль образовательных учреждений, особенно университетов, в которых осуществляется накопление данного вида капитала. На третьем месте, с некоторым приближением, по сути, оказались остальные четыре из предложенных нами к оценке компонентов человеческого потенциала – *научно-исследовательский* (научно-исследовательские ресурсы, знания, научные и образовательные центры), *инвестиционный* (способность осуществлять инвестиции в конкурентоспособные сферы развития региона), *инновационный* (способность региона создавать новые продукты, услуги, разрабатывать и применять на практике новые технологические процессы) и *творческий* (творческие способности и качества индивидов, которые можно применить на рынке труда региона) потенциалы развития региона – 3,8 балла. Очевидно, жители региона ин-

туитивно сформировали спрос на сбалансированное развитие компонентов человеческого потенциала, что, безусловно, следует отразить в стратегиях развития субъектов Российской Федерации.

Особое внимание в нашем исследовании было уделено развитию муниципалитетов, представленных, в частности, такими муниципальными образованиями, как города Курск и Курчатов. Для нас представлял интерес вопрос о том, кого респонденты видят в качестве субъектов разработки стратегии муниципалитетов (ответы на открытый вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, должен участвовать в разработке стратегии социально-экономического развития Вашего города?»). Палитра субъектности оказалась довольно широкой: администрация города, активные граждане, горожане, преподаватели вузов, эксперты, органы местного самоуправления, специалисты, молодежь и т. д. Представители бизнес-сообщества, правда, при этом названы не были. Вместе с тем ответы свидетельствуют о важности постановки вопроса о субъекте стратегического развития, точнее, о сборке субъектов стратегирования, о необходимости их солидарного взаимодействия и сотрудничества. В качестве приоритетов стратегии муниципалитетов (ответы на открытый вопрос: «Какие вопросы, на Ваш взгляд, должны быть в первую очередь отражены в стратегических документах развития Вашего города?») были обозначены такие, как повышение уровня жизни, трудоустройство, создание комфортной среды проживания, развитие дорожной инфраструктуры, повышение качества медицинского обслуживания, развитие среднего и малого бизнеса, создание новых предприятий, вопросы культуры, образования и обеспечения безопасности граждан. Обозначенный спектр вопросов нельзя характеризовать как широкий, вместе с тем он отчетливо проявляет видение ведущих направлений социокультурного развития территориального сообщества его представителями.

Мы полагаем, что повышению субъектности стратегий регионального и муниципального уровней может способствовать широкое применение краудсорсинговых технологий. Результатами внедрения краудсорсинга для органов власти регионов Центрального Черноземья могут стать: позитивный политический имидж регионов за счет улучшения взаимодействия с потребителями государственных услуг; позитивный управленческий имидж вследствие внедрения современных управленческих технологий; создание и пополнение банка инновационных и реалистичных идей; формирование команды профессиональных и общественных экспертов; оптимизация сроков поиска новых решений и подготовки документов, имеющих принципиальное общественное и профессиональное значение; повышение эффективности бюджетных расходов; а также выстраивание конструктивного взаимодействия представителей близлежащих регионов.

При этом следует указать на важность осуществления ориентации на прорисовывание четко артикулированных и вместе с тем реализуемых

стратегий развития как каждого отдельного региона, так и макрорегионов. Такой подход может способствовать поиску оптимальных форм и разработке соответствующих социальных технологий, аккумулирующих человеческий потенциал региона для реализации структурных трансформаций, задающих действительные перспективы социокультурного развития территориальных общностей.

Практическое значение полученных результатов видится нами в их потенциальном влиянии на официальное принятие новых стратегических документов регионального развития, на формирование позитивного имиджа руководителей территориальных образований.

Список источников и литературы

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон № 172 от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 15.05.2018).

2. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 17.05.2018).

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 17.05.2018).

4. Нестик, Т. А. Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт / Т. А. Нестик // Экономические стратегии. – 2014. – № 2. – С. 134–141.

5. Лапин, Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2018. – № 3 (407). – С. 3–14.

6. Уварова, А. Я. Методы и механизмы государственной поддержки развития промышленности на уровне региона (на примере Орловской области) / А. Я. Уварова, Н. И. Рябина, А. Н. Рязанцева // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 39. – С. 44–55.

7. Нечаев, Д. Н. Экономические и социальные модели управления территориями, типы региональных политических режимов: Сравнительный анализ: (На примере областей ЦЧР) / Д. Н. Нечаев // Региональные политические институты в социально-экономическом развитии территорий: Российская и зарубежная специфика. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – С. 58–77.

8. Нечаев, Д. Н. О «ржавом поясе» ЦФО: Особенности промышленной деиндустриализации территорий Центральной России в 2001–2017 гг. / Д. Н. Нечаев, Е. С. Селиванова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 61–80.

9. О стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года: Закон Тамбовской области от 4 июня 2018 г. № 246-З [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/550113760> (дата обращения: 20.06.2018).

**СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА**

**CREATING AN EFFECTIVELY PERFORMING SYSTEM
OF COMMUNITY SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT
OF REGIONAL SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT**

**В. И. Мосин
Vasily I. Mosin**

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия),
Тульский социологический центр (Тула, Россия)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia),
Tula Sociological Center (Tula, Russia)*

***Аннотация.** Эффективность деятельности органов территориального общественного самоуправления во многом зависит от инициативной и качественной работы председателей, активистов, старших по домам и рядовых граждан. Необходима постоянная связь между элементами этой вертикали и тесное взаимодействие по вопросам местного значения в рамках социокультурного развития региона. В Тульской области такая работа ведётся более десяти лет и получены хорошие результаты.*

***Abstract.** Effective performance of local government at community level strongly depends on ambitious and robust efforts of chairmen, activists, senior tenants and ordinary citizens. There is an urgent need in continuing links between the elements of this hierarchy and their close cooperation on improving the living environment within the framework of the regional sociocultural development program. Tulsckaya Oblast demonstrates more than ten-year experience of such efforts and their successful results.*

***Ключевые слова:** территориальное общественное самоуправление, эффективность деятельности, социокультурное развитие региона.*

***Keywords:** community self-government, effective performance, regional sociocultural development.*

Территориальное общественное самоуправление через выражение гражданами активного участия в решении вопросов местного значения даёт возможность гражданам влиять на социокультурную ситуацию в регионе, городе, на их территории деятельности. Сейчас территориальное общественное самоуправление – одна из наиболее современных форм самоорганизации граждан, которая при грамотном управлении способна с большой эффективностью решать вопросы местного значения на определённой территории.

Предназначение ТОС – наладить совместную с муниципалитетом работу на благо своей территории и ее жителей. Цель деятельности ТОС – формирование сообществ, куда входят жители двора или нескольких дворов, в сознании которых общность с некоторой территорией имеет определённую значимость, а так же потребность в чистоте и уюте, в безопасности на своей территории, желание сохранить, приумножить и приукрасить. Таким образом, ТОС – это особый институт гражданского общества.

В настоящее время ТОС развито в 5 территориальных округах муниципального образования город Тула, общее количество составляет 117 ТОС, 26 из которых имеют статус юридического лица. Предварительный анализ деятельности Тульских ТОС показывает, что эффективность деятельности ТОС на местах очень различна, она обусловлена не полным владением нормативно правовой базой, стремлением руководства ТОС в поиске механизмов оценки эффективности деятельности ТОС.

Для изучения работы ТОС Автономной некоммерческой организацией «Центр правовой помощи «Паллада»» был проведён анализ нормативно-правовых актов регулирующих деятельность ТОС на территории МО г. Тула и организационной документации 15 ТОС для выявления критериев оценки деятельности ТОС для подготовки социологического исследования методом экспертного опроса. Обычно опрашивают 10 % от общего количества организаций (12 ТОС). Так как социологическое исследование по данной теме проводится впервые, то для подстраховки решили взять 15 ТОС и 150 экспертов. Сами организации ТОС были разбиты на 3 группы: преимущественно многоэтажные дома, преимущественно частный сектор и смешанные (примерно в равных пропорциях многоэтажные дома и частный сектор).

Для изучения правовой базы проанализированы нормы Федерального законодательства и Законодательства Тульской области по вопросам деятельности территориального общественного самоуправления:

- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»;
- Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

Проанализированы действующие нормативно-правовые акты г. Тулы по вопросам деятельности территориального общественного самоуправления, а именно:

– решение Тульской городской Думы от 31.01.2018 № 47/1158 «О внесении изменения в решение Тульской городской Думы от 22.11.2006 г. № 22/424 "О Положении "Об организации и осуществлении территориального общественного самоуправления в муниципальном образовании город Тула"»;

– также проанализирована организационная документация 15 ТОС г. Тулы.

По результатам анализа установлено следующее.

Суть и проблематика деятельности территориального общественного самоуправления четко определена в российском законодательстве и нормативных актах МО Г. Тулы.

Можно выделить несколько ключевых характеристик территориального общественного самоуправления:

Во-первых, ТОС – это форма участия населения в осуществлении местного самоуправления, основанная на самоорганизации граждан по месту их жительства, и то же время ТОС – это институциональная форма самоорганизации населения.

Во-вторых, ТОС осуществляется на части территории муниципального образования. Чаще всего – на территориях микрорайонов, кварталов, улиц.

В-третьих, ТОС предполагает самостоятельное и под свою ответственность осуществление населением собственных инициатив, когда ТОС не находится в иерархических связях с какими-либо структурами, обеспечивает соответствие своей деятельности только нормам права и должно быть гарантировано от вмешательства извне.

В-четвертых, сфера компетенции ТОС ограничена вопросами местного значения.

В-пятых, ТОС может осуществляться непосредственно населением путем участия в собраниях (сходах) и конференциях, проведения опросов и иных форм непосредственной демократии, а также через органы территориального общественного самоуправления.

Если граждан, проживающих на территории ТОС и объединившихся для осуществления общественного самоуправления, можно назвать территориальным сообществом, то орган ТОС можно определить как избранный членами территориального сообщества орган, выполняющий представительные и организационно-распорядительные функции по осуществлению инициатив членов территориального сообщества в вопросах местного значения в границах территории, на которой осуществляется ТОС.

Территориальное общественное самоуправление считается учрежденным с момента регистрации устава территориального общественного СА

моуправления уполномоченным органом местного самоуправления соответствующих поселений, внутригородской территории города федерального значения, городского округа, внутригородского района. ТОС в соответствии с его Уставом может являться юридическим лицом и подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации в установленном законодательством порядке.

Гипотеза исследования

Степень эффективности работы ТОС во многом зависит от теоретической подготовки и практического опыта работы председателей ТОС, членов комитетов ТОС и старших по территории.

Под понятием **эффективность деятельности ТОС** понимается – способностью организации формулировать свои цели с учетом внешних и внутренних условий функционирования и достигать поставленных результатов в решении вопросов местного значения путем использования высокого уровня социальной активности граждан – членов территориального сообщества.

Соответственно данной формуле были сформулированы два основных направления исследования, а именно исследование внутренних процессов в организации ТОС и внешних процессов деятельности ТОС, наличие планов по устойчивому развитию территории.

Для устойчивого развития города, таким образом, необходимо сбалансированное и эффективное взаимодействие трех городских подсистем: экономики, социальной структуры, экологии и материально-пространственной среды (структуры) города.

Под внутренними процессами в деятельности организации ТОС понимаются процедуры, которые организация ТОС должна соблюдать в соответствии со своим уставом, вопросы планирования деятельности ТОС, управляемости процессами ТОС, ведения финансовой деятельности.

По внутренним процессам оценивались следующие направления:

- проведения выборов в ТОС и организация встреч с населением;
- обучение и повышение квалификации актива ТОС;
- планирование деятельности ТОС;
- управление процессами внутри ТОС;
- бюджетирование, источники финансирования деятельности;
- контроль за исполнением бюджета (финансовый аудит).

Под внешними процессами в деятельности организации ТОС понимаются прежде всего отражение способности ТОС решать вопросы местного значения, то есть внешнее отражение внутренних процессов деятельности ТОС.

По внешним процессам оценивались следующие направления:

- участие в развитии территории;
- участие ТОС в подготовке нормативно-правовых актов органов местного самоуправления;

- контроль за процессами на территории ТОС;
- спортивно-массовая, культурно-досуговая работа с населением;
- коммуникации; информирование населения;
- региональная кооперация, социальный капитал.

По результатам исследования можно отметить положительную динамику развития организаций ТОС в г. Туле. ТОС проявляют хорошую активность в решении некоторых вопросов местного значения в части благоустройства территорий и контроля над состоянием территорий. Но при этом для увеличения социального капитала своих территорий деятельности не всегда ведёт региональную кооперацию для взаимодействия по решению вопросов местного значения с другими ТОС и общественными объединениями. ТОС активно использует ресурсы сторонних организаций для повышения квалификаций актива ТОС, однако четкого плана в этой сфере у ТОС нет, и они зависят сильно от предложений сторонних организаций.

Управляемость процессами внутри ТОС можно признать удовлетворительной, все основные сложности, связанные с управляемостью процессами внутри ТОС возникают в связи с отсутствием долгосрочного планирования деятельности организации ТОС и слабо развитой системы современных способов коммуникации с населением, проживающим на территории ТОС.

Для устранения трудностей и более эффективной работе на своих территориях организациям ТОС необходимо выстраивать системную кадровую работу.

Эффективное самоуправление подразумевает достаточно высокий уровень социальной активности граждан – членов территориального сообщества в общественных делах, в том числе в управлении делами сообщества. Но не менее важно наличие грамотных профессиональных управленцев (освобожденных от иных видов труда), которых можно выбирать их числа членов ТОС или нанимать в интересах территориального сообщества. Но хорошему наёмному специалисту надо и хорошо платить, чтоб его привлечь (сначала) и удержать. А ТОСы сегодня такими возможностями ещё не располагают.

Выход видится только один – подготовить управленцев из членов сообщества. Но ведь и качественная подготовка нужного специалиста тоже стоит недёшево. Поэтому сегодня крайне необходимо развивать систему центров подготовки и переподготовки кадров для ТОС. В Тульском регионе одним из таких центров является «Общественный ресурсный центр города Тулы» находящийся в муниципальном образовании город Тула. Это площадка где представители ТОС могут системно повышать не только управленческую грамотность, но и получать необходимые актуальные знания и навыки. Эти знания и навыки помогают осознавать свои интересы, заявлять о них, переводить проблемы в конкретные действия по их ре-

шению. На базе этой площадки вызревают предпосылки уже для квалифицированных управленческих совместных действий в партнерстве с муниципальными службами и ведомствами для достижения долгосрочного и социально значимого результата.

Получаемые знания, а также опыт маленьких побед убеждает и ведет к развитию умения использовать местные ресурсы для достижения общественно значимых целей. На локальном уровне вмешательства небольшого масштаба могут открывать возможности для улучшения своих условий жизни, социального статуса для того, чтобы достичь нового уровня в своем развитии, что непременно отразится на социокультурном развитии территории деятельности ТОС.

**ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ПОЛИГОН РОССИЙСКИХ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК¹****TYUMEN REGION AS A TESTING GROUND FOR RUSSIAN
MANAGEMENT INNOVATION PRACTICES**

Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко
Gulnara F. Romashkina, Vladimir A. Davydenko

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)
Tyumen State University (Tyumen, Russia)

Аннотация. За двадцать пять лет, прошедших в непрерывно продолжающемся российском трансфере к рыночной экономике, Тюменская область отличается существенными управленческими инновациями. Некоторые управленческие инновации остались региональными практиками, некоторые являются спорными с точки зрения действующего законодательства, мировых практик поддержки экономического развития, но многие из этих новаций были тиражированы в масштабах всей России. Тюменская область, это регион, элиты которого смогли инвестировать в качество региональной жизни стратегические, географические и исторические преимущества. В первую очередь это обусловлено соседством с нефтегазодобывающими гигантами, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономным округом. Сделан вывод, что именно опыт Тюменской области по диверсификации экономики, поддержке социальной сферы и инвестиций является позитивным сигналом для всех управленческих элит современной России. Одновременно в модели развития региона проявляются основные институциональные проблемы России, которые могут послужить тормозом для дальнейшего развития.

Abstract. In the twenty-five years that have passed in a continuously operating Russian transfer to a market economy, the Tyumen Region is marked by significant managerial innovations. Some managerial innovations have remained regional practices, some are controversial from the point of view of current legislation, world practices of supporting economic development, but many

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 16-03-00500, «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства: на примере Тюменского региона».

of these innovations have been replicated throughout Russia. The Tyumen region is a region whose elites were able to invest in strategic, geographical and historical advantages in the quality of their regional life. First of all, this is due to the neighborhood with the oil and gas producing giants, the Khanty-Mansiysk and Yamal-Nenets autonomous regions. It was concluded that the experience of the Tyumen region in diversifying the economy, supporting the social sphere and investment, which is a positive signal for all managerial elites of modern Russia. The main institutional problems of Russia were manifested in the regional development model, which can serve as a brake on further development.

Ключевые слова: регион, инновации, управление, инвестиции, качество жизни, элиты, социально-экономические, нефтегазовая рента.

Keywords: region, innovation, management, investment, quality of life, elites, socio-economic, oil and gas rent.

Введение. Тюменская область – регион России, традиционно связанный в общественном мнении с производством нефти и газа и соответствующими нефтегазовыми доходами. Тюменская область одновременно превратилась в инкубатор управленческих элит и территорию апробации практически всех федеральных программ. Так, губернаторы Тюменской области С. С. Собянин, В. В. Якушев перешли в Москву для руководства на федеральном уровне. Представители региона занимают самые высокие посты в руководстве соседних регионов, городов, макрорегиона. Тюмень неоднократно занимала ведущие позиции в России по качеству жизни, «Тюмень названа лучшим городом России по качеству жизни» [1, 2]. «Тюменская область стала первой в «Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ» [3].

Что это – успешный пиар, или реальные управленческие достижения? На наш взгляд, имеет место и то, и другое. Имидж региона нефтегазовой столицы постепенно трансформируется в имидж региона с одной из самых качественных в России систем управления. Нефтегазовая рента как основа экономики характеризует всю Россию. Но именно в Тюменской области на протяжении 25 лет предпринимаются огромные усилия по инвестированию этой ренты в социальное и экономическое развитие региона.

Методика и источники данных. В работе используются материалы мониторинга «Социокультурный портрет Тюменской области» при поддержке РГНФ (РФФИ), Тюменской областной Думой [4, 5]. Эмпирические данные представляют Тюменскую область без автономных округов (без АО или юг) за 12 лет. Выборки приведены в табл. 1. Выборки многоступенчатые, гнездовые, с контролем по территории проживания, репрезента-

тивны по половозрастной структуре, типу поселения и образованию, со случайным отбором внутри гнезда, с ошибкой выборки по одному признаку 2,5%, см. рис.1, рис.3.

Таблица 1

Объем выборок, привлекаемых к анализу данных, кол-во человек

	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Тюменская область	1715	1560	1271	2335	1422	1640	1610

Также привлекались статистические данные (рис. 2) SWOT-анализ развития региона, контент-анализ посланий губернатора Тюменской области за 2000–2018 гг., анализ периодической прессы на основе властно-ориентированного подхода.

Рис. 1. Индексы качества жизни по шкале от 0 (минимум) до 1 (максимум), составляющие индекса социального самочувствия и институционального доверия по итогам опроса 2018 г. (май-июнь), выборка 1610 чел. 33,6 % сельское, 66,4 % городское население, Тюменская область (без АО); ошибка выборки по одному признаку 2,5 %

Обсуждение результатов. Наши исследования проводимые по программе «Социокультурные портреты регионов России» [4] за период 2006–2018 гг., подтверждают высокий уровень качества жизни в регионе (рис. 1). Индекс социального самочувствия жителей региона за 12 лет наблюдений вырос с 0,53 до 0,62, если измерять его в диапазоне от 0 (мини-

мум) до 1 (максимум) (рис. 2) [5]. Последнее демонстрирует уверенность в улучшении жизни в ближайшие годы, веру граждан в обещания власти.

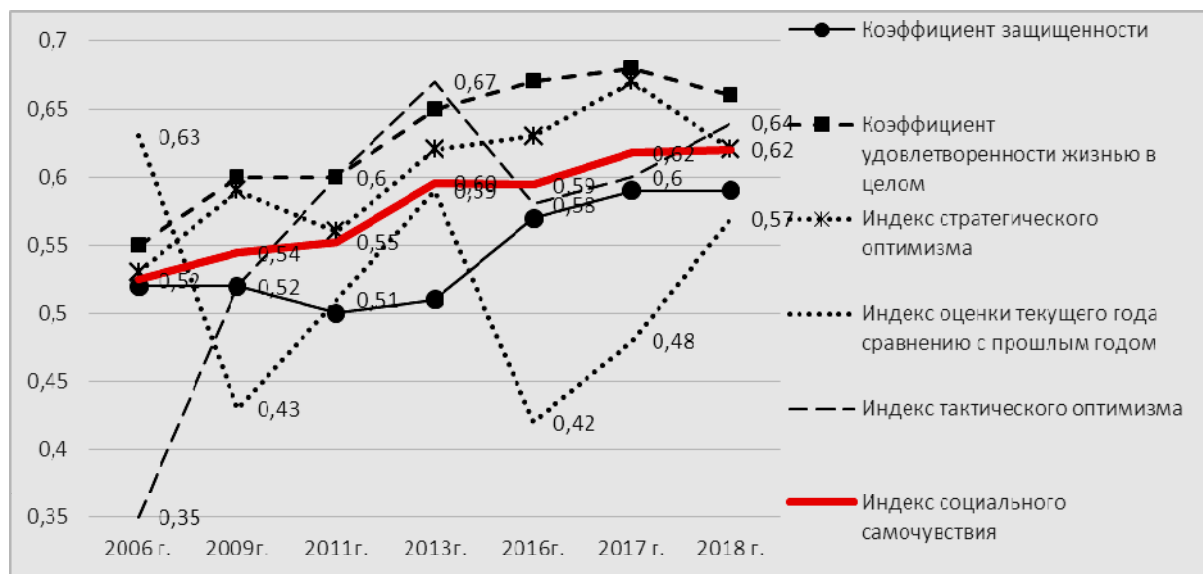

Рис. 2. Динамика составляющих индекса социального самочувствия в Тюменской области (без автономных округов)

Тюменская область (без АО), это далеко не самый богатый регион России. Основной вклад в ВВП России по прежнему вносят такие гиганты, как Москва, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра (ХМАО-Югра), Московская область, Санкт-Петербург и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). Роль Тюменской области в совокупном ВВП России все годы не превышала 1,6 %, и в динамике снижается (рис. 3) правая ось.

Динамика валового регионального продукта (в % к предыдущему году (рис. 3), левая ось) Тюменской области (без АО) крайне неустойчива. Аналогичные показатели для Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) также имеют тенденцию к снижению, но значительно более устойчивы. Снижение темпов роста экономики в России за указанный период имеет общий характер, но Тюменская область отличается значительно большим разбросом показателей динамики, что характерно для рентозависимой экономики (рис. 3).

Индустриальный сектор Тюменской области (без АО) базируется на нефтегазовой промышленности: около 80 % отгрузки продукции – собственной переработки. Монопрофильная нефтегазовая направленность роднит юг области со стратегическими гигантами ЯНАО и ХМАО-Югрой. Вместе с тем, в основном это уже не нефть и газ как первородное сырье, а продукты их переработки; кроме того, регион имеет пищевую промышленность, машиностроение, строительную индустрию, активы различных металлургических холдингов. Индивидуальность Тюменской области вы-

ражена ярче всех в строительстве по вводу жилья: по итогам 2016 г. на юге введено почти 1,7 млн кв. метров жилья, в то время как в ХМАО – только чуть более 0,84 млн кв. метров, то есть в 2 раза меньше [6].

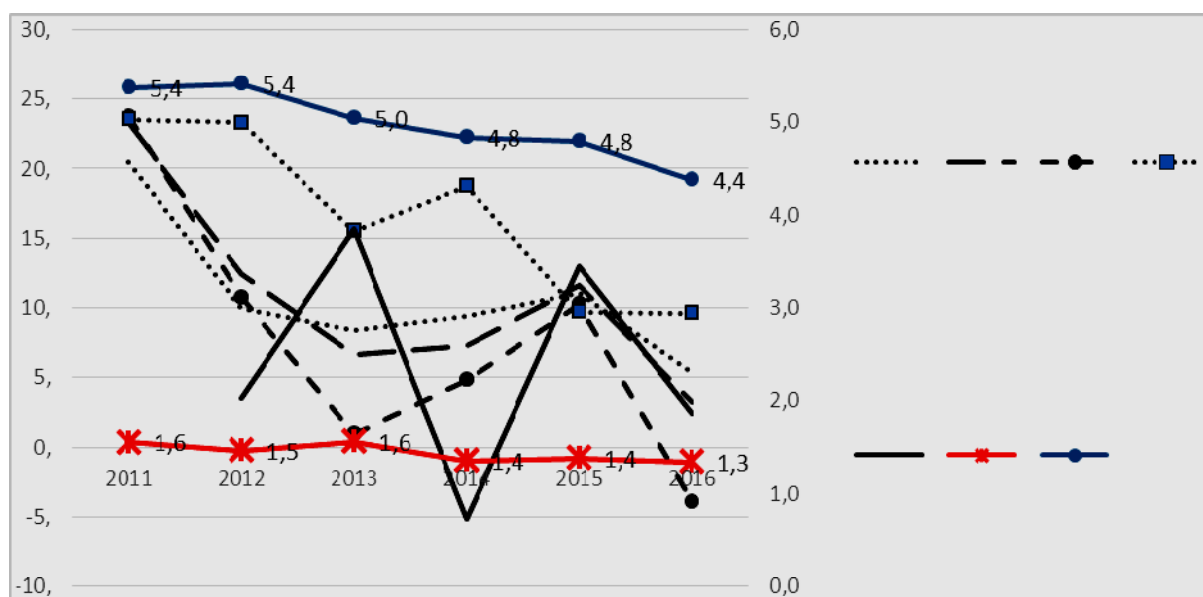

Рис. 3. Динамика ВВП: Россия в целом, УрФО, ЯНАО, ХМАО-Югра, Тюменская область (без АО), в % к предыдущему году (левая ось); ХМАО-Югра и Тюменская область (без АО) в % к ВВП России (правая ось)
 Источник: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/ru/statistics/
 (18.07.2018)

Текущие социально-экономические преимущества Тюменского региона складывались в течение многих десятилетий. После геологических открытий месторождений нефти и газа началось промышленное освоение территории в 1960-х годах. Имеет значение, что покорители Тюменского севера проявляли героические образцы профессиональной и самоотверженной работы, когда трудовые подвиги и комсомольские стройки были рядовым явлением [7]. В это время был создан имидж сибирского комсомольского характера, отражающего стойкость духа первопроходцев. Именно в это время укоренялись и институционализировались технологические принципы работы геологов, нефтяников и газовиков применительно к управленческой и социальной сферам, на основе хорошо себя показавших порядков и кадров, которые чётко работают в командной системе. Начиная с середины 1960-х годов, город Тюмень стал региональным хабом – достаточно крупным перегрузочным и пересадочным транспортным узлом, имеющим выгодное географическое положение, с необходимым набором сервисов; и потому воспринимался лишь как город-функция, обслуживающая всем необходимым для производства нефти и газа северные территории. В 1993-м году северные территории получили автономию – со своими органами власти и своими бюджетами, а Тюмень осталась про-

винциальной столицей. Все годы после 1990-х в региональной управленческой повестке стоял актуальнейший вопрос: что будет с бюджетом региона после того, как из региона уйдут «северные нефтяные деньги». Такая постановка проблем обусловила запуск в регионе по меньшей мере трех волн управленческих новаций, в настоящее время реализуется четвертая.

После избрания главой Тюменской области в 2001 году, С. С. Собянин стремился интегрировать ХМАО, ЯНАО и юг Тюменской области на базе создания союза трёх губернаторов и общего инвестиционного фонда. В Тюменскую областную думу было представлено соглашение о единой социально-экономической политике трёх субъектов РФ на всей территории сложносоставного региона. В регион вернулись штаб-квартиры «Лукойла» и «Тюменской нефтяной компании», пришли нефтесервисная компания Schlumberger; крупные ритейлеры; McDonald's; частные инвесторы, которые вложились в жилищное строительство; стартовал амбициозный проект Антипинского нефтеперерабатывающего завода, а для любого региона собственный НПЗ – это не только нефтепереработка и рабочие места, и также серьёзные налоги в местный бюджет.

Таким образом, первая новация связана с уникальным механизмом управленческого и финансового функционирования сложносоставного субъекта РФ, программа «Сотрудничество», которая несколько раз продлялась, редактировалась, но остается актуальной до сих пор до сих пор. Главная и уникальная для России черта этой программы – ее договорная природа. То, насколько такая программа согласуется с действующей конституцией России и действующим административно-территориальным делением, остается «за скобками» официальных отчетов. Можно отметить только три группы таких несоответствий: губернатор Тюменской области и ее Дума избираются на территории сложносоставного субъекта, а управленческие функции осуществляются только в Тюменской области без автономных округов. Северные автономные округа имеют свои Думы, губернаторов и Правительства, неподотчетные и независимые от Тюмени, к тому же значительно более бюджетно и ресурсно обеспеченные. Органы государственной статистики на территории региона и все соответствующие виды отчетности сначала были разъединены на три субъекта, а потом снова объединены, что привело к неравномерности статистической отчетности в регионе. Тем не менее, сегодня уже практически все стороны признают успешность программы «Сотрудничество», которая прекратила череду региональных управленческих «войн», при этом сохранила единую социальную ткань региона. Действительно, только окончательно разъединившись, элиты смогли действовать объединено. В пятилетний период губернаторства С. С. Собянина перераспределение доходов в пользу областного центра отчасти стимулировало социальную сферу жителей региона, появился значимый рост уровня и качества жизни населения; отре-

монтированы старые и построены новые дороги, модернизирован аэропорт Рощино, реконструирован автовокзал железнодорожный вокзал, из центра Тюмени был вынесен вещевой рынок, разбит городской бульвар, разработан и начал внедряться новый генеральный план города, предусматривающий рост населения до миллиона человек. В качестве реального результата показателен рост бюджета Тюменской области с 10,5 млрд руб. до 119,9 млрд руб., направленный в основном на социально-экономические преобразования [8]. Благодаря выбранным приоритетам программы «Сотрудничество», таких, как поддержка переселения пенсионеров на юг региона, формирование образовательного и медицинского центра, в Тюмени, строительство и ремонт дорог, сохраняются самые высокие в России цифры по вводу жилья на человека, качественные по российским меркам дороги, высокотехнологическая медицинская помощь, региональная поддержка университетов в Тюмени, Сургуте, Ханты-Мансийске. В социальной сфере Тюменской области имеется целый ряд безусловно позитивных тенденций: стабилен естественный прирост населения, растет количество многодетных семей, продолжительность и качество жизни.

Вторая волна управленческих инноваций была связана с переводом «локуса контроля» на социальную сферу значительно раньше, чем это было сделано в целом по России. Именно в Тюменской области был запущен пилотный проект по модернизации муниципальной сферы, трансформации системы льгот, формировании МУПов, выработке новых для российского бюджета механизмов взаимодействия регионального и муниципальных бюджетов. В итоге произошло стремительное сокращение в регионе числа медицинских и образовательных учреждений, что обосновывалось необходимостью их укрупнения. Одновременно происходила многократная перекройка муниципальной системы собственности, её упрощение и консолидация, сопряжённая с оттоком финансовых ресурсов. Последнее привело к уничтожению целого ряда малых поселений, снижению числа малых предприятий с темпами, значительно превышающими среднероссийских. Многие проблемные решения были своевременно исправлены, но последствия некоторых оказались необратимыми.

Ключевые направления социально-экономической и политической деятельности губернатора Тюменской области В. В. Якушева (первый раз в этой должности был утверждён 24.11.2005 г.) были направлены на экономическое развитие региона. Поддержка и развитие инвестиционной деятельности явилась главным направлением деятельности правительства Тюменской области. В «первую пятилетку» (2006–2010 гг.) на территории юга Тюменской области было запланировано и реализовано 35 крупных инвестиционных проектов в промышленности, общая сумма которых составила порядка 7 млрд долларов, или 420 млрд руб. [9]; всего же объём инвестиций в основной капитал в Тюменской области за этот период ока-

заявлено 478 млрд. руб. Во «второй пятилетке» (2011–2015 гг.) деятельности было привлечено 1099,4 млрд руб. инвестиций, то есть уже более, чем в два раза, чем в первый пятилетний период. Лозунг «реиндустриализации» был ведущим в последних пяти посланиях губернатора В. В. Якушева Тюменской областной Думе (см. https://admtyumen.ru/ogv_ru/block/important/poslanie2017.htm (доступ 18.07.2018)). И здесь имеет место третья волна управленческих новаций, также неоднозначных. Главными признаками этих новаций является принцип «ручного сопровождения» каждого инвестиционного проекта, весьма низкие (по сравнению с другими российскими регионами) барьеры для «входа» в регион, облегченная система контроля, более длительные и раньше, чем в других российских регионах, введенные налоговые каникулы для новых бизнесов [9]. Результаты вполне реальны, и отражаются в конкретных управленческих достижениях, к примеру [3].

За период 2010–2017 гг., был запущен в действие 21 новый крупный завод, каждый из которых имеет различную направленность: в промышленности от нефтепереработки, нефтехимии, металлургии, до рыбопереработки и рыбозаводства, в пищевой промышленности, деревообработки, производства строительных материалов. «Тобольск-Полимер» СИБУР-Холдинга выдал первый миллион тонн тюменского полимера (это 62,4 млрд рублей инвестиций и около пятисот рабочих мест); Уватский проект Роснефти (ранее проект – *ТНК-ВР*) вышел на стабильную планку годовой нефтедобычи в 11 миллионов тонн; введен в строй пусковой комплекс Антипинского нефтеперерабатывающего завода (объем инвестиций по третьей очереди 56,9 млрд руб.; 140 млрд руб. по проекту целиком, всего число новых рабочих мест 2,6 тыс. чел.); глубина переработки достигла рекордных для отрасли 98 %; «УГМК-Сталь» выдал первый миллион тонн тюменского металла (21,3 млрд руб. инвестиций и более тысячи новых рабочих мест); Тюменский «Аминосиб» внёс вклад в решение общенациональной задачи импортозамещения. Другие примеры реиндустриализации – 18 заводов поменьше, объём инвестиций которых составил до 4 млрд рублей [10].

Инструменты помощи инвесторам хорошо известны и давно используются в регионе: руководство области начало субсидировать кредитную ставку для бизнеса ещё с 2006 г., причем до 2009 г. под эту программу попадали практически все предпринимательские кредиты. С наступлением финансово-экономического кризиса 2009 г. пришлось ужесточить условия, и руководство Тюменской области стало финансировать ставку только по кредитам на строительство новых производственных зданий и приобретение оборудования. Вторым инструментом помощи инвесторам – лизинг. С 2010 г. полностью возвращался первый взнос по договору лизинга оборудования и спецтехники в объеме до половины стоимости самого оборудования без учета НДС. «Интерес» региона достаточно прост: если пред-

приниматель приобретает специальную технику, то он платит транспортный налог и НДФЛ за тех, кто работает на обслуживании таких агрегатов, минимум за одного-двух человек. А если фирма (предприятие) побольше и работает не по упрощенной системе налогообложения, есть шанс получить налог на имущество и, возможно, какую-то часть налога на прибыль. Инвестиционное агентство, работающее под эгидой правительства Тюменской области, с 2014 г. внедрило инвестиционные займы для малого и среднего предпринимательства в сфере производства. Что имеется в виду: если инвестор строит небольшой завод или фабрику – он может получить прямое финансирование до 50 млн рублей под 7 % годовых до пяти лет. Комплекс только этих мер, наряду с прямым административным сопровождением всех инвестиционных проектов, обеспечил во многом тот уровень инвестиций, который продемонстрировала Тюменская область. Внедрение новых управленческих технологий с целью максимально эффективного воздействия на инвестиционные процессы – это основа инвестиционной политики в регионе.

Следует отметить издержки такой системы. Такие качества, как сплочённость, коллективизм и поддержка в экстремальных условиях севера воспроизводились в рамках жёсткой корпоративной статусной системы подчинения и вертикальной власти. Особенно влиятельны «нефтяные и газовые генералы», характерна клановая преемственность в кадровых вопросах. Приход во власть или в бизнес человека «с улицы» практически исключен. Всё высшее руководство Тюменской области начинало работать с должностей среднего управленческого звена. Выстроенная административная вертикаль работает и сегодня в традициях времен «освоения нефтяных ресурсов», почти монолитная и замкнутая в своей структуре, воспроизводя наиболее эффективные управленческие новации. Одновременно отмечается «вымывание» малого и мелкого бизнеса из региона, рост патернализма населения, инновационное поведение населения и бизнеса становится скорее экзотикой, чем практикой. Клановость системы управления сопровождается высоким градусом «внутриэлитной» конкуренции.

Внедрение управленческих новаций в регионе не прекращается, можно зафиксировать старт четвертой волны управленческих инноваций в регионе. С сентября 2017 г. по поручению президента России в регионе реализуется пилотная федеральная приоритетная программа повышения производительности труда и поддержки занятости. «На региональном уровне принята программа повышения конкурентоспособности экономики до 2025 г. Мы рассчитываем на хороший результат», – подчеркнул врио губернатора Тюменской области А. В. Моор¹.

Выводы. Резюмируя, подчеркнём, что Тюменская область все 25 лет российского трансфера к рыночной экономике выступала как полигон рос-

¹ <http://pravdaurfo.ru/news/166658-cukanov-nashel-rezervy-dlya-rosta-ekonomiki> (доступ 18.07.2018 г.).

сийских управленческих инновационных практик. Как представители государства – бюрократы, политики, чиновники, так и работники и предприниматели, граждане, все жители – ответственны за достижение согласия по созданию стабильных условий, которые позволяют собственникам и управленцам учреждать высокоэффективные предприятия, фирмы, корпорации и рынки. На примере Тюменской области показана способность поддержки развития с помощью конструктивных концепций контроля властной элитой, что является также историческим и культурным продуктом, который представители государства и их граждане предоставляют как общее общественное благо. Реиндустриализация, экономический рост, создание богатства были бы невозможны без формальных и неформальных норм и правил, конституирующих взаимно приемлемые социальные взаимоотношения. Формирование приемлемых прав собственности, структур управления, концепций контроля и правил обмена является результатом политического и исторического процессов, посредством которого устанавливается баланс сил между государством, фирмами (предприятиями) и работниками. Эти процессы создают институциональные условия для последующего экономического развития, формирования и воспроизводства индустриальных систем, позволяющим предприятиям и фирмам получать прибыль, а бюрократам, политикам, чиновникам, предпринимателям, работникам, жителям – вкладываться в своё будущее.

С одной стороны, руководство Тюменской области за последние 25 лет сумело конвертировать ресурсы, полученные от нефтегазовой ренты, и продолжает это делать [11]. Элита региона сумела консолидироваться и выстроить достаточно эффективную систему управления инвестиционными процессами, в сопряжении с постоянно реализуемыми практиками в её социально-экономической и исторической укоренённости в эффективные социальные отношения, базирующуюся на решении трёх главных задач в сфере реиндустриализации. Модернизация российского общества, требующая реализацию «политики *minimax* стратегии социокультурной модернизации» [12], на примере Тюменского региона весьма успешно реализовывалась.

С другой стороны, такие практики оказываются плохо тиражируемы, поскольку требуют консолидации усилий, действий в условиях жесткой управленческой иерархии и слабо консолидированного гражданского общества. В России традиционно наблюдается серьёзный крен в сторону централизации власти, вследствие чего на региональном уровне недостаточно не только экономических и финансовых ресурсов, но и политической воли, и полномочий. В таких условиях способы консолидации элит имеют первоочередное значение, но все их действия по-прежнему сильно зависимы от наличия нефтегазовой ренты.

Источники

1. Рейтинг проводился среди крупных и средних российских городов. Тюмень в нем набрала максимально возможные 100 баллов. Помимо нее в число лидеров вошли Москва, Санкт-Петербург, Грозный, Казань, Краснодар, Уфа, Новосибирск, Красноярск и Кемерово // <https://iz.ru/676031/2017-11-27/tiumen-stala-luchshim-po-kachestvu-zhizni-gorodom-rossii> (дата обращения: 18.07.2018 г.).
2. Тюмень оказалась городом с самым высоким качеством жизни по мнению самих жителей. Исследование в 38 крупных городах, провел Финансовый университет при правительстве РФ // https://www.znak.com/2018-01-15/rejting_gorod_po_kachestvu_zhizni_lyudey_tyumen_v_liderah_chelyabinsk_v_autsajderah (дата обращения: 18.07.2018).
3. Тюменская область стала лидером инвестрейтинга регионов в 2018 году. На втором и третьем месте в рейтинге оказались Москва и Татарстан (ПМЭФ) // <http://tass.ru/pmef-2018/articles/5233702> (дата обращения: 18.07.2018).
4. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010.
5. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: Кол. моногр. / Науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015.
6. Андрианова, Е. В. Индустриальная траектория роста Тюменской области в контексте истории ее социально-экономической укорененности / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина // *Siberian Socium.* – 2017. – Т. 1. – № 2. – С. 12–46.
7. Блохин, В. А. Это было со страной – значит, было и с нами...: К 50-летию с начала промышленной добычи нефти в Западной Сибири / В. А. Блохин // *Бурение и нефть.* – 2014. – № 7–8.
8. Сергей Семенович. Вот он какой [Электронный ресурс] // Нов. газ. – 2010. – 18 окт. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/10/18/1080-sergey-semenovich-vot-on-kakoy>
9. О положении дел в области и перспективах ее развития: Послание губернатора Тюменской области В. В. Якушева областной Думе 2013–2015 гг., 2016 г., 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://gubernator.admtiumen.ru/governor_to/ru/interviews/messages.htm
10. Шумков, В. М. Тюменская экономика продолжит расти [Электронный ресурс] / В. М. Шумков // *Тюменская линия.* – 2016. – 31 дек. – URL: <http://t-l.ru/219959.html> (дата обращения: 18.07.2018 г.).
11. Моор поддержит промышленность Тюменской области деньгами «Лукойла» // <http://pravdaurfo.ru/news/166938-moor-podderzhit-promyshlennost-tyumenskoj-oblasti> (дата обращения: 18.07.2018).
12. Лапин, Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации / Н. И. Лапин // *Социол. исслед.* – 2015. – № 1. – С. 5–10.

**ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

**FEATURES OF THE INNOVATION POLICY
OF THE LENINGRAD REGION AS A BORDER REGION:
MODERN PROBLEMS AND PROSPECTS**

**Р. Х. Салахутдинова
Rezeda H. Salakhutdinova**

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)*

***Аннотация.** Автор статьи, по данным документов правительства, администрации Ленинградской области, рассматривает инновационную политику региона. Имеющийся инновационный потенциал области обуславливает возможность эффективного инновационного ее развития. В статье раскрываются особенности инновационной политики ЛО, ее состояние, основные проблемы и перспективы развития.*

***Abstract.** An author, from data of documents of government, administration of the Leningrad area, examines innovative politics of area. Present innovative potential of area stipulates possibility of her innovative development. The features of innovative politics of Leningrad area, her state, basic problems and prospects of development, open up in the article.*

***Ключевые слова:** инновация, инновационная политика региона, кластер, проект, стратегия развития*

***Keywords:** innovation, innovation policy of the region, cluster, project, development strategy.*

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

По мнению разработчиков теории инноваций, источником развития, способным создать конкурентоспособную экономику, обеспечить выживание и процветание как на макро- (государства) так и микро- (регионы, различные организации, предприятия, отрасли) уровнях являются инновации. Приоритетной, основополагающей в решении государственной задачи – повышение конкурентоспособности и формирование устойчивой экономики – признается региональная инновационная политика.

Проблемы методологии. Признанным на международном уровне нормативным документом, претендующим на роль методологии, включающим терминологический аппарат в области инноваций, является «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям» («Руководство Осло»)»¹ [1] В самом российском научном сообществе к документу «Руководство Осло» сложилось двоякое отношение: положительное, ориентированное на дальнейшее развитие методологических положений с учетом российской действительности и критическое, как неприемлемое для России, обусловленное *«терминологическими традициями, российским менталитетом и, возможно, желанием следовать «собственным путём»* [2, с. 66]. Критическую оценку вызывает одноаспектное (узкое) понимание инновации в рамках предметного поля лишь менеджмента и экономики.

Дискуссионным является, во всяком случае, в контексте современной России, утверждение, что *«инновации являются центральным фактором роста производства и производительности труда; [1,с.7] ориентированность инновации на «производство услуг, сектору материального производства»;* оценка эффективности предприятия в контексте лишь *«маркетинговых и организационных инноваций»* [1, с. 8] – тем самым, исключение совокупности (в том числе и социокультурных) факторов, обуславливающих инновации, инновационные процессы, инновационную деятельность.

Как в отечественной, так и зарубежной научной литературе не сложилось единого подхода к определению сущности, содержания, классификации инновации. Будучи междисциплинарным понятием, каждая область науки предлагает свои версии, опираясь на теорию Шумпетера Й. [3], для которого инновация является главным источником прибыли: *«...прибыль, по существу, является результатом выполнения новых комбинаций», «...без развития нет прибыли, без прибыли нет развития».* При сопоставлении определений двух источников, которые используются в качестве основополагающих, обнаруживается следующее: согласно Руководству Осло, инновации представляют собой конечный результат от изменений.

¹ Документ, подготовленный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Статистическим бюро Европейских сообществ (Евростат), предназначен как для стран, непосредственно участвующих в деятельности ОЭСР (более 30 стран), так и ряда стран Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки, не являющихся членами этой организации, соответственно и России.

Шумпетер Й. определяет инновации как совокупность мероприятий или процесс решения задач производства [1, с. 55; 3]. Природа инновации по Й. Шумпетеру заключается в «осуществление **новых** комбинаций» посредством пяти действий: 1) изготовление **нового** (качества, блага); 2) внедрение **нового** (неизвестного, метода (способа) производства, коммерческого использования соответствующего товара); 3) освоение **нового** рынка сбыта; 4) получение **нового** источника сырья или полуфабрикатов; 5) проведение соответствующей реорганизации [3]. Во всех этих случаях выражением инновационности является наличие **нового**, отсутствие аналогов, подобия уже существующему.

С учетом многообразия подходов к определению¹, классификации инновации, степени теоретической разработанности этого, весьма сложного и многоаспектного феномена человеческой жизнедеятельности, наиболее приемлемым к руководству в практике инновационной деятельности/политики представляется точка зрения Н. И. Лапина: *«Инновация, нововведение, есть процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой или лучшего удовлетворения уже известной потребности людей, общества; одновременно это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социокультурной и вещественной среде, в которой совершается жизненный цикл инновации»* [4, с. 43].

Региональная инновационная политика – составная часть экономической политики региональных органов власти.

Согласно стратегии социально-экономического развития ЛО до 2030 года, возможны три сценария развития области: инерционный, реалистичный и инновационный. В качестве приоритетного выдвигается инновационное развитие региона [5, с. 14]. В настоящее время реализуется долгосрочная политика инновационного развития региона, как места, благоприятного для бизнеса и предпринимательства (малого и среднего бизнеса), внутреннего территориального развития и внешней интеграции. Обеспечены условия для устойчивого развития целых отраслей промышленности, крупных промышленных предприятий и производственных комплексов. Основу промышленного комплекса составляют обрабатывающие производства – производят 87,3 % общего объема промышленной продукции

¹Агранович В. Б. Содержание понятия «инновация» как социально-философской категории. Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312. № 6. С. 111–113; Михайлова Е. В. Понятие «инновация» в контексте философского, культурологического и социологического подходов. SCIENTIFIC RESEARCH AND THEIR PRACTICAL APPLICATION. MODERN STATE AND WAYS OF DEVELOPMENT '2013.1-12 October 2013; Михайлова Е. В. Социологический подход к определению понятия «инновация»: на примере коммерческой организации // Практика и теория общественного развития. 2012. № 9. С. 54–59; Лисс Э. М. Инновация как социокультурный феномен: Автореф. ... д-ра соц. наук. Ростов н/Д, 2002. <http://www.dissercat.com/content/innovatsiya-kak-sotsiokulturnyi-fenomen>

области. Доля АПК составляет 41,4 % от общего объема сельхозпроизводства всех регионов Северо-Запада [6, с. 5, 6].

В ЛО для эффективной инновационной деятельности создана и функционирует инфраструктура научно-инновационной деятельности, основу которой составляет академическая и вузовская наука: два высших учебных заведения, в которых обучаются более 20 тысяч студентов; около 30 отраслевых НИИ, научные подразделения промышленных и агропромышленных предприятий. Численность работников научных организаций составляет около 10000 человек, в том числе выполняющих научные исследования и разработки – около 6500, из них 120 докторов наук и около 500 кандидатов наук. Основными направлениями работы научных организаций являются ядерная энергетика и энергосбережение, ядерная физика, прикладная химия, биология и медицина, сельское хозяйство, приборостроение, в том числе лазерное и радиолокационное, рыбоводство, природоохранная деятельность, проектирование территорий, промышленных, жилых объектов и инженерной инфраструктуры.

К организациям, обеспечивающим трансфер технологий и их распространение до конечного потребителя новшеств, относятся 1 технопарк, 7 индустриальных парков и 28 бизнес-инкубаторов (фондов поддержки).

Таблица 1

Основные показатели науки ¹ [7, с.162]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.	14	14	12	11	14	13	11
Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки (на конец года), тыс. человек	6,5	6,4	6,5	6,4	7,1	7,2	7,2
Объем научных исследований и разработок, научно-технических услуг, выполненных собственными силами, млн рублей	4853	5310	6316	5592	7420	8230	6420

Основная задача научно-технической политики, осуществляемой Правительством ЛО в рамках государственной программы ², – создание новой инновационной экономики, ключевым фактором построения которой явля-

¹ Информация приводится по организациям без субъектов малого предпринимательства.

² «Стимулирование экономической активности Ленинградской области» (подпрограмма 2 «Развитие промышленности и инноваций в Ленинградской области, подпрограмма 8 «Развитие объединенного пилотного инновационного территориального кластера медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий на территории Ленинградской области»), утвержденной постановлением Правительства Ленинградской области от 14.11.2013 г. № 394.

ется реализация кластерной политики. В рамках программы осуществляется работа по развитию в области инновационного территориального кластера медицинской, фармацевтической промышленности и радиационных технологий. В рамках этого кластера реализуются мероприятия по разработке новых технологий, созданию инновационных производств и инновационной инфраструктуры, ведутся работы по проведению доклинических исследований, разработке инновационных лекарственных средств, субстанций, препаратов и созданию условий для их производства. На территории ЛО реализуются проекты по строительству заводов по производству инфузионных растворов и готовых лекарственных средств [6, с. 19, 20].

В области наблюдаются тенденции возникновения из малых инновационных предприятий новых, ориентированных на выпуск инновационной продукции при взаимодействии с инновационно-технологическими центрами, технопарками. Это одно из результативно действующих направлений перевода традиционных предприятий на современные технологии посредством сдачи в аренду производственных помещений инновационным компаниям, которые производя высокотехнологичную продукцию, постепенно модернизируют и само это предприятие.

Результаты инновационной деятельности отражены в таблице 2.

Таблица 2

Объем отгруженных инновационных товаров, работ и услуг (млн рублей) [7, с. 164]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Объем отгруженных инновационных товаров, работ и услуг по предприятиям обследуемых видов деятельности	9959	11771	4939	14077	32779	13907	20565
из них по предприятиям промышленных видов деятельности, осуществлявших технологические инновации	3455	7477	3173	12207	11319	11469	13952
продукция, вновь внедренная или подвергавшаяся значительным технологическим изменениям	3430	7009	2860	9561	10414	7388	7145
продукция, подвергшаяся усовершенствованию, и прочая инновационная продукция	25	468	313	2646	905	4081	6807
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных	2,4	2,5	1,1	2,8	5,9	2,0	2,3

товаров, выполненных работ и услуг по предприятиям обследуемых видов деятельности, процентов							
--	--	--	--	--	--	--	--

В 2013 г. президентом РФ был одобрен авторский инвестиционный проект с рабочим названием «Императорское кольцо», объединяющий объекты культурно-исторического наследия, туризма и науки в формате создания принципиально новой конвергентной инновационной среды, воспроизводящей инновационный продукт или технологию на территории городской агломерации Санкт–Петербурга и Ленинградской области.

В ближайшие годы центром инновационной деятельности региона станет строящийся в Гатчинском районе ЛО первый в России индустриальный парк в сфере нанотехнологий (наопарк). На его территории разместятся бизнес-инкубатор, лаборатория, производственные помещения для создания высокотехнологичных производств [8, с. 2].

В 2016 г. в рамках пилотного проекта «Школа – технопарк» начала свою научно-образовательную деятельность самая крупная на Северо-Западе (на 1600 учеников) средняя школа с специализированными лабораториями – нанотехнологий, робототехники, информационных систем, интернета, экологии.

Основные проблемы инновационной политики ЛО. Ленинградская область имеет ряд проблем, затрудняющих процесс эффективной реализации инновационной политики в регионе.

В качестве основных преград выделяют финансовые, связанные с финансированием инновационных разработок и трансфера технологий.

Существует значительный риск дефицита квалифицированных трудовых ресурсов для инновационной экономики, прежде всего, рабочих и инженерных специальностей.

Отмечается дисбаланс между подготовкой научных кадров и перспективных потребностей региона, а также направлениями инновационного развития области.

Кадровые проблемы связаны с недостаточной интеграцией системы образования и промышленности, неэффективной профориентационной работой, несбалансированностью системы расселения и мест приложения труда на территории ЛО и соседних регионов.

Недостаточно имеющихся промышленных площадок, обеспеченных необходимой инфраструктурой для размещения новых производств; в перспективе ожидается увеличение данного дефицита из-за увеличения количества проектов.

Большая часть промышленных предприятий ведет деятельность в секторах преобладающей в области традиционной промышленности

в силу недостатка или отсутствия научно-технологических компетенций для ускоренного развития традиционных отраслей промышленности, новых высокотехнологичных и наукоемких [5, с. 17]. Отсутствие механизмов, учитывающих интересы (финансовые) как инвесторов, так и собственников, не позволяют привлекать инвесторов для вывода промышленности на новые, производительные траектории развития. В этих условиях, перераспределение бюджета в пользу IT-сектора, куда вкладывают объемные инвестиции и частные инвесторы, ставит в невыгодную ситуацию сферы высокотехнологичных разработок, в том числе, и государственного значения [9, с. 43].

Основными проблемами современного развития промышленности ЛО и перехода к новому технологическому укладу являются пониженные стимулы к инновациям и росту эффективности вследствие наличия высокодоходного углеводородного сектора.

Деятельность по реализации инновационной политики в области осуществляется комитетом экономического развития и инвестиционной деятельности ЛО в рамках направлений «Промышленные и инновационные кластеры», «Наука и инновации». Благодаря кластерному подходу в области создаются комфортные условия для развития и внедрения инноваций, привлечения инвестиций, создается промышленная, инновационная и научно-образовательная инфраструктура.

Таким образом, в ЛО в рамках инновационных кластеров («точках роста») при взаимодействии науки, образования, производства и системы продвижения и сбыта конечной продукции, обеспечивается создание благоприятной среды, необходимый для экономического роста / прорыва за счет развития высокотехнологичного инновационного производства.

Литература

1. Руководство Осло: Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям [Электронный ресурс] / Пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. – М., 2010. – URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/7766/ruk.oslo.pdf> (дата обращения: 21.04.2018).

2. Маннапов, А. Р. К вопросу о содержании понятия «инновация» / А. Р. Маннапов, Л. Р. Маннапов, А. А. Кузнецова // Мировое сообщество: проблемы и пути решения: Сб. науч. ст. – Уфа: Изд-во «Нефтегазовое дело», 2012. – № 31. – С. 66–73.

3. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М., 1982. – С. 104.

4. Лапин, Н. И. Теория и практика инноватики: Учеб. пособие / Н. И. Лапин. – М.: Универ. книга; Логос, 2008. – (Новая универ. б-ка).

5. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года: [Принята Законодательным собранием Ленинградской области 13 июля 2016 года].

6. О результатах деятельности правительства Ленинградской области за 2016 год: Информационные отчеты к материалу, в том числе по вопросам, поставленным Законодательным собранием Ленинградской области. – СПб., 2017.

7. Ленинградская область в 2016 году: Офиц. изд. // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат). – СПб., 2017.

8. Атлас инновационных предприятий Ленинградской области. ФРОНТ-ОФИС Администрации Ленинградской области по взаимодействию с инвесторами. – СПб., 2017.

9. Мищенко, А. С. Проблемы развития инновационной инфраструктуры Санкт-Петербурга: Социологический анализ / А. С. Мищенко // Социология науки и технологий. – 2012. – № 1.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ:
АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ¹**

**REGIONAL INNOVATION SYSTEMS:
ANALYSIS OF INTERACTION OF FACTORS**

В. Т. Тарасов
Vladimir T. Tarasov

*Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Чебоксары, Россия)*

*Cheboksary branch of the Russian Academy of National Economy
and public service under the President of the Russian Federation
(Cheboksary, Russia)*

***Аннотация.** Возрастающий интерес к региональному аспекту национальной инновационной системы обуславливает актуальность анализа причинно-следственных связей между входами в инновационный процесс и выходами из него. В статье с помощью метода панельной регрессии анализируется взаимодействие факторов региональной инновационной системы с использованием базы данных НИУ ВШЭ об инновационном развитии 83 российских регионов за 2008–2015 гг.*

***Abstract.** Increasing interest in the regional aspect of the national innovation system determines the urgency of analyzing the cause-effect relationships between the inputs to the innovation process and the outputs from it. The article uses the panel regression method to analyze the interaction of the factors of the regional innovation system with the use of the database of the Higher School of Economics on the innovative development of 83 Russian regions in 2008–2015.*

***Ключевые слова:** взаимодействие факторов региональной инновационной системы.*

***Keywords:** interaction of factors of the regional innovation system.*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержки РФФИ научного проекта № 16-03-00356-огн.

Введение. Реализация стратегических задач долгосрочного развития страны предусматривает формирование конкурентоспособной *национальной инновационной системы* (НИС), одно из определений которой было дано в приложении к проекту стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: «Национальная инновационная система (НИС) – совокупность субъектов, институтов (отношений между субъектами, правил взаимодействия) и инфраструктуры (финансовой, организационной), обеспечивающих производство (генерацию) и распространение инноваций в экономике и обществе» [1]. Российские и европейские эксперты в рамках Проекта Евросоюза «Наука и коммерциализация технологий» (2004 – 2006 гг.) совместно подготовили развернутую публикацию, в которой выделили элементы инновационной системы России, объединенные в шесть основных групп: 1) предпринимательский сектор; 2) правительственный сектор; 3) сектор НИОКР; 4) организации по трансферу технологии и другие посредники; 5) негосударственные общественные организации; 6) иностранные партнеры [2, с. 35]. На основе функционального анализа в публикации определены ключевые функции российской НИС: 1) формулирование инновационной политики; 2) создание регулирующей среды для инноваций; 3) определение и отбор научных и инновационных приоритетов; 4) мобилизация и распределение ресурсов; 5) проведение НИОКР и создание инноваций; 6) создание человеческого капитала и материальных активов; 7) создание стимулов для инноваций; 8) поддержка развития новых (высокотехнологичных) отраслей и услуг [2, с. 65]. Однако данное исследование носит преимущественно отраслевой характер, в нем практически отсутствует региональный аспект НИС.

В Стратегии инновационного развития на период до 2020 года был выделен специальный раздел XI, посвященный территории инноваций [3]. В нем субъектам Федерации рекомендовано адаптировать опыт успешных инновационно активных регионов и наукоградов для совершенствования институциональной среды и механизмов использования инновационной инфраструктуры. В разделе также определены основные направления региональной инновационной политики и многочисленные инструменты их реализации. Предполагается сформировать в стране сеть *центров интенсивного инновационного роста* и *территориально-производственных кластеров*, реализующих конкурентный потенциал территорий.

Несмотря на возрастающий интерес к региональному срезу НИС, появление значительного количества работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных различным аспектам функционирования региональных инновационных систем (РИС)¹, уровень исследования механизмов факторного взаимодействия следует признать недостаточным.

¹ Большой их перечень приведен в [4, с. 454].

В частности, в литературе указывается на мозаичный и несистемный характер большинства работ, отсутствие в них описания причинно-следственных связей между входами в инновационный процесс и выходами из него, несопоставимость используемых по разным выборкам показателей [4, с. 454].

В этой связи следует обратить внимание на информационные издания в форме аналитических докладов, подготовленных Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», посвященных анализу инновационного развития российских регионов на основе комплекса рейтинговых оценок. В них на единой методологической основе с указанием первичных источников информации представлена многоуровневая иерархическая система показателей *российского регионального инновационного индекса* (РРИИ), которая позволяет не только формировать сводный индекс, используя все отобранные показатели, но и выполнять его декомпозицию на субиндексы, опираясь на тематические блоки и рубрики. Уже подготовлено пять выпусков, в которых в линейно нормированном виде представлены исходные и сводные показатели за 2008, 2010, 2012–2015 гг. [5–9]. Тем самым в открытом доступе сформирована, на наш взгляд, самая обширная и представительная база данных, которая может быть использована в анализе причинно-следственных связей между элементами РИС.

Базовая гипотеза настоящего исследования состояла в предположении: если методика расчета РРИИ носит системный характер, правильно отражая структурно-функциональные связи между факторами инновационного процесса, то эконометрический анализ должен выявить статистически значимые параметры этих связей. В результате мы полагали получить ответы на следующие вопросы:

- 1) какие факторы определяют эффективность функционирования РИС, какова структура и интенсивность их взаимодействия;
- 2) в какой мере уровень влияния факторов на эффективность РИС различается в региональных группировках, полученных в ходе предыдущих исследований, посвященных социоэкономической и социокультурной модернизации регионов [10];
- 3) каков уровень факторной сбалансированности.

Методы исследования и обсуждение результатов. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) рассчитывается по каждому региону на основе многоуровневой системы из 37 исходных показателей, которая включает 4 тематических блока (подсистемы) первого уровня и 13 тематических рубрик (подсистем) 2-го уровня. Между тем каждый тематический блок первого уровня состоит из нескольких тематических рубрик второго уровня. Изначально исходные показатели нормируются

в линейной шкале от 0 до 1. Затем они агрегируются по формуле средней взвешенной в сводные субиндексы 2-го уровня, образуя группу из 13 сводных индикаторов по каждому региону; при этом в качестве весов используются доли числа показателей, применяемых в расчете каждого субиндекса, в общем числе исходных показателей. Далее субиндексы 1-го порядка рассчитываются в виде простой средней из числа субиндексов 2-го порядка, образуя группу из четырех сводных индикаторов. Наконец, определяется итоговый РРИИ как средняя из четырех субиндексов 1-го порядка. В данной статье не рассматривается правомерность методов агрегирования исходных показателей РРИИ, которая, как мы считаем, не бесспорна. Прежде всего, нас интересует база данных в составе субиндексов 1-го порядка, рассматриваемых нами в качестве факторов функционирования РИС. В целях проверки сформулированной базовой гипотезы осуществлялась оценка взаимосвязей между данными факторами методом панельной регрессии с последующим анализом.

Сводные субиндексы 1-го порядка представляют собой агрегатный индикатор исходных показателей в разрезе следующих тематических блоков: 1) *социально-экономические условия инновационной деятельности* (ИСУ); 2) *научно-технический потенциал* (ИНТП); 3) *инновационная деятельность* (ИИД); 4) *качество инновационной политики* (ИКИП). Для построения сбалансированной панели данных мы интерполировали отсутствующие в вышеуказанных изданиях значения линейно нормированных показателей за 2009 и 2011 гг., методом половинного деления суммы их смежных значений. Тем самым была сформирована полноценная панель значений четырех субиндексов для 83 регионов за 8 лет (2008–2015 гг.).

Качественный анализ причинно-следственных связей между сводными субиндексами, а также многовариантные расчеты их позиционирования методом панельной регрессии, позволили выявить основную функциональную связь между входом в инновационный процесс и выходом из него. В ней субиндекс социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСУ) зависит от факторов инновационной деятельности (ИИД) и научно-технического уровня РИС (ИНТП), представленных соответствующими субиндексами:

$$\text{ИСЭУ} = b_{0i} + b_1 \text{ИИД}_{it} + b_2 \text{ИНТП}_{it} + u_{it} ,$$

где b_{0i} – параметры, характеризующие обезличенное влияние на зависимый показатель внутренних факторов i -го региона, не учитываемых в регрессионном уравнении в явном виде, т.е. фактор влияния региональной среды (ИРС) на субиндекс ИСЭУ; b_1 и b_2 – соответственно параметры влияния факторов ИИД и ИНТП на ИСЭУ.

Важно отметить, что в перечне исходных показателей, используемых для расчета субиндекса ИСЭУ, фигурируют два показателя из четырех, характеризующих региональную результативность функционирования РИС: 1) ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона и 2) коэффициент обновления основных фондов.

К сожалению, в ходе эконометрического анализа не удалось получить статистически значимые оценки влияния фактора, представленного индексом качества инновационной политики (ИКИП), на ИСЭУ. Мы полагаем, что перечень исходных показателей, используемых в методике РРИИ для расчета ИКИП, не является представительным и искажает сводную оценку соответствующего субиндекса. Дело в том, что для оценки субиндекса ИКИП в методике используются не статистические показатели, а учитывается наличие (1) или отсутствие (0) инструментов организационного обеспечения инновационной политики в виде нормативно-правовых условий для ее качественной реализации. В частности, учитывается наличие инновационной стратегии (концепции), выделенных зон приоритетного развития инновационной деятельности, программы или мер ее государственной поддержки, специализированного законодательного акта, наличие специализированных координационных органов по инновационной политике при высшем должностном лице или высшем исполнительном органе государственной власти и т. п.

В таблице представлены статистически значимые итоговые оценки взаимодействия факторов РИС по всей выборке регионов, а также в группировке, учитывающей их хронотипологию по состоянию модернизированности в разрезе трех этапов процесса модернизации.

Хронотипология регионов, предложенная Н. И. Лапиным, позволяет группировать регионы по типам в зависимости от состояния их модернизированности в процессе эволюции двух фаз модернизации: первичной (типы 1–3) и вторичной (типы 4–6) [11, с. 22–24]. Данная типология позволяет выделять этапы сбалансированного развития регионов в рамках интегрированной модернизации, представляющей собой композитный процесс перехода от ее первичной фазы к вторичной [12]. На первом этапе регионы типов 1 и 2 осуществляют преимущественно рост и развитие индустриальной модернизации. Регионы типов 3 и 4 реализуют второй этап модернизации, в ходе которого они завершают ее индустриальную стадию и одновременно переходят к формированию информационной стадии. Наконец, на третьем этапе модернизации регионы типов 5 и 6 осуществляют рост и развитие ее информационной стадии, воплощая в жизнь идеи цифровой экономики.

Согласно данным информационной базы модернизации регионов по состоянию на 2012 г. на первом этапе находилось 28 регионов: Алтайский и Забайкальский края, Белгородская, Брянская, Костромская, Липецкая,

Орловская, Рязанская, Смоленская, Вологодская, Оренбургская, Курганская, Амурская и Тамбовская области, республики Адыгея, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Марий Эл, Мордовия, Бурятия, Тыва, Хакасия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Алтай, Еврейская автономная область [10, приложение 2].

Таблица

**Оценки параметров взаимодействия компонент российского
регионального инновационного индекса (РРИИ)
по группам регионов на различных этапах модернизации
в 2008–2015 гг.**

**Estimates of the Parameters of interaction of components of the Russian
of the regional innovation index (RRII) by groups of regions,
at various stages of modernization in 2008–2015**

Этап модернизации ¹	Тип региона	Среднее значение константы, b_{0i}	Параметры влияния на индекс социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ) индексов		Суммарный (overall) коэффициент детерминации, R^2	Вид модели панельной регрессии
			инновационной деятельности, ² ИИД, b_1	научно-технического потенциала, ² ИНТП, b_2		
I (29)	1, 2	0,1624 (6,47)	0,1011 (1,92)	0,4227 (5,29)	0,425	One-directional fixed
II (37)	3, 4	0,1415 (5,34)	0,3137 (6,22)	0,3988 (6,93)	0,342	One-directional fixed
III (14)	5, 6	0,2867 (8,28)	0,1744 (2,89)	0,2469 (4,40)	0,630	One-directional fixed
Российская Федерация (83)		0,2043 (12,44)	0,1918 (5,99)	0,3126 (8,27)	0,562	One-directional fixed

¹ В скобках – количество учтенных регионов.

² В скобках – (t -статистики).

Большая группа регионов (37) соответствовала критериям второго этапа модернизации: Краснодарский, Ставропольский, Красноярский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Ивановская, Тюменская, Кемеровская, Владимирская, Воронежская, Курская, Тверская, Тульская,

Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Челябинская, Иркутская и Омская области, республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Башкортостан, Татарстан, Удмуртия и Чувашия, Чукотский автономный округ.

Остальные 14 регионов решали задачи третьего этапа модернизации. В их числе: Москва и Санкт-Петербург, Пермский край, Московская, Нижегородская, Калужская, Ярославская, Архангельская, Самарская, Свердловская, Новосибирская, Томская, Магаданская и Сахалинская области.

Основные выводы исследования:

1. Следует признать, что многоуровневая система показателей, разработанная специалистами НИУ ВШЭ для оценки инновационного развития регионов, в основном учитывает причинно-следственные связи между входами в инновационный процесс и выходами из него.

2. Субиндекс ИКИП, рассчитываемый по методике НИУ ВШЭ и призванный оценивать качество проводимой инновационной политики, по видимому, недостаточно адекватно представляет данную характеристику с учетом ее функциональной роли в инновационном процессе.

3. В целом по стране совместный прирост на 1 п.п. значений факторов, представленных субиндексами ИИД и ИНТП с учетом влияния региональной среды ИРС, повышает уровень индикатора социально-экономических условий инновационной деятельности региона, представленного субиндексом ИСЭУ, на 0,7 п.п. При этом процентное распределение влияния данных факторов на ИСЭУ в общем их итоге (100 %) выглядит соответственно как 27 : 44 : 29 при явном доминировании фактора ИНТП и примерно одинаковой мере влияния остальных двух факторов.

4. Практически такой же прирост регионального субиндекса ИСЭУ (0,69 п.п.) обеспечивают факторы ИИД, ИНТП и ИРС в группе регионов, находящихся на начальном этапе модернизации, однако процентное распределение совместного влияния факторов на ИСЭУ здесь выглядит менее сбалансировано, чем в среднем по стране: 15 : 61 : 24.

5. В наиболее многочисленной группе регионов, реализующих задачи второго этапа модернизации, совместное увеличение вышеназванных факторов на 1 п.п. повышает уровень регионального субиндекса ИСЭУ на 0,85 п.п. с распределением факторов в общем итоге (100 %) как 37 : 47 : 16.

6. В группе наиболее продвинутых регионов, решающих задачи третьего этапа модернизации в рамках нового технологического уклада и цифровой экономики, совместное увеличение анализируемых трех факторов на 1 п.п. обуславливает повышение уровня регионального субиндекса ИСЭУ на 0,71 п.п., т. е. немногим больше, чем в среднем по стране.

Но доминирующая роль в инновационном процессе здесь переходит уже к обезличенному фактору региональной среды (ИРС) по сравнению с их распределением на предыдущих этапах. Распределение факторов в данной группе регионов относительно общего стопроцентного итога выглядит наиболее сбалансированным: 25 : 35 : 40.

7. Несмотря на то, что группировки модернизирующихся регионов составлены по методике, в которой технико-технологическая компонента учтена лишь частично, они, на наш взгляд, вполне адекватно отражают поэтапный характер модернизационного процесса.

8. Представляется, что ответы, полученные в ходе исследования на поставленные вопросы, позволят выделить слабые стороны инновационного процесса и определить направления повышения эффективности функционирования РИС.

Литература

1. Инновационная Россия – 2020: (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года): Проект [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/>

2. Национальные инновационные системы в России и ЕС / Под ред. В. В. Иванова, Н. И. Ивановой, Й. Розебума, Х. Хайсберса. – М.: ЦИПРАН РАН, 2006.

3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утв. распоряжением Правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/

4. Мезоэкономика развития / Под ред. Г. Б. Клейнера; Центральный экон.-мат. ин-т РАН. – М.: Наука, 2011.

5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: Аналит. докл. / Под ред. Л. М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2012.

6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Под ред. Л. М. Гохберга. – Вып. 2. – М.: НИУ ВШЭ, 2014.

7. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Под ред. Л. М. Гохберга. – Вып. 3. – М.: НИУ ВШЭ, 2015.

8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Под ред. Л. М. Гохберга. – Вып. 4. – М.: НИУ ВШЭ, 2016.

9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. / Г. И. Абдрахманова, П. Д. Бахтин, Л. М. Гохберг и др.; Под ред. Л. М. Гохберга. – Вып. 5. – М.: НИУ ВШЭ, 2017.

10. Атлас модернизации России и ее регионов: Социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016.

11. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2013.

12. Лапин, Н. А. О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации / Н. А. Лапин // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: Материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (23–26 октября 2013 г., Вологда): В 3 ч. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. I. – С. 14–38.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

**SOCIAL INNOVATIONS AS A FACTOR OF SOCIAL AND
CULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION**

**А. А. Шабунова
Aleksandra A. Shabunova**

*Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия)
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russia)*

***Аннотация.** Социокультурная специфика общества прямо связана с эффективностью работы формальных институтов, качеством государственного управления, инновационным развитием, экономическим ростом, успешностью модернизаций. Именно поэтому социальные инновации, являясь, с одной стороны, фактором социокультурного развития (способствуя росту активности населения и его гражданского самосознания, изменению социальной среды и т.д.), имеют непосредственное воздействие на социально-экономическое функционирование территорий.*

***Abstract.** Sociocultural specificity of society is directly related to the efficiency of formal institutions, the quality of public administration, innovative development, economic growth, the success of modernization. That is why social innovations, being, on the one hand, a factor of socio-cultural development (contributing to the growth of activity of the population and its civic consciousness, changes in the social environment, etc.), have a direct impact on the socio-economic functioning of the territories.*

***Ключевые слова:** социальные инновации, социокультурное развитие, регион, социальная реальность.*

***Keywords:** social innovations, social and cultural development, regions, social reality.*

Проблема, рассматриваемая в докладе

Будущее развитие России связано с переходом к такому принципу жизни общества, при котором приоритетными становятся социокультурные процессы, а определяющее значение для дальнейшего социального развития имеет человеческий капитал, адекватный задачам, стоящим перед страной [1]. Социокультурные процессы объединяют в себе огромный пласт общественной жизни. Это культура, ценности и традиции, религия, образование, здравоохранение, развитие системы социальных гарантий, доход, социальная структура населения, национальная идентичность, гражданская активность населения и т. д. [2].

Социокультурное развитие России в настоящее время претерпевает ряд трансформаций, обусловленных причинами как внутреннего, так и внешнего содержания. Среди внутренних причин важную роль сыграли реформы конца 20 века: изменение формы государственного устройства, переход к рыночной экономике, последовавшая за этим трансформационная рецессия, которая привела к снижению эффективности российской экономики, социальному расслоению общества, снижению качества жизни значительной части населения. Внешняя волна преобразований связана с процессами глобализации, распространением информационных и цифровых технологий, проникновением западных социокультурных моделей поведения. Укоренение существующих и возникновение новых социальных вызовов не всегда можно оценить и преодолеть с помощью традиционных методов и средств. В современном мире в качестве эффективного инструмента преодоления негативных последствий наиболее острых проблем в обществе все чаще стали использоваться социальные инновации. Проблема развития социальных инноваций как фактора социокультурного развития страны на современном этапе развития и посвящено данное исследование.

Базовая гипотеза

В условиях исчерпания традиционных ресурсов экономического развития и переходом экономически развитых стран к постиндустриальной стадии общественного развития, с характерным для неё усилением роли современных технологий (информационных и др.), социальные инновации являются определяющим фактором социокультурного развития и модернизации общества.

Методы исследования

Для анализа были использованы базы статистических данных Росстата. Эмпирической базой работы послужили результаты мониторинговых социологических исследований ФГБУН «Вологодский научный центр РАН», проводимых методом анкетного опроса населения Вологодской области. Замеры общественного мнения проводятся с 1996 года, опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце и 8-ми районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдени-

ем пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Кроме того, в работе использованы эмпирические данные мониторингов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и исследовательской группы «ЦИРКОН».

Результаты исследования, их новизна

В современной науке пока не сложилось общего понимания социальных инноваций (в том числе четкого отличия от других концепций, таких как социальное предпринимательство или технологические инновации). Что отличает социальные инновации от других проявлений социальных изменений, так это то, что они целенаправленно ориентированы на определенных участников с целью наибольшего удовлетворения потребностей и решения проблем по сравнению со сложившейся практикой. Т.е. инновация является социальной в той мере, в которой она принимается и распространяется в обществе и в конечном итоге становится институционализированной как новая социальная практика.

Современными исследователями выявлено, что социокультурная специфика общества прямо связана с такими компонентами территориального развития как эффективность работы формальных институтов [3], качество государственного управления [4], инновационное развитие [5], экономический рост [6; 7], успешность модернизаций [8]. Например, модернизационный рывок Японии и «азиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) в немалой степени ученые объясняют социокультурными особенностями жителей этих стран [9]. Исследователи отмечали, что упорство, настойчивость в достижении целей и трудолюбие населения стали одной из опорных точек для быстрого развития этих стран. Наряду с экономическими изменениями росли ценности индивидуализма, снижалась дистанция власти [10]. Именно поэтому инновации в социальной сфере, способствующие росту активности населения и его гражданского самосознания, изменению социальной среды и т. д., имеют непосредственное воздействие как на социокультурное развитие, так и на социально-экономическое функционирование территорий.

Социальные инновации – относительно новое явление для России. В европейских странах ключевую роль в распространении социальных инициатив играет гражданское общество. В нашей стране эти процессы стимулируют органы власти в приоритетных для государства направлениях. В этом заключается коренное отличие стран в распространении инноваций в социокультурном пространстве. Оно объясняется множеством причин: от административных и финансовых институтов, создающих барьеры для внедрения социальных инноваций, до ментальных особенностей

населения, которое с осторожностью относится к нововведениям и изменению привычной социальной реальности.

Социокультурные особенности общества, в силу их инертности, ограничивают возможности преобразований, воздействуя как на скорость их осуществления, так и на саму их реализацию[11]¹. Готовность населения к инновационной деятельности показывают данные исследования о факторах и барьерах социокультурной модернизации, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в Северо-Западном федеральном округе в 2017 г. (табл. 1). Почти половина респондентов во всех исследуемых территориях (44 %) отрицательно оценили свои возможности по включению в создание новшеств, ещё 19% затруднились с ответом на данный вопрос.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Насколько Вы готовы...?», %**

Table 1

**Distribution of respondents' answers to the question:
" How ready Are you...?», %**

Степень готовности	Регионы округа					Среднее по СЗФО
	Вологодская	Калининградская	Мурманская	Новгородская	Респ. Карелия	
<i>Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)</i>						
Уже реализую	4,7	5,8	5,5	3,9	2,3	4,4
Готов	27,6	37,0	34,9	31,6	32,8	32,8
Не готов	43,1	46,0	33,7	50,7	44,4	43,6
Затрудняюсь ответить	24,5	11,3	25,9	13,7	20,6	19,2
<i>Усваивать новые ценности, образцы поведения, современного образа жизни</i>						
Уже реализую	8,0	16,5	7,2	12,0	6,5	10,0
Готов	39,9	49,3	47,9	35,8	46,4	43,9
Не готов	31,1	28,0	19,2	38,2	33,1	29,9
Затрудняюсь ответить	21,0	6,3	25,7	14,0	14,0	16,2

Источник: данные опроса ФГБУН ВолНЦ РАН о социокультурной модернизации территорий, 2017 г.

Как видно из таблицы непосредственно реализацией инновационных проектов занимается только небольшая доля населения СЗФО (4 %). Чуть больше этот показатель в Калининградской (5,8 %) и Мурманской (5,5 %) областях. Заметим при этом, что Мурманская область по показателю «инновационная активность организаций» находится на 3 месте в округе

¹ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ.

(10,4 %) [12] ¹. К изменению привычной социальной реальности, усвоению новых ценностей, образцов поведения, соответствующих современному образу жизни, не готова треть населения (30 %). Однако платформа для социокультурного движения все же имеется. В основе этой платформы более половины опрошенных: 10 % – уже реализуют новые формы общественной жизни, 44 % – готовы к переменам.

Наличие некоторой дистанции между осознанием населения необходимости социокультурных перемен в жизни общества и непосредственным участием в таких переменах обусловлена, в первую очередь, слабостью гражданской активности населения, его недоверием к нововведениям. В частности, это видно на примере такой социальной инновации как «телефон доверия»: почти половина респондентов (44 %) чувствует важность и нужность этой инициативы, но только около 3 % ею пользуются (табл. 2).

Таблица 2

Оценка населением социальной инновации – «телефон доверия» – с точки зрения его актуальности и использования, %

Table 2

Public assessment of social innovation – "hotline" – in terms of its relevance and use, %

Как Вы считаете, нужен ли «телефон доверия» по месту Вашего жительства?		Приходилось ли Вам пользоваться «телефоном доверия»?	
Да	44,0	Да	2,5
Нет	26,6	Нет	96,5
Затрудняюсь ответить	29,4		

Источник: данные опроса населения Вологодской области, 2013 г.

Несмотря на имеющиеся трудности, социальные нововведения и в России получают сегодня широкую прописку. Согласно исследованиям, проведенным ФГБУН ВолНИЦ РАН в рамках проекта SI-DRIVE² как участника 7-й Рамочной программы ЕС в 2014–2017 гг., было выявлено, что социальные инновации в России чаще всего применяются в сферах, в основном относящихся к непосредственным функциям социального государства, таких как здравоохранение и социальная помощь (33 %), образование (25 %), снижение неравенства в доступе к услугам в сфере досуга (20 %), занятость (19 %) и окружающая среда (4 %; рис. 1).

¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2018: Стат. сб. / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018.

² В проекте SI-DRIVE (SocialInnovation:DrivingForceofSocialChange) участвовали 14 партнеров из 11 стран-членов ЕС и 11 партнеров со всех континентов (в целом 30 стран). От России партнером партнером проекта выступил ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Исследование было посвящено семи основным областям практик: образование, занятость, окружающая среда и изменение климата, энергетика, транспорт и мобильность, здравоохранение и социальная защита, сокращение бедности и устойчивое развитие.

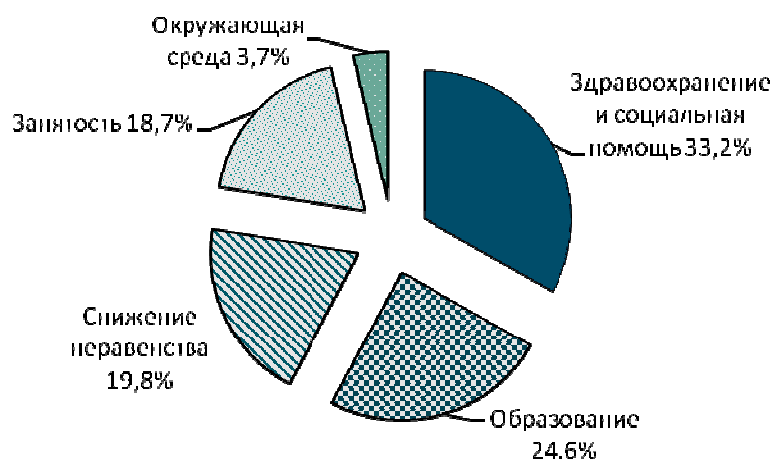

Рис. 1. Распределение реализуемых на территории России проектов социальных инноваций по сферам деятельности
Fig. 1. The distribution is implemented on the territory of Russia projects of social innovation in the fields
 of social innovation in the fields

Источник: данные фонда «Наше будущее» [13]

Распространенность социальных нововведений в сферах культуры, здравоохранения и образования уже дает положительные эффекты. В период 2010–2017 гг. произошел значимый рост позитивных оценок населения об уровне развития здравоохранения (в 2 раза), образования (в 1,5 раза) и культуры (в 1,2 раза; рис. 2).

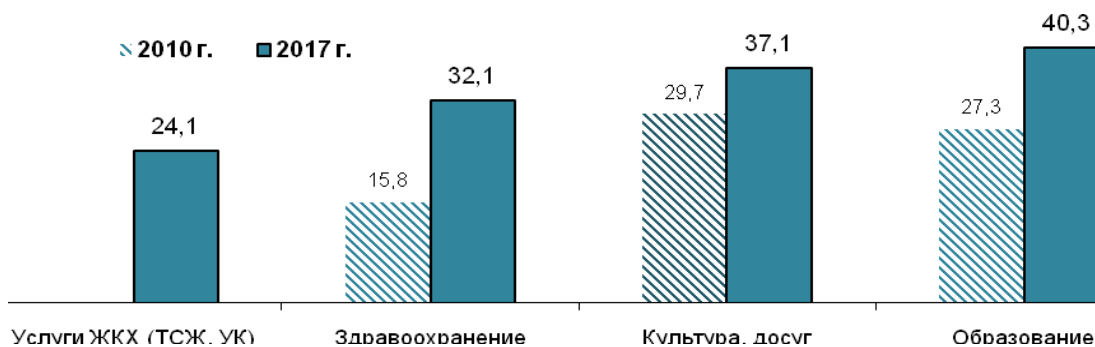

Рис. 2. Доля населения, отметившего хороший уровень обеспечения, Вологодская область, в %

Fig. 2. The proportion of the population that noted a good level of security, the Vologda oblast, %

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона» в 2010 г. и «Социокультурная модернизация региона» в 2017 г., проведенные ФГБУН ВолНЦ РАН

Согласно данным Фонда региональных социальных программ «Наше будущее», с 2007 по 2016 г. в рамках деятельности организации на территории страны было реализовано 187 инновационных проектов[14].

Исследование, проведенное ФГБУН ВолНЦ РАН в рамках проекта 7-й Рамочной программы, показало, что основными драйверами социальных инноваций являются поддержка федеральных и региональных органов власти, харизма идеолога-руководителя, информационные и коммуникационные технологии. В ходе исследования было выявлено, что одной из особенностей российского опыта внедрения социальных инноваций является то, что они в основном инициированы со стороны государства («сверху-вниз»). При этом примеры успешных практик социальных инноваций, связанных с инициативными проектами отдельных граждан имеются и в России. Это такие проекты как «Мама работает» (проект создает рабочие места для женщин, находящихся в декретном отпуске, как на дому, так и на производстве), «Тимуровцы информационного общества» (реализация разработок, направленных на ликвидацию компьютерной безграмотности социально незащищенных граждан)[15] и т. д.

На основе проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в рамках проекта SI-DRIVE кейсового исследования был обобщен передовой опыт социальных практик в системе российского образования: «Тимуровцы информационного общества» (г. Москва) и «Научно-образовательный центр ФГБУН ВолНЦ РАН» (г. Вологда). Эти проекты имеют разные цели и концептуальные установки, действуют в разных географических, экономических и организационных условиях. Однако их объединяет то, что за несколько лет они достигли значительных успехов в своей деятельности и имеют потенциал для дальнейшего развития (табл. 3).

Таблица 3

Краткая информация о проектах [15]

Критерий	«Тимуровцы информационного общества»	«Научно-образовательный центр ФГБУН ВолНЦ РАН» (НОЦ ФГБУН ВолНЦ РАН)
Старт проекта	2009 год	2001 год
Организатор проекта	Российское агентство развития информационного общества (РАРИО)	ФГБУН Вологодский научный центр РАН (ФГБУН ВолНЦ РАН)
Основатель проекта	Александр Анатольевич Айгистов (генеральный директор РАРИО)	Владимир Александрович Ильин (научный руководитель ФГБУН ВолНЦ РАН)
Цель проекта	Реализация методической разработки «КиберЛикбез», направленной на ликвидацию компьютерной безграмотности социально незащищенных граждан	Создание многоступенчатой системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров для науки, экономики и органов власти региона

Источники: [16; 17].

Европейский тренд социальных инноваций представляет собой инициативу «снизу-вверх», что свидетельствует о зрелости гражданского общества в этих странах.

Инициирование социальных проектов со стороны властных структур в России обусловлено, как было сказано выше, слабостью гражданского общества и также настроением россиян на государственную поддержку. По данным исследовательской группы «ЦИРКОН», большая доля (48 %) россиян полагается в решении социальных проблем только на государство и лишь 4 % – на негосударственные структуры¹. Кроме того, данные мониторинга «ЦИРКОН» говорят еще и о такой проблеме как недостаточная информированность россиян о социальном предпринимательстве (рис. 3). Причем доля знающих что это такое не изменилась на протяжении 8 лет измерений (4–7 %) [18].

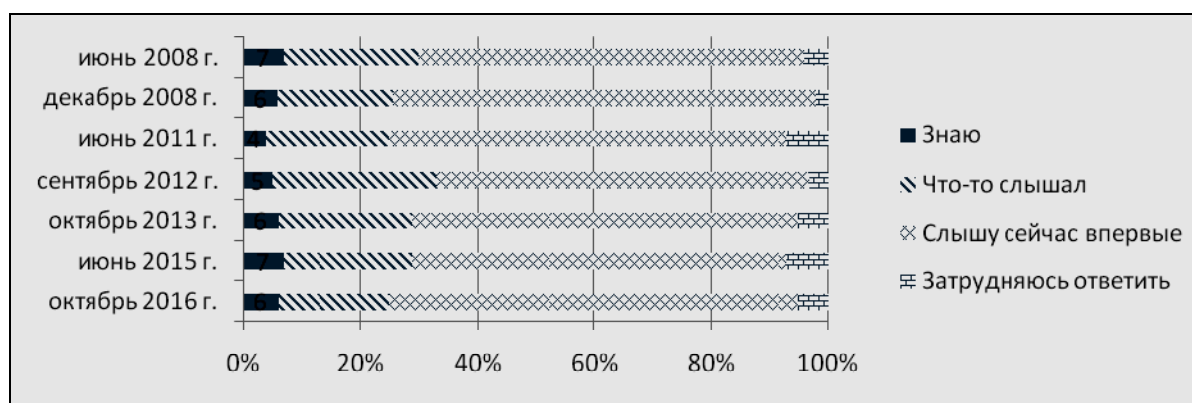

Рис. 3. Знаете ли Вы, что-либо слышали или слышите сейчас впервые словосочетание «Социальное предпринимательство»? (% от всей выборки)

Fig. 3. Do you know what you have heard or are hearing now for the first time the phrase "Social entrepreneurship"? (% of total sample)

Источник [18]

Слабость российского гражданского общества обусловлена тем, что под влиянием внешних и внутренних вызовов последнего времени оно стало разнородным. «Трансформация современного российского общества, – по словам Н. И. Лапина, – характеризуется возникновением новой социальной (в широком смысле) дифференциации, изменяющей мотивацию деятельности и возможности благосостояния различных категорий населения и, в свою очередь, меняющейся под воздействием изменений этих субъектов» [19]. В условиях дифференцированного общества задачей государства является удовлетворение потребностей всех категорий граждан, обеспечение благополучия всех общественных страт. Социальные инновации здесь являются основным инструментом решения проблем. Поддерживать инициативы в социальной сфере, придать им наибольшее ускорение

¹ Официальный сайт исследовательской группы «ЦИРКОН». Режим доступа: <http://www.zircon.ru/>

вполне может растущий сектор социально ориентированных некоммерческих организаций – СОНКО (с 2012 по 2015 гг. – на 30 %) [20].

Кроме того, исследование проблемы социальных инноваций в России показало, что в отличие от технологической сферы, для которой инновационные проекты являются динамичным процессом, движимым потребностями научно-технического прогресса, социальные инновационные процессы нуждаются в общественном запросе. И такой запрос, по нашему мнению, существует (рис. 4).

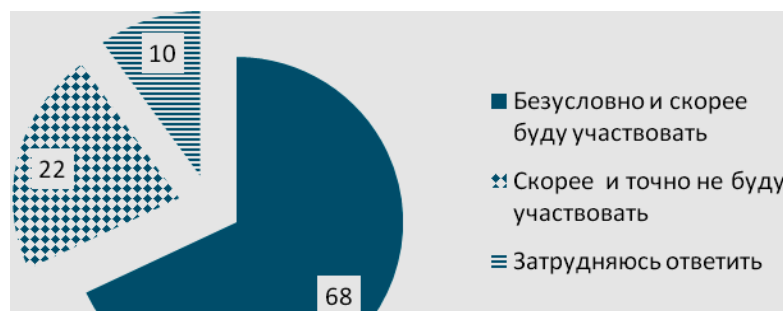

Рис. 4. В жизни бывают разные обстоятельства, но если рассматривать обычные условия, то в ближайшие 1–2 года вы будете участвовать или нет в программах помощи другим людям на условиях безвозмездной поддержки, волонтерства? (закрытый вопрос, % от всех опрошенных)

Fig. 4. In life there are different circumstances, but if we consider the usual conditions, in the next 1–2 years you will participate or not in programs to help other people on the conditions of free support, volunteering?
(closed question, % of all respondents)

Источник: [21]

Если рассматривать волонтерство как одну из социальных практик, то исследования ВЦИОМ демонстрируют высокую готовность населения к участию в волонтерских программах (68 % выразили намерение участвовать в таких мероприятиях).

Практическое значение результатов

Динамика социокультурной модернизации регионов РФ показывает, что одним из факторов, затормаживающих динамику вторичной модернизации, является показатель «инновации в знаниях», состоящий из таких индикаторов как затраты на НИОКР и численность исследователей. Особенно отстает в этом отношении Вологодская область [22]. Реальным практическим вкладом такой социальной инновации как Научно-образовательный центр ФБГУН ВолНИЦ РАН в развитие научно-технического потенциала региона является то, что в состав его исследовательского корпуса за пятнадцатилетний период (2003 – 2018 гг.) функционирования вошло 59 высококвалифицированных кадров (доктора и кандидаты наук), что составляет 12 % от его общей численности (509 чел. в 2017 г.). Этот факт

подтверждает базовую гипотезу о несомненном влиянии социальных инноваций на социокультурное развитие территории.

Таким образом, в регионах важно создавать благоприятную среду для развития социальных инноваций. Речь идет о новой роли государственных стратегий и правительственных программ в создании надлежащих механизмов и вспомогательных структур, интеграции ресурсов бизнеса и гражданского общества, поддержке со стороны научных и образовательных структур.

Литература

1. Молодых-Нагаева, Е. Г. Социокультурное развитие северного региона: современное состояние, тенденции и перспективы: Дис. канд. ... социол. наук / Е. Г. Молодых-Нагаева. – Тюмень, 2004.
2. Хавронюк, О. В. Социокультурный потенциал как фактор инновационного развития региона / О. В. Хавронюк, Т. А. Хавронюк // Тул. образовательное пространство. – 2015. – № 3. – С. 9–12.
3. Alesina, A. Culture and institutions / A. Alesina, P. Giuliano // Journal of Economic Literature. – 2015. – № 53(4). – P. 898–944.
4. Licht, A. N. Culture rules: The foundations of the rule of law and other norms of governance / A. N. Licht, C. Goldschmidt, S. H. Schwartz // Journal of comparative economics. – 2007. – № 35(4). – P. 659–688.
5. Shane, S. Uncertainty avoidance and the preference for innovation championing roles / S. Shane // Journal of International Business Studies. – 1995. – № 26(1). – P. 47–68.
6. Giuliano, P. Growing up in a Recession / P. Giuliano, A. Spilimbergo // The Review of Economic Studies. – 2014. – № 81(2). – P. 787–817.
7. Gorodnichenko, Y. Which dimensions of culture matter for long-run growth? / Y. Gorodnichenko, G. Roland // The American Economic Review. – 2011. – № 101(3). – P. 492–498.
8. Berger, P. L. In Search Of An East Asian Development Model / P. L. Berger, H.-N. M. Nsiao. – New Brunswick, 1988.
9. Hofstede, G. Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations / G. Hofstede. – 2nd Ed. – Sage, Thousand Oaks, Calif., 2001.
10. Аузан, А. А. Культурные факторы модернизации: Докл. / А. А. Аузан, А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин, В. А. Найшуль. – СПб.: Фонд «Стратегия 2020», 2011.
11. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ / Аузан А. А. и др. – М.: Ин-т стратегических разработок, 2017.

12. Индикаторы инновационной деятельности – 2018: Стат. сб. / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2018.

13. Социальные инновации в Испании, Китае и России: Ключевые аспекты развития / Т. С. Соловьева, А. В. Попов, А. Каро-Гонсалес, Хуа Ли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 52–68.

14. Годовой отчет [Электронный ресурс] / Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». – URL: http://www.nb-fund.ru/about-us/about_annual_report_t/

15. Социальные инновации как эффективный ответ на современные вызовы в сфере образования / А. Шрёдер, А. А. Шабунова, А. В. Попов, Т. С. Соловьева, М. А. Головчин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 21–36.

16. Тимуровцы информационного общества [Электронный ресурс] // Агентство развития информ. о-ва РАРИО. – URL: <http://rario.ru/projects/timurovci.php>

17. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации: В 2 кн. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Кн. 1. Подсистема дополнительного школьного образования.

18. Нуждается ли социальное предпринимательство в общественном доверии? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/844/SP-2018_press-reliz1.pdf

19. Лапин, Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 1997. – № 3.

20. 5 лет франдрайзинга в России: 2012–2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://takiedela.ru/wp-content/uploads/2017/10/NH-5-years-of-fundraising-in-Russia-.pdf>

21. Ласточкина, М. А. Специфика и дифференциация сбалансированности процессов модернизации регионов // Проблемы развития территории. – 2016. – № 2 (82). – С. 37–49.

Секция 1

РОССИЯ, ЕЕ РЕГИОНЫ И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА НА НОВОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

УДК 316.325 (574)

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-101-107

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС О СТАБИЛЬНОСТИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

SOCIAL DISCOURSE OF STABILITY OF KAZAKHSTAN SOCIETY

Г. Ж. Асылханова
Gulnar Zh. Assylkhanova

*Инновационный Евразийский университет
(Павлодар, Республика Казахстан)
Innovative University of Eurasia
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)*

***Аннотация.** В статье рассматриваются новые принципы социальной политики, способствующие укреплению социальной стабильности казахстанского общества, устойчивости ее социальной структуры.*

Эффективная социальная политика является залогом стабильного устойчивого социального развития казахстанского общества. Поэтому социальная поддержка слабозащищенных слоев населения стало одним из приоритетных направлений деятельности нашего государства.

Государство Республики Казахстан гарантирует нашим гражданам минимальные социальные стандарты в сферах труда, социального обеспечения, образования, семьи и детей, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, оказания юридической помощи.

***Abstract.** The article deals with new principles of social policies that promote social stability of Kazakhstan society, the sustainability of its social structure.*

An effective social policy is the key to a stable sustainable social development of Kazakhstan's society. Therefore, social support unprotected groups has been one of the priorities of our state.

The government of the Republic of Kazakhstan guarantees to our citizens a minimum social standards in the fields of labor, social security, education, family and children, health care, culture, physical culture and sports, provision of legal aid.

Ключевые слова: *дискурс, социальная политика, минимальные социальные стандарты.*

Keywords: *discourse, social policy, minimum social standards.*

В условиях процессов глобализации и мировой интеграции принятие нового политический курса «Стратегия «Казахстан-2050» является закономерным и необходимым для вхождения страны в число 30-ти самых развитых государств мира.

В данных условиях разработка новых принципов социальной политики служит укреплению социальной стабильности казахстанского общества, устойчивости ее социальной структуры.

Главной целью новой социальной политики Казахстана является социальная безопасность и благополучие, социальной защита граждан.

В условиях современного глобального экономического кризиса, который переживают в той или иной мере все страны мира, в нашей республике возрастает роль социальной политики.

Этим целям и задачам на современном этапе уделяется постоянное внимание во всех программных документах Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Так, в Послании к народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» отмечается, что «в нашем обществе растет запрос на обновленную и более эффективную социальную политику, способную справиться с вызовами времени» [1, с. 33].

Кроме того в данном документе выделен раздел «Новые принципы социальной политики – социальные гарантии и личная ответственность», в котором определены ее новые направления.

Во-первых, государство, особенно в условиях глобального кризиса, гарантирует гражданам нашей страны минимальный социальный стандарт.

Во-вторых, государство оказывает социальную поддержку только тем группам, которые в этом нуждаются. Государство несет полную ответственность за адресную поддержку социально уязвимых слоев общества – пенсионеров, инвалидов, нетрудоспособных, больных детей и др.

В-третьих, решаются проблемы социальных дисбалансов в развитии регионов. Сейчас слабое экономическое развитие ряда регионов ведет к тому, что не обеспечивается занятость. Происходит поляризация уровня доходов населения.

В-четвертых, модернизируется политика обеспечения занятости и оплаты труда.

Важнейшей составной частью социальной политики на новом этапе названа защита материнства и детства.

В последнем Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана 10 января 2018 года «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции» поставлена приоритетная задача улучшения качества человеческого капитала [2, с. 11].

Дискурс улучшения качества человеческого капитала направлен на повышение качества образования, развитие способности к постоянной адаптации к изменениям и усвоению новых знаний, усиление переподготовки преподавателей, привлечение зарубежных менеджеров в вузы, открытие кампусов мировых университетов.

Система образования должна стать центральным звеном новой модели экономического роста.

Поставлена задача и дальнейшего реформирования системы здравоохранения в соответствии с мировой практикой.

Отмечено, что социальная политика будет осуществляться через вовлечение граждан в полноценную экономическую жизнь.

Особое значение имеют изменения в сфере социального обеспечения. Продолжается реализация мер социальной поддержки населения.

С 1 июля этого года будут повышены пенсии для 2,1 миллиона пенсионеров до 20 % к уровню 2018 года.

Для демографического роста населения страны будут увеличены размеры единовременного пособия на рождение ребенка на 20 %.

В Плате нации «100 конкретных шагов» Президент Республики Казахстан, Лидер Нации Н. А. Назарбаев особым направлением социальной политики определил оптимизацию социальной помощи через усиление ее адресного характера.

В 2018 году будет поднят порог оказания адресной социальной помощи с 40 до 50 % от величины прожиточного минимума и внедрен ее новый формат.

Многодетным и малообеспеченным семьям будет выплачиваться единое пособие, равное сумме ныне получаемых нескольких социальных выплат.

В Республике Казахстан в период формирования новой экономической системы наиболее актуальны измерение бедности и величины прожиточного минимума.

Воспроизводство рабочей силы должно отвечать главному условию: получаемый доход должен обеспечить нормальное существование семьи работника и соответствовать реальной величине прожиточного минимума.

В связи с этим предусмотрено пересмотреть также прожиточный минимум, то есть его соответствие реальным потребительским расходам казахстанцев.

В Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» государство должно гарантировать гражданам минимальный социальный стандарт.

Во-первых, главной задачей новой социальной политики является не допустить роста бедности через новые минимальные социальные стандарты и гарантии, которые должны прямо зависеть от роста экономики и бюджета.

Сюда будут включены новые социальные потребности, во-первых, расширение списка потребностей индивида и включение в него статей на образование и здравоохранение (в том числе для безработных и нетрудоспособных с целью их большей социализации), здоровое питание и здоровый образ жизни, удовлетворение интеллектуальных и информационных запросов и т. д.

Во-вторых, расчет стоимости потребностей индивида будет производиться по реальным ценам, то есть по новым социальным показателям Агентства Республики Казахстан по статистике.

В-третьих, будут поэтапно повышаться стандарты качества жизни, связанные с ростом экономики. В соответствии с данными стандартами будут определяться объемы бюджетного финансирования всей социальной сферы.

Социальная политика государства направлена на осуществление минимальных социальных стандартов в следующих сферах: труда, социального обеспечения, образования, семьи и детей, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, оказания гарантированной государством юридической помощи.

Следует отметить, что минимальные социальные стандарты, включают в себя такие новации, как обеспечение реализации социальных гарантий и социальных прав на оплату труда, продолжительность рабочего времени и времени отдыха.

Минимальными социальными стандартами в сфере социального обеспечения стали минимальный социальный стандарт «Величина прожиточного минимума», минимальный социальный стандарт «Размер минимальной пенсии», минимальный социальный стандарт «Гарантированный объем специальных социальных услуг».

В сфере образования они реализуют социальные гарантии и социальные права на образование, в здравоохранении – реализацию социальных

гарантий и социальных прав на гарантированный объем бесплатной медицинской помощи.

Выделен минимальный социальный стандарт в сфере семьи и детей, обеспечивающий реализацию социальных гарантий и социальных прав на защиту интересов семьи и детей.

Среди которых минимальный социальный стандарт «Обеспечение защиты прав и интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на воспитание в семью (усыновление, опеку или попечительство, патронат)».

Гарантируется доступность услуг государственных организаций культуры, спортивных сооружений, находящихся в государственной собственности, в том числе доступ инвалидов к культурно-зрелищным мероприятиям, проводимым государственными организациями культуры и спорта.

Таким образом, модель социальной политики государства в Казахстане, выражает целевую установку с одной стороны, на социальное выравнивание доходов различных социальных групп общества и доступность социальных благ, а с другой – отход от излишнего патернализма.

Именно социальная политика, является одним из приемлемых механизмов для создания и расширения определенных социальных слоев, на которые могут полагаться уже существующие политические институты, что в свою очередь, способствует укреплению жизнеспособности всей политической системы.

Кроме того, комплекс мероприятий, предусмотренные концепцией социальной политики, позволяют активизировать эти слои, включить их в состав субъектов выработки решения, активизировать электоральный процесс, расширить рамки политического участия, позитивно влияя на дальнейшее развитие казахстанского общества.

Снижение уровня поляризации доходов социальных групп на современном этапе является результатом социальной политики Республики Казахстана, отражающей концепцию социальной защиты населения как системы обеспечения определенного уровня доступа к жизненно необходимым благам и определенный уровень благосостояния граждан, которые в силу обстоятельств (старость, состояние здоровья, потеря кормильца или работы и иные законные основания) не могут быть экономически активными и обеспечивать себя доходами путем участия в достойно оплачиваемом труде [3].

Она включает в себя государственные пособия, социальное страхование, обеспечение занятости, стимулирование малого бизнеса, жилищная помощь, поддержку нуждающихся групп населения, реабилитационную работу с людьми, которые имеют физические, психологические проблемы, патронатное воспитание и волонтерское движение.

Модель новой социальной политики государства в Казахстане, таким образом, выражает целевую установку на социальное выравнивание доходов различных групп общества и доступность социальных благ.

Социальная политика государства в Казахстане заключается в поддержке всех страт общества в рамках перехода к социально ориентированному рыночному хозяйству, стимулирования собственности и новых источников дохода.

Многополярность экономической дифференциации явилась результатом интеграции казахстанского общества в мировое экономическое пространство, что детерминировало становление новых социальных групп и институтов, сформировавших соответствующее качественно-количественное содержание и структурно – функциональное единство страт высшего, среднего класса и бедных.

Основными критериями статусного ранжирования пирамиды экономической стратификации выступили частная собственность и доход.

Однако статус и ранг пирамиды экономической иерархии является выражением одной из форм социальной стратификации общества в целом и взаимодетерминирован со статусными позициями иных сфер социального пространства.

Другим макроэкономическим показателем, характеризующим макроэкономическую ситуацию, соотношению в благосостоянии граждан, более репрезентативными показателями распределения доходов внутри страны являются коэффициент Джини.

Коэффициент Джини характеризует степень концентрации неравномерности распределения населения по уровню доходов (дифференциация денежного дохода населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны).

Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1. При этом, чем выше значение показателя, тем неравномерно распределены доходы.

Коэффициент Джини (коэффициент концентрации доходов) отражает степень неравенства в распределении дохода. Данный коэффициент в Казахстане в 1997 г. был равен 0,338, в 2007 г. 0,293, в 2017 г. 0,265 [4, с. 33].

Если коэффициент Джини находится в интервале 0,33–0,35, то это является показателем высокого неравенства в распределении дохода.

Экономическая стратификация общества по критерию дохода в наибольшей степени связана с дифференциацией в оплате труда и доходов от предпринимательской деятельности, собственности, а также социальных трансфертов.

Однако, если при дифференциации социальной стратификации общества, происходит резкая поляризация уровня доходов различных экономических страт в общем объеме совокупного дохода, отмечается обострение социальной напряженности.

Государственное регулирование системы социального обеспечения является основным принципом осуществления новой политики социальной защиты в Республике Казахстан.

Литература

1. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана 14 дек. 2012 г. [Электронный ресурс]. – Астана, 2012. – URL: // <http://www.akorda.kz>
2. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции: Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана 10 янв. 2018 г. [Электронный ресурс]. – Астана, 2018. – URL: // <http://www.akorda.kz>
3. О прожиточном минимуме. Приложение: Концепция социальной защиты населения Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 1999. – 19 нояб. – № 270.
4. Мониторинг уровня жизни населения в Республике Казахстан, 3 квартал 2017 года: Электронные таблицы. – Астана: Комитет по статистике Мин-ва нац. экономики Республики Казахстан, 2018.

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНА
КАК ГЕТЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

**THE EVOLUTION
OF THE REGION AS HETERARCHICAL SYSTEM**

**Н. В. Дулина¹, Е. В. Каргаполова²
Nadezda V. Dulina¹, Ekaterina V. Kargapolova²**

¹ *Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)*

² *Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)*

¹ *Volgograd state University (Volgograd, Russia)*

² *Astrakhan state University (Astrakhan, Russia)*

***Аннотация.** В статье представлены результаты анализа эволюции региона как гетерархической системы с присущей ей сложностью, взаимозависимостью элементов, потенциалом самоорганизации «снизу».*

***Abstract.** The article presents the results of the analysis of the evolution of the region as a heterarchic system with its inherent complexity, interdependence of elements, the potential of self-organization «from below».*

***Ключевые слова:** регион, эволюция, гетерархическая система.*

***Keywords:** region, evolution, heterarchical system.*

Огромное пространство нашей страны, на наш взгляд, для сохранения целостности требует иерархической организационной структуры. При этом осмысление современной социальной реальности с учетом опять же огромного пространства России приводит к необходимости анализа региона на основе работ Д. Старка [1–2], то есть как гетерахической системы, сложной социальной сети, формы спонтанной самоорганизации, возникающей в результате децентрализованной активности участников, которая выступает как одно из возможных решений проблемы делегирования полномочий. Социальная сеть способна возникнуть лишь там, где накоплен определенный объем социального капитала – неформальных норм, приходящих на место формальной организации [3].

Результаты мониторинговых социологических исследований Астраханской области¹ позволяют составить представление о сложном соотношении («переплетении»), степени соответствия / несоответствия иерархической организационной структуры и неформальных практик населения; о тех элементах социальной системы, которые могут быть использованы в качестве ресурса социального развития региона и тех проблемах, которые стоят на пути данного процесса.

В 2011 г. Астраханская область (наряду с Волгоградской областью и Республикой Адыгея) вышла из состояния заторможенного роста первичной модернизации и вошла в стадию «срединный» (тип 3) [источник: 4]. Такое качественное изменение положения региона отражается и в динамике индекса человеческого развития: с 1999 г. все субъекты ЮФО, равно как и сама Российская Федерация, значительно повысили свои индексы человеческого развития и их составляющие, но только Астраханской области в рейтинге субъектов Российской Федерации удалось подняться на 20 позиций [источник: 5]. Рост значений индексов модернизации и индексов человеческого развития коррелирует с результатами второй волны мониторинга в регионе, проведенной в 2012 г.: по сравнению с результатами первой волны 2010 г. укрепилось интегрирующее ядро ценностей (если в 2010 г. в интегрирующее ядро ценностей входило две ценности, то в 2012 г. – уже шесть); повышается мотивация работы на частных предприятиях (в 2012 г. доля желающих работать на предприятиях частного сектора выросла по сравнению с 2010 г. на 9,8 % и составила 47,9 %, что превышало долю желающих трудиться по основному месту работы на государственных предприятиях на 12,8 %); существенно – с 46,2 % до 35,1 % – снизился протестный потенциал и т. п.

Но после 2013 г. Астраханская область (как и большинство субъектов Российской Федерации) в условиях финансово-экономического кризиса и санкций начинают «сдавать» свои позиции по показателям первичной модернизации. Из субъектов ЮФО такое движение назад привело к тому, что в 2015 г. Республика Адыгея качественно изменяет свое положение на карте социокультурной модернизации регионов России и от стадии «ниже срединного» (тип 2) возвращается к стадии, на которой находилась до 2011 г., – «традиционный, предварительный» (тип 1) [источник: 4]. Что

¹ Мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй – в мае–июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле–мае 2016 г. (N = 1000) г. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами ЦИСИ ИФ РАН.

же касается Астраханской области, то значения ИЧР, хотя и увеличиваются к 2014 г., но регион во внутристрановом рейтинге снижается с 21-го на 23-е место, что связано с сокращением ВРП на душу населения и ожидаемой продолжительности жизни [источник: 5].

Снижение показателей модернизированности и человеческого развития также коррелирует с результатами третьей волны мониторинга в регионе 2016 г. и проявляется следующим образом.

1. Нарастает разбалансированность социально-экологической системы Астраханской области, ее неустойчивое состояние. Это проявляется в разрыве между объективным ухудшением состояния экологической составляющей системы [6–8] и ее оценкой со стороны населения, в которой игнорируется это ухудшение. Так, доля астраханцев, которые считают чистым воздух, выросла от первой волны мониторинга к третьей с 21 % до 28 %. Субъективные оценки чистоты воды также выросли с 21 % до 33 %. С одной стороны, население области демонстрирует поведение, типичное для общества потребления, когда экономические интересы преобладают над всеми остальными. С другой стороны, возможно, что население настолько озабочено проблемой бедности и выживания (о чем свидетельствует динамика социальных опасностей [9, 10]), что экологическая угроза отступает на второй план. Когда на первом плане проблемы выживания, то горизонт планирования – минимален, снижается уровень притязаний. И поскольку население – часть всей этой системы – то отклонение становится для него уже нормой.

2. Продолжаются процессы изменения возрастной структуры населения в сторону уменьшения числа детей и увеличения числа пенсионеров, что усиливает демографическую нагрузку; сокращается доля женщин репродуктивного возраста; растет отток населения из сел в города [11, с. 100–123]. Негативное влияние на экономику региона данных процессов в какой-то степени компенсируется миграционным притоком. Такой приток в условиях многонационального и поликонфессионального региона приводит к росту социальной напряженности. Так, доля астраханцев, которые считают, что отношения мигрантов с коренным населением неровные, нередко возникает напряжение выросло от первой волны исследования к третьей с 9 до 12 %; доля тех, кто считает эти отношения устойчивыми и позитивными снизилась с 25 до 23 %; а тех, кто выбрал вариант ответа «в целом нормальные отношения, но случаются недоразумения» – с 44 до 40 %. С задачей адаптации молодых мигрантов с зачастую низкой профессиональной квалификацией должна «справляться» система образования региона, потенциал которой, судя по рейтингам, растет [12, с. 179–180; 13, с. 48].

Выполнять задачи адаптации к внешним условиям среды также возможно на уровне социокультурного института семьи. В последние годы институт семьи укрепляется. Так, приоритетная роль семьи отражается

в том, что она входит в интегрирующий кластер ценностей в системе ценностных предпочтений астраханцев [11, с. 258–259]. Эта же приоритетность семьи фиксируется и в первичных социальных сетях (кругах взаимопонимания) индивида: значимость семьи выросла от первой волны мониторинга к третьей с 72 до 81 %. С 2000 г. растут показатели брачности, которые в 2011 г. превысили показатели 1990 г. (9,1 против 8,7 вступивших в брак на 1000 чел. населения) [источники: 14, 15].

Но в целом в Астраханской области приоритетное место семьи в системе ценностных ориентаций населения не подкрепляется состоянием конкретных семейно-брачных практик. Так, растет доля не состоящих в браке: от первой волны мониторинга к третьей практически на 10 % (с 18 до 28 %) увеличилась доля не состоящих в браке. Доля бездетных выросла с 21 до 36%; доля семей с двумя детьми, напротив, сократилась с 42 до 29 %. С 2010 г. по 2014 г. Астраханская область занимала первое место среди субъектов ЮФО по разводимости [источник: 15].

Выросла доля негативных оценок системы здравоохранения. Так доля удовлетворенных медицинским обслуживанием снизилась от первой волны к третьей с 15 до 7 %, что отражает степень дисфункции здравоохранения как социального института. Но одновременно увеличилась (с 28 до 40 %) доля субъективных оценок здоровья как нормального. Одной из вероятных причин является реформа системы здравоохранения, сопровождающаяся закрытием и сокращением поликлиник и больниц, числа больничных коек, что приводит к увеличению числа людей, которые заботятся о своем здоровье самостоятельно. Но при этом нельзя не обращать внимания на несоответствие самосохранительных установок и реального поведения в сфере здоровья. Это может приводить к понижению планки социальных притязаний при формировании представлений об идеальном образе здоровья у части населения (также, как и в случае с оценкой экологической обстановки) и являться одной из причин позитивной динамики субъективных оценок здоровья.

3. Замедляются темпы социально-экономического развития. В 2015 г. в регионе наблюдалась тенденция сокращения занятых в организациях с частной собственностью до уровня 2008 г. [источник: 15]. В 2016 г. доля астраханцев, которые предпочли бы работать на предприятиях частного сектора, не только снизилась до уровня 2010 г., но и стала гораздо ниже, чем доля желающих работать на предприятиях государственного сектора экономики (38 против 51 %). Среди молодежи Астрахани – самый высокий (по сравнению с молодежью из других регионов страны) запрос (около 30 %) на выезд для работы за пределы страны, который, как можно предположить, демонстрируют самые активные, то есть авангард социального развития региона [более подробно см.: 16].

Увеличивается доля «бедных» (с 16 до 19 %) на фоне еще более существенного снижения доли «обеспеченных» (с 35 до 27 %). При этом зафиксирована модель поведения, которая является свидетельством опять же сниженной планки социальных притязаний: наряду с ухудшением материального положения растет самоидентификация со средним и более высокими социальными слоями (с 69 до 76 %). Кроме того, население региона за весь период исследования демонстрирует показатели социального самочувствия более высокие, чем в среднем по стране (0,65 против 0,6).

3. В структуре жизненного мира астраханцев растут социокультурные дистанции, что проявляется, прежде всего, в значительном падении поддержки практически всех базовых ценностей. Среди посетителей культурно-массовых учреждений увеличивается доля тех, кто их посещает крайне редко (таких около половины), но также примерно каждый третий начинает их посещать чаще. Не может не радовать, что в последней группе преобладает молодежь. Одновременно с усилением маргинальности ценностного сознания астраханцев укрепляются первичные социальные сети. Мы уже отмечали рост значимости семьи. В 2,9 раза (с 18 до 52 %) повысилась значимость круга друзей. Значительно укрепился профессиональный круг (с 6 до 17 %) и круг соседей (с 4 до 13 %), причем эта тенденция проявилась уже в 2012 г.

4. Изменяется институционно-регулятивная структура региона: укрепляется вертикаль власти, что проявляется в росте численности людей, работающих в территориальных органах федеральных органов, т. е. в структурах на уровне регионов, деятельность которых регулируется указами президента и постановлениями Правительства Российской Федерации. В 2015 г. численность этой категории чиновников составила 8882 чел., это около половины всего чиновничьего корпуса региона. Объем этой социальной группы достиг максимального значения в 2014 г. (9214 чел.), что было практически в три раза больше показателя 1995 г. [источники: 14, 15].

Растет институциональное доверие. Так, по сравнению с результатами второй волны мониторинга уровень доверия прокуратуре вырос на 20 %, полиции – на 17 %, Законодательному собранию, Думе региона – на 14 %, правительству, профсоюзам и муниципальным, местным органам управления – на 12 %, губернатору – на 11%, суду – на 10 %, региональным отделениям политических партий – на 9 %, средствам массовой информации – на 5 %. По всем социальным институтам (за исключением СМИ) наблюдается превышение аналогичных показателей 2010 г.

Снижается уровень правонарушений [источник: 14, 15]. Населением рефлексируются нарушения прав и свобод, необходимость их защиты. Но качество социальной среды в регионе продолжает оставаться низким: только каждый пятый астраханец чувствует себя безопасно в одиночестве в районе своего проживания после наступления темноты. Каждый пятый

житель региона или члены его семьи за последние пять лет были жертвой грабежа, нападения, насилия. Примерно каждый четвертый часто и/или изредка сталкивается с фактами коррупции. Существенно увеличилась доля населения, которая столкнулась с нарушениями прав и свобод: если в 2010 г. она составляла от 5 до 19 %, то в 2016 г. – от 17 до 32 % по различным категориям прав и свобод. В 2016 г. по результатам мониторинга зафиксировано возвращение протестного потенциала к уровню 2010 г., который составил 44 %.

Подводя итоги, необходимо отметить, что значительно увеличилась доля негативных сравнительных оценок региона как основной среды жизнедеятельности: если в 2012 г. считали, что в регионе люди живут хуже, чем во всех соседних, 15 % опрошенных, то в 2016 г. – уже 26 % респондентов. Доля астраханцев, которые рады, что живут в регионе уменьшилась с 30 до 20 %. А доля тех, кто хотел бы уехать в другой регион России, напротив, выросла с 2 до 8 %.

Таким образом, в актуальном настоящем имеются все предпосылки к сохранению неустойчивого состояния социокультурной системы региона в целом. Астраханская область как система, скорее всего, находится в фазе накопления изменений, где происходит постепенное расшатывание системы, а возможно близка к границе фазы реорганизации, которая означает переход системы региона к более устойчивому состоянию за счет ее упрощения. Возможно, что упрощение системы, проявляется в снижении планки социальных притязаний с одновременным укреплением структуры первичных социальных сетей. Данный процесс усиливается миграционным замещением части населения региона с более высокими социальными запросами носителями номадического (кочевнического) менталитета с заниженной планкой социальных притязаний. Как ни парадоксально, упрощение системы при соответствующем организационном оформлении и организационной структуре может стать ресурсом социального развития региона.

Литература

1. Старк, Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах / Д. Старк // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 49–95.

2. Stark, D. Ambiguous Assets for Uncertain Environments: Heterarchy in Postsocialist Firms [Электронный ресурс] / D. Stark // Экон. социология. – 2000. – Т. 1. – № 2. – С. 7–34. – URL: www.ecsoc.msses.ru (дата обращения: 06.12.2017).

3. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2008.

4. ИС «Модернизация» (ВолНИЦРАН, г. Вологда) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mod.vscs.ac.ru> (дата обращения: 06.12.2017).
5. Программа развития (ПРООН). Доклады о развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.undp.ru> (дата обращения: 03.03.2017).
6. Доклад об экологической ситуации в Астраханской области в 2013 году [Электронный ресурс]. – Астрахань, 2014. – URL: <https://nat.astrobl.ru/service/doklady> (дата обращения: 07.04.2015).
7. Доклад об экологической обстановке на территории Астраханской области в 2010 году [Электронный ресурс]. – Астрахань, 2011. – URL: Режим доступа: <https://nat.astrobl.ru/service/doklady> (дата обращения: 27.03.2014).
8. Доклад об экологической ситуации в Астраханской области в 2016 году [Электронный ресурс]. – Астрахань, 2017. – URL: <https://nat.astrobl.ru/service/doklady> (дата обращения: 14.07.2017).
9. Лапин, Н. И. Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства / Н. И. Лапин // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 5. – С. 19–29.
10. Каргаполова, Е. В. Социальные опасности: региональное измерение / Е. В. Каргаполова // *PrimoAspectu*. – 2017. – № 1 (29). – С. 9–16.
11. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа): Кол. моногр. / Под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. – Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2017.
12. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территории: проблемы формирования и использования / Под общ. ред. А. А. Шабуневой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013.
13. Леонидова, Г. В. Тенденции развития сферы образования в регионах России / Г. В. Леонидова, М. А. Головчин // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2013. – № 4 (28). – С. 43–52.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г.: Стат. сб. [Электронный ресурс] / Росстат. – М., 2009. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b009_14p/Main.htm (дата обращения: 29.03.2017).
15. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016 г.: Стат. сб. [Электронный ресурс] / Росстат. – М., 2016. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 29.03.2017).
16. Дулина, Н. В. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, А. Л. Стризове // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 130–149.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ РЕГИОНА
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹**

**DETERMINING THE COMPETITIVE ADVANTAGES OF
THE REGION IN THE CONTEXT OF STRATEGIC PLANNING
OF ITS SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT**

**Ю. М. Пасовец
Yuliya M. Pasovets**

*Курский государственный университет (Курск, Россия)
Kursk State University (Kursk, Russia)*

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные подходы к выявлению конкурентных преимуществ региона, оценка которых становится необходима для реализации задач стратегического планирования социально-экономического развития российских регионов. Обосновывается необходимость анализа как экономических, так и социальных факторов регионального развития, обеспечивающих конкурентную позицию по отношению к другим социально-территориальным образованиям. Подчеркивается значимость анализа компонентов человеческого капитала, связанных с образованием, профессиональной подготовкой, культурой, способных выступать в качестве конкурентных преимуществ региона.*

***Abstract.** In the article the author considers the main approaches to identifying the competitive advantages of the region, the assessment of which becomes necessary for the implementation of strategic planning of Russian regions social and economic development. Analysis of economic and social factors of regional development is deemed necessary, because these factors provide a competitive position in relation to other regions. Also analysis of human capital components related to education, vocational training, and culture, recognized as important, seeing they are capable of acting as competitive advantages of the region.*

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739/

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентные преимущества, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие, регион.

Keywords: competitiveness, competitive advantages, strategic planning, social and economic development, region.

Проблема исследования. В современных условиях одной из ключевых и первостепенных задач управления социально-экономическим развитием российского общества выступает обеспечение сбалансированного регионального развития [3, с. 205]. Достижение сбалансированности развития российских регионов оказывается необходимым условием нивелирования пространственной асимметрии современной России, связанной с существенным социально-экономическим неравенством и социокультурной дифференциацией ее субъектов федерации [5].

Следует учитывать, что социокультурное разнообразие региональных сообществ в рамках российского общества, определяемое как их историко-культурным наследием, этнической и религиозной спецификой, так и экономической специализацией, способно значимым образом влиять на возможности и ограничения, диспропорции их социально-экономического развития. Наряду с этим на региональном уровне управление социально-экономическим развитием социально-территориального образования неразрывно связано с учетом его внутренней специфики: трендов социальной и экономической динамики, сложившихся внутренних условий, располагаемых ресурсов развития и степени остроты тех или иных социальных проблем.

В этом контексте актуализируется проблема определения конкурентных преимуществ отдельных регионов и макрорегионов с учетом перспектив стратегического планирования их социально-экономического развития. Решение данной проблемы имеет существенную научно-практическую значимость, поскольку в научном плане предполагает систематизацию и обобщение сложившихся подходов к определению конкурентных преимуществ территории, разработку методологии этого вопроса; в практическом – связано с выработкой рекомендаций по эффективной реализации задач стратегического планирования социально-экономического развития регионов, поиском внутренних сил развития.

Базовая гипотеза. С учетом необходимости репрезентативной оценки конкурентных преимуществ региона при определении таких характеристик регионального развития целесообразно учитывать как экономические, так и социальные факторы, уделяя внимание анализу компонентов человеческого капитала, связанных с образованием, профессиональной подготовкой, культурой.

Методы исследования. В процессе исследования проблемы применялись методы научной абстракции, системного анализа и синтеза, систематизации и обобщения, сравнительного сопоставления. В процессе анализа использовались нормативно-правовые акты: федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Результаты исследования, их новизна. В сфере научного знания категория «конкурентные преимущества» и связанное с ней понятие «конкурентоспособность» достаточно широко используются в экономической науке [6]. В этой области уже сформировалась традиция анализа конкурентных преимуществ продукции и фирмы, а в последнее время предпринимаются попытки выявления и обоснования таких преимуществ по отношению к региону как социально-территориальному образованию, имеющему статус хозяйствующего субъекта, положение которого на рынке может быть оценено с позиции его конкурентоспособности и наличия конкурентных преимуществ.

На настоящий момент в научном сообществе признается достаточно обоснованной дефиниция понятия конкурентных преимуществ региона как используемых показателей (факторов) его конкурентоспособности, обеспечивающих ему исключительное и длительное по времени превосходство в определенной сфере по сравнению с другими территориями, своевременность и гибкость реагирования на изменения рынка [11]. Вместе с тем остается открытым вопрос о критериях выбора конкурентных преимуществ территории, их источников, наборе (перечне, совокупности) таких показателей и их количестве.

Анализ экономических исследований по данной проблематике показывает, что в большинстве случаев при определении конкурентных преимуществ региона экономисты ориентируются на:

- его природные условия, географическое положение;
- наличие материальных ресурсов, рабочей силы (ресурсная обеспеченность);
- объем инвестиций в региональную экономику, их структуру, инвестиционную привлекательность территории;
- экономическую специализацию и структуру региональной экономики [2; 9].

Выбор этих критериев оценки конкурентоспособности региона во многом объясняется необходимостью характеристики меры экономической самостоятельности территории и возможностей ее усиления.

В качестве способа наращивания конкурентных преимуществ региона зачастую рассматривается внедрение инновационных моделей развития, региональных инновационных систем [7, с. 112–113]. Так, коллектив авто-

ров ИЭООП (Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко и др.) Сибирского отделения Российской академии наук предлагает характеризовать инновационный потенциал российских регионов посредством оценки двух групп показателей: способности региональной экономики к воспроизводству инноваций и результативности инноваций в ней [11, с. 46]. Как отмечают Г. Ф. Ромашкина и В. А. Давыденко, ключевой задачей управления инновационным развитием региона должно стать формирование инновационного образа жизни региона, связанного с достижением его привлекательности для разработчиков инноваций (индивидов, организаций и др.), обеспечением высокого качества жизни, созданием условий для эффективной деятельности инноваторов в определенном профиле деятельности, приобретением регионом инвестиционной привлекательности [8, с. 121].

С недавнего времени в экономической науке в решении этого вопроса признается значимость учета ряда неэкономических факторов (то есть имеющих социальную природу):

- степени эффективности системы управления и политики региональной власти;
- уровня научно-технологического развития и соответствующего потенциала, внедрения научно-технических разработок в производство;
- качества трудовых ресурсов, наличия высококвалифицированных специалистов, человеческого капитала;
- уровня доходов и потребления населения;
- уровня развития социальной инфраструктуры и обслуживания населения и других факторов [2; 4; 9, с. 28–29].

Обращение к социальным факторам конкурентоспособности региона делает необходимым включение в методологию научного анализа конкурентных преимуществ территории социологического подхода.

С позиции социологической науки открывают возможности поиска и интерпретации в качестве конкурентных преимуществ социальных ресурсов регионального развития, где его социокультурная составляющая выражается в ценностях, установках, предпочтениях и других культурных компонентах общественного сознания, моделях социального поведения населения. В этом плане особую роль для определения конкурентных преимуществ региона приобретает анализ компонентов человеческого капитала, отражающих количественные и качественные характеристики населения и трудовых ресурсов: численность населения, его состояние здоровья, уровень образования и квалификации занятых, их способность осваивать новые знания и технологии, создавать инновации и др., – и эффективность использования этих ресурсов. При оценке последней следует учитывать производительность труда занятых в экономике. Достаточно высокий уровень развития человеческого капитала в регионе и его компонентов может выступать конкурентным преимуществом по отношению к другим социально-территориальным образованиям.

Следует отметить, что применение для оценки конкурентных преимуществ региона совокупности показателей, отражающих экономические и социальные факторы, требует привлечения информации из разных источников: статистических данных, экспертных оценок, социологических опросов населения. Для обработки данных зачастую используются рейтинги, расчет индексов.

В последнее время в рамках социально-экономического знания предпринимаются попытки выделить конкурентные преимущества отдельных российских регионов и макрорегионов на основе оценки факторов экономической и неэкономической природы, в том числе посредством метода SWOT-анализа, предполагающего анализ возможностей и угроз, сильных и слабых сторон объекта [2; 4]. В частности, коллективом авторов в качестве сильных сторон Курской области – одного из российских регионов – рассматриваются природные условия и ресурсы (наличие железной руды и других нерудных полезных ископаемых, черноземов), географическое и транспортное положение (крупные железнодорожные узлы, развитая транспортная сеть дорог), производственно-экономическая сфера деятельности (высокая энергообеспеченность области и наличие резервов электроэнергетических мощностей, магистральных нефте- и газопроводов, проходящих по территории области и др.), агропромышленный сектор (наличие многоотраслевого перерабатывающего комплекса, предприятий пищевой промышленности), социальная сфера (низкий уровень межнациональной конфликтности, стабильная политическая ситуация в регионе, развитая традиционная система расселения; наличие высококвалифицированного кадрового потенциала, учебных заведений для подготовки и переподготовки кадров, наличие культурно-исторического наследия), система управления регионом (полная согласованность действий с федеральным центром и др.) [4, с. 112–113]. Приведенные характеристики региона с определенной долей условности можно интерпретировать как его конкурентные преимущества. Однако следует заметить, что в этой работе остается недооцененной роль компонентов человеческого капитала, связанных с образованием, профессиональной подготовкой и культурой, в усилении конкурентной позиции региона.

Практическое значение результатов. Практическая необходимость выработки эффективного подхода к выявлению конкурентных преимуществ регионов и макрорегионов в рамках управления их социально-экономическим развитием отражается в нормативно-правовой базе современного российского государства. Так, содержанием ст. 7 «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» устанавливается, что одной из необходимых мер инфраструктурного обеспечения пространственного развития экономики и социальной сферы Российской Федерации выступает выявление и анализ

экономической специализации и перспективных конкурентных преимуществ регионов и муниципальных образований с учетом международного, межрегионального и межмуниципального разделения труда. В статье 8 Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. к числу ключевых задач стратегического планирования социально-экономического развития российских регионов отнесены определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей, включая финансовые, социально-экономического развития субъектов федерации; определение ресурсов для достижения целей и задач социально-экономической политики и их социально-экономического развития [10]. Эти задачи стратегического планирования непосредственно связаны с определением конкурентных преимуществ регионов, направлений и способов их использования для поступательного социально-экономического развития регионов.

В этом контексте становятся востребованными результаты анализа подходов к оценке конкурентных преимуществ региона, обоснование необходимости учета в системе конкурентных преимуществ региона компонентов человеческого капитала, связанных с реализацией образовательно-профессионального потенциала населения и его здоровьем.

Таким образом, эффективное использование конкурентных преимуществ территории ведет за собой социально-экономическое развитие региона, становится необходимым условием реализации задач стратегического планирования в этой сфере. При этом при определении конкурентных преимуществ региона целесообразно учитывать как экономические, так и социальные факторы.

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016.

2. Бережной, В. И. Конкурентные преимущества регионов Северо-Кавказского федерального округа: возможности и угрозы / В. И. Бережной, С. В. Зенченко, А. М. Родченко // Вестн. Северо-Кавказского гос. тех. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 201–204.

3. Доклад о состоянии фундаментальных наук Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2014 г. / Рос. акад. наук. – М.: Наука, 2015.

4. Михайлов, А. Н. Формирование стратегических приоритетов региона на основе сценариев развития в долгосрочной перспективе / А. Н. Ми-

хайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов, Л. Н. Борисоглебская. – М.: Высш. школа, 2008.

5. Пасовец, Ю. М. К вопросу о региональном измерении современного российского общества / Ю. М. Пасовец // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «История. Политология. Социология». – 2017. – № 1. – С. 90–94.

6. Пасовец, Ю. М. Конкурентоспособность как характеристика адаптационного потенциала личности / Ю. М. Пасовец // Труд и социальные отношения. – 2014. – № 1. – С. 14–24.

7. Пасовец, Ю. М. Кадровый потенциал региона: от построения теоретической модели к эмпирическому исследованию в сфере управления: Моногр. / Ю. М. Пасовец. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2015.

8. Ромашкина, Г. Ф. Анализ региональных инновационных систем / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2012. – № 35 (289). – Вып. 28. – С. 119–126.

9. Самаруха, В. И. Формирование конкурентных преимуществ регионов / В. И. Самаруха, Т. Г. Краснова // Изв. Иркут. гос. экон. академии. – 2008. – № 4. – С. 26–29.

10. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс] // Рос. газ. – 2014. – № 6418. – 3 июля. – URL: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 09.04.2015).

11. Фридман, Ю. А. Конкурентные преимущества и инновационность экономики регионов / Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, А. Г. Пимонов // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 33–42.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОВЕРИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ**

**POLITICAL CULTURE OF VLADIMIRERS THROUGH A PRISM
OF THEIR TRUST IN REGIONAL INSTITUTIONS**

**Д. И. Петросян
Dmitriy I. Petrosyan**

*Владимирский филиал Российской Академии народного хозяйства
государственной службы при Президенте РФ (Владимир, Россия)
Vladimir Branch of Russian Academy of National Economy
and Public Administration (Vladimir, Russia)*

Аннотация. *Уровень доверия жителей к региональным институтам, является ярким показателем состояния социального согласия в области. В статье приводятся результаты очередного этапа исследования социокультурного пространства Владимирской области, проведенного в сентябре-октябре 2017 г. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ. Автор показывает, что иерархия доверия институтам, где лидерами доверия оказываются губернатор, судебная власть, прокуратура и полиция, а на полюсе недоверия оказываются политические партии, местная власть и СМИ, отражает традиционную для российского массового сознания смесь патриархального и подданнического типов политической культуры, для которой характерна сакрализация персонифицированной власти и власти силовых структур.*

Abstract. *The citizen's trust in regional institutions is a perfect indicator of social consensus. The article presents the results of the latest phase of the research of socio-cultural peculiarities of Vladimir region, held in September – October 2017 by the Department of socio-humanitarian studies of Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. The author shows, that the hierarchy of institutional trust, where such institutions as governor, court, prosecutor's office and police are leading and political parties, local authorities and media are situated on the opposite pole of distrust, indicates traditional for Russian mass-consciousness*

mix of parochial and subject political culture, based on sacralization of personal power and power of punitive institutions.

Ключевые слова: институты, доверие к институтам, социальное согласие, солидарность, политическая культура.

Keywords: institutions, trust in institutions, social consensus, solidarity, political culture.

Зимой-весной 2017 г. сотрудниками кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВФ РАНХиГС было проведено исследование социального самочувствия и ценностных ориентаций жителей Владимирской области. Всего методом анкетирования по репрезентативной выборке были опрошены 800 респондентов, как в областном центре, так и в различных районах области (публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-13-33009 «Социокультурный потенциал Владимирской области: динамика модернизационных процессов»). Исследование проведено в соответствии с методикой, разработанной творческим коллективом под руководством Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой [1]. Одним из направлений исследования явилось выявление уровня доверия жителей области региональным институтам, таким, как губернатор, Администрация и Законодательное собрание области, муниципальные органы управления, профсоюзы, политические партии, СМИ, суд, полиция и прокуратура. Результаты анализа важны не только тем, что позволяют оценить уровень социального согласия и солидарности в области, но и тем, что сквозь призму доверия или недоверия тем или иным институтам, хорошо виден тип политической культуры жителей региона. Сравнение данных, полученных на последнем этапе мониторинга с результатами опроса 2012 г., позволяют проследить динамику настроений (в настоящий момент идет обработка результатов, полученных в 2018 г.).

Как видно из таблицы 1, в 2012 г. ни один из предложенных для оценки институтов не набрал более 10 % полностью доверяющих ему [2]. В 2017 г. картина кардинально не изменилась, однако суд (14,3 %), губернатор (15,3 %) и прокуратура (12,1 %) преодолели десятипроцентный барьер полного доверия. В результате, именно эти три института являются явными лидерами доверия (рис. 1).

Отметим, также, что в позитивную зону вышла полиция (с индексом доверия плюс 0,04 против минус 0,14 в 2012 г.). Полиция, кстати, оказалась институтом, уровень доверия к которому вырос наиболее заметно. Между тем, рост этот объясняется, прежде всего, изменениями среди «сомневающихся» (в той или иной мере доверяющих или не доверяющих),

а также снижением доли полностью не доверяющих (с 16,5 до 9,6 %). Доля же полностью доверяющих полиции изменилась мало, лишь в пределах статистической погрешности (с 5,4 до 8,1 %). Так что преувеличивать рост доверия здесь не стоит.

Буквально «зацепились» за нулевую шкалу Законодательное собрание области и профсоюзы (плюс 0,002 и минус 0,001, соответственно).

В целом, следует отметить повышение уровня доверия ко всем институтам, за исключением СМИ и муниципальных органов управления (рис. 1). Именно эти два института продолжают находиться на самом дне рейтинга доверия вместе с региональными отделениями политических партий.

Обратим внимание и на тот факт, что доверие к Администрации области остается заметно менее высоким, чем доверие к возглавляющему этот орган власти губернатору. При этом следует учесть, что в 2012 и в 2017 годах оцениваются два разных губернатора. В 2013 г. коммуниста Н. В. Виноградова сменила на этом посту выдвинутая «Единой Россией» С. Ю. Орлова.

Таблица 1

**Уровень доверия населения региональным институтам власти
(в % от числа опрошенных, индекс)**

Table 1

**The Trust of Citizens in Regional Institutions
(% of sample, index)**

		Полностью доверяю	Пожалуй, доверяю	Пожалуй, не доверяю	Совсем не доверяю	Затрудняюсь с ответом	Индекс
Суд	2012 г.	10,6	26,3	22,6	8,0	32,5	+0,04
	2017 г.	14,3	35,6	12,0	7,0	31,2	+0,19
Губернатор	2012 г.	9,8	21,2	17,4	12,5	39,1	-0,01
	2017 г.	15,3	27,3	15,9	8,6	33,0	+0,12
Профсоюзы	2012 г.	6,1	17,8	14,5	12,5	49,1	-0,05
	2017 г.	7,6	17,1	14,3	9,1	51,9	-0,001
Прокуратура	2012 г.	7,3	23,4	18,9	10,4	40,0	-0,01
	2017 г.	12,1	30,6	12,8	8,0	36,5	+0,13
Полиция	2012 г.	5,4	17,9	23,8	16,5	36,4	-0,14
	2017 г.	8,1	28,8	18,1	9,6	35,5	+0,04
Администрация области	2012 г.	5,2	16,2	20,7	14,7	43,2	-0,11
	2017 г.	6,4	22,9	17,5	11,0	42,2	-0,02
Политические партии	2012 г.	3,4	10,2	19,0	17,3	50,1	-0,18
	2017 г.	4,3	14,4	20,1	14,3	47,0	-0,13
Законодательное собрание	2012 г.	4,7	15,1	16,0	13,5	50,7	-0,09
	2017 г.	7,0	20,5	16,9	8,6	47,0	+0,002

		Полно- стью доверяю	Пожа- луй, доверяю	Пожа- луй, не доверяю	Совсем не доверяю	Затруд- няюсь с ответом	Индекс
брание об- ласти							
Средства массовой информации	2012 г.	6,2	17,0	24,2	13,6	39,0	-0,11
	2017 г.	5,0	17,8	23,4	18,1	35,8	-0,16
Местные органы управления	2012 г.	7,2	16,6	18,2	14,6	43,4	-0,08
	2017 г.	6,0	21,0	18,4	14,1	40,5	-0,07

Индекс рассчитан по формуле $I = (a + 0,5b) - (0,5c + d) / e$, где а – число выбравших вариант ответа «Полностью доверяю», b – число выбравших вариант «Пожалуй, доверяю», с – число выбравших вариант «Пожалуй, не доверяю», d – число выбравших вариант «Совсем не доверяю», e – число ответивших на вопрос.

Тем не менее, очевидно (и крайне важно для оценки политической культуры), что персонализированный институт власти вызывает большее доверие населения, чем безликий исполнительный орган. Показательным здесь является более высокий удельный вес затруднившихся оценить свое доверие к администрации в сравнении с оценкой губернатора (42,2 % против 33 %). Безусловно, это является результатом более высокой публичности губернатора в сравнении, как с любым другим представителем администрации, так и органа в целом. Но, все же, интересно, что губернатор оказывается как бы оторванным в оценке населением от возглавляемой им администрации.

Уровень затруднения, с которым сталкиваются респонденты при оценке своего доверия практически любому институту, сам по себе является показательным результатом. Наибольшие затруднения связаны с оценкой профсоюзов (51, 9%). Но и в других случаях доля затруднившихся составляет не менее трети. Это может свидетельствовать как о низком уровне осведомленности жителей области о деятельности институтов, так и о низкой значимости данной темы в круге их повседневных жизненных интересов.

Таким образом, общий уровень доверия к региональным институтам, по сравнению с 2012 г., несколько повысился. Если пять лет назад можно было говорить о недоверии со стороны населения практически ко всем из приведенных в анкете институтам, кроме судебных органов, то теперь в зону доверия переместились губернатор, прокуратура и полиция. Это может показаться странным, поскольку во Владимирской области в деятельности этих органов власти не произошло каких-то серьезных прорывов. Очевидно, сказывается общефедеральный информационный фон, связанный и с так называемым «крымским консенсусом», и с усилиями по улучшению имиджа силовых структур, и с созданием образа успешно действующей исполнительной властей в условиях внешнего давления.

Рис. 1. Динамика доверия жителей области региональным институтам
Picture 1. Dynamics of the Citizen's Trust in Regional Institutions

Стоит обратить внимание на то, сколь интересной является иерархия институтов. Пользуясь доверием оказались персонифицированный институт губернатора, судебная власть и силовики. На противоположном полюсе оказались органы местного самоуправления, политические партии и СМИ. Это вполне отражает возврат массового сознания к традиционному для России представлению о том, кто является настоящей властью, а кто нет. Если добавить к оценке региональных институтов оценку институтов федеральных, то к пользующимся доверием губернатору, региональным суду, прокуратуре и полиции добавятся президент (с очень большим отрывом, индекс доверия плюс 0,58), армия (0,43), ФСБ (0,32) и церковь (0,15).

Получается полная картина институтов, традиционно составляющих в государственнической идеологии образ «настоящей» российской государственности. Все институты, которые, так или иначе, связаны с процессами развития демократических институтов – партии, СМИ, местное самоуправление, представительные органы разных уровней – пользуются доверием явного меньшинства населения. Это, в общем-то, не удивительно, поскольку кризис, а в некоторых случаях и дисфункция именно этих институтов, заметна в современной политической системе, куда в большей мере, чем кризис силовых институтов и институтов исполнительной власти.

Таким образом, приходится признать, что тридцать лет реформ, направленных на развитие активистской гражданской политической культуры, пока так и не дали сколько-нибудь заметных результатов. Политическая культура россиян, во всяком случае, жителей Владимирской области по-прежнему остается смесью ее патриархального (patochial) и подданнического (subject) типов, по классификации Г. Алмонда и С. Вербы [3]. Возможно, это хорошая новость для адептов вертикали власти и ручной системы управления, но большое разочарование для сторонников движения России по пути современного правового демократического государства с инклюзивными институтами и с развитым гражданским обществом. Практический вывод из этого может быть один: политикам, журналистам, депутатам представительных органов, работников органов местного самоуправления необходимо возвращать себе политическую и гражданскую субъектность и доверие со стороны граждан.

Литература

1. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., МФРАН, 2010.
2. Калмыкова, М. В. Социокультурные ценности жителей Владимирской области: Моногр. / М. В. Калмыкова, Д. И. Петросян, Е. А. Плеханов. – Владимир, 2013.
3. Almond, G. The Civic Culture / G. Almond, S. Verba. – Boston, 1980.
4. Петросян, Д. И. Факторы, влияющие на доверие населения к государственным и общественным институтам // Социокультурное пространство региона: структура, состояние, стратегия модернизации: Материалы науч.-практ. семинара. – Владимир, 2013.
5. Калмыкова, М. В. Социальная сфера Владимирской области: Моногр. / М. В. Калмыкова, Д. И. Петросян, Е. А. Плеханов. – Владимир, 2012.

6. Петросян, Д. И. Динамика социального самочувствия жителей Владимирской области / Д. И. Петросян. – Тюмень, 2017.

7. Плеханов, Е. А. Социокультурные параметры ценностей жителей Владимирской области / Е. А. Плеханов // Учен. зап. ВФ РАНХиГС. – 2017. – № 3 (23). – С. 39–44.

ЧУВАШИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ¹

CHUVASHIA AT A NEW STAGE OF SOCIO-CULTURAL EVOLUTION

Н. Г. Семедова-Полупан
Nina G. Semedova-Polupan

Чебоксарский филиал РАНХиГС (Чебоксары, Россия)
RANEPA Cheboksary branch (Cheboksary, Russia)

Аннотация. *Сегодня Чувашия, вступив на новый этап социокультурной эволюции, демонстрирует показатели, характеризующие устойчивое, стабильное развитие региона. Особенно это показательно в сфере здравоохранения.*

Abstract. *Today Chuvashia, having entered a new stage of socio-cultural evolution, demonstrates indicators characterizing steady, stable development of the subject. It is especially noticeable in the healthcare sphere.*

Ключевые слова: *программы, проекты, социальные показатели, здравоохранение.*

Keywords: *programmes, projects, social indicators, healthcare.*

Проблема, рассматриваемая в докладе. Проблемы модернизации на современном этапе эволюции приобретают новые очертания. Возрастает роль комплексной модернизации. Создавшиеся национальная и муниципальная инновационные системы в каждом субъекте способствуют их укрупнению в социокультурных, социальноэкономических и управленческих практиках региона. На сегодня теоретическое и инструментальное обоснование модернизации в России на основе разработок Центра исследований модернизации Академии наук Китая дано Н. И. Лапиным, руководителем Программы «Социокультурная эволюция регионов России», членом-корреспондентом РАН, доктором философских наук. Активно ведутся поиски

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного гранта № 16-03-00356-ОГН.

над выявлением характеристик современного, нового этапа эволюции, обоснованием целесообразности многоуровневой, общероссийской региональной национальной инновационной системы, основных параметров региональной инновационной системы, способов их координации с параметрами общероссийской.

Вопросам эволюции социокультурных и socioэкономических факторов модернизации посвящены труды, в которых представлены результаты исследований, подготовленные в рамках Программы «Социокультурная эволюция регионов России» под руководством Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, Е. А. Когай, Ю. М. Пасовец, В. И. Мосина, М. Юсупова, Е. В. Каргополовой, И. И. Бойко, Н. Г. Семедовой-Полупан, В. Г. Харитоновой, А. А. Шабунной, В. А. Давиденко, Г. Ф. Ромашкиной, Е. Б. Плотниковой.

В представленной статье дается характеристика основных показателей современного этапа эволюции в сфере здравоохранения Чувашской Республики.

Базовая гипотеза. Позволю предположить, что характеристики современного, нового этапа социокультурной и socioэкономической эволюции здравоохранения в Чувашии способствуют укоренению основных элементов инновационных систем в socioэкономических, социокультурных и управленческих практиках. Основные процессы современной региональной модернизации позволяют продолжить развитие и усложнение социокультурных процессов, способствующих дальнейшему развитию региона.

Методы исследования. Анализ представленных материалов опирается на принципы социокультурного подхода, при котором регион рассматривается как мезоуровень и мезоячейка социокультурного пространства страны. Под этим понимается исторически сложившееся территориальное сообщество, выполняющее определенные функции по отношению к человеку населению, социальным группам, организациям, действующим на данной территории [1]. Использовались методы социологического исследования, вторичной обработки социологических данных, результаты региональных пилотных социологических исследований по проблемам здравоохранения, отраслевых исследований и наблюдений.

Результаты исследования, их новизна. В ходе анализа статистических данных [2] и результатов социологических опросов [3] удалось выявить следующее.

Последовательная государственная политика, осуществляемая в Чувашской Республике, позволила сохранить позитивные тенденции в медико-демографической ситуации.

Так, в 2016 году удалось сохранить естественный прирост населения республики, который регистрируется пятый год подряд. По муниципальным образованиям прирост населения зарегистрирован в гг. Чебоксары и Новочебоксарск. Вместе с тем, наиболее высокие темпы сокращения аб-

солотной численности населения отмечены в Красночетайском, Яльчикском, Ядринском, Шумерлинском, Аликовском и Янтиковском районах.

Наблюдается миграционная убыль населения, которая связана с увеличением числа прибывших в процессе межрегиональной миграции и снижением числа выбывших. Наряду с этим отмечен рост числа прибывших в процессе международной миграции.

Главным результатом 2017 года стал рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, которая впервые превысила 72 и составила 72,73 года. При этом только за год она увеличилась на 1,21 года и это самый максимальный темп роста этого показателя за всю историю наблюдений в республике, один из самых высоких в стране – на 1,7 %, это 16 место в России [4].

В республике растет число жителей старшей возрастной группы, так более 17 тыс. жителей Чувашии перешагнули 85-летний рубеж, 98 человек отметили 100-летний юбилей. Таким образом, численность контингента лиц старших возрастов и их доля в общей численности населения, следуя общемировой тенденции, увеличиваются.

Анализируя данные естественного воспроизводства, в республике наблюдается снижение числа родившихся по сравнению с предыдущим годом. Но коэффициент рождаемости продолжает оставаться выше, чем в России и по ПФО (Россия – 12,9, ПФО – 12,9, Чувашия – 13,2).

Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных в среднем одной женщиной), отражающий уровень воспроизводства населения, в 2016 году составил 1,869 ребенка (Россия – 1,762; ПФО – 1,788). Для нормального воспроизводства населения, обеспечивающего замещение поколения родителей их детьми, необходимо рождение в среднем 2,15 ребенка в расчете на одну женщину.

Несколько увеличилось число умерших (на 54 человека по сравнению с 2015 годом), показатель общей смертности составил 13,2 на 1 тыс. человек населения, оставаясь, стабильно ниже среднего уровня по ПФО (ПФО – 13,6).

Следует отметить, что в 9 муниципальных районах и городских округах Чувашской Республики зарегистрировано снижение общей смертности. Высокие темпы снижения отмечаются в Комсомольском, Янтиковском, Шемуршинском и Моргаушском районах.

Максимальный уровень смертности населения отмечается в Красночетайском, Алатырском, Шумерлинском, Порецком, Аликовском и Ядринском районах (выше 20 %). Ниже среднереспубликанского значения уровень смертности зарегистрирован в гг. Чебоксары, Новочебоксарск и Чебоксарском районе.

В целом, по итогам 2016 года, по сравнению с предыдущим, смертность снизилась по 10 из 19 основных классов причин смерти.

Основными причинами смертности жителей республики продолжают оставаться болезни кровообращения (35 % всех умерших), внешние при-

чины смерти (13,5 %), новообразования (12,6 %), болезни органов пищеварения (6,4 %) и дыхания (5,3 %).

Следует отметить, что продолжает снижаться показатель смертности всего населения от болезней системы кровообращения на 8,3 % по сравнению с 2015 годом, от новообразований, младенческая смертность – 3,2 на 1 тыс. родившихся живыми (целевое значение – 7,5).

Уменьшилось число умерших от внешних причин, в расчете на 100 тыс. человек населения показатель смертности от вышеуказанной причины составил 177,3 случая (Россия – 114,2, ПФО – 129,9).

Наибольший удельный вес в структуре смертности от внешних причин имеют дорожно-транспортные травмы (8,4 %), случайные отравления алкоголем (6,6 %), самоубийства (3,7 %) и убийства (3,3 %).

Таких результатов удалось достичь благодаря тому, что приоритетным направлением развития системы здравоохранения в Чувашской Республике в 2016 году стало сохранение социальной стабильности и доступности медицинской помощи в рамках гарантированных объемов и предельных сроков ожидания медицинской помощи, установленных Программой государственных гарантий.

Стабильной ситуации, наш взгляд, способствует и осуществление проектов «Медицина – мое призвание», «Спасибо, доктор!», «Во имя пациента», которые, благодаря волонтерам-медикам, позволяют иметь «обратную связь» с населением. Реализуемые проекты позволяют своевременно реагировать на проблемы, возникающие в ходе реализации законных прав граждан на получение равнодоступной и качественной медицинской помощи, которая в Чувашии осуществляется в рамках трехуровневой системы оказания медицинской помощи с организацией деятельности межтерриториальных медицинских центров.

Практическое значение результатов. Таким образом, результаты исследования показали, что основная гипотеза подтвердилась. Характеристики нового современного этапа эволюции в области здравоохранения в Чувашии способствуют укоренению основных элементов модернизационных систем. В республике детерминанты здоровья являются приоритетными. Четыре года подряд по результатам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации Чувашская Республика сохраняет позиции в десятке регионов лидеров страны. Этот факт является подтверждением планомерной системной работы всех уровней власти субъекта и критерием оценки его эффективности работы.

Источники и литература

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методические проблемы / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006.
2. Официальный портал органов власти Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.chu.ru/>
3. Семедова-Полупан, Н. Г. К вопросу о реализации проекта «Во имя пациента» в Чувашской Республике [Электронный ресурс] / Н. Г. Семедова-Полупан // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V Всерос. конгресса (Екатеринбург, 19–21 окт. 2016 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров. – М.: Рос. о-во социологов, 2016.
4. Семедова-Полупан, Н. Г. О ходе выполнения майских Указов Президента Российской Федерации в Чувашской Республике / Н. Г. Семедова-Полупан // Вестн. Чебоксар. филиала Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации: Науч.-практ. журнал. – 2017. – № 1(12). – С. 4–11.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹**

**TRANSFORMATION OF LABOR BEHAVIOR OF YOUTH UNDER
THE IMPACT OF NEW INDUSTRIALIZATION**

**А. Н. Тарасова
Anna N. Tarasova**

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)*

***Аннотация.** В статье анализируются произошедшие за последнее десятилетие изменения в трудовом поведении молодежи, рассматривается, как поменялась структура занятости и вовлеченность в разные профессии и специальности. Дается оценка происходящим трансформационным процессам. Отмечается, что под воздействием новой индустриализации актуализируются незащищенность перед угрозой потери работы.*

***Abstract.** The article analyzes the past changes in the labor behavior of young people over the past decade, examines how the structure of employment and involvement in different professions and specialties have changed. An assessment is given to the transformational processes taking place. It is noted that under the impact of the new industrialization, vulnerability to the threat of job loss is actualized.*

***Ключевые слова:** трудовое поведение, социально-трудовые отношения, молодежь, модернизация, новая индустриализация, деиндустриализация.*

***Keywords:** labor behavior, social and labor relations, youth, modernization, new industrialization, de-industrialization.*

Необходимость новой индустриализации России назрела уже давно. Многими учеными подчеркивается важность, безальтернативность и неотлагательность реализации неоиндустриальной модели развития [1–4].

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-03-00500 (руководитель Г. Ф. Ромашкина, Тюменский государственный университет).

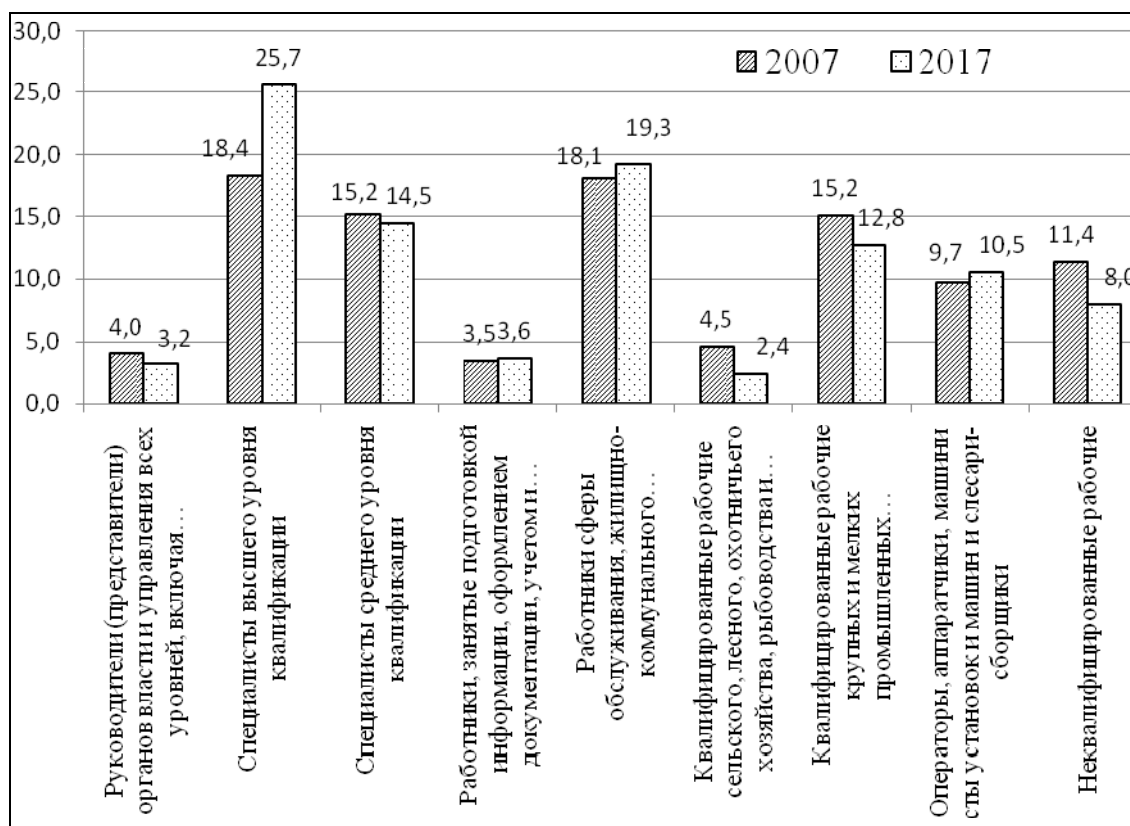
Новая индустриализация, в свою очередь, неизбежно оказывается сопряжена с трансформацией трудового поведения [5]. Особенно актуальна смена моделей трудового поведения у молодежи, поскольку, во-первых, неоиндустриализация формирует запрос на иные компетенции, чем те, что были востребованы ранее, а во-вторых, автоматизация рабочих мест начального уровня выше, чем тех мест, где требуется опыт, а соответственно именно для молодежи увеличивается сложность поиска работы. Переориентация трудового поведения молодежи на новую индустриальную модель развития определяет успешность реализации этой модели.

Цель – выделить прошедшие за последнее десятилетие изменения в трудовом поведении молодежи и оценить тип трансформаций: 1) следствия ранее прошедшей в стране деиндустриализации, 2) трансформации, выступающие факторами дальнейшей неоиндустриализации, 3) следствия протекающих процессов новой индустриализации.

Базовая гипотеза исследования заключается в том, что модель трудового поведения молодежи за прошедшее десятилетие трансформировалась, что проявляется в изменении структуры занятости, выбора профессий и др., но это далеко не всегда связано с процессом модернизации страны. Предполагается наличие изменений, противоречащих неоиндустриальным принципам развития экономики.

В работе использованы статистические данные по труду и занятости в России [6], данные опросов населения Тюменской области с 2006 по 2017 годы, а также данные других регионов – участников проекта «Социокультурные портреты регионов». Размеры и структура выборок соответствуют требованиям репрезентативности. В качестве методов исследования задействованы: расчет коэффициентов и непараметрические тесты для проверки значимости выявленных изменений.

Для оценки происходящих процессов, рассмотрим изменения в структуре занятости молодежи за прошедшее десятилетие (рис. 1). При общем снижении доли молодежи среди всего занятого населения, наблюдается увеличение доли специалистов высшего уровня квалификации и уменьшение доли рабочих, даже квалифицированных. Специалисты среднего уровня квалификации, работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием, а также операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики пока сохраняют свои позиции. Причем отмеченная тенденция повышения квалификации характерна не только для молодежи, но и для занятого населения старшего возраста, что свидетельствует о том, что процесс модернизации в нашей стране все-таки запущен.

* Построено по данным таблицы 2.43 сборника «Обследование рабочей силы» за 2017 и 2007 годы [6].

Рис. 1. Структура занятого населения в возрасте от 15 до 29 лет по занятиям на основной работе (в % от всего занятого населения в возрасте от 15 до 29 лет)

Fig. 1. The structure of the employed population aged 15 to 29 years of age on employment at the main job (in% of the total employed population aged 15 to 29 years)

Рост высококвалифицированных специалистов – требование новой индустриализации. Но какие же профессии и специальности становятся более востребованными? Для этого проведена оценка динамики выпуска тех или иных специалистов, а также анализ связи их основного места работы с полученной профессией (специальностью). Поскольку в абсолютном значении число выпускников значительно сокращается, учитывалось изменение доли каждой специальности в общем выпуске, а не темп роста выпускников специальности как таковой. Данные статистики, а также рассчитанные коэффициенты роста доли выпускников и связанности с профессией представлены в таблице 1. Учитывая, что специальностей очень много, в данной статье представлен лишь небольшой фрагмент таблицы, где оставлены лишь те специальности, по которым наблюдаются наибольшие изменения (более 20 %). Специальности среднего и начального профессионального образования в таблицу не включены, поскольку по ним отмечаются те же тенденции, что и по высшему образованию.

Таблица 1

**Связь основной работы с полученной профессией (специальностью)
у выпускников, окончивших организации
профессионального образования за предыдущие три года**

Table 1

**Relationship of the main work with the received profession (specialty)
among graduates who have completed vocational training
organizations in the previous three years**

	Всего, тыс. человек		Основная работа связана с полученной профессией (специаль- ностью), в %		Коэффициент роста доли выпускников профессии (специаль- ности)	Коэффициент роста связанности с профессией (специаль- ностью)
	2013	2017	2013	2017		
ВСЕГО	5155	4083	65,6	65,4	1	0,998
Высшее професси- ональное образование	3190	2578	70,1	68,9	1,02	0,98
Приборостроение и оптотехника	13	14	53,1	67,1	1,37	1,26
Электронная техника, радиотехника и связь	42	41	73,7	69,4	1,24	0,94
Энергетика, энерге- тическое машино- строение и электро- техника	86	78	75,0	70,3	1,13	0,94
Информационная безопасность	17	20	84,5	75,7	1,53	0,90
Безопасность жизне- деятельности, природо- обустройство и защита окружающей среды	27	27	70,0	63,5	1,27	0,91
Сфера обслуживания	36	42	50,6	53,6	1,45	1,06
Геодезия и землеуст- ройство	14	15	78,1	62,7	1,40	0,80
Оружие и системы вооружения	8	9	73,2	91,7	1,47	1,25
Среднее професси- ональное образование	1300	1036	59,2	60,3	1,01	1,02
Начальное профес- сиональное образо- вание	665	470	56,4	57,9	0,89	1,03

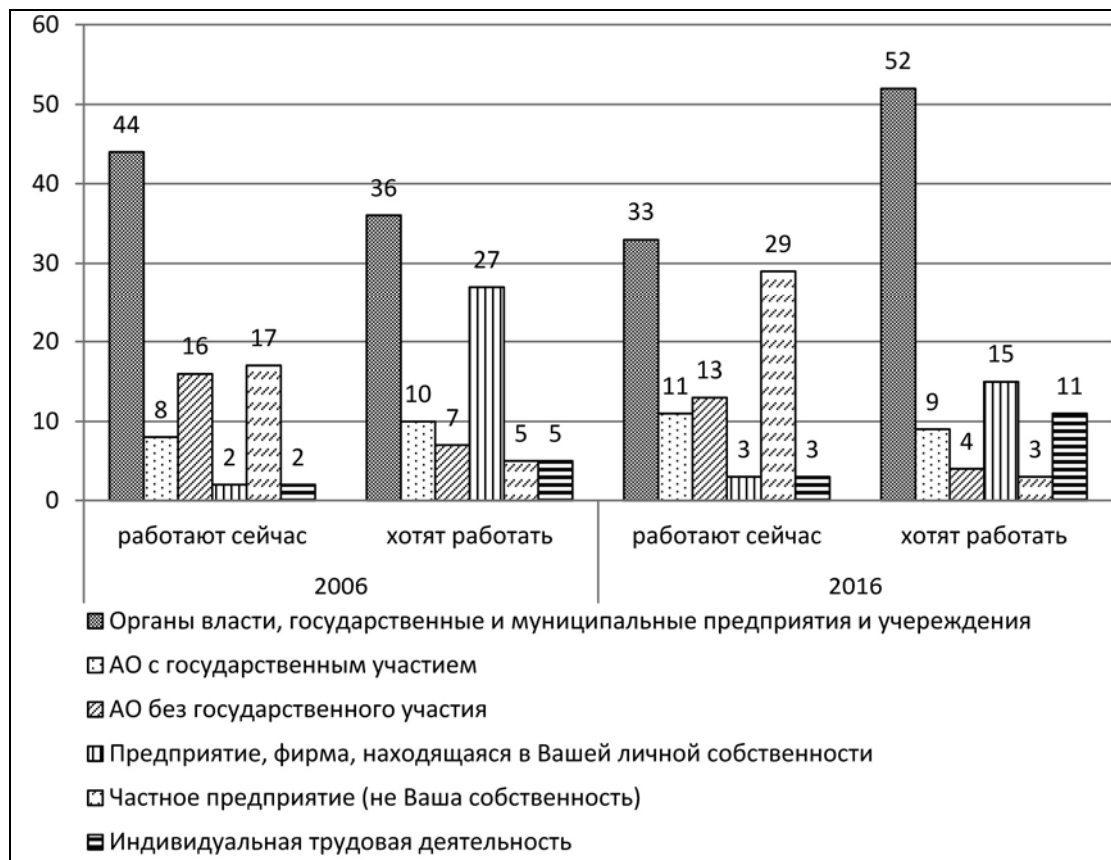
* Построено по данным таблицы 2.75 сборника «Обследование рабочей силы» за 2017 и 2013 годы [6].

Такие традиционные профессии как образование и педагогика, здравоохранение, строительство и архитектура и т. п. демонстрируют небольшой рост включенности выпускников последних лет в профессию (учитываются выпускники предыдущих трех лет) при положительной динамике доли подобных специалистов в общем выпуске. Сокращается интерес выпускников к «чисто индустриальным» специальностям (металлургия, машиностроение, материалобработка), при этом включенность в профессию за последнюю пятилетку упала с 65,7 % до 55,3 %. А вот к более «неоиндустриальным» специальностям молодежь оказывается более восприимчивой. Доля выпускников таких специальностей, как информационная безопасность, приборостроение и оптотехника, электронная техника, радиотехника и связь растет. Однако их включенность в профессию, будучи средней, еще и сокращается (исключение лишь приборостроение и оптотехника). Такая ситуация может свидетельствовать как о росте конкуренции высококвалифицированных специалистов в данных сферах (и это можно рассматривать как последствия новой индустриализации), так и об отсутствии предложений на рынке труда для данных специалистов (что уже говорит о том, что неоиндустриализация идет лишь на словах, а «реальное производство» отсутствует).

Как справедливо отмечает Губанов С. С., «коренной вопрос неоиндустриализации: о собственности» [1, с. 27]. При этом он замечает, что на базе частнокапиталистической собственности невозможно построение неоиндустриальной модели развития страны [1, с. 28–29]. Пример Тюменской области показывает, что молодежь (т. е. поколение выросшее уже в период частной собственности и рынка) не хочет работать в частном секторе, хотя доля занятых в нем постоянно растет (рис. 2). Зато растет желание работать в органах власти, а также государственных и муниципальных предприятиях и учреждениях. Нами была сделана попытка проанализировать подобные парадоксы в статье [7], однако необходимы дополнительные исследования, чтобы раскрыть причины и последствия подобного явления.

Еще один важный вопрос, который сегодня активно обсуждается на каждом форуме, посвященном рынку труда и занятости – это вопрос о рисках вытеснения людей с их рабочих мест под воздействием роботизации. В последнее время в СМИ все чаще стали появляться публикации о том, что риски роботизации сильно преувеличены и роста безработицы не будет [8; 9]. Однако, следует признать, что на сегодняшний день потеря работы – это один из значимых социальных страхов. К примеру, на первом месте в Тюменской области стоит незащищенность от бедности (41 % опрошенных в 2017 году жителей отмечают, что не защищены перед ней), а уже на втором месте, с минимальным разрывом, незащищенность от потери работы (38 %). При этом для работающих граждан трудоспособного возраста эта опасность становится доминирующей (43 % ощущают свою

незащищенность). К сожалению, в общероссийском мониторинге потеря работы не выделена как отдельная опасность, но проблема бедности доминирует и по России в целом, а это очень тесно связано с наличием или отсутствием работы. Как отмечает Н. И. Лапин, при формировании стратегии поэтапной модернизации первостепенное внимание необходимо обратить на социокультурные ущербы [2, с. 10]. Страх потери работы, даже если он не обоснован, один из таких социокультурных ущербов.

* Построено по результатам мониторинговых опросов населения Тюменской области в 2006 и 2016 годах.

Рис. 2. Распределение ответов молодежи 18–29 лет на вопросы о том, на предприятии какого типа они работают сейчас и на предприятии какого типа они хотели бы работать (в % от группы опрошенных респондентов 18–29 лет)

Fig. 2. Distribution of answers of youth of 18–29 years to questions about what type of enterprise they are working at now and what kind of enterprise they would like to work in (in % of the respondents' group of respondents aged 18–29)

Таким образом, современная молодежь достаточно активно включается в процесс неоиндустриальных преобразований, что отражается в изменении структуры занятости, вовлеченности в специальности новой экономики знаний. Отмечается рост участия в тех или иных инновациях.

Например, по Тюменской области доля новаторов среди молодежи с 2009 по 2016 годы выросла в 2 раза: с 10 до 20 % (в целом по выборке рост в 1,5 раза). Непараметрический тест показал наличие статистической значимости роста показателей участия в инновационной деятельности по годам (с ошибкой менее 0,1 %). В то же время следует учитывать социальный страх незащищенности от потери работы. Такая угроза действительно существует, как отметил В. В. Путин, данный риск помогут снизить переквалификация и постоянное обучение [10]. Молодежь – это своего рода авангард, хоть и с готовностью откликающийся на современные вызовы, но в то же время несущий на себе риски новой индустриализации.

Литература

1. Губанов, С. С. Неоиндустриальная модель развития и ее системный алгоритм / С. С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 23–44.

2. Лапин, Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2015. – № 1 (369). – С. 5–10.

3. Давыденко, В. А. Опыт становления новой индустриализации в Тюменской области: Социокультурный и социоэкономический контексты / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика». – 2015. – № 3. – С. 79–88.

4. Романова, О. А. Инновационная компонента новой индустриализации / О. А. Романова // Изв. УрГЭУ. – 2017. – № 5 (73). – С. 81–92.

5. Половинко, В. С. Модернизация социально-трудовых отношений в период неоиндустриализации / В. С. Половинко // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер. «Экономика». – 2015. – № 3. – С. 9–13.

6. Обследование рабочей силы [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

7. Андрианова, Е. В. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития / Е. В. Андрианова, А. Н. Тарасова, И. Ф. Печеркина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 324–343.

8. Разрушение мифа о роботизации: безработицы не будет [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. – 2017. – 7 авг. – URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/89291>

9. Келион, Л. Экономисты еще раз подсчитали, сколько людей заменят роботы: получилось меньше [Электронный ресурс] / Л. Келион //

BBCNews. – 2018. – 3 апр. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43623356>

10. Киселева, А. Путин заявил о важности переобучения специалистов при роботизации производств [Электронный ресурс] / А. Киселева // NationNews. – 2018. – 6 марта. – URL: <https://nation-news.ru/350912-putin-zayavil-o-vazhnosti-pereobucheniya-specialistov-pri-robotizacii-proizvodstv>

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНЧЕСТВА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ**

THE STUDENTS' MODERNIZATION POTENTIAL AS SOCIOCULTURAL DRIVER OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN BELARUS

**Л. Г. Титаренко
Larissa G. Titarenko**

*Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

Аннотация. *Инновационное развитие Беларуси, состоящей в союзном государстве с Россией, диктует необходимость проведения эффективной модернизации. Одним из драйверов данного процесса выступает студенчество – будущая научно-техническая и политическая элита страны. Формирование модернизационного потенциала студенчества – важная задача высшей школы, решение которой должно находиться под контролем государства.*

Abstract. *The innovative development of Belarus, which is part of the union state with Russia, dictates the need for effective modernization. Students as the future scientific, technical and political elite of the country are an important driver of this process. Formation of their modernization potential is the important task of higher education, which solution must be under the state control.*

Ключевые слова: *модернизационный потенциал, Беларусь, инновационное развитие, студенчество, высшее образование.*

Keywords: *modernization potential, Belarus, innovative development, students, higher education.*

Перед лицом глобальных вызовов, стоящих как перед Россией и ее регионами, так и перед Беларусью, находящейся с Россией в союзном государстве, необходимо скоординировать усилия стран и регионов на пути

реализации инновационного и комплексного модернизационного развития. Беларусь поставила цель построить цифровую экономику, для которой требуются квалифицированные креативные кадры в разных областях. Важно определить, какие социальные группы объективно могут выполнять функции драйверов модернизации, и каким образом государство может создавать условия, в которых инновационные потенции этих слоев могут эффективно развиваться и использоваться обществом.

Одним из драйверов модернизации выступает студенчество – социальная группа молодежи, получающей высшее образование, из которой будет рекрутироваться научно-техническая и политическая элита страны. Исследовательская проблема состоит в выявлении соответствия ценностей нынешнего белорусского студенчества задачам модернизации, поставленным государством на уровне страны/региона, т. е. возможности использования модернизационного потенциала студенчества в комплексном развитии страны. Базовая гипотеза исследования состояла в том, что если студенчество обладает высоким модернизационным потенциалом, то эта социальная группа в будущем сможет выполнять социальную роль авангарда социокультурных изменений. Поскольку основная сфера активности студентов – образование, в методике нашего исследования акцент сделан на ценности, адекватные этой сфере. Основные методы исследования включали массовый опрос (1258 чел.), фокус-группы, экспертные интервью, проведенные в 2016–2018 гг.

В белорусской социологии используются разные методики измерения ценностей всего населения [1], молодежи [2; 3]. Отдельные исследования модернизационных ценностей студенчества достаточно редки [4], в то время как данная проблема имеет практическую значимость для совершенствования сферы социального управления, повышения творческой активности студенческой молодежи. Ценности студенчества рассматриваются в нашем исследовании с практической ориентацией на сопоставление ценностей и ориентаций студенчества с теми задачами, которые ставит перед молодежью руководство Республики Беларусь – стать активными, инновационно ориентированными профессионалами своего дела.

Белорусская специфика развития предполагает внесение некоторых корректив в интерпретацию ценностей модернизации и трактовку ее движущих сил. В белорусской практике акцент в понимании модернизации был сделан на ее системный характер и роль государства в ее развитии, т. е. прежде всего на институциональное регулирование процессов развития, при некотором дисбалансе с социокультурной составляющей модернизации (недостаточном учете ценностей и потребностей населения). При этом в стране достаточно высоко развит только столичный регион (г. Минск), что усугубляет неравномерность модернизационного хода развития и не способствует росту качества жизни населения всей страны.

На наш взгляд, если исходить из целостной трактовки модернизации, предложенной Н. И. Лапиным [5, с. 6], в Беларуси может сложиться двойной перекос в модернизационном развитии: (1) разрыв между регионами страны, ведущий к оттоку квалифицированных кадров и ресурсов в центр (2), доминирование одних компонентов модернизации в ущерб другим, ввиду недостаточно высокого экономического уровня страны в целом, что может способствовать оттоку квалифицированных специалистов в другие страны, с более высоким уровнем жизни. Несмотря на страновую специфику, перед Беларусью и Россией стоят общие задачи: сбалансировать процесс модернизации, повысить уровень координации развития двух стран и их регионов, уделяя внимание всем сторонам модернизации.

Модернизационный потенциал можно определить как совокупность тех качеств, способностей, навыков и знаний, формирование и развитие которых в ходе осуществления образовательного процесса в вузе способствует подготовке специалистов, способных через короткое время стать высококвалифицированными специалистами на современном рынке труда. Модернизационный потенциал - это часть человеческого потенциала, которая непосредственно может быть направлена на формирование готовности молодых специалистов с высшим образованием активно участвовать в развитии жизненно важных общественных сфер, общества в целом, особенно в осуществлении инновационного развития реального сектора экономики [6, с. 91]. Реальное воплощение уже сформированного модернизационного потенциала может осуществляться в самых разных отраслях – управленческой, предпринимательской, научно-технической, научно-исследовательской и др. Для этого важно, чтобы в процессе учебы студенты имели возможность получать необходимые навыки, развивать соответствующие качества, а в идеале – даже пробовать воплощать полученные знания и навыки в собственной трудовой (пусть частичной) деятельности. Такие качества, как креативность и инновационность, способность не бояться рисков и быть конкурентоспособным в будущей трудовой деятельности, считаются важными инструментальными ценностями, направленными на развитие модернизационного потенциала человека. Они необходимы будущим специалистам высокого уровня для того, чтобы они смогли в будущем внести достойный вклад в развитие социально-экономического и культурного потенциала страны.

Понимание белорусским студенчеством модернизационных ценностей строится, в целом, в соответствии со спецификой данного поколения молодежи, сложившейся под влиянием глобальных процессов на рубеже двух тысячелетий во многих странах мира. Это поколение активнее прежних включено в социальные сети, широко использует IT средства и ставит собственные ценности самореализации превыше других. Индивидуализация ценностей современной молодежи наглядно демонстрируется и бело-

русскими студентами: для них любые (в т. ч. модернизационные) ценности важны только в той мере, в какой они будут способствовать удовлетворению их собственных индивидуальных интересов и потребностей (в образовании, в карьере, в науке). Этот набор ценностей несколько отличается от молодежных ценностей, выявленных в национальных исследованиях, но не противоречит им [1]. Современные студенты, прежде всего, ориентированы на персональный успех, на семью и досуг, достижение материального достатка и комфорта в жизни. Судя по полученным эмпирическим данным, наличие у студентов модернизационных ценностей является реальностью, хотя они составляют лишь часть доминирующих ценностей студенчества. По сравнению с развитием модернизационных ценностей в студенческой среде стран Западной Европы, модернизационный потенциал белорусской молодежи развивается в более сложных политических и экономических условиях и более медленно. Однако сами модернизационные изменения, которые несет в себе современная студенческая молодежь, являются неизбежными и объективно могут быть использованы в интересах модернизационного развития страны. Для этого высшие эшелоны власти, определяющие стратегию и тактику модернизации Беларуси, должны осознать, что не только от нынешних управленцев любого уровня зависит будущее развитие страны, но еще в большей мере от тех, кто придет на смену этим управленцам, кто составит будущую властную элиту страны. Чем эффективнее будет развит модернизационный потенциал студенчества, тем больше будет возможностей отбора молодежи в управленческий резерв страны, включения современно образованных специалистов в развитие новейших производств, других сфер экономики и общества [7].

Модернизационный потенциал студентов, судя по полученным эмпирическим данным, определяется сегодня, прежде всего, такими характеристиками, как (1) ориентация на получение знаний и компетенций, которые позволят в трудовой жизни достичь экономического благосостояния, (2) ориентация на работу, которая, кроме благосостояния, будет интересна молодому специалисту, (3) преобладание функциональной специализации в отборе средств достижения жизненных целей (ориентация на достижение), (4) участие в общественной жизни в той мере, в какой оно связано с индивидуальными интересами личности. Главной терминальной ценностью студенчества является собственная жизнь (включая здоровье, семью, карьеру). При этом в сознании многих молодых людей современные ценности самореализации сочетаются с традиционными ценностями (семья, образование, достаток), и терминальные ценности тесно переплетены с инструментальными. Тем не менее, мы полагаем, что в качестве инструментальных ценностей, способствующих развитию терминальных ценностей модернизации, можно рассматривать некоторые личностные черты студентов. В исследовании мы использовали несколько пар противополо-

ложных качеств, которые студенты оценивали применительно к тому, насколько эти качества им присущи. Частично мы использовали подход, предложенный в российской социологии Л. Рожковой [8]:

- самостоятельность / несамостоятельность;
- инициативность / безынициативность;
- готовность к неожиданностям / отсутствие готовности к неожиданностям;
- изобретательность / шаблонность мышления;
- ответственность / безответственность;
- способность доводить дела до конца / отсутствие способности доводить дела до конца.

От степени выраженности инструментальных ценностей зависит способность личности реализовывать свои общие жизненные установки, выраженные в терминальных ценностях. Приведем ниже данные, полученные в исследовании, проведенном зимой 2018 г. с применением этой методики. На основе полученных данных нами были построены активная и пассивная модели поведения студенчества. Шесть из десяти опрошенных студентов были более склонны к активной модели поведения, нежели к пассивной, т. е. выделяли у себя качества, способствующие развитию их модернизационного потенциала.

Так, 67 % указали, что предпочитают действовать самостоятельно, и только 16 % обращаются за помощью к другим людям при решении каких-либо задач (17 % не дали ответа). Предпочитают брать инициативу на себя 60 % студентов, а 22 % хотели бы делегировать инициативу в решении проблем другим (воздержались 18 %). Готовы к преодолению неожиданностей и трудностей 71 % респондентов, 15 % не готовы к этому, а 14 % не ответили. Почти две трети студентов сказали, что предпочитают находить новые пути решения проблем, а 20 % высказались за использование старых путей. Те же две трети студентов предпочитают доводить дело до конца, а 22 % указали, что любят откладывать дела в «долгий ящик». Наконец, в отношении ответственности, 78 % указали, что сами несут ответственность за принятые ими решения, тогда как 12 % предпочитают ее не нести, и 10 % не ответили.

Полученные результаты позволили сделать важный вывод о потенциальной модернизационной активности студенчества. В целом студенты стремятся к самостоятельности при выполнении той или иной работы (задания), предпочитают проявлять инициативу, готовы к неожиданностям и трудностям, чаще предпочитают находить новые пути решения разных проблем в жизненных ситуациях, а не пытаются использовать старые пути. Наконец, большинство респондентов указали, что готовы нести ответственность за свои действия. Это свидетельствует, что модернизационный потенциал белорусского студенчества развивается.

Проведенные нами исследования белорусского студенчества позволяют утверждать, что модернизационный потенциал студенческой молодежи Беларуси пока еще недостаточно развит и охватывает качества и ценности, которые касаются лишь некоторых компонентов модернизации. Вместе с тем, у студенчества развиты такие индивидуалистические ценности, которые могут тормозить развитие их модернизационного потенциала и возможности включения в процессы модернизации. Поэтому государственное внимание к изучению реальных ценностных ориентаций студенчества, учет и удовлетворение базовых потребностей молодежи могут помочь в преодолении потенциальной диспропорции в реализации интересов государства в целом и студенческой молодежи как особой социальной группы.

Литература

1. Денисова, Н. Ф. Базовые ценности белорусского общества: Функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур / Н. Ф. Денисова, И. В. Лашук, О. Н. Мицкевич // Мониторинг общественного мнения: Эконом. и соц. перемены. – 2017. – № 4. – С. 37–53.
2. Молодежь суверенной Беларуси: Штрихи к портрету / Под ред. Д. М. Булышко и др. – Минск: БГУ, 2012.
3. Ценностные ориентации белорусского студенчества: Сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.) / Под ред. П. И. Бригадина, И. В. Левицкой. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010.
4. Титаренко, Л. Г. Модернизационный потенциал студенческой молодежи Беларуси: Опыт эмпирического исследования / Л. Г. Титаренко // Петерб. социология сегодня: Сб. науч. тр. – СПб.: Нестор-История, 2017. – Вып. 8. – С. 7–17.
5. Лапин, Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2015. – № 1. – С. 5–10.
6. Иванов, О. И. Человеческий потенциал: Вопросы теории и методологии исследования / О. И. Иванов // Социол. исслед. – 2014. – № 6. – С. 89–95.
7. Развитие модернизационного потенциала студенческой молодежи как приоритет системы образования на евразийском пространстве // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник; Отв. ред. В. И. Герасимов. – М.: ИНИОН, 2017. – Вып. 13. – Ч. 1. – С. 898–901.
8. Рожкова, Л. Социокультурный потенциал студенческой молодежи в условиях модернизации / Л. Рожкова // Власть. – 2013. – № 9. – С. 154–157.

**ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА¹**

**THE VALUE POTENTIAL OF THE CHUVASH POPULATION
AND MODERNIZATION OF THE REGION**

**В. Г. Харитонова
Valentina G. Kharitonova**

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
(Чебоксары, Россия)
Chuvash State Institute of Humanities
(Cheboksary, Russia)*

***Аннотация.** В статье анализируются материалы обследования населения Чувашии в рамках проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Основное внимание уделено особенностям формирования ценностей жителей региона. Рассмотрена структура и иерархичность структуры этих ценностей, особенности ценностного потенциала сельского и городского населения, проведен сравнительный анализ общероссийских и региональных структур базовых ценностей. Предпринята попытка выявления их влияния на процессы модернизации региона, сделан вывод о стабилизации ценностной структуры.*

***Abstract.** The article analyzes the materials of the Chuvash population survey within the framework of the project "Social and Cultural evolution of Russia and its regions". The main attention is paid to the peculiarities of the formation of the values of the inhabitants of the region. The structure and hierarchy of the structure of these values, the features of the value potential of the rural and urban population, a comparative analysis of the national and regional structures of basic values. An attempt is made to identify their impact on the processes of modernization of the region, the conclusion is made about the stabilization of the value structure.*

***Ключевые слова:** базовые ценности населения Чувашии, данные социологических исследований, особенности региональной структуры ценностей.*

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00356-ОГН.

***Keywords:** core values of the population of Chuvashia, data of sociological researches, especially regional structure values.*

Ключевое положение в социокультурной эволюции и инновационном развитии российских регионов занимает культурный потенциал населения и его использование (культурный капитал). Культура выступает в качестве важнейшего фактора управления человеческими ресурсами, одним из способов социализации и социальной интеграции. Тема актуальна и для Чувашии в связи с тем, что перспективное развитие республики предполагает, наряду с инвестиционной и инновационной деятельностью, опору на культурный и интеллектуальный потенциал, в частности этот тезис достаточно активно используется в официальных программных документах органов власти [1, 2]. Необходимое для этого накопление социокультурного опыта происходит в рамках соответствующих традиций, сохраняющих и развивающих знания и ценности общества.

Изучение традиций и новых тенденций в ценностных ориентациях населения в целом и отдельной личности в изменяющемся российском обществе представляет научный и практический интерес, активно разрабатывается в отечественной гуманитарной науке. Опубликовано значительное число работ, посвященных изучению влияния ценностных ориентиров населения России на перспективы ее социально-культурной, социально-политической и экономической модернизации. Изучение ценностных представлений населения России в мониторинговом режиме проводится Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, в 2015 г. проведен седьмой опрос всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России». В рамках подготовки социокультурных портретов регионов России, начиная с 2005 г. подобные исследования начали проводить в ряде регионов. В ходе реализации международного проекта «Европейское социальное исследование» продолжается изучения ценностных и структурных особенностей России в сравнении с другими странами Европы [3].

Разработка данной проблематики на материалах Чувашии носит междисциплинарный характер. В основном это труды философов, этнологов, искусствоведов, литературоведов [4]. В современных исследованиях активно изучается макросоциальная обусловленность ценностных ориентаций как этнический фактор, кросс-культурные различия, региональные особенности, особенности культуры, социальные условия [5].

Анализ ценностных представлений населения Чувашии в начале XXI века опирается на материалы социологических обследований 2006, 2012 и 2016 гг., проведенных в ходе реализации проектов «Чувашская республика: социокультурный портрет», «Социокультурная эволюция регионов

России: Чувашская Республика» и «Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования». Методы исследования базируются на принципах, разработанных Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой руководителями Центра изучения социальных изменений Института философии РАН [6].

В данной статье основное внимание уделено особенностям формирования ценностей жителей региона. Предпринята попытка выявления их влияния на процессы модернизации региона. В качестве гипотезы исследования выдвинуто положение о необходимости повышения социокультурной эффективности модернизации в регионе исходя из потенциала ценностных предпочтений населения Чувашии, учета поселенческих особенностей, оказывающих непосредственное влияние на трансформацию базовых ценностей, и, в конечном счете, на процессы модернизации в регионе.

По данным социологического опроса 2006 г., большинством населения поддерживались такие ценности, как семья, жизнь человека, общительность, порядок, благополучие (см. табл. 1).

Таблица 1

**Ценностные предпочтения населения Чувашии
(взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)
Value preferences of the population of the Chuvash Republic
(weighted average scores on a 5-point scale)**

2006			2012			2016		
Ценности	Баллы	Место	Ценности	Баллы	Место	Ценности	Баллы	Место
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)						Интегрирующее ядро (4,4 и больше)		
Семья	4,62	1	Жизнь человека	4,77	1	Жизнь человека	4,86	1
Жизнь человека	4,57	2	Общительность	4,73	2	Общительность	4,7	2
Общительность	4,52	3	Семья	4,71	3	Порядок	4,69	3
Порядок	4,47	4	Порядок	4,59	4	Семья	4,64	4
Благополучие	4,44	5	Благополучие	4,53	5	Благополучие	4,47	5
Интегрирующий резерв (3,91–4,39)						Интегрирующий резерв (3,91–4,39)		
Работа	4,24	6	Независимость	4,39	6	Традиция	4,33	6
Независимость	4,10	7	Свобода	4,24	7	Независимость	4,32	7
Нравственность	4,03	8	Традиция	4,23	8	Свобода	4,21	8
Свобода	3,99	9	Работа	4,22	9	Работа	4,12	9

	Оппонирующий дифференциал (3,0–3,9)					Оппонирующий дифференциал (3,0–3,9)			
Традиция	3,88	10	Инициатив- ность	3,79	10	Инициатив- ность	3,59	10	
Инициатив- ность	3,74	11	Жертвен- ность	3,76	11	Нравствен- ность	3,50	11	
Жертвен- ность	3,16	12	Нравствен- ность	3,66	12	Жертвен- ность	3,45	12	
	Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)					Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)			
Властность	2,62	13	Властность	2,96	13	Властность	2,09	13	
Своеволь- ность	2,09	14	Своеволь- ность	2,19	14	Своеволь- ность	1,89	14	

Источник: результаты опросов 2006, 2012 и 2016 гг.

Имелись некоторые различия по сравнению с российским обществом, в котором наибольшую поддержку получили: семья, порядок, общительность. Менее всего в Чувашии, как и в России, поддерживались властность и своевольность. К ценностям второго порядка в Чувашии отнесены работа, свобода, традиция, нравственность, в России – жизнь человека, традиция, свобода, независимость, работа, инициативность, жертвенность. В отличие от показателей по России, такие качества, как инициативность, жертвенность, независимость, жители Чувашии не рассматривали как собственный или личностный ориентир, т. е. их поддержало не более 40 % населения республики. Необходимо также отметить, что такой показатель, как благополучие, в Чувашии входит в число основополагающих ценностей, а в России поддерживается меньшинством населения (наряду с нравственностью). Что касается приоритетов сельского и городского населения республики, по данным 2006 г. они почти полностью совпадают. Только такой показатель, как традиция, более характерен для образа жизни сельского населения, для горожан же он оказался наименее востребованным.

Между двумя опросами общая структура ценностей сохранилась (см. табл. 1.). Высокий уровень поддержки в 2012 г. имели общечеловеческие ценности: жизнь человека, семья, общительность, порядок, благополучие. Но произошла некоторая смена приоритетов. На первые позиции выдвинулись такие ценности, как жизнь и общительность человека; семейные ценности, как для горожан, так и для сельчан переместились на вторые позиции. Менее значимой ценностью отмечена работа как жизненная потребность человека, а не только как средство заработка. Наиболее четко эта тенденция выявилась среди сельского населения. В целом сельское население республики также сохранило основные ценностные ориентиры, но

появились и некоторые различия. Большинство из сельчан не поддерживались такие качества, как инициативность, жертвенность, нравственность, необходимые для формирования самостоятельности индивида. По данным 2012 г. состав интегрирующего ядра по набору ценностей населения Чувашии полностью совпадает с общероссийскими показателями (данные 2010 г.) [7, с. 69.]. Наблюдается лишь их иной порядок применительно ко вторым и третьим местам. Для россиян такие ценности как жизнь человека и семья находятся на 1–2 позициях, на третьем – общительность. В Чувашии же на основную позицию выходит категория жизнь человека, на вторую общительность и на третью – семья. Далее для населения республики наиболее важными стали следующие ценности: независимость, свобода, традиция и работа, тут сразу же отметим укрепление позиции традиции, по сравнению с 2006 г., также как и у россиян. И в отличие от данных по России в целом, такие ценности, как инициативность, жертвенность и нравственность поддерживаются меньшинством населения Чувашии, они входят в оппонирующий дифференциал. По сравнению с 2006 г. наблюдаем некий рост доли тех, кто поддерживал властность и своевольность, как и по России в целом.

Анализ результатов опроса 2016 г. показывает, что структура базовых ценностей населения республики стабилизировалась (см. табл. 1). Одновременно наблюдается перераспределение мнений о значимости тех или иных жизненных ценностей. Некоторую озабоченность вызывает отношение к семье, если по данным 2006 г. семья была самой значимой ценностью, то в 2016 г. она зафиксирована на четвертой позиции. Кризисный характер последствий реформ экономики и общества, прежде всего, сказался на демографическом развитии населения. По данным опросов, с 2006 по 2016 г. возросла доля тех, кто имеет мотивацию на однодетную семью (с 19,9 до 22,5 %). Можно говорить и об изменении личностных отношений к семейным ценностям: характер, нравственность, религиозные нормы, расчеты на выгоду от сохранения или разрушения семьи. После реформ 1990-х гг. на фоне стабилизации новых структур и процессов, на прежние позиции начинает подниматься традиция. Если в 2006 г. традиция поддерживалась менее 45 % населения, то по данным 2016 г. более половины населения республики рассматривают их в качестве основной ценностной модели. Глубокие изменения в социально-экономической сфере и трудовой занятости населения, появление новых форм занятости, высокая трудовая мобильность работника, рост доли тех, кто совсем перестал работать в зависимости от разных причин, привели к тому, что изменилось отношение к работе как ценности. В иерархии ценностей она опустилась с 6 до 9 места, хотя сохранилась в интегрирующем резерве, поддерживаемом относительным большинством населения. Существующая социально-экономическая ситуация с трудоустройством в республике, вынуж-

дающая к трудовой миграции высокую долю населения, также сказывается а их ценностных представлениях. По данным социологических опросов, население республики видело среди наиболее важных мер по улучшению жизни в республике «создание новых рабочих мест» (58,2 % в 2006 г., 56,8 % в 2012 г. и 57,8 % в 2016 г.). В республике сохраняется значимо больший уровень настороженности к мигрантам. В 2017 г. почти половина опрошенных заявила, что въезд в республику мигрантов следует ограничить, поскольку в республике не хватает работы самим жителям.

О том, что процессы адаптации в республике еще далеки от завершения говорят следующие социокультурные факторы. За рассматриваемый нами период такие показатели, как инициативность, жертвенность, нравственность остались в оппонирующем дифференциале, в отличие от России. Эти ценности предполагают такие качества и способы действия, которые предпочтительны для активной трудовой и жизненной мотивации личности, получается, что в республике они поддерживаются меньшинством населения. Приходится констатировать неустойчивость перспектив развития этих ценностей. Влияние конфликтогенной периферии ценностей, таких как традиционная своевольность и общечеловеческая властность уменьшается. В 2016 г. степень поддержки ценности властность снизилась на 0,53 балла по сравнению с 2006 г., ценности своевольность – на 0,2 балла, по сравнению с 2012 г. соответственно - 0,87 и 0,3 балла. К 2016 г. в Чувашии наблюдаем выравнивание степени поддержки основных ценностей интегрирующего кластера, небольшое снижение степени поддержки основных ценностей дифференцирующего кластера, что свидетельствует о приостановлении процессов дифференциации общества.

Исследование ценностных предпочтений населения республики указывает на существование двух моделей: с одной стороны, это традиционные ценности, с другой – современные, направленные на выработку активной жизненной позиции. Первая модель более характерна для сельских жителей, достаточно высокая доля сельских жителей в республике, по сравнению с другими регионами, накладывает отпечаток на структуру ценностей населения в целом. Сохраняется совмещение общечеловеческих, современных, традиционных ценностей. Современные культурные ценности ставятся выше, чем общечеловеческие и традиционные. Если по данным 2006 г. в приоритете были общечеловеческие ценности, к 2012 г. преобладающими стали современные ценности, тенденция сохранилась и в 2016 г.

В 2006 г. коэффициент современности/традиционности структуры ценностей в регионе составил 1,0, в 2012 г. – 1,4, в 2016 г. – 1,2. Сохранение достаточно высоких позиций таких ценностей, как порядок и традиция, частичный возврат за рассматриваемые годы позиции традиция указывает на преобладание ценностей сохранения над ценностями изменений.

Население республики, как в целом население России, является неоднородным по структуре базовых ценностей, то есть выделяются ценностное большинство и ценностное меньшинство. Национальные, этнические различия не оказывают сильного влияния на дифференциацию структуры ценностей жителей Чувашии. Социокультурная ситуация в регионе достаточно сложная и предполагает появление новых ценностей и необходимость их совмещения с традиционными. Прежде всего, можем констатировать расширение ценностного пространства, что является положительным моментом. Это подразумевает сохранение населением основных жизненных приоритетов, обеспечивающих их социальную интеграцию.

Одним из результатов эволюции массового сознания населения республики в 2006–2016 гг. стала стабилизация баланса различных типов ценностей и их совмещение. Наблюдается высокое сходство общероссийских и региональных структур базовых ценностей. Около 70 % функциональных позиций ценностей населения большинства регионов аналогичны общероссийским, а различаются – около 30 %. Кроме того, появились основания для гипотезы о повышении толерантности населения в отношении к иным неразделяемым ценностям. Однако наблюдаются и следующие тенденции: ценностное безразличие, конфликтность между различными типами ценностей. Результаты измерения уровней поддержки ценностных предпочтений населением позволяют выявить их иерархию, с одной стороны, достаточно устойчивую, с другой – не застывшую, имеющую определенные региональные особенности, вызванные необходимостью изменения привычных моделей поведения, особенно в социокультурной сфере. В регионе процесс трансформации социокультурного потенциала в фактор модернизации осуществляется недостаточно активно, при этом сказываются и традиционные ценностные установки. Но основная дисфункция, как отмечают исследователи ситуации в целом по России, состоит в том, что социум не востребует культурный потенциал населения в качестве культурного капитала [8. с. 219, 303].

Литература

1. ЛИК. – 2009. – № 2 (апр. – июнь). – С. 151–152.
2. Послание главы Чувашской Республики М. В. Игнатьева Государственному совету Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2610286&gov_id=49 (дата обращения 5.03.2018).
3. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2009; Лапин, Н. И. Российское общество в пути: Консервация

социальных контрастов, ассиметричный рост: Акад. докл. по результатам пяти волн всерос. мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня»: 1900–1990–1998–2002–2006 гг. / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: ИФ РАН, 2007; Россия в Европе: По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общ. ред. А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой. – М.: Academia, 2009.

4. Никитина, Э. В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Библиотека Чувашской народной академии / Э. В. Никитина. – Чебоксары: Новое время, 2005; Терентьева, О. Н. Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие: Науч. докл. / О. Н. Терентьева. – Чебоксары, 2011.

5. Захарова, А. Н. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности / А. Н. Захарова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011; Захарова, А. Н. Экономическая психология: кросс-культурные, социокультурные, региональные особенности / А. Н. Захарова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013; Бойко, И. И. Базовые ценности населения Чувашии: общие тенденции и этнические особенности / И. И. Бойко, А. П. Долгова, В. Г. Харитонов // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (26–29 сентября 2016 г., Самара – Тольятти). – Самара: Самар. ун-т, 2016. – С. 247–251.

6. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет регионов России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: ИФРАН, 2010.

7. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И. И. Бойко [и др.]; Под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой. – Чебоксары, 2015.

8. Атлас модернизации России и ее регионов: Социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. Н. И. Лапин. – М.: Изд-во «Весь мир», 2016.

**ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР
СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА**

**INNOVATIONS AS A FACTOR
OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF UZBEKISTAN**

Ф. Х. Юлдашева, А. А. Эгамбердиев
Farida Kh. Yuldasheva, Azizbek A. Egamberdiev

Андижанский государственный университет (Узбекистан)
Andijan State University (Uzbekistan)

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы инновации в контексте модернизации социально-экономической жизни общества в Узбекистане. Анализируются вопросы, связанные с изменением системы ценностей и с формированием креативности, инновационного мышления и на их основе инновационного сознания, что является условием формирования инновационного общества в Узбекистане.*

***Abstract.** The article deals with the issues of innovation in the context of modernizing the social and economic life of the society in Uzbekistan. The questions connected with the change in the value system and with the formation of creativity, innovative thinking and on their basis innovative consciousness are analyzed, which is the condition for the formation of an innovative society in Uzbekistan.*

***Ключевые слова:** модернизация, инновация, инновационное сознание, инновационная деятельность.*

***Keywords:** modernization, innovation, innovative consciousness, innovative activity.*

Как известно, инновации стали одним из главных факторов социально-экономического развития общества. С первых дней независимости в Узбекистане осуществляется модернизация во всех сферах социальной жизни. Узбекистан выбрал путь модернизации основанной с одной стороны, на исторических национальных ценностях, традициях и менталитете,

с другой стороны, на принятии и применении общечеловеческих ценностей, передового экономического опыта ведущих стран. Данный путь развития отвечает национальным интересам, обеспечивает взаимосвязь страны с мировой цивилизацией и ее участия в процессах мировой интеграции.

Для модернизации общества разработана крупная программа обновления – Стратегия действий, и в рамках её выполнения принято более 40 законов и свыше 1000 правовых актов, что служит прочным правовым фундаментом для ее осуществления. За последнее время организовано около 100 свободных экономических зон и 10 инновационных центров и технопарков. Создаются условия для привлечения внешних инвестиций. Инвестиции только России в экономику Узбекистана составляют около 19 миллиардов долларов, Китая около 17 миллиардов долларов.

В целях координации работ по развитию инноваций организовано Министерство инновационного развития 2018 год был объявлен «Годом поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий». Развитие инноваций признано приоритетной задачей, что и является фактором стратегического развития страны. В связи с этим, были приняты Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3365 от 1 ноября 2017 года «О мерах по дальнейшему укреплению инфраструктуры научно-исследовательских учреждений и развитию инновационной деятельности», Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5264 от 29 ноября 2017 года «Об организации деятельности Министерства инновационного развития Республики Узбекистан». Также Президентом был подписан Указ от 22 января 2018 года «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в Год поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий» и другие важные документы, касающиеся развития инноваций.

Принятие «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах» означает начало нового этапа модернизации в стране и показывает, что Узбекистан выбрал инновационный путь развития.

Президент Республики Узбекистан обращает внимание на значение инновации на этапе осуществления демократических реформ: «Инновация – значит будущее. Если мы сегодня начинаем строить наше великое будущее, то должны делать это, прежде всего, на основе инновационных идей, инновационного подхода» [1, с. 23]. Инновация, будучи деятельностью, направленной на создание материальных и духовных ценностей, основываясь на новом мышлении, приводит к проявлению важных изменений в сферах социальной жизни. Развитие инновации предполагает вместе с ее осознанием и пониманием выбор необходимых для человека и акту-

альных для современности инноваций, их правильное применение, упорядочивание и управление.

Российский философ М. В. Райская в учебном пособии «Теория инноваций и инновационных процессов» выделяет типы мобилизационного и инновационного развития [2, с. 88–89]. Мобилизационный тип предполагает использование всех ресурсов приводящих к резким изменениям. Инновационный тип основывается на эволюционном развитии, обеспечивая его эффективность и учитывает мнения членов общества. Исторический опыт показывает, что нацеленность развития за короткий период или развитие только одной сферы народного хозяйства не дают ожидаемых результатов. Развитие, ведущее к инновации, осуществляется двумя путями: первый путь – развитие имеющихся системных элементов на основе собственного потенциала и создание новых особенностей; второй путь – внесение новых элементов в систему.

Инновационное развитие общества постепенно приводит к изменениям системы ценностей, сформированных веками и играющих важную роль в жизни человека, а также к появлению новых элементов в системе ценностей субъектов. Инновационность, креативность инновационное мышление и инновационные ценности становятся важными элементами современных ценностей, критерием деятельности членов общества, особенно молодежи. Способность к лидерству, высокий интеллектуальный потенциал, креативное мышление и формирование на их основе инновационной деятельности являются условиями формирования инновационного общества в Узбекистане.

Большинство населения Узбекистана составляет молодежь. «Годовой демографический сборник Узбекистана», выпущенный Государственным комитетом статистики Республики Узбекистан, отражает следующие данные: в 2017 году население в возрасте до 30 лет составляет более 17771,8 человек. Средний возраст населения в 2017 году составил 27,8 лет [3, с. 55].

С умножением инноваций в обществе в сознании его членов будут отражаться новые отношения, возникающие в инновационном обществе, новые подходы, разные аспекты нового образа жизни, активная жизненная позиция и креативные особенности в деятельности субъектов. Эти явления способствуют формированию инновационного сознания, ориентированного в основном на новое, а также включающего ценности, имеющие новые основы и установки,

Инновационное сознание осуществляет следующие функции:

- отражает инновационные процессы, происходящие в обществе;
- осуществляет инновационный подход – применение личностью в своей деятельности новых, неожиданных и творческих элементов и ведение деятельности на их основе;
- предварительный прогноз и руководство инновационными процессами.

В качестве носителей инновационного сознания можно указать инновационную личность, инновационные группы, инновационные субъекты, функционирующие в системе управления. Развитие инновационного сознания способствуют

Формирование инновационного сознания в обществе, способствуют проявлению факторов, влияющих на развитие инновационного общества:

– инновационная среда – удобные условия и возможности, приводящие к инновациям и развивающие их;

– инновационная культура – комплекс инновационных отношений, отражающихся в обществе и её членах, инновационные действия и инновационная деятельность;

– инновационная система ценностей – система инноваций, имеющих определённое значение для общества и его членов;

– инновационное управление – меры по развитию, внедрению и распространению инноваций, осуществляемые системами управления.

Социально-политический климат, процессы демократизации влияют на формирование активной инновационной позиции молодежи. Направление в нужное русло и всесторонняя поддержка формирующегося инновационного активного климата, отношение молодежи к инновациям будет способствовать развитию инноваций в обществе и формированию инновационного общества.

Гражданское общество является необходимой средой для развития инноваций. В результате усиления правовых, экономических и социальных институтов, возрастает потребность в инновациях. В качестве открытой системы, институты гражданского общества для совершенствования своей деятельности нуждаются в инновациях.

В Узбекистане быстрыми темпами осуществляются процессы модернизации. Модернизация охватывает все сферы социальной жизни общества и вносит передовые современные тенденции в систему национальных традиций в политических, экономических и социально-культурных отношениях. Важной задачей стратегии развития Узбекистана является ускоренное изменение, обновление систем и применение инноваций во всех сферах социальной жизни.

Литература

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису 22 декабря 2017 г. – Ташкент: Узбекистан, НМИУ, 2018. – С. 23.

2. Райская, М. В. Теория инноваций и инновационных процессов / М. В. Райская. – Казань: КНИТУ, 2013. – С. 88–89.

3. Ўзбекистон Республикаси статистика қўмитаси. Ўзбекистон демографик йиллик тўплами. – Ташкент, 2017.

**РЕЛИГИЯ – ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ?**

**RELIGION IS A FACTOR IN STIMULATING OR RESTRICTING
THE SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF THE REGION?**

М. М. Юсупов
Musa M. Yusupov

*Чеченский государственный университет (Грозный, Россия),
Центр социально-стратегических исследований
Chechen State University (Grozny, Russia),
The Center of Social-Strategic researches*

***Аннотация.** В статье рассматривается роль религии в социокультурной жизни, характеризуется уровень религиозности населения и религиозная инфраструктура в регионе. В исследовании применялись социокультурный подход и метод количественного анализа социологических и статистических показателей, раскрывается взаимосвязь органов власти и религиозных институтов, выявлены ценностные представления о предпочтительных типах устройства республики.*

***Abstract.** The article deals with the role of religion in socio-cultural life, characterizes the level of religiousness of the population and religious infrastructure in the region. The study used a socio-cultural approach and a method of quantitative analysis of sociological and statistical indicators, reveals the interrelationship of government bodies and religious institutions, and revealed value ideas about the preferred types of republic structures.*

***Ключевые слова:** религия, модернизация, ценности, общество, государство, быт, традиция, власть.*

***Keywords:** religion, modernization, values, society, state, life, tradition, power.*

Мировые и национальные религии сыграли огромную роль в развитии человеческой цивилизации, способствовали становлению духовно-нравственных и социокультурных ценностей. С религией связывают многие ран-

ний период развития письменности, различных знаний, этических норм общения и хозяйствования, накопления трудового опыта. На протяжении всей истории религии сами претерпевали изменения, проводились реформы, возникали новые направления, оказывали влияние на совершенствование системы экономики, обновление общества. В то же время религии имеют отношение к сложным, противоречивым, а порою трагическим страницам истории.

В современном мире по-прежнему высок интерес к религии, ее роли в эпоху глобализации в обустройстве общества, активизации творческих ресурсов людей, развитии и укреплении демократии, семейных ценностей, модернизации социально-экономической и культурной жизни. В данной статье предпринята попытка осветить социально-правовую сторону функционирования религиозных отношений в Чеченской Республике.

Предмет исследования: роль религии в модернизации социокультурной жизни региона.

Цель исследования: раскрыть потенциал религиозного фактора в социокультурном обустройстве регионального сообщества, взаимосвязь политики и религии, административных и религиозных институтов, выявить ценностные представления о стиле образа жизни, сочетании традиционного и современного в общезитии.

Основная гипотеза: взаимосвязь и взаимовлияние религии и общества, религиозных и государственных институтов, политико-правовая культура власти и населения во многом обуславливают роль религиозного фактора в модернизации социокультурной жизни в стране и регионе, возможность ускоряющего или сдерживающего воздействия религии на социальные процессы, события, общественный уклад, формирование идентичности. Религиозные и общественные представления коррелируют в первую очередь с возрастом и образованием.

Метод. В исследовании применялся социокультурный подход, использовался метод количественного анализа социологических показателей. В исследованиях 2003, 2009, 2015, 2017 годов анкеты массового опроса включали блоки вопросов по выявлению уровня религиозности, соотношения светского и религиозного, ценностных представлений об устройстве республики, функционировании социальных и гражданских институтов, образе жизни и идентичности. Религиозные и ценностные установки респондентов рассматривались в разрезе этнических и социально-демографических групп.

Обзор. Модернизацию воспринимают как процесс социальных изменений, начатый индустриализацией, «переход от традиционного общества к современному». «Модернизм» подразумевает стремление к новому, стремление осовременить, так же и новый современный взгляд на бытие и на человеческую жизнь, особенностью модернизации является постоянное изменение и динамичность [1].

Понятие религиозный модернизм отражает взаимосвязь, характер взаимодействия между религией как целостной динамичной духовно-социальной подсистемой и обществом как социальной системой, находящейся в процессе модернизации [2]. Однако этот процесс часто протекал через религиозные и социальные противоречия, столкновение старого и нового на уровне общества и в разных сферах жизни.

Модернизация и традиционная религиозная ортодоксия все чаще оказывались несовместимыми друг с другом. Эта несовместимость приводила к кризису [3]. История свидетельствует, что большинство религий так или иначе модернизировалось, любая религия вполне совместима с модернизацией, если она принимает плюрализм и не навязывает никому единую обязательную систему верования [4]. В сложных исторических и цивилизационных условиях судьба многих народов, устойчивость их государственности и идентичности зависит от устойчивости базовых элементов их традиционной культуры, от состояния книжно-письменной культуры [5].

В процессе возникновения и развития современного гражданского общества традиция не отменяется вообще, возникает новое, рефлексивное, нетрадиционное отношение к традиции, а демократия не может быть навязана, демократизация должна быть коренным процессом [6].

Малашенко А. В. отмечает, что на Северном Кавказе не могло возникнуть никаких идущих от ислама концепций об устройстве общества, его отношениях с государством. Для этого не было, так сказать, социального заказа. Все происходившее в обществе и политике имело официальную интерпретацию, выход за рамки которой был невозможен, да к тому же, и запрещен [7, 44]. Хотя в условиях кризиса, как это проявилось в 90-е годы XX в., как бы разрушаются традиционные правила взаимоотношения власти и религиозных институтов и общин. В социально-политическую жизнь включаются общественные объединения различных политических ориентаций, в том числе, выдвигающие идеи общественного переустройства на основе принципов религии.

Результат. Уровень религиозности в регионе. В постсоветском российском обществе наблюдается рост интереса к религии и уровня религиозности населения. Религиозность чеченцев была высокой и в годы существования СССР. Возрождение Чечни после длительно конфликта характеризуется повышением роли религии в общественной и политической жизни региона.

Согласно данным социологического опроса отнесли себя к исламу 93 % респондентов, к православию – 3,8 %, отказались ответить – 3,2 % респондентов. Из тех, кто идентифицирует себя с исламом, указали, что они верующие – 96,6 %, среди приверженцев православия – 42,1 % респондентов. Разная степень религиозности наблюдается в разрезе этнических групп, отметили среди опрошенных чеченцев: «верующий человек» – 97,2 %,

«скорее верующий, чем не верующий» – 2,7 %; русских, соответственно, – 34,1 % и 53,7 % [8].

Религиозность выше среди лиц с незаконченным и средним образованием и ниже у лиц с высшим образованием. Однако нет статистически значимой зависимости религиозности от пола, здоровья, дохода опрошенных респондентов.

В Чеченской Республике действуют 1060 крупных и квартальных мечетей, 8 православных церквей, в том числе храмы – Михаило-Архангельский в г. Грозном и Рождественский в ст. Наурская.

Религиозное образование получают в двух высших исламских учебных заведениях, действуют 20 медресе и 4 филиала, шесть школ хафизов (чтецов Корана наизусть). В православных храмах (Грозный, ст. Наурская, Щелковская) созданы возможности для функционирования воскресных школ.

Ценностные религиозные представления. В условиях послевоенного возрождения республики вновь налаживаются отношения взаимодействия и сотрудничества между государственными и религиозными институтами в духовной, политической и идеологической сферах. Представители власти, духовенства и образовательных учреждений координируют свою деятельность по формированию духовно-нравственных качеств личности, ориентируют молодежь на получение качественного профессионального образования.

В регионе поддерживаются межконфессиональные контакты, проявляется солидарная позиция в приобщении молодых к здоровому образу жизни, профилактике и предупреждении ксенофобии и экстремизма.

Характерно, что первоначально старейшины и духовные деятели настороженно относились к появлению новых технических средств, различной видео продукции и противодействовали просмотру сомнительного содержания фильмов, бывали даже случаи поджога помещений, велась борьба против смартфонов.

Религиозные деятели теперь адаптировались к современным реалиям, стремятся строить свою работу с учетом нового контекста социальной жизни. В 2009 г. пользовались мобильным телефоном – 91 % респондентов, компьютером – 35,1 %, интернетом – 27,5 % [9], в 2017 году соответственно – 95,3 % – 56,1 % – 80,7 % [10].

В мечетях также используется радиотехника, изготавливаются и распространяются магнитные записи проповедей, чтения Корана, вносятся «светские» элементы в религиозные ритуалы и обряды, например, организуются фейерверки в связи с началом и завершением месяца Рамадан. Как видим, священнослужители приспосабливаются к модернизации коммуникативных средств и сами проявляют способность совершенствования форм и методов идеологического воздействия.

В определенной степени оказывает влияние на предпочтение типа обустройства региона приверженность в большей степени общежитию

с национальным сознанием, традициями и обычаями или гражданским сознанием и нормами.

В исследовании ставилась задача выявить ценностные представления об устройстве республики, респондентам были предложены для выбора 4 типа самоорганизации региона. В 2003 году от общего числа опрошенных высказались за светскую республику с регулированием отношений гражданско-правовыми нормами – 82 % опрошенных чеченцев, исламскую республику с регулированием отношений религиозно-шариатскими нормами – 13,8 %. Выбор светскости республики выше среднего показателя было в возрасте 25–29 и 30–39 лет – 83,4 % и 89,4 % [11].

Однако в течение 12 лет существенно изменилась общественная и религиозная практика и повлекла изменение ценностных установок разных категорий населения. По результатам социологического опроса 2015 года выразили приверженность светской республике – 51,2 %, исламской – 32,8 %. Причем рост сторонников исламского устройства республики произошло преимущественно за счет молодых людей 18–24 лет (40 %), что составляет из всех высказавшихся за исламскую республику – 25,8 % и 8,4 % от общего числа опрошенных [12].

Причины такой ценностной трансформации состоят в следующем, во-первых, несмотря на преобладание в повседневной жизни светскости, религиозность все более проникает в различные сферы жизни. Во-вторых, активно ведется религиозно-просветительская деятельность с использованием медиа средств, прежде всего, телевидения. В-третьих, в публичном пространстве доминируют представители духовенства и малозаметна роль научно-творческой интеллигенции. В-четвертых, развитая религиозная инфраструктура как бы способствует достраиванию в представлениях некоторых респондентов социальной жизни административно-исламской надстройкой. В-пятых, в сознании некоторых принцип справедливости может найти реализацию при религиозной сакрализации институтов органов власти.

Заключение. В социальной жизни любая религия органически связана с обществом, народом и переживает разные периоды в истории, выступает фактором прогресса или регресса, стимулирует или ограничивает социокультурную модернизацию. В постконфликтной Чечне религиозные институты и деятели сосредоточивают свои усилия на религиозное просвещение, духовное наставление верующих, оказывают содействие органам власти в обеспечении социального порядка, безопасности, предотвращении проявлений радикализма и экстремизма. В качестве ключевой задачи рассматривается укрепление традиций и обычаев, института семьи и ценностей, формирование этнокультурной, религиозной и гражданской идентичности.

Исследование показывает, что духовные лица часто относятся с неприятием к западным ценностям, но в жизненной и религиозной практике

пользуются достижениями современных информационных и иных технологий, постепенно приспособляются к меняющейся социальной практике.

Вместе с тем, сегодня религиозные институты, богословы больше заняты религиозно-идеологическим освещением установок власти, поддержкой функционирования административно-политической вертикали, поощрением иерархической подчиненности, благотворительности и меньше обращается внимание на стимулирование творческой активности, развитие локальной и горизонтальной демократии. В исследовании подтвердилась в основном гипотеза о зависимости деятельности религиозных институтов от политической культуры и универсальных знаний властвующей группы, а индивидуального мировоззрения и культуры поведения от уровня образования и поколенческой принадлежности. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности религиозных, культурных, образовательных учреждений и организаций социального управления.

Литература

1. Торкман, А. Э. Ислам и модернизация [Электронный ресурс] / А. Э. Торкман. – URL: <http://al-shia.msk.ru/section/product/13> (дата обращения: 07.06.2018).

2. Ваторопин, А. С. Религиозный модернизм и постмодернизм [Электронный ресурс] / А. С. Ваторопин. – URL: ecsocman.hse.ru/data/024/689/1231/014Vatoropin.pdf (дата обращения: 21.05.2018).

3. Harmsen, Egbert. Islam, civil society and social work [Электронный ресурс] / Egbert Harmsen. – URL: <http://b-ok.org/book/904342/1fe346> (дата обращения: 11.06.2018).

4. Павлов, А. Религия и модернизация совместимы [Электронный ресурс] / А. Павлов, Д. Узланер. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Religiya-i-modernizaciya-sovmestimy> (дата обращения: 15.06.2018).

5. Гараджа, В. И. Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей / В. И. Гараджа. – М.: Наука, 1995.

6. Sadik Harchaoui Jan Schoonenboom George Joffé Mohammad Suleiman Abu-Rumman Bertus Hendriks Joris Luyendijk Islamic Activism and Democratization in the Middle East and North Africa Symposium forum and wrn November 8th, 2006. www.wrr.nl (дата обращения: 19.05.2018).

7. Малашенко, А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / А. В. Малашенко. – М.: Гендальф, 2001.

8. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: Экспертный докл. – Пятигорск: ПГУ, 2016.

9. Социокультурные проблемы региона: Социол. исслед. Объем выборки – 1000 чел. – Грозный, 2009.

10. Социокультурные ценности: Социол. исслед. Объем выборки – 834 чел. – Грозный, 2017.

11. Интересы, нормы, ценности: Социол. исслед. Объем выборки – 1060 чел. – Грозный, 2003.

12. Социокультурные ценности: Социол. исслед. Объем выборки – 750 чел. – Грозный, 2015.

Секция 2

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ (РИС)

УДК 316.422.42

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-167-173

ИННОВАЦИОННЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

INNOVATIVE SCENARIOS REGIONS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION

Д. Д. Васильченко
Diana D. Vasilchenko

Курский государственный университет (Курск, Россия)
Kursk State University (Kursk, Russia)

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы потенциальные возможности инновационного развития регионов Центрального Черноземья. В данной работе автор рассматривает понятие инновации в новом значении экономической культуры. Инновации представлены как изменение рынка и создание новых форм бизнеса с целью их использования в научно-технологических разработках. В статье рассматривается комплексная государственная политика экономического развития регионов. Особое внимание автор уделяет инновационным сценариям долгосрочного социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья как фактору, способствующему экономическому прорыву макрорегиона и построению общества с улучшенными жизненными стандартами.

Abstract. The article considers and analyzes the potential possibilities of innovative development of the regions of the Central Chernozem region. In this paper, the author considers the concept of innovation in the new meaning

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

of economic culture. Innovations are presented as a market change and creation of new forms of business with the purpose of their use in scientific and technological developments. The article considers the complex state policy of economic development of regions. The author pays special attention to the innovative scenarios of long-term social and economic development of the regions of the Central Chernozem region as a factor contributing to the economic breakthrough of the macroregion and the construction of a society with improved living standards.

Ключевые слова: *инноватика, инновационная система, стратегическое планирование, регион, инновационное развитие.*

Keywords: *innovation, innovation system, strategic planning, region, innovation development.*

Для современной России характерна глубокая дифференциация экономического развития регионов страны, исходящая, в первую очередь, из различающихся в регионах структур экономики. Благоприятные условия для равномерного развития регионов может создать сглаживание существенных экономических различий в их развитии. Проведение комплексной государственной политики экономического развития регионов является важнейшим стратегическим фактором для Российской Федерации. В зависимости от степени реализации ключевых задач долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации выделяются три сценария социально-экономического развития в долгосрочной перспективе – консервативный, инновационный и целевой.

В рамках данной работы рассмотрим имеющийся опыт внедрения и реализации стратегий социально-экономического развития на примере Центрального Черноземья. Наиболее целесообразной моделью долгосрочного развития регионов Центрального Черноземья выступает инновационная. Необходимость ее реализации диктуется вызовами современного общества и экономическими императивами глобализации.

Инновационный сценарий развития характеризуется повышенной устойчивостью к возможному падению мировых цен на сырьевые товары и нефть, а также к усилению финансовых и торговых дисбалансов и общему ухудшению мировой динамики в целом. В результате внедрения и всесторонней реализации данный сценарий прогнозирует существенное повышение эффективности человеческого капитала и превращение инновационных факторов в ведущий источник экономического роста, что позволяет улучшить социальные параметры развития на рубеже 2020–2022 годов.

Среднегодовые темпы роста экономики страны в 2013–2030 гг. оцениваются на уровне 4,0–4,2 %, потенциально превышая рост мировой экономики и увеличивая долю Российской Федерации до 4,3 % к 2030 году в мировом ВВП.

Инновационный сценарий долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации предполагает собой использование конкурентных преимуществ экономики России не только в традиционных секторах (аграрный сектор, транспорт, энергетика), но и в «экономике знаний», новых наукоемких секторах, он нацелен на масштабное изменение структуры российского экспорта [3].

Базовая гипотеза исследования – экономика регионов Центрального Черноземья испытывает острую необходимость внедрения и полноценной реализации инновационного сценария долгосрочного социально-экономического развития.

В данной статье использовался междисциплинарный подход, который позволил рассмотреть инновации как сложный социальный феномен. В работе применялись формально-логические методы исследования (сравнение, анализ и синтез) и качественно-количественного анализа содержания документов (контент-анализ).

Анализ стратегий развития регионов Центрального Черноземья позволил выяснить, что их основными задачами выступают: освоение и поддержание инновационных и «ноу-хау» технологий с использованием научных лицензий и патентов, производственных и образовательных организаций; привлечение отечественных и иностранных инвесторов к осуществлению региональных и федеральных научно-технических программ и проектов.

Полноценному функционированию и реализации стратегий долгосрочного социально-экономического развития областей Центрального Черноземья препятствует ряд проблем. Среди них: недостаточный объем инвестиций в основной капитал, дисбаланс развития рынка труда, структурная деформированность экономики, низкий уровень жизни, низкие показатели развития социальной сферы, недостаточная конкурентоспособность экономики, низкий уровень использования экономического потенциала, низкий потенциал инновационного развития экономики.

Устранению вышеперечисленных недостатков социально-экономического развития регионов может способствовать полноценная и всесторонняя реализация инновационных сценариев, предложенных в документах стратегического планирования. Инновационные сценарии развития регионов Центрального Черноземья способны помочь скоординировать деятельность всех заинтересованных лиц региона (органов власти регионального и муниципального уровня, общественных организаций, населения, научного сообщества, бизнес сообщества и др.) в направлении формирования эффективной инновационной системы, обеспечивающей внедрение инноваций в качестве ключевого фактора экономического и социального роста.

Для наглядности рассмотрим прогноз, отраженный в инновационных сценариях развития областей Центрального Черноземья.

Курская область как один из стратегически важных регионов России, характеризующийся выгодным территориальным расположением, наличием развитой транспортной сети, высоким научным и культурным потенциалом, нуждается в переходе на инновационный путь развития. Данный регион характеризуется относительно высоким (7,6 %) объемом инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг среди всех субъектов ЦФО на 2016 год [8]. Вместе с тем в области отмечается низкий уровень использования в промышленности научного потенциала области и отсутствие реализации значимого количества инновационных проектов и программ, направленных на повышение производительности труда. Инновационная модель развития Курской области прогнозирует возможность полноценной реализации одного из трех альтернативных приоритетных направлений: «Ресурсный регион», «Индустриально-инновационный центр», «Возвращение региону агропромышленного статуса». Создание агропромышленного комплекса на базе приоритетного направления целевого сценария развития Курской области «Возвращение региону агропромышленного статуса» может послужить «продовольственным центром» России, при условии выпуска конкурентоспособной продукции, основывающейся на внедрении инновационных технологий [1].

На фоне Курской области *Белгородская* отличается динамичным индустриально-аграрным характером развития, положительное влияние на который способна оказать реализация конкурентных преимуществ рынка железорудного сырья, усиление инновационной активности и привлечение инвестиций в экономику Белгородской области. Белгородская область характеризуется средней позицией по доле инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (7,3 %) среди всех субъектов ЦФО на 2016 год [8]. Исходя из этого, для определения целевого сценария развития Белгородской области существенную роль играет интенсивность инновационного обновления агропромышленного комплекса.

Принципиальное значение для обеспечения долгосрочного экономического развития Белгородской области имеет переход к инновационной модели, в рамках которой предусматривается одновременное всестороннее функционирование систем модернизации экономики региона, основывающихся на импортных технологиях и стимулировании развития региональных разработок, с одной стороны, и систем достижения лидерства в ведущих научно-технических секторах, с другой. В рамках концепции долгосрочного социально-экономического развития Белгородской области формирование и поддержание инновационной экономики выступает превращением творческого потенциала человека, его интеллекта в ведущий фактор национальной конкурентоспособности и экономического роста, наряду

со значительным повышением эффективности использования производственного капитала и природных ресурсов. В качестве основного источника доходов прогнозируется возможность получения ренты за использование мировой конъюнктуры и природных ресурсов, а также производство новых технологий, идей и социальных инноваций [4].

Орловская область также остро нуждается в значительных переменах в производственной и социальной практике и формировании новой региональной инновационной системы, переходу к новой модели экономического роста. На сегодняшний день Орловская область характеризуется одной из самых низких долей (0,5 %) инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженной продукции обрабатывающих производств [8]. В рамках реализации инновационного сценария развития Орловской области прогнозируется создание новых конкурентных преимуществ для инвестирования и привлечения потенциальных инвесторов, создание и функционирование новых конкурентоспособных производств, развитие в регионе инновационной инфраструктуры, увеличение количества подготовленных трудовых кадров различных категорий, способных использовать достижения научно-технического прогресса, а также модернизация производственного аппарата в соответствии с передовыми технологиями мирового уровня [2].

Воронежская область выделяется среди других регионов ЦЧ тем, что все больше становится привлекательной для крупных инорегиональных и иностранных инвесторов в сфере инфраструктуры досуга и потребления. Тем не менее, на данный момент определить перспективы инновационного развития области достаточно сложно. Анализ данных показывает невысокую позицию Воронежской области по доле инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (5,9 %) [8]. При повышении эффективности государственных инвестиций, сосредоточении внимания на бюджетной политике, развитии органов местного управления, общественных институтов, оптимизации присутствия государства, инновационный сценарий развития Воронежской области может поспособствовать достижению ключевой цели региона – обеспечению качества жизни населения на основе повышения конкурентоспособности региона и использовании человеческого потенциала [5]. В настоящее время в регионе началась подготовка к созданию особой экономической зоны (ОЭЗ) промышленно-производственного типа (инициатива на создание этой зоны была проявлена еще в июле 2015 г.). Новая территория развития берет курс на укрепление позиции региона как крупного субъекта ЦФО, имеющего весомый промышленный потенциал.

Липецкая область, как и остальные регионы Центрального Черноземья, по совокупности ресурсных, политических, научно-технических и производственных ресурсов является экономически притягательным ре-

гионом и при этом находится среди регионов-лидеров по значению показателя объема инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг среди всех субъектов ЦФО на 2016 год – 10,5 % [8]. Однако, несмотря на то, что промышленность Липецкой области формирует около 60 % ВРП, инновационно активными являются лишь около 6 % промышленных предприятий. Переход к инновационной модели развития может способствовать решению ряда структурно-экономических проблем, имеющихся в области на сегодняшний день посредством повышения инвестиционной привлекательности региона по следующим направлениям: нанотехнологии и наноматериалы, новые научные и опытно-конструкторские разработки, энергоэффективность, энерго-ресурсосбережение, экология, развитие производства машин и оборудования, создание и освоение новых производств экспортоориентированной, импортозамещающей высокотехнологичной продукции [6].

Показатели инновационной активности *Тамбовской области* на 2016 год (4,5 %) незначительно уступают средним показателям по Российской Федерации, Центральному федеральному округу и ряду соседних областей по объему отгруженных инновационных товаров, работ и услуг [8]. Решение значительного количества социально-экономических проблем также прогнозируется вследствие перехода Тамбовской области к инновационно-промышленному сценарию социально-экономического развития, прогнозирующему резкое увеличение потока внешних инвестиций в промышленность. Одним из ключевых факторов успешного функционирования в регионе данного сценария является реализация значимых инвестиционных проектов регионального и федерального масштабов. В качестве конкурентного преимущества Тамбовской области в рамках инвестиционно-промышленного сценария развития выступает организация новых и усиление позиций уже существующих предприятий, имеющих потенциал экспорта за пределы области и страны [7].

Исходя из анализа Стратегий долгосрочно социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья, можно сделать вывод о том, что в региональной политике необходимы серьезные изменения, соответствующие задачам перехода к реализации модели инновационного развития. Они должны состоять в переориентации экономики территорий на структурное омоложение всей экономики региона, наиболее полное использование накопленного потенциала и модернизации каждого отдельного региона и регионального центра в целом. При управлении развитием региона важно учитывать значительное число обстоятельств и факторов, иметь достоверную, полную и своевременную информацию о социально-экономических процессах, протекающих на территории. Непосредственно реализация инновационных сценариев развития требует объединения усилий органов государственной власти и местного управления, населения

и бизнес-сообщества. Только при условии совместного труда, наращивания сравнительных преимуществ экономики в науке, развития образования и высоких технологий можно вести речь о расширении конкурентоспособного потенциала регионов.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов при выработке мер по реализации стратегических планов развития регионов и региональной политики инновационной модернизации.

Литература

1. Информация о Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года: Офиц. сайт администрации Курской области [Электронный ресурс]. – URL: http://adm.rkursk.ru/index.php=2&mat_id=815

2. Основные направления стратегии социально-экономического развития Орловской области до 2020 года: Портал Орловской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.orelregion.ru/>

3. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года: Офиц. текст. – М.: Минэкономразвития России, 2013.

4. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года: Офиц. сайт губернатора и правительства Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belregion.ru/>

5. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу: Офиц. сайт департамента экономического развития Воронежской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.econom.govvrn.ru/>

6. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года: Офиц. сайт администрации Липецкой области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.admlr.lipetsk.ru/rus/strategy/strategy.php>

7. Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2035 года: Официальный сайт Управления экономической политики администрации Тамбовской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tambov.gov.ru/ekon/>

8. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг: Офиц. сайт Федеральной службы гос. статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

**ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
(на примере Ульяновского региона)**

**INNOVATIVE POTENTIAL OF YOUTH AS A FACTOR
OF DEVELOPMENT OF THE REGIONAL INNOVATION SYSTEM
(by the example of the Ulyanovsk region)**

**М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина
Marina I. Kadnichanskaya, Elena P. Galkina**

*Ульяновский государственный университет (Ульяновск, Россия)
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)*

Аннотация. *Актуальность развития и реализация инновационного потенциала молодежи в РФ осознается как в государстве в целом, так и во многих регионах страны. В данной статье рассматриваются основные условия и проблемы вовлечения инновационного потенциала молодежи в развитие региона как стратегически значимого компонента развития российского государства (на примере Ульяновской области).*

Abstract. *The urgency of development and implementation of the innovative potential of youth in the Russian Federation is realized both in the state as a whole and in many regions of the country. This article examines the main conditions and problems of involving the innovative potential of youth in the development of the region as a strategically significant component of the development of the Russian state (by the example of the Ulyanovsk region).*

Ключевые слова: *государственная политика, регион, национальная инновационная система, региональная инновационная система, инновационный потенциал, молодежь*

Keywords: *state policy, region, national innovation system, regional innovation system, innovative potential, youth*

Проблема. В современной России активизация инновационных процессов во многом связана с проводимой государственной политикой. Для ускорения инновационной деятельности необходимо формирование на-

циональной инновационной системы (НИС). Целью НИС является обеспечение устойчивого развития экономики страны и роста качества жизни на основе эффективного использования интеллектуального потенциала, генерации, распространения и реализации новых знаний. НИС определяет стратегию развития инновационной деятельности в стране, но при этом учитывается, что страна состоит из регионов, которые и определяют уровень ее (страны) развития. В связи с этим, формирование региональных инновационных систем (РИС) в рамках НИС является важным аспектом социально-экономического развития региона.

Развитие инновационного потенциала молодежи признано одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики. В России создаются наукограды, увеличивается количество бизнес-акселераторов, бизнес-школ, технопарков, реализуются грантовые программы.

Вышеперечисленное обуславливает актуальность проблемы исследования вовлечения инновационного потенциала молодежи в развитие российских территорий как стратегически значимого условия развития российского государства.

Базовая гипотеза. Несмотря на эффективную реализацию Государственной молодежной политики (ГМП), направленную на развитие и реализацию инновационного потенциала молодежи, фиксируется ряд проблем, влекущих за собой низкую инновационную активность.

Методы исследования. В данной статье используются методы содержательного анализа текстов документов, анализ статистических данных, авторское социологическое исследование, проведенное методом анкетного опроса.

Результаты исследования. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года говорится о стратегической важности создания эффективных материальных и моральных стимулов для «притока... творческой молодежи в сектора экономики, определяющие ее инновационное развитие». В Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года от 13 июля 2015 года отмечается важность создания для молодежи привлекательных условий проживания в регионе [2]. Одним из основополагающих механизмов исполнения молодежной политики является реализация целевых программ. Анализ Концепции внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области «Умный регион» на 2017-2030 годы на апрель 2018 года показал, что в ее основе лежит задача по формированию у граждан культуры информационного общества и компетенций цифровой экономики (прежде всего – у детей и молодёжи), а также «уберизация» работы с талантливыми детьми и молодёжью, запланированные мероприятия, способствующие привлечению школьников в ИТ-сферу, в том числе, «Техноград-2018» [1].

На муниципальном уровне программа «Содействие самореализации молодёжи в муниципальном образовании «город Ульяновск»» направлена на поддержку научной, творческой и предпринимательской активности молодёжи, поддержку общественно значимых инициатив молодёжи, детских и молодёжных объединений, патриотическое и гражданское воспитание молодёжи. Анализ целевых подпрограмм свидетельствует о том, что ГМП эффективно реализуется [3].

Содержательный анализ вышеупомянутых текстов документов позволяет говорить, что реализация инновационного потенциала молодежи действительно является приоритетным направлением ГМП РФ. Однако чаще всего она понимается однобоко. Колоссальная поддержка направлена на проекты в рамках «умной экономики» и техники; в Ульяновской области осуществляются системные мероприятия по реализации инновационного потенциала молодежи, поддержке молодежных инициатив, поддержки инициативной и талантливой молодежи, но вовлеченность молодежи остается все еще на достаточно низком уровне.

В г. Ульяновске в Школе развития высокотехнологичного предпринимательства регулярно проводятся профессиональные специализированные семинары для бизнеса. С декабря 2017 года функционирует Научно-образовательный центр «Креативные индустрии и развитие городских территорий» (НОЦ). Он является проектным офисом стратегического проекта «Культура. Регион. Перезагрузка», призванного выстраивать взаимодействие университета в культурной сфере с муниципальными образованиями региона. Также НОЦ отвечает за поддержку деятельности Центра инноваций Ульяновского государственного университета (УлГУ) в области творческого предпринимательства. В рамках проекта «Развитие Инновационного кластера Ульяновской области» и в целях развития технологического предпринимательства в регионе создан коворкинг-центр «Точка кипения». В г. Ульяновске запущены проекты инновационного кластера, такие как «Технокампус 2.0», «Технологическая долина 2.0», «Сантор». «Технокампус», они будут включать в себя объединенный университетский инкубатор, центр молодежного инновационного творчества и технический колледж, которые будут готовить подрастающее инновационное поколение.

По итогам 2017 года Ульяновская область входит в ТОП-10 Рейтинга инновационных регионов, подготовленным Ассоциацией инновационных регионов России, и включена в группу «Сильные инноваторы» [4].

В целях вовлечения молодежи в инновационную экономику на территории региона созданы детский технопарк «Кванториум» и Центр молодежного инновационного творчества, направления деятельности которых соответствуют тенденциям FutureSkills.

Ульяновская область сегодня находится на начальном этапе развития креативных индустрий и обладает высоким потенциалом: 2018 год в об-

ласти объявлен Годом умных технологий и креативных индустрий. Сформированы рабочие группы по направлениям: «Акселерация инноваций», «Формирование комфортной городской среды», «Умный регион», «Креативные индустрии».

Для изучения инновационного потенциала молодежи г. Ульяновска авторами статьи было произведено социологическое исследование на тему «Инновационный потенциал современной молодежи: проблемы реализации и информированность об условиях его развития в Ульяновской области» методом анкетного опроса. Выборка городская, квотная (n = 304, 2018 г.).

Большинство опрошенных (44 %) трактуют слово «инновации» как «новое в науке, изобретения, открытия» или как «внедрение новых разработок в производство». 33 % респондентов считают, что «инновации» обязательно представляют собой «новшества, способствующие развитию общества, страны». 76 % отметили, что обращают внимание на материалы об инновациях в интернете, а 66 % смотрят телепередачи. Большая часть опрошенных (53 %) знает о реальных случаях успешных инновационных проектов/стартапов, 37 % – о неудавшихся.

По мнению респондентов, чтобы инноватору достигнуть успеха, необходимо много работать и быть целеустремленным, так считают 62 % опрошенных. Не менее важным (52 %) им представляется обладание предпринимательской хваткой и лидерскими качествами. Почти половина (47 %) в число ответов включили вариант «иметь оригинальную идею». Немаловажным фактором при достижении успеха в инновационной деятельности, является наличие стартового капитала (40 %). 29 % опрошенных считают важным иметь поддержку со стороны властей и организаций, содействующих их развитию.

12 % респондентов отметили, что на данный момент принимают участие в разработке и внедрении инноваций, 69 % из них имеют высшее образование, 8 % – полное среднее, 19 % – незаконченное высшее, 5 % – послевузовское. Среди них 68 % мужчин и 32 % женщин. Более половины (70 %) определивших себя инноваторами работают в сфере технических наук, 14 % имеют творческие и художественные специальности, 10 % – IT.

19 % опрошенных готовы приступить к разработке и реализации инновационных идей/стартапов, в случае получения помощи со стороны государства, 36 % респондентов выбрали ответ «скорее да, чем нет», 22 % ответили, что скорее не готовы, чем готовы, а 11 % вовсе не готовы.

Респонденты в возрасте от 30 до 34 лет продемонстрировали большую пассивность в отношении желания открывать стартапы и разрабатывать новые продукты и услуги. Вероятнее всего, они уже имеют стабильную работу, семью. Школьная и студенческая молодежь находится в состоянии выбора дальнейшей трудовой стратегии при условии того, что социологи характеризуют поколение Z как стремящееся к достижению «быстрого» успеха, что и предполагает собой, к примеру, стартап.

Доля респондентов, оценивших усилия государства в этом направлении отрицательно, превышает долю тех, кто оценивает положительно (49 % и 12 % соответственно). Затруднилось ответить 38 % молодых людей.

О существовании хотя бы одной организации, из предложенных в списке анкеты, целью которых является развитие инновационного потенциала Ульяновской области, творческих способностей и креативности, знают 57 % опрошенных. 31 % из числа всех респондентов знают о существовании креативного пространства «Квартал», 27 % – пространстве коллективной работы «Точка кипения», 17 % – детском технопарке «Кванториум», 11 % – научно-образовательном центре «Креативные индустрии и развитие городских территорий». Всего 7 % опрошенных являются членом хотя бы одной из названных выше организаций.

42 % опрошенных в возрасте от 15 до 34 лет не слышали ни о каких проектах поддержки молодежных инноваций. 25 % знают о Всероссийский конкурс молодежных проектов, 14 % – о программе «Поддержка Центров Молодежного Инновационного Творчества», 20 % – о программе «Развитие» Фонда содействия инновациям», 19 % – о программе «УМНИК», 10 % – о программе «Старт» Фонда содействия инновациям и 8 % респондентов слышали о конкурсах Российского Фонда Фундаментальных исследований.

31 % респондентов отметили, что хотели бы получать информацию о проектах по поддержке творческой активности из средств массовой информации, 26 % – из социальных сетей, 21 % – от организаций, в которой работают/учатся, 14 % – от специалистов по организации данных проектов.

Стоит отметить, что 74% опрошенных признают проблему развития и внедрения инноваций одной из важнейших для страны. Также 93 % респондентов считают, что государство должно поощрять и стимулировать процесс инновационных разработок. При этом 40 % в возрасте от 15 до 34 лет считают, что государство не содействует разработке и внедрению инноваций. По мнению лишь 14 % респондентов, созданы благоприятные условия для развития и внедрения инноваций.

Молодежь г. Ульяновска считает, что главными проблемами для развития собственного инновационного проекта в России являются бюрократизм, коррупция (52 %), отсутствие стартового капитала, ограниченные возможности для получения кредита для молодежи (52 %). Чаще остальных (52 %) выбирали вариант «коррупция» в вопросе о барьерах, препятствующих внедрению инноваций в стране. 45 % респондентов отметили, что в стране слабая поддержка со стороны властей и организаций, 36 % – недостаток знаний, креативных идей и опыта у людей, желающих начать своё дело. Большая доля молодежи в возрасте от 15 до 19 лет (64 %) и от 20 до 24 лет (62 %) считают, что основная проблема для развития собственного инновационного проекта в России – отсутствие стартового капи-

тала, ограниченные возможности для получения кредита. Эти результаты позволяют сделать вывод о том, что большинство молодежи не знают о видах государственной и негосударственной финансовой поддержки молодежных проектов на федеральном и региональном уровнях. Большая часть молодежи в возрасте от 25 до 30 (60 %) и от 30 до 34 лет (50 %) признают главной проблемой в стране бюрократизм и коррупцию. 46 % опрошенных считают, что менталитет современной молодежи и ее низкая активность в большей степени мешают реализации инновационных проектов молодыми людьми в РФ.

На основании анализа можно сделать вывод о достаточно низкой информированности молодежи г. Ульяновска о способах проявления творческой и инновационной активности. Одной из причин этого явления можно считать отсутствие эффективного канала коммуникации государственных структур с молодежью. Для того, чтобы добиться нужного темпа генерирования и использования инноваций, необходимо создать положительный образ инноватора, довести знания о технологии генерирования инноваций до широких масс посредством СМИ.

С помощью кластерного анализа были выделены три группы молодежи с различной степенью инновационности:

Кластер № 1. Наиболее многочисленная по количеству представителей группа (59 %). Их в большей степени интересуют инновации и научные открытия, они обращают внимание в интернете и телепередачах на материалы о них, но большинство из них не читает статьи и книги об открытиях. Они хотели бы принять участие в каких-либо креативных проектах и готовы принять участие в разработке и реализации собственных инновационных идей в случае получения поддержки со стороны государства.

Кластер № 2. Эта группа молодежи составляет 31 % от общей выборки. Они интересуются научными открытиями, стараются узнавать о них из телепередач и интернета, но тоже не читают книги по данной тематике. Они скорее не готовы, чем готовы принять участие в творческих проектах и приступить к разработке стартапа.

Кластер № 3. В него входит 10 % опрошенных. На большинство ответов молодые люди затруднились ответить, они не смотрят телепередачи об инновациях и не читают статьи, однако хотели и готовы, по их мнению, принять участие в развитии инновационного проекта.

Анализ результатов проведенного анкетного опроса выявил проблемы реализации инновационного потенциала молодежи в представлениях самой молодежи, желание и готовность принимать участие в креативных творческих и социальных проектах, а также установил низкую информированность молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет о способах поддержки инновационной активности в регионе.

Практическое значение результатов. Таким образом, можно говорить о том, что:

1. Программы, мероприятия, способствующие развитию инновационного потенциала молодежи, в том числе и в Ульяновской области, помогают выявить наиболее талантливую молодежь и помочь ей в реализации значимых проектов.

2. Государственная молодежная политика способствует открытию крупных инкубаторов, технопарков и инновационных молодежных центров, проведению молодежных инновационных форумов.

3. По данным социологического исследования, современная российская молодежь положительно относится к инновациям и готова развивать свой инновационный потенциал.

4. Проблемы реализации инновационного потенциала молодежи в сознании самой молодежи видятся в недостаточной поддержке со стороны государства, незнании того, где и как приложить свои силы. Выявлено желание и готовность молодежи г. Ульяновска принимать участие в креативных творческих и социальных проектах, а также установлена низкая информированность молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет о способах поддержки инновационной активности.

Литература

1. Концепция внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области «Умный регион» на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ulgov.ru/page/index/permlink/id/14949/>

2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года: (с изм. на 8 авг. 2017 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/463710828>

3. Об утверждении муниципальной программы «Содействие самореализации молодежи в муниципальном образовании “Город Ульяновск”»: (с изм. на 11 апр. 2018 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/463705653>

4. Рейтинг инновационных регионов России 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.i-regions.org/images/files/airr17.pdf>

УДК 316.33:001

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-167-181-185

**НАУКА КАК ФАКТОР
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

**SCIENCE AS A FACTOR
OF INNOVATION DEVELOPMENT OF THE REGION**

**Н. А. Касавина
Nadezda A. Kasavina**

*Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия)
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

***Аннотация.** Особенности функционирования науки в современной России определяются неразвитостью ее связей с бизнесом, недостаточным развитием прикладных исследований. В этой связи, российская наука до сих пор должным образом не нацелена на гражданские инновации, их поиск и продвижение. Потенциал научных кадров в России остается высоким. Постепенно развивается социологическая аналитика проблем науки в современном обществе, восприятие зарубежного опыта и эффективное его применение, что позволяет надеяться на преодоление тех препятствий, которые были созданы ранее недостаточно эффективным администрированием.*

***Abstract.** The peculiarities of functioning of science in modern Russia are determined by poor relations with business, lack of the applied research. In this context, Russian science is still not adequately focused on civilian innovations, their search and promotion. The science's capacities in Russia remain high. Gradually developing sociological discourse deals with the problems of science in modern society, the perception of foreign experience and effective application that allows hope for overcoming the obstacles that were created previously by incompetent management.*

***Ключевые слова:** наука, инновация, научная мобильность, миграция в науке, научная коммуникация.*

***Keywords:** science, innovation, academic mobility, migration in science, science communication.*

Особой актуальностью на современном этапе становления информационного общества обладает проблема развития науки как важнейшего фактора инновационной деятельности. Принимая во внимание конкретные социологические исследования науки и научного сообщества, следует отметить озабоченность экспертов духовным, социальным и материальным состоянием научного сообщества в современной России. Особенности функционирования науки в России определяются, в числе прочего, неразвитостью ее связей с бизнесом, и, следовательно, недостаточным развитием прикладных исследований. Долгое время наука развивалась на основе одного источника – государственного финансирования фундаментальных исследований и узкого сектора прикладных, связанных с оборонной промышленностью. В этой связи, российская наука до сих пор должным образом не нацелена на гражданские инновации, их поиск и продвижение. Кроме того, не осуществлялись научные исследования самих науки и техники. Социологии науки, которая и должна изучать актуальную науку, в советское время не существовало, а в постсоветскую эпоху она только начала формироваться. Российскую науку как социальный институт, в сущности, не изучали, и это отрицательным образом сказывалось на ее управлении, проектировании и развитии. Вместе с тем, потенциал научных кадров в России остается высоким. Постепенно развивается социологическая аналитика проблем науки в современном обществе, восприятие зарубежного опыта и эффективное его применение, что позволяет надеяться на преодоление тех препятствий, которые были созданы ранее неграмотным администрированием.

Определяющим уровнем эффективности науки является качественное и количественное состояние слоя её лидеров, который в России явно недостаточен [1]. Тема научного лидерства обретает особое звучание в связи с исследованием трансляции научного опыта. Передача личностного знания в современной науке названа центральной проблемой становления новых поколений ученых. Согласно результатам исследования, проведенного среди 170 докторов наук, ставших лауреатами премии «Лучшие молодые ученые РАН», в научной продуктивности наиболее существенную роль играют факторы семьи и, особенно, научной среды. Около трети ученых выделили особую роль образовательной среды в их научных достижениях [2]. Авторы приведенного исследования делают вывод, что подлинную ценность и дефицит приобретает сегодня неформальное научное общение. Новые технологии передачи информации не могут передавать личностное знание, и именно в этой сфере высшее образование с его традиционными коммуникативными формами может подтвердить свою незаменимость. Важнейшей задачей является сохранение того особого опыта, который транслируется семьей, образовательной и научной коммуникацией, и в этой связи особенно отчетливо просматривается значение региональных научных и образовательных центров подготовки научных кадров.

Роль личностного знания, показанная в исследовании, важна для понимания проблемы управления наукой. Попытки резкого изменения образовательной системы и системы научной деятельности чреваты опасностью нарушения естественного процесса трансляции имплицитного пласта научного опыта, научных традиций.

В вопросе о роли науки в инновационном развитии региона особое значение имеют проблемы научной продуктивности, научной коммуникации, внутренней и международной мобильности, поскольку они определяют степень включенности ученых в актуальные исследования и связь с конкретными практическими задачами. При этом важен баланс между стремлением ученых к работе в рамках национальной науки и интеграцией в мировые исследования, осуществлением международного сотрудничества. Избыточная интеграция нивелирует специфические особенности национальной науки, делая ее менее интересной для мировой, а недостаточная интеграция актуализирует негативные изоляционные эффекты [3]. Проблемы научной мобильности в отношении российской науки приобретают особый смысл в связи с материальными трудностями, языковым фактором и иными проблемами включения отечественных ученых в мировой научный опыт. Социогуманитарная наука имеет в этой связи свою специфику, поскольку она в большей степени национально ориентирована, в основном изучает проблемы, которые характерны для современного российского общества.

Прогресс западной науки и философии представляет собой перманентный вызов для отечественных обществоведов, в том числе социологов [4]. Имеют место два противоположных ответа на этот вызов – ученический и изоляционистский – которые формируют типы социальной науки. Ученический ответ раскрывается как «провинциальная наука», которая стремится приобщиться к столицам через стажировки, конференции, попытки закрепиться, настроена на восприятие новых столичных идей и терминов, их приложение к местному материалу. Изоляционистский ответ существует в форме «туземной науки», позиционирующей себя вне процессов международной интеллектуальной мобильности. Она включает множество «местечковых» групп со своими авторитетами. В лучшем случае поддерживаются связи с национальными научными столицами (в России – с Москвой и Санкт-Петербургом).

Для современной ситуации российского социального познания важно преодоление затянувшегося раскола на «провинциальную» и «туземную» науки. Среди условий успешного развития региональной науки можно назвать: прямое общение с лидерами в данной области, попадание в центры интеллектуальных сетей; участие в интеллектуальных спорах, привлекающих внимание коллег и околонуучной публики; высокий уровень конкуренции и обмена идеями; ритуалы признания, насыщенное интеллектуальное общение [5, 15]. Факторами, относящимися к содержательной части познания, высту-

пают: получение новых результатов, наличие особого культурного капитала, преимущественного доступа к тем идеям, которые неизвестны другим участникам конкуренции (в том числе с региональной спецификой).

Ориентации на внутрироссийское и международное сотрудничество – взаимодополняющие модели научной деятельности, которые выполняют важные функции: интеграция отечественного научного сообщества, поддержка национальной научной специфики, «размыкание» национальной науки в сторону мира и ее обогащение. Научная деятельность в содержательном плане сочетается с организационной и коммуникативной активностью, посредством чего обеспечивается формирование и обновление пространства науки.

Социальная уязвимость научных кадров в России проявляется в ключевых для научного персонала формах защищенности – в области сохранения и развития профессиональных компетенций, возможностей проявить способности, условий работы (ее стабильность и трудовые доходы), необходимых для выполнения труда высокой сложности. Приоритетными направлениями реформирования науки являются повышение ее востребованности и усиление социальной защищенности персонала, в особенности, молодых ученых как уязвимого звена.

Выраженным препятствием развития российской науки является запаздывание технологической модернизации экономики, дефицит финансирования, несовершенство администрирования науки, дефицит высококвалифицированных исследователей, неподготовленность менеджмента сферы науки к трансферу научной продукции в инновационное производство [6]. Слабое взаимодействие исследовательских организаций с производственными компаниями и вузами – результат общего кризиса научных организаций, долгие годы не связанных с прикладными исследованиями, не имеющих в достаточной мере современной техники и технологически оснащенных опытных лабораторий, испытательных баз и полигонов. Успешному трансферу разработанной вузами и исследовательскими организациями научной продукции в инновационное производство и сегодня препятствует низкая эффективность функционирования созданной научной инфраструктуры, не отвечающей современным задачам развития кооперации науки и бизнеса.

Одним из препятствий успешного трансфера технологий в России является дефицит квалифицированных кадров, имеющих профессиональную подготовку в области коммерциализации научных знаний, организации процесса трансфера технологий. Это может быть восполнено подготовкой специалистов по различным направлениям менеджмента науки.

Для современного состояния науки свойственен пересмотр феномена научной мобильности, позитивный взгляд на усиление миграции в сфере науки [7]. Все шире сегодня используются схемы деятельности высококвалифицированных специалистов, не предполагающих миграцию: создание филиалов, смежных производств, партнерских отношений – ТНК, оффшоринг, аутсорсинг, временные контракты, дистанционная работа.

Современные реалии позволяют иначе взглянуть на проблему миграции высококвалифицированных специалистов. Интенсификация движения персонала между странами, расширение неформальных и гибких форм трудоустройства – черта современной системы занятости. Кроме того, внедрение новых наукоемких технологий создает повышенный спрос на представителей новых профессий, прежде всего в ИТ-сфере. Развивающиеся страны в циркуляции специалистов видят новые возможности включения в мировой технологический прогресс, стремятся создать условия, поощряющие транснациональную активность.

В целом, сравнение степеней защищенности российских ученых и ученых в развитых (и не только развитых) странах вселяет немного оптимизма. Для того, чтобы наука вышла на сопоставимые рубежи, предстоит еще немало сделать как государству и обществу, так и самим ученым. Региональные центры науки и образования играют в этом процессе важную роль, способствуя созданию и развитию особых научных традиций и коммуникаций, инновационной модернизации социальной инфраструктуры.

Литература

1. Михалева, М. Н. Эффективность научных исследований в контексте воспроизводства научного лидерства / М. Н. Михалева // Социол. исслед. – 2016. – № 3. – С. 54–65.
2. Гаврилова, Е. В. Трансляция научного опыта и личностное знание / Е. В. Гаврилова, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич // Социол. исслед. – 2015. – № 9. – С. 28–35.
3. Гаврилова, Е. В. «Местники» и «космополиты»: К вопросу о продуктивности ученых / Е. В. Гаврилова, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич // Социол. исслед. – 2016. – № 9. – С. 105–116.
4. Розов, Н. С. «Провинциализм», «туземство» и факторы интеллектуальной «столичности» в социальном познании / Н. С. Розов // Социол. журн. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 8–25.
5. Коллинз, Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм; Вступ. ст. Н. С. Розова. – Новосибирск, 2002.
6. Савинков, В. И. Государственное регулирование науки: успехи и недочеты / В. И. Савинков, А. Л. Арефьев // Социол. исслед. – 2016. – № 9. – С. 125–133.
7. Смирнова, Е. М. Подходы к изучению международной миграции высококвалифицированных специалистов: механизмы, перспективы, последствия / Е. М. Смирнова // Социол. исслед. – 2016. – № 3. – С. 66–75.

**ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

**INNOVATIVE ECONOMY
AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

**Г. Э. Кудинова
Galina E. Kudinova**

*Институт экологии Волжского бассейна РАН (Тольятти, Россия)
Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS
(Togliatti, Russia)*

Аннотация. *Формирование инновационной экономики (ИЭ) обуславливает совершенствование механизмов научно-технического развития; взаимодействия институтов государства, научно-технической сферы и рыночных сил; создает условия для устойчивого развития. Развитие ИЭ невозможно без вовлечения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности. В статье приведены и проанализированы данные подачи заявок и количества выданных патентов на изобретения, полезные модели, свидетельства на товарные знаки, а так же регистрации программ ЭВМ и баз данных. По всем направлениям инновационной деятельности наблюдается положительная динамика. Создание в Российской Федерации институциональных и организационных условий, необходимых для продвижения объектов интеллектуальной собственности, обеспечит инновационное устойчивое развитие экономики.*

Abstract. *The formation of innovative economy (IE) determines the perfection of mechanisms of scientific and technological development; interaction of state institutions, scientific and technical sphere and market trends; creates conditions for sustainable development. Development of IE is impossible without the involvement of intellectual property objects in economic turnover. The article presents and analyzes the data of filing applications and the number of patents issued for inventions, utility models, certificates of trademarks, as well as the registration of computer programs and databases. There is a positive trend in all areas of innovation. The creation of institutional and organizational conditions in the Russian Federation necessary for the movement of intellectual property objects will ensure the sustainable development of the economy.*

Ключевые слова: инновационная экономика, устойчивое развитие, объекты интеллектуальной собственности.

Keywords: innovative economy, sustainable development, intellectual property.

В настоящее время в мировом хозяйстве активно формируется новый тип экономического роста, который обуславливает совершенствование механизмов научно-технического развития, взаимодействия институтов государства, научно-технической сферы и рыночных сил. Он имеет в своей основе систему наращивания знаний и воплощения их в инновации, а также механизмы расширенного воспроизводства и капитализации инноваций. Эффективность этих механизмов определяет инновационную способность экономики [1, 2, 3]. Экономика РФ является частью мировой хозяйственной системы, связанной с ней множеством связей и взаимодействий, поэтому развитие ИЭ в России актуально и значимо. Важную роль в формировании ИЭ играют инновации, являющиеся неотъемлемой и необходимой составляющей научно-технического развития страны [4, 5]. Вместе с тем, мировое сообщество, осознавая ущерб, наносимый окружающей природной среде в процессе научно – технического развития, увеличения численности населения планеты и истощения природных ресурсов, с середины XX века активно ищет пути выхода из сложившегося конфликта [6, 7, 8]. В 1978 году на XIV Генеральной ассамблее Международного Союза охраны природы и природных ресурсов была принята Всемирная стратегия охраны природы, направленная на достижение стабильного экономического развития, сохранение природно-ресурсного потенциала и перехода общества на путь устойчивого развития «Устойчивое развитие» в материалах ассамблеи определялось как модификация биосферы и применение человеческих, финансовых, живых и неживых ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей и улучшения качества жизни [9, 4, 10].

Целью данной работы является определение роли инноваций в инновационной экономике и обеспечении устойчивого развития.

Для достижения поставленной цели были использованы методологические принципы: системность; единство теории и практики; принцип движения от «абстрактного к конкретному»; деятельность в полной структуре научного предмета, – от проблем к задачам, от эмпирического материала к теоретическим положениям.

В условиях экономических санкций, ограничения доступа к некоторым видам материалов, технологий и разработок, ранее поступающих в страну из стран Евросоюза и США, формирование национальной инновационной системы является одним из важнейших стратегических приори-

тетов социально-экономического развития России [11, 12]. Инновационное, экономическое, социальное и экологическое направления устойчивого развития, представлены в Программах по социально-экономическому развитию страны и ее регионов на период до 2020 г., разработанных Правительством и Администрациями субъектов РФ. Устойчивое развитие обеспечивает сбалансированное (согласованное) решение социально-экономических задач и проблем сохранения природно-ресурсного потенциала, является стратегической задачей страны. Для этого необходим переход экономики к инновационному типу развития [13, 14].

К настоящему времени утверждены все ключевые государственные программы, оказывающие существенное влияние на развитие национальной инновационной системы: «Развитие науки и технологий», «Развитие образования», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», «Развитие судостроительной промышленности», «Развитие авиационной промышленности», «Развитие атомного энергопромышленного комплекса», «Космическая деятельность России», «Развитие транспортной системы», «Охрана окружающей среды», «Развитие здравоохранения», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Энергоэффективность и развитие энергетики». В данных государственных программах отражены основные укрупненные мероприятия и показатели Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, определены источники и объемы финансирования [15].

Вместе с тем, очевидно, что развитие ИЭ невозможно без вовлечения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности (ИС).

Интеллектуальная собственность – собирательное понятие, означающее совокупность исключительных прав на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации.

«Формирование современного рынка ИС, совершенствование национального патентного и авторского права – позволяют значительно повысить эффективность инвестиций в человеческий капитал, стимулируют генерацию, распространение и использование знаний. А значит – служат прочной основой для успешного инновационного развития, создания по настоящему “умной” экономики, способной справиться с вызовами XXI века» [16]. По статистическим данным Роспатента и ФИПС можно проследить динамику подачи заявок и получение охранной документации на создаваемые ИС в Российской Федерации. Наиболее показательные, с нашей точки зрения, данные приведены в таблице 1 [17].

Из таблицы видно, что по всем направлениям инновационной деятельности наблюдается положительная динамика.

Таблица 1

**Динамика подачи заявок и выданных патентов изобретения,
полезных моделей, свидетельств на товарные знаки
и регистраций программ ЭВМ и баз данных**

Table 1

**Dynamics of applications and patents for inventions, utility models,
trademark certificates and software and database registrations**

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Патенты											
Подано заявок в Роспатент	39439	41849	38564	42500	41414	44211	44914	40308	45517	41587	36454
Выдано патентов	23028	28808	34824	30322	29999	32880	31638	33950	34706	33536	34254
Полезные модели											
Подано заявок в Роспатент	10075	10995	11153	12262	13241	14069	14358	13952	11906	11112	10643
Выдано патентов	9757	9673	10919	10581	11079	11671	12653	13080	9008	8875	8774
Промышленные образцы											
Подано заявок в Роспатент	4823	4711	3740	3997	4197	4640	4994	5184	4929	5464	6487
Выдано патентов	4020	3657	4766	3566	3489	3381	3461	3742	5459	4455	5339
Товарные знаки и знаки обслуживания											
Всего подано заявок на регистрацию знаков	57262	57112	50107	56848	59717	61923	61188	61477	64762	73510	61188
Зарегистрировано знаков	30724	36617	36436	35178	35954	40106	42298	43042	55191	56030	42298
Наименование мест нахождения товара											
Подано заявок на регистрацию наименований мест происхождения товаров и предоставление исключительного права на них	27	35	30	63	58	66	59	44	44	56	59
Выдано свидетельств об исключительном праве на наименование места происхождения товара	25	14	9	22	22	31	30	25	24	30	30
Программы и базы данных											
Программы для ЭВМ	5308	6086	7057	8073	9700	11471	12500	14275	13362	14843	14092
Базы данных	426	441	609	733	891	1332	1820	2009	1726	1807	1682

Увеличивается и количество поданных заявок, и количество патентов и свидетельств, выданных для защиты ИС.

Влияние на развитие инновационной экономики ИС можно рассматривать в четырех аспектах, а именно:

1. Информация о патентах облегчает передачу (трансфер) технологий и оказывает содействие привлечению прямых иностранных инвестиций.
2. Патенты стимулируют научные исследования.

3. Патенты являются катализатором новых технологий и бизнеса.

4. Бизнес накапливает патенты и коммерциализирует их путем передачи прав через лицензионные соглашения, внесение в уставный фонд предприятий, использование в собственном производстве для получения дополнительной прибыли [18].

Необходимость инновационного преобразования социально-экономического развития страны подтверждается тем, что в настоящее время при государственном регулировании делается акцент на развитие отраслей науки и техники, ориентированных на развитие Национальной инновационной системы России [19]. Создание в Российской Федерации институциональных и организационных условий, необходимых для продвижения ИС, обеспечит инновационное устойчивое развитие экономики.

Литература

1. Зверев, А. Проблемы перехода к инновационной экономике / А. Зверев // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2008. – № 9.

2. Ивантер, В. В. Перспективы и условия инновационно-технологического развития экономики России / В. В. Ивантер, Н. И. Комков // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 3.

3. Пухова, Л. А. Проблемы перехода экономики России на инновационный тип развития [Электронный ресурс] / Л. А. Пухова // Мол. ученый. – 2014. – № 7. – С. 395–398. – URL: <https://moluch.ru/archive/66/11007/> (дата обращения: 27.06.2018).

4. Терешина, М. В. Формирование механизма устойчивого развития региона: экономические и институциональные условия: Автореф. дис. ... д-ра эконом. наук / М. В. Терешина. – М., 2009.

5. Самарина, В. П. Трансфер технологий в качестве антикризисной меры для экономики России и ее регионов / В. П. Самарина, Т. П. Скуфьяна, С. В. Баранов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 286.

6. Черникова, А. А. Некоторые особенности влияния экономического кризиса на регионы России / А. А. Черникова, В. П. Самарина, Н. А. Полева // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 25. – С. 8–18.

7. Самарина, В. П. «Зеленая экономика» России: некоторые вопросы теории и методологии / В. П. Самарина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 2 (287). – С. 2–9.

8. Бобылев, С. Н. «Зеленая» экономика и модернизация: эколого-экономические основы устойчивого развития / С. Н. Бобылев, В. М. Захаров // На пути к устойчивому развитию России. – 2012. – № 60. – С. 89.

9. Розенберг, Г. С. Формирование экологической ситуации и пути достижения устойчивого развития Волжского бассейна / Г. С. Розенберг,

Д. Б. Гелашвили, А. Г. Зибарев и др. // Регион. экология. – 2016. – № 1 (43). – С. 15–27.

10. Розенберг, А. Г. Природный капитал и экосистемные услуги региона / А. Г. Розенберг. – Тольятти, 2015.

11. Шварц, Е. А. Экологическая политика и международная конкурентоспособность российской экономики / Е. А. Шварц, А. А. Аверченков, С. Н. Бобылев, И. В. Герасимчук // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 58–71.

12. Доронкин, В. Г. Социально-экономическое развитие и технологическая модернизация России – тенденции и перспективы развития / В. Г. Доронкин, Г. Э. Кудинова, В. С. Юрина, Н. А. Кудинова // Азимут науч. исслед.: экономика и управление. – 2013. – № 4. – С. 17–19.

13. Юрина, В. С. Устойчивое развитие и экологический аудит социо-эколого-экономических систем / В. С. Юрина. – Тольятти, 2013.

14. Юрина, В. С. Анализ проблем устойчивого инновационного развития экономики регионов / В. С. Юрина, Г. Э. Кудинова // Наука – промышленности и сервису. – 2013. – № 8-1. – С. 46–51.

15. Национальная инновационная система (НИС) России. Основные документы в сфере инноваций. Показатели НИС России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberpedia.su/5x344f.htm>

16. Иванов, С. Б. Приветствие участникам V Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» (3 апреля 2013 г., Москва). – М.: ЭкоЦентр, 2013.

17. Отчеты о деятельности Роспатента за 2007–2017 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://rupto.ru/ru>

18. Силаев, В. И. Интеллектуальная собственность. [Электронный ресурс] / В. И. Силаев, А. П. Стехин. – URL: <http://lib.rushkolnik.ru/text/29180/index-1.html>

19. Розенберг, Г. С. Экологическая оценка территории Волжского бассейна с использованием обобщенной функции желательности / Г. С. Розенберг, Н. В. Костина, Н. Г. Лифиренко, Д. В. Лифиренко // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2010. – Т. 12. – № 1-9. – С. 2324–2327.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА – КЛЮЧ
К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА РОССИИ**

**INTELLECTUAL-INNOVATIVE POTENTIAL
OF THE REGIONAL COMMUNITY – THE KEY TO THE REGION'S
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA**

**Н. М. Лавренюк
Natalya M. Lavreniyk**

*Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)
Bashkir state university (Ufa, Russia)*

***Аннотация.** Инновационное развитие регионов России находится в мейнстриме общего тренда смены технологических укладов и процесса усиления конкуренции за качественные человеческие ресурсы в силу их ограниченности. Они в разной степени вовлечены в формальную региональную инновационную систему. Однако инновационное развитие регионов России будет эффективным, только при условии интеграции и вовлечения в него интеллектуально-инновационного потенциала всего сознательного регионального сообщества.*

***Abstract.** Innovative development of Russian regions is in the mainstream of the General trend of changing technological structures and the process of increasing competition for quality human resources due to their limitations. They are involved in the formal regional innovation system to varying degrees. However, the innovative development of Russian regions will be effective only if the intellectual and innovative potential of the entire conscious regional community is integrated and involved in it.*

***Ключевые слова:** инновационное развитие, регион России, региональное сообщество, интеллектуально-инновационный потенциал.*

***Keywords:** innovative development, Russian region, regional community, intellectual and innovative potential.*

Проблема, рассматриваемая в статье. Регион России – это сложная и не обезличенная система, однако подход к стимулированию ее развития с чисто внешних формальных позиций, без учета «миграции» ценностей регионального сообщества, которое обладает потенциалом для разного вида развития, включая инновационное, не позволяет верно формализовать потенциал населения региона и мотивировать его на построение эффективной РИС. Эффективная РИС – это формализованная система юридических и неюридических социальных институтов инновационного развития. Инновационное развитие – сложно-агрегированный социальный процесс, который можно рассматривать на разном уровне глубины. Как отметил Н. И. Лапин: «Сущность сложности сообщества людей ... в синергичном *взаимопроницании* его разнородных универсалий..., а сложность познания и регулирования эволюции этого объекта можно охарактеризовать, вслед за одним из ведущих исследователей сложностей, как *запрет на упрощения* [Морен, 2013]. Такой запрет означает требование конструктивных решений проблем путем повышения сложности самоорганизации объектов» [Н. И. Лапин, 2018]. В условиях ограниченного объема и поиска равновесия в системе «сложность + полезность = ценность» ограничимся срезом ядерных универсалий инновационного развития: «интеллекта», «инноваций» и их продуцента и обладателя «регионального сообщества», характеризующих эпистемную модель РИС.

Базовая гипотеза. Необходимо оценивать результативность не только формальных индикаторов РИС, но и уровень зрелости и готовности регионального сообщества к включению в него. Пока население не оценит значения, главным образом, выгод и преимуществ этой модели совершенствования региона как места проживания, в котором интегрированы его ценности, понятие «инновационное развитие» останется чужим. Следовательно, важно найти определенное равновесие между внешним и внутренним стимулированием развития регионов-субъектов РФ, РИС и интеллектуально-инновационного потенциала региональных сообществ в условиях усиления внутри и межрегионального дисбаланса его капитализации.

Методы исследования сведены к методологической гипотезе, что сложные процессы и феномены могут быть изучены только на основе адекватных способов и моделей индикаторов. В связи с чем заявлен индексный метод, применимый как к анализу динамики и диагностике данных официальной статистики, авторитетных рейтинговых агентств, так и социологических фактов.

Результаты исследования, их новизна.

Ключ к инновационному развитию – в интеллектуально-инновационном потенциале населения, уровень культуры которого должен позволять интегрировать его в систему – «сообщество» как самоорганизуемый субъекта. Для самоорганизации на пути к построению инновационного

общества как результата инновационного развития региональные сообщества должны обладать определенным уровнем инновационной культуры: инновационного мышления и поведения, как внешних маркеров потенциала.

К одному и тому же феномену возникает разное отношение в обществе. Это характерно и для восприятия феноменов «потенциал» и «капитал», которые связывает категория «ресурсы». Разница в том, как отрефлексировано понимание того, что есть в наличии: потенциал – *возможность* на ценностной основе использовать средства для достижения цели (Т. Парсонс) или это *результат* усилий использования возможностей, как вариант понимания капитала. Ресурсы выступают в качестве активизированного, вовлеченного в деятельность потенциала, на основе которого мы можем оценить направленность, траектории и силу мотивации применения потенциала.

В сложном феномене «потенциал» выделим его ключевой тип для анализируемого вида развития на основе создания и реализации инновационных продуктов – «интеллектуально-инновационный потенциал» (ИИП). Под ним определим способности и компетенции к созданию результатов интеллектуального труда, преобразованию их в объекты интеллектуальной собственности и распространению в виде инноваций на рынке интеллектуальной собственности. Интеллектуально-инновационный потенциал населения (физических лиц) и организаций (юридических лиц) как субъектов интеллектуально-инновационной деятельности разной степени институционализации. Интеллектуально-инновационная деятельность – преобразование результатов интеллектуального труда в инновации. Базовые институты реализации интеллектуально-инновационной деятельности – высшее образование, наука и высокотехнологичный бизнес. Они выступают как относительно устойчивые формы общественной жизни, посредством которых организуются стабильные отношения и связи в рамках конкретного общества, его части по поводу трансляции знаний, формирования компетенций интеллектуальной и инновационной деятельности, их вовлечения в интеллектуальную и инновационную деятельность.

Поскольку институционализация этой деятельности регламентирована нормативно-правовой базой, то основным институциональным агентом управлением ИИП выступает государство. Оно задает формат управления ИИП на национальном, региональном и муниципальном уровнях.

Поэтому должны быть выполнены базовые условия: 1) население должно быть способным оценить ценность инновационного развития (обладать определенным уровнем интеллекта); 2) быть мотивированным и компетентным к продуцированию ценных новшеств и использованию инноваций (знать и уметь применять знания генерации идей, оформления их в новшества, их апробации, тиражирования и использо-

вания инноваций); 3) уверенным в гарантиях, что заданный государственный формат будет последовательным, предсказуемым и системным (контекстный потенциал безопасной «инновационной рефлексивной среды» (В. Е. Лепский)).

Рассмотрим выполнимость этих условий на примере субъекта РФ – Республики Башкортостан.

1) Население должно быть способным оценить ценность инновационного развития.

В исследовании 2015 г. «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года»¹ было изучено распространение инновационных и традиционалистских мировоззренческих установок респондентов. Они измерены на основе выбора 8 суждений, выражающих как готовность к риску и стремление к новизне, так и предпочтение стабильности и сохранения традиций. В результате было выявлено, что к группе с преобладанием «инновационных» установок можно отнести 25,8 % опрошенных, к группе «традиционалистов» – 31,2 % населения, еще 43,0 % демонстрируют смешанный тип установок. Анализ доли «инноваторов» по отраслям показал, что группа с высоким уровнем инновационного потенциала обладает более высокими доходами, социальным положением и профессионально-квалификационным статусом.

Приведенные выше факты, а также аналогичные результаты других исследователей, полученными иными методами, позволяют утверждать, что потенциал развития отраслей экономики региона напрямую зависит от качества трудовых ресурсов, а потенциал инновационного развития – от качества интеллектуально-инновационного потенциала занятых. В наиболее потенциальных отраслях заняты работники с более высоким уровнем образования и инновационного потенциала.

2) Быть мотивированным и компетентным к продуцированию новшеств и использованию инноваций (знать и уметь применять знания генерации идей, оформления их в новшества, их апробации, тиражирования и использования инноваций)

Согласно «Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года»², одним из основных критериев уровня развития российского рынка интеллектуальных прав является коэффициент изобретательской активности (КИА) – число поданных патентных заявок в расчете на 10 000 человек экономически активного населения. В Республике Башкортостан КИА не-

¹ Организаторы исследования: Академия наук Республики Башкортостан. Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: стратифицированная с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по половозрастной структуре. Общий объем выборки: 6300 чел. во всех городских округах и практически в 90 % муниципальных районах региона. Сроки полевых работ: июль-сентябрь 2015 г. Метод сбора данных – анкетирование. Результаты обработаны с помощью программы SPSS-17.

² Стратегия инновационного развития Российской Федерации // URL: <http://ac.gov.ru/projects/public-projects/04840.html> (дата обращения: 2.03.2016).

сколько ниже среднероссийского показателя: 2,4 против 2,53 в 2014 г.¹. Однако темпы его роста в Республике Башкортостан на изобретения несколько выше, чем в среднем по стране.

В целом интеллектуальная активность выше, чем результативность. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в 2014 г. в РФ была 8,7 %, в РБ – 8,2 %. Согласно данным обследований предприятий региона Башкортостанстатом, среди факторов, препятствующих инновационной деятельности, на первом месте экономические факторы: недостаток собственных денежных средств, финансовой поддержки со стороны государства, низкий спрос на новые товары и услуги, высокий экономический риск и высокая стоимость нововведений. На втором месте производственные факторы: низкий инновационный потенциал предприятия, недостаток квалифицированного персонала, информации о новых технологиях и рынках сбыта, неразвитость кооперационных связей. Также препятствуют ИД недостаточность законодательных и нормативных документов, регулирующих и стимулирующих ИД, неразвитость инновационной инфраструктуры, неопределенность экономической выгоды от использования ОИС. Значение последнего фактора растет.

3) Уверенность в гарантиях, что заданный государственный формат будет последовательным, предсказуемым и системным (контекстный потенциал безопасной «инновационной рефлексивной среды» (В. Е. Лепский)).

Современная архитектура инновационного развития наполнена актуальными нормативно-правовыми документами. Стратегически регламентирует инновационное развитие в РФ и в РБ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»). Согласно данной Стратегии «Целью научно-технологического развития Российской Федерации является обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Для этого субъектам и Российской Федерации необходимо создать: возможности для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций, обеспечив тем самым развитие интеллектуального потенциала страны; условия для проведения исследований и разработок, соответствующие современным принципам организации научной, научно-технической, инновационной деятельности и лучшим российским и мировым практикам; сформировать эффективную систему коммуникации в области науки, технологий и инноваций, обеспечив повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям, создав условия для раз-

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2015. Разделы 1, 21.

вития наукоемкого бизнеса; сформировать эффективную современную систему управления в области науки, технологий и инноваций, обеспечивающую повышение инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок, а также эффективности капиталовложений в указанную сферу, результативности и востребованности исследований и разработок; способствовать формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия».

Практическое значение результатов. Задан формат инновационного развития в РФ и в ее субъектах до 2025 года. Однако анализ возможностей и эффективности реализации задач Стратегии в Республике Башкортостан показал, что решить заявленные задачи РБ сложно. В силу образовательного и информационного неравенства в региональном сообществе требуется ряд государственных решений и шагов для развития культуры инновационной социальной деятельности всего населения. На основе данных официальной статистики и результатов репрезентативных социологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан, показана необходимость формирования инновационной грамотности как части общей системы инновационного развития через самоинтеграцию и наращивание интеллектуально-инновационного потенциала сообщества.

Литература

1. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Лавренюк, Н. М. Развитие интеллектуально-инновационного потенциала регионального сообщества в Башкортостане: Моногр. / Н. М. Лавренюк. – Уфа: АЭТЕРНА, 2015.
3. Лапин, Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социол. исслед. – 2018. – № 3. – С. 3–14.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНА СЗФО**

**CURRENT PROBLEMS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF THE MACROREGION
OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT**

**М. А. Ласточкина
Maria A. Lastochkina**

*Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия)
Vologda scientific center of RAS (Vologda, Russia)*

***Аннотация.** В данной статье приводятся данные статистики и их анализ о состоянии научно-инновационной деятельности в регионах Северо-Западного федерального округа. Представлена динамика основных показателей инновационного развития территорий и определены факторы, оказывающие влияние на эффективность инновационной деятельности. Обращается внимание на целесообразность развития статистического учета и анализа инновационных составляющих регионов для реализации их научного потенциала.*

***Abstract.** In this article statistical data and their analysis about a condition of scientific and innovative activity are given in regions of the Northwestern Federal District. Dynamics of key indicators of innovative development of territories is presented and the factors exerting impact on efficiency of innovative activity are defined. The attention to expediency of development of statistical account and the analysis of innovative components of regions for realization of their scientific potential is paid.*

***Ключевые слова:** региона, инновации, патенты.*

***Keywords:** region, innovations, patents.*

Инновационной деятельности уделяется большое внимание, как в экономике страны, так и в экономической литературе. При этом особый интерес заслужили регионы, как субъекты экономического роста. Ученые эко-

номисты ищут пути инновационного развития регионов России. Территориальный аспект актуален тем, что разработка и внедрение инноваций происходит именно в регионе, где имеется свой сформированный научный потенциал, влияющий на инновационную деятельность. Действие множества региональных факторов отвечающих за накопление и развитие потенциала, зачастую сложно установить и оценить. Однако существует необходимость в их изучении, так как при сравнении регионов имеется большие различия в их инновационной активности. Цель статьи – анализ результативности научно-инновационной деятельности в регионах Северо-Западного федерального округа, выявление факторов, влияющие на нее и возможностей для ее повышения. Под факторами подразумеваются компоненты инновационных систем рассматриваемых взаимосвязано [1].

Северо-Западный федеральный округ включает в себя десять субъектов Российской Федерации: Республики Карелия и Коми, Архангельскую, Вологодскую, Калининградскую, Ленинградскую, Мурманскую, Новгородскую и Псковскую области, а также г. Санкт-Петербург. Отметим, что Санкт-Петербург является центром научно-инновационной деятельности. Первоначально оценим итоговый показатель инновационной деятельности – удельный вес инновационной продукции. Таблица 1 представляет динамику данного показателя в зависимости от типа региона. Субъекты СЗФО были разбиты на 3 группы в зависимости от типа: первая – с превалированием добывающих производств, вторая – с доминированием обрабатывающих производств и третья – приблизительно равные пропорции добывающих и обрабатывающих производств. Такое разделение сделано на основе доли валовой добавленной стоимости в валовом выпуске отрасли.

Анализируя представленную ниже таблицу, отметим очень низкий уровень производимого объема инновационной продукции, а также его существенное различие по регионам округа. Максимальный показатель в 2016 году имел Санкт-Петербург – 8,7 %. А в Республике Карелия, Архангельской и Калининградской областях данный показатель не превышал 1 %. Как можно заметить нет зависимости в объеме инноваций и типа производства.

Таблица 1

Объем инновационных товаров, работ, услуг, в %

Группа	Регион	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Добывающие	Республика Коми	2,7	–	3,2	5,1	5,3	3,3	2,3
	Архангельская область	1,6	0,4	0,4	28,9	1,4	2,7	0,5
Обрабатывающие	Вологодская область	8,6	4,5	1,6	4,4	18,6	21,6	4,3
	Калининградская область	1,5	9,2	0,1	0,1	0,1	0,4	0,2
	СЗФО	5,7	3,3	4,1	9,3	8,1	6,3	5,1

Группа	Регион	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Смешанные	Ленинградская область	1,3	0,5	2,4	2,8	5,9	2,0	2,3
	Новгородская область	18,4	19,1	6,9	4,6	3,6	3,9	3,0
	Псковская область	3,5	1,0	2,7	1,0	0,7	1,1	1,2
	г. Санкт-Петербург	4,3	3,1	8,0	12,2	12,0	7,3	8,7
	Республика Карелия	14,9	0,4	1,3	0,2	0,2	0,2	0,3
	Мурманская область	7,5	3,5	0,5	0,8	3,6	1,7	1,5
	Россия	4,4	5,0	4,8	9,2	8,7	8,4	8,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.

Из рис. 1 следует, что в регионах СЗФО наблюдается колебание численности занятых научными исследованиями и разработками. Наименьшие показатели в аграрных регионах – Псковской и Вологодской областях. Наибольшие показатели отмечаются в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (табл. 2). Являясь основной составляющей научного потенциала численность занятых в научной сфере может характеризовать возможности региона в научной базе инновационной деятельности.

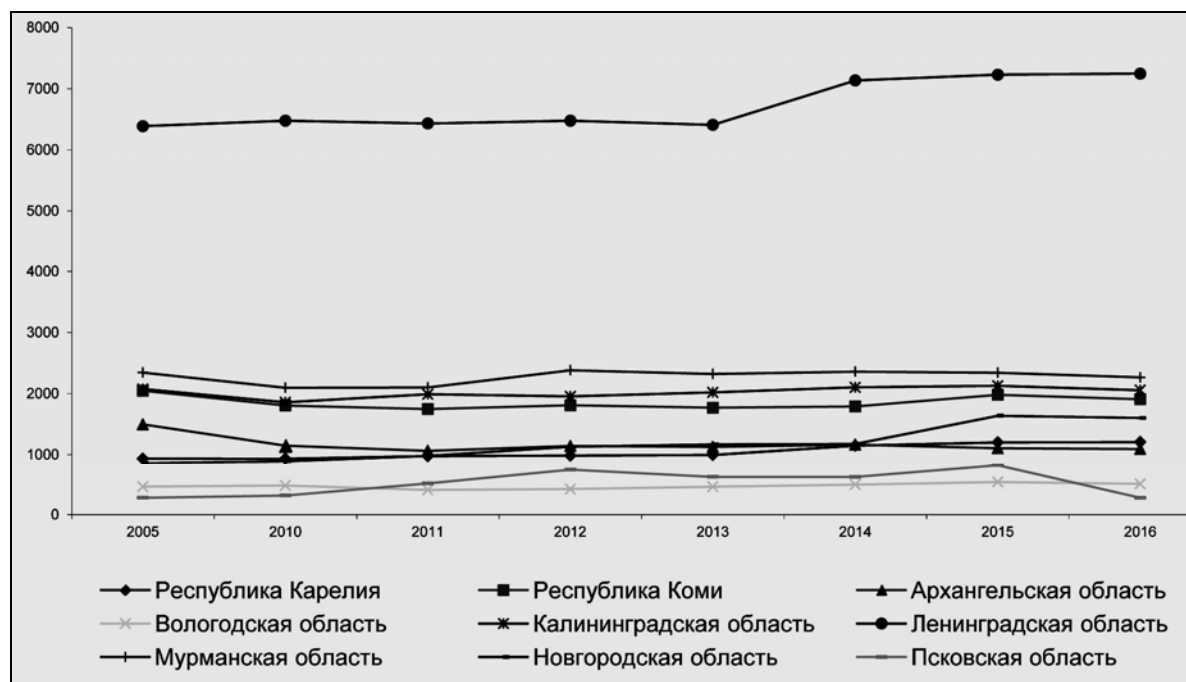

Рис. 1. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в регионах СЗФО, человек

Еще одним важным показателем оценки научного потенциала является объем средств, расходуемых на науку. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки по регионам СЗФО приведена в табл. 3. Эти показатели характеризуют оснащенность научного труда и его оплату. Так

в большинстве регионов СЗФО наблюдается рост затрат на науку, однако есть и их снижение, особенно в третьей группе: в Республике Карелия, Ленинградской и Мурманской областях, в первой группе – Республика Коми.

Таблица 2

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в регионах СЗФО, человек

Группа	Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Добывающие	Республика Коми	2047	1806	1748	1809	1769	1791	1981	1909
	Архангельская область	1496	1148	1064	1143	1128	1165	1107	1094
Обрабатывающие	Вологодская область	464	482	410	424	463	498	541	509
	Калининградская область	2075	1859	1990	1955	2020	2103	2128	2057
	СЗФО	104752	95826	97221	97710	95674	96726	98062	95118
Смешанные	Республика Карелия	935	934	978	986	996	1149	1202	1207
	Ленинградская область	6388	6477	6431	6476	6409	7135	7229	7247
	Мурманская область	2345	2097	2102	2382	2322	2359	2342	2265
	Новгородская область	861	892	982	1130	1169	1175	1638	1602
	Псковская область	280	318	516	745	625	624	818	278
	г. Санкт-Петербург	87861	79813	81000	80660	78773	78727	79076	76950
	Россия	813207	736540	735273	726318	727029	732274	738857	722291

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.

Таблица 3

Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн рублей)

Группа	Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Добывающие	Республика Коми	661,0	1577,7	1704,5	1827,1	2239,8	2152,4	2400,1	2390,5
	Архангельская область	352,7	724,5	898,6	1106,8	1247,3	1460,6	1471,0	1576,7
Обрабатывающие	Вологодская область	81,2	286,8	310,9	311,7	362,7	366,4	377,3	411,9
	Калининградская область	481,2	1184,8	1310,0	901,8	1074,3	1005,9	1146,8	1293,5
	СЗФО	30988,3	70737,3	81504,9	100002,7	108026,7	118612,3	128182,7	131973,6
Смешанные	Республика Карелия	161,7	568,1	704,9	765,6	897,7	985,9	1050,7	964,9

Группа	Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	Ленинградская область	1640,9	4400,2	4583,7	6189,9	5472,7	6708,8	7587,1	6335,3
	Мурманская область	1071,5	2006,6	2077,8	2383,6	2518,0	2599,3	2513,4	2404,6
	Новгородская область	183,9	708,6	857,1	1391,5	1208,7	1093,0	1587,8	1694,7
	Псковская область	24,2	57,1	67,4	173,2	171,2	167,6	337,1	430,5
	г. Санкт-Петербург	26329,9	59222,8	68990,0	84951,5	92834,4	102072,4	109711,5	114470,8
	Россия	230785,2	523377,2	610426,7	699869,8	749797,6	847527,0	914669,1	943815,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.

Снизилась инновационная активность организаций в России за период 2012–2016 гг. с 10,4 до 8,4 % (табл. 4). В СЗФО этот показатель упал еще значительнее с 11,2 до 8,3 %, в Санкт-Петербурге – с 18,9 до 14,8 %. В группах добывающих и обрабатывающих регионов наблюдается низкая инновационная активность организаций. В смешанной группе активность в регионах выше.

Таблица 4

Инновационная активность организаций, в %

Группа	Регион	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Добывающие	Республика Коми	8,1	7,5	6,1	7,6	8,8	8,9	5,2	4,5
	Архангельская область	8,6	9,0	9,3	8,2	5,4	5,0	5,8	4,9
Обрабатывающие	Вологодская область	8,9	7,4	9,3	7,3	7,8	5,6	5,5	6,0
	Калининградская область	14,1	3,2	3,3	5,1	5,1	2,4	4,1	4,8
	СЗФО	11,0	9,4	11,2	11,0	10,7	10,3	9,6	8,3
Смешанные	Республика Карелия	6,1	6,6	9,2	10,9	8,1	7,7	7,2	6,4
	Ленинградская область	8,8	9,4	9,1	10,1	10,5	8,7	10,1	8,5
	Мурманская область	12,3	9,7	8,5	9,0	13,5	10,2	9,4	7,2
	Новгородская область	10,2	8,7	7,5	7,5	6,6	7,7	8,9	7,3
	Псковская область	10,6	9,6	10,0	8,1	7,3	9,2	7,0	7,9
	г. Санкт-Петербург	14,1	13,0	18,9	18,8	18,0	18,9	17,2	14,8
	Россия	9,9	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.

Достижения в научной сферы служат базой разработки и освоения технологических инноваций, новой продукции, процессов, услуг. В табл. 5 представлена динамика затрат на технологические инновации, которые характеризуют объем работ по инновационной деятельности. Данные свидетельствуют о неравномерном объеме работ, сделанных в сфере технологических инноваций за рассматриваемый период времени. По всем регио-

нам наблюдается снижение затрат на технологические инновации в 2015 г., а в 2016 их незначительный подъем.

Таблица 5

Затраты на технологические инновации, миллионов рублей

Группа	Регион	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Добывающие	Республика Коми	501,2	1027,0	15430,2	2942,7	1541,3	1762,8	853,5	1294,5
	Архангельская область	294,0	549,4	3209,0	8291,1	7802,2	3399,4	1512,8	1080,8
Обрабатывающие	Вологодская область	1490,1	2520,9	9653,6	1358,8	2408,8	2613,4	578,4	812,2
	Калининградская область	2417,6	176,6	175,8	481,3	442,2	249,3	1066,4	3856,4
	СЗФО	22825,8	35966,5	78489,6	82831,7	164167,9	92916,6	87877,6	115306,5
Смешанные	Республика Карелия	609,9	2123,4	954,6	440,5	169,3	63,9	123,5	711,3
	Ленинградская область	2059,2	5847,5	8867,4	12621,7	83252,2	7011,3	12639,3	7180,1
	Мурманская область	1857,0	2514,6	826,9	787,7	1702,2	2248,8	1239,0	1268,9
	Новгородская область	2481,7	1180,3	845,9	5942,5	2727,2	2445,3	1816,4	2381,2
	Псковская область	147,7	166,3	235,9	508,0	348,9	200,6	203,2	774,9
	г. Санкт-Петербург	10967,3	19860,5	38290,3	49457,5	63773,5	72921,9	67845,1	95946,3
	Россия	211393	400804	733816	904561	1112429	1211897	1203638	1284590

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.

В качестве результата научной деятельности в регионе рассмотрим количество выданных патентов на изобретения и полезные модели как потенциал инновационной составляющей. За анализируемые годы в основном присутствовал понижающий тренд, только в 2016 г. число патентов повысилось, однако не во всех регионах достигло уровня 2010 года, когда наблюдались максимальные показатели (табл. 6).

Таблица 6

**Выдано патентов
на полезные модели и изобретения, штук**

Группа	Регион	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Добывающие	Республика Коми	49	47	54	31	15	42
	Архангельская область	59	47	112	77	57	78
Обрабатывающие	Вологодская область	114	127	107	88	55	82
	Калининградская область	72	117	63	56	45	78
	СЗФО	2651	3325	3304	2559	2038	3007

Группа	Регион	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Смешанные	Республика Карелия	17	30	63	47	45	55
	Ленинградская область	140	108	104	83	77	85
	Мурманская область	50	75	52	45	33	66
	Новгородская область	38	63	79	61	23	71
	Псковская область	40	59	56	38	38	48
	г. Санкт-Петербург	2072	2652	2614	2033	1650	2402
	Россия	26405	44692	34827	29410	18661	33532

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.

В субъектах СЗФО имеется достаточно развитая инновационная инфраструктура: центры трансфера технологий, технологические парки, бизнес-инкубаторы; приняты региональные законы о развития инновационной деятельности [2]. То есть для них основной задачей является не столько создание новых инфраструктурных объектов, но и активизация деятельности органов местного самоуправления и государственной власти по усовершенствованию деятельности этой инфраструктуры и реализации имеющихся мер по развитию инновационной деятельности.

Литература

1. Ивантер, В. В. Основные положения концепции инновационной индустриализации России / В. В. Ивантер, Н. И. Комков // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 5. – С. 3–112.

2. Румянцев, А. А. Факторы научно-инновационной деятельности в регионах Северо-Запада России / А. А. Румянцев // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4 (163). – С. 63–74.

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПЯТИЛЕТИЕ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹**

**INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE VLADIMIR REGION:
THE FIFTH ANNIVERSARY OF UNREALIZED POSSIBILITIES**

Е. А. Плеханов
Evgeny A. Plekhanov

Владимирский филиал РАНХиГС (Владимир, Россия)
Vladimir Branch of the RANEPА (Vladimir, Russia)

Аннотация. В статье проанализированы результаты социально-экономического развития Владимирской области за последние пять лет. Специальное внимание уделяется динамике индексов и фазовых значений высокотехнологичной модернизации, характеризующей состояние инновационной системы региона.

Abstract. The article analyzes the results of social and economic development of the Vladimir region over the past five years. Special attention is paid to the dynamics of indices and phase values of high-tech modernization, characterizing the state of the innovation system of the region.

Ключевые слова: инновационная система, высокотехнологичная модернизация, фазовые значения модернизации, инновационный потенциал.

Keywords: innovative system, high-tech modernization, phase values of modernization, innovative potential.

В условиях глобальной конкуренции высокотехнологичная модернизация является для нашей страны единственной приемлемой альтернативой. Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года [1], принятая в декабре 2011 года, исходит из того, что государственная политика не может ограничиваться только обеспечением экономических условий для стимулирования инновационной активности. Необходимо созда-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-13-33009 «Социокультурный потенциал Владимирской области: динамика модернизационных процессов».

ние целостной национальной инновационной системы, эффективно работающей как на отраслевом, так и региональном уровнях. Региональные инновационные системы должны обеспечивать не только обновление территориальных производственно-экономических кластеров, но и социально-культурное развитие субъектов Российской Федерации.

Несмотря на неблагоприятные экономические условия последних пяти лет Владимирской области удалось сохранить основные показатели промышленного и социального развития.

По сравнению с 2012 годом производство валового регионального продукта в 2016 году увеличилось с 286 018,6 млн руб. до 392 051,8 млн руб., т. е. на 27 %, а региональный продукт на душу населения – с 200 456,4 до 281 366,9 руб. (29 %) ¹. В промышленности производится более 40% валового регионального продукта, работает треть от числа занятых в экономике, сосредоточено 27 % основных фондов области. Удельный вес промышленного производства области в экономике России – 0,7 %.

В абсолютном выражении денежные доходы населения (в среднем на душу в месяц) выросли с 16 136 руб. в 2012 году до 23 271,5 руб. в 2017 году. Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций за пять лет увеличилась на 34 % и составила 27 841,7 руб. При этом в регионе практически отсутствует задолженность предприятий и учреждений по выплате заработной платы. Величина прожиточного минимума, установленная в начале 2013 года в размере 6630 руб., в 2017 году достигла 9104 руб. Средний размер назначенной месячной пенсии сложился в сумме 12 743,4 рубля. Однако реальные доходы населения, начиная с 2010 г. постоянно снижались, достигнув к 2016 года минимума за последние пять лет.

Региональный рынок труда относительно стабилен и сбалансирован. В январе-марте 2018г. численность рабочей силы (занятые + безработные) в возрасте 15 лет и старше составила 729,9 тыс. человек, или 53 % от общей численности населения области. В численности рабочей силы 696,3 тыс. человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 33,6 тыс. человек – как безработные, т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю. По сравнению с 2012 годам уровень безработицы практически не изменился и составляет 4,6 % от общего числа трудоспособных [2].

В структуре промышленного производства области из одиннадцати основных отраслей наибольший удельный вес занимают машиностроение

¹ Прирост ВВП рассчитывается в текущих ценах. Однако следует учитывать резкое снижение курса национальной валюты в конце 2014 года. В результате величина ВВП, рассчитываемого в амер. долларах, составила всего 48 % от стандартного значения. И, тем не менее, не следует преувеличивать влияния колебаний валютного курса на реальную экономику. Снижение стоимостного выражения ВВП не означает пропорционального сокращения натурального регионального продукта, а, следовательно, сокращения и объемов общественного производства. – *Прим. автора.*

и металлообработка, на долю которых приходится свыше 40 % объема выпускаемой машиностроительной продукции, и пищевая промышленность. Высокие темпы развития наблюдаются также в стекольной промышленности. На долю области приходится свыше 46 % российского выпуска сортовой посуды, 25 % оконного стекла, 21 % стеклотары (бутылок из стекла). Укрепляет свои позиции химическая промышленность области с долей в общем объеме производства 4,7 %.

Несмотря на режим экономических санкций в регионе успешно реализуется ряд инвестиционных проектов. Открыты первая очередь дата-центра компании «Яндекс» в г. Владимире и производство по выпуску нагревательных элементов итальянской компании «Зоппас Индастриз Руссия» в п. Ставрово Собинского района, запущены новые производственные линии по выпуску шоколадных изделий компании «Монд'дэлис Русь» в г. Покров. На территории муниципальных образований осуществляется серия инвестиционных проектов - строительство завода газомоторной техники и логистического парка «Бакулин Моторс Групп», фабрики по обогащению кварцевого песка и инфраструктуры к ней, нового производства для изготовления стального фасонного литья из высоколегированных нержавеющей сталей компанией «Гусар», производства по выпуску электрической продукции турецкой компанией «ЕАЕ». Глубокой модернизации на основе зарубежных технологий подвергается ряд действующих производств – стекловолокна, композитных изделий и конструкций для рельсового и колесного транспорта, оцинкованной стали, напольных ПВХ покрытий и других. Осуществляется расширение научно-исследовательского центра и инфраструктуры к нему МБЦ «Генериум». Ведется строительство крупного завода по производству автобусов марки «Волгабас», которые будут работать на газомоторном топливе. Его пуск может активизировать работу многих предприятий Владимирской области, связанных с автомобильной промышленностью, в частности, заводов «Автоприбор», «Автосвет» и др. В области создано и работает пять индустриальных парков.

В связи с продовольственными контрсанкциями достаточно активно развивается пищевая промышленность, ориентированная на собственное сырье, потребительский рынок и рабочую силу. Создаются стабильно работающие агропромышленные холдинги и предприятия, производящие и реализующие молочную продукцию как внутри региона, так и за его пределами. Во многих городах области используются лицензионные технологии по производству кондитерской продукции. В частности, результате выноса предприятий из Москвы появились шоколадная фабрика «Kraft-Foods» в г. Покров, кондитерская фабрика «Ferrero-Mondelezinternational» в Собинском районе, бисквитная фабрика в г. Собинка.

С точки зрения объективных показателей индекс первичной модернизации региона уже в 2012 году был вполне достаточным для осуществления

высокотехнологичного развития. И хотя к 2016 году он снизился с 98,7 до 96,2, Владимирская область сохраняет возможности перехода к вторичной модернизации. Важно выяснить в какой мере за истекшее пятилетие удалось реализовать эти возможности и какова динамика инновационного развития региона на фоне результатов общефедеральной инновационной политики.

Основные индикаторы, характеризующие инновации в знаниях, свидетельствуют о незначительных улучшениях, происшедших за последние годы в сфере НИОКР. Так, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками увеличилась с 2090 человек в 2012 году до 2866 – в 2015 году [3]. Однако в 2016 году эта цифра сократилась на 307 человек. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении патентных заявок и выдачи патентов. В 2015 году патентов на изобретения было выдано на 14 % больше, чем в 2012 году, но в 2016 году их число уменьшилось на 15 %. Заметно сократилась выдача патентов на полезные модели, что свидетельствует о слабой коммерческой мотивированности научных разработок.

В течение анализируемого периода значительно выросли в абсолютном выражении текущие и капитальные затраты на осуществление инновационных видов деятельности. Расходы самих организаций на выполнение научных исследований и разработок в 2016 году составили 4455,3 млн руб., то есть увеличились по сравнению с 2012 годом на 13 %. Однако, учитывая падение курса национальной валюты в 2015–2016 гг., можно констатировать сокращение финансирования НИОКР со 109,8 млн. долл. до 66,5 млн долл. к 2016 году. Доля затрат на научные исследования и разработки все годы колеблется от 1,0 до 1,2 % валового регионального продукта, в то время как на федеральном уровне в 2013–2014 годах они составляли 2 % ВВП, а к 2016 году снизились до 1,5 %, оказавшись ниже планируемых показателей на 0,04 %.

В структуре регионального валового продукта доля затрат на технологические инновации достигла наибольшего значения в 2015 году и составила 2,8 %, превысив общефедеральный показатель (2 %). Однако в следующем году в связи с бюджетным дефицитом финансирование сократилось до 1,5 % по стране и до 1,7 % в регионе. В 2016 году по сравнению с предшествующим годом расходы на технологические инновации уменьшились на 3244,1 млн руб. Это не могло не сказаться на объеме производимых инновационных товаров, работ и услуг.

Качественные изменения в производстве инновационных продуктов произошли в 2011 году, когда их объем с 2,3 % вырос до 7,4 %, а в 2013 году составил 10,6 % от общего объема отгруженных товаров и произведенных работ и услуг. На протяжении последующих лет этот показатель оставался стабильным и только в 2016 году он упал с 9,6 % до 5,8 %. В абсолютном выражении сокращение продукции инновационного производства составило 5752,8 млн руб.

В связи с недостаточным финансированием общей тенденцией стало снижение инновационной активности организаций. В целом, по стране удельный вес организаций, осуществлявших технологические, маркетинговые и организационные инновации уменьшился в 2016 году по сравнению с 2012 годом на 1,9 % и составил 8,4 % от общего числа обследованных организаций. Во Владимирской области это снижение оказалось не столь значительным (1,6 %), а показатель инновационно активных организаций в 2016 году оказался выше федерального – 10,4 %.

В условиях экономических санкций и сокращения государственной поддержки внедрение современных технологий оказалось для предприятий и организаций наиболее эффективным способом повышения конкурентноспособности. Все более активное использование передовых производственных технологий характеризует большинство регионов Центрального федерального округа. По этому показателю Владимирская область уступает только Москве и Московской области. В кризисном 2016 году на предприятиях и в организациях области применялось 5283 технологических процесса. Прирост внедренных в производство современных технологий по отношению к предыдущему году составил 35,7 %. Большая часть технологических нововведений связана либо с реализацией проектов зарубежных инвесторов, либо с модернизацией отраслевых производств на основе разработок отечественных научных центров.

Инновационный потенциал реализуется в разработанных и внедряемых в производство новых технологиях, позволяющих повышать производительность труда и наукоемкость продуктов и услуг. Количественные и качественные показатели в этой сфере позволяют судить о темпах технико-технологической модернизации экономики региона, об уровне инновационной активности субъектов производственной деятельности. Между тем активность региональных научно-исследовательских и инженерно-конструкторских учреждений за последние годы заметно снизилась. Статистические данные показывают, что по сравнению с 2012 годом в 2016 году число используемых технологий выросло на 65 %, но при этом количество разработанных технологий остается на крайне низком уровне. В 2015 году силами ученых и инженеров области было создано 15 передовых производственных технологий, в 2016 году – только 11.

Низкая эффективность прикладных исследований и инновационных разработок является непосредственным отражением состояния вузовской науки и технического образования в регионе, поскольку инновационный потенциал во многом определяется не только материальными и финансовыми инвестициями, но эффективностью системы подготовки научно-исследовательских кадров.

В результате объединения двух вузов областного центра в регионе к 2016 году осталось всего 4 организации, осуществляющих подготовку

аспирантов. Их число в связи с реформированием системы послевузовского образования сократилось с 622 человек в 2012 году до 373 в 2016 году. Прием в аспирантуру в 2016 году составил всего 93 человека, то есть сократился более чем в два раза по сравнению с 2012 годом (198 человек). Выпуск из аспирантуры составил 85 человек, из которых только 14 молодых ученых защитили диссертации. Еще более тревожным остается положение с подготовкой научных кадров высшей квалификации. Только одна организация в регионе ведет подготовку докторантов. В 2015 году в докторантуре обучалось 4 человека, в 2016 – ни одного. За последние пять лет была защищена всего одна докторская диссертация. Отдельной проблемой является качество выполненных диссертационных исследований.

Подводя итоги проведенного анализа, отметим, что при весьма высоких индексах трансляции знаний и качества жизни показатели инноваций в знаниях и качества экономики Владимирской области остаются на критически низких уровнях – 39,2 и 40,5. Основными факторами, ограничивающими рост научно-исследовательских инноваций, выступают недостаточное финансирование НИОКР и низкий уровень инновационной активности научно-технических кадров и бизнес-сообщества. На качестве экономики отражаются, прежде всего, низкие показатели ВРП на душу населения, которые в течение последних пяти лет оставались на уровне 10 тыс. долл., а также недостаточно высокая доля добавленной стоимости, производимой в промышленности и сельском хозяйстве региона. Совершенно очевидно, что в современных условиях новое качество экономики возможно достигнуть только на основе активного развития инновационных технологий.

Для Владимирской области в истекшем пятилетии наиболее сложным оказался 2016 год. По целому ряду причин многие показатели социально-экономического развития, достигнутые к 2015 году, снизились до уровня 2012 года. Это касается и средних показателей фазовых значений высокотехнологичной модернизации, которые в 2016 году составили 1,0, то есть вернулись к значениям пятилетней давности. Таким образом, на протяжении всего периода имеющийся инновационный потенциал находился в состоянии стагнации. Это говорит о том, что обладая хорошими стартовыми позициями для перехода к вторичной модернизации регион не смог реализовать стратегию высокотехнологичного развития.

Литература

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/9282>
2. Владимирская область в цифрах: Краткий стат. сб. – Владимир: Владимирстат, 2017.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат. сб. / Росстат. – М., 2017.

**МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС КАК АГЕНТ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹**

**SMALL AND MEDIUM BUSINESS AS AN AGENT
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONS
OF THE CENTRAL BLACK SOIL REGION**

**А. В. Хорошилова
Anastasia V. Khoroshilova**

*Курский государственный университет (Курск, Россия)
Kursk State University (Kursk, Russia)*

Аннотация. В статье рассматривается малый и средний бизнес как агент модернизации. Целью нашего исследования было изучение текущего состояния малых и средних предприятий Центрального Черноземья и выявление их инновационного потенциала. Автор приходит к выводу, что малый и средний бизнес способен сыграть важную роль в модернизации страны. Также выявлены основные сдерживающие факторы развития малого и среднего предпринимательства.

Abstract. The article considers small and medium business as an agent of modernization. The purpose of our study was to study the current state of small and medium-sized enterprises in the Central Chernozem Region and to identify their innovative potential. The author comes to the conclusion that small and medium-sized business can play an important role in modernizing the country. Also, the main constraining factors for the development of small and medium-sized businesses have been identified.

Ключевые слова: малый бизнес, средний бизнес, инновации, инновационная деятельность, модернизация, регион, инновационные ресурсы, Центральное Черноземье.

Keywords: small business, medium business, innovation, innovation, modernization, region, innovative resources, Central Black Soil Region.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» (№ 18-011-00739).

Россия переходит на инновационный путь развития, ведь благодаря инновациям и инновационной деятельности возможно непрерывное обновление технологической и технической базы производства, освоение и выпуск новой продукции, повышение конкурентоспособности российской экономики. На первый план при этом выходит проблема инновационного потенциала не только страны, но и конкретных ее регионов. Оценка инновационного потенциала имеет существенное значение для обоснования региональной инновационной политики и разработки программ регионального развития с учетом эффективного использования региональных инновационных ресурсов [1].

Такая региональная инновационная политика проводится с целью развития и реализации инновационного потенциала в экономике, внедрения результатов научно-технической деятельности для увеличения выпуска конкурентоспособной и импортозамещающей продукции (работ, услуг), повышения уровня и качества жизни населения.

Малые и средние предприятия (МСП) в этой сфере имеют превосходство, ведь они обладают неоспоримыми преимуществами при воплощении в жизнь инновационных проектов. В первую очередь, эти субъекты наиболее близки к поставщикам и потребителям рынка, а значит, способны оперативно приспособиться к их потребностям. Во-вторых, МСП представляют из себя «стартовую площадку» для создания и реализации новых идей, при этом одним из главных условий эффективности их деятельности является «инновационность». И в-третьих, значительно снижает порог вхождения на рынок сравнительно невысокий уровень затрат на создание инновационных МСП.

В современных экономических условиях, обусловленных глобальными процессами, все больше фактов свидетельствует о важности ускоренной инновации. Учитывая российские и внешнеполитические условия, каждому региону и муниципальному образованию важно находить свои собственные подходы к организации инновационного процесса, осуществлять поиск эффективных путей решения возникающих проблем инновационного развития, задействовать данные ориентиры в разработке комплексных стратегий территорий.

Базовой гипотезой выступает предположение, что МСП является ключевым агентом инновационного развития регионов Центрального Черноземья. Но в силу определенных препятствий они оказываются неспособны в должной мере раскрыть свой инновационный потенциал.

Методами исследования выступает анализ статистических данных, контент-анализ.

По состоянию на июль 2018 года в Центральном Черноземье зарегистрировано 307 тыс. МСП. Показатели выросли по сравнению с прошлым годом – 275 тыс. субъектов [2]. А чем больше число предприятий, тем вы-

ше конкуренция, учитывая, что разнообразие экономических видов деятельности сегодня очень велико. МСП также играют важную роль для нормального функционирования экономики. По данным Росстата, за 2017 год оборот малых предприятий регионов Центрального Черноземья составил 2,2 трлн рублей, а средних – 338,3 млрд рублей. Что касается рабочих мест, которые создают малые и средние предприятия, то в I квартале 2018 года в Центральном Черноземье малыми предприятиями были обеспечены работой 342,3 тыс. человек, а средними – 292,8 тыс. человек [3].

Рассмотрим инновационную активность МСП Центрального Черноземья отдельно взятых регионов. Анализируя данный феномен в каждом регионе, нам также необходимо учитывать его самобытность и специфику инновационной деятельности в нем.

Курская область является стратегически важным регионом России, что предопределено ее выгодным территориальным расположением и совокупностью ресурсов. Регион имеет развитую транспортную сеть, обладает существенными запасами полезных ископаемых, а также характеризуется высоким научным и культурным потенциалом. Поддержка МСП в области оказывается по разным направлениям — выделяются субсидии начинающим, компенсируются расходы на участие в ярмарках, проводятся обучение и консультации. При этом сегодня высокий научный потенциал области практически не используется в промышленности. В Инвестиционной стратегии Курской области до 2025 года предусмотрена господдержка деятельности в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, инноваций и научных исследований, здравоохранения и образования. Однако предприятиями не реализуется значительное количество инновационных проектов и программ, направленных на повышение производительности труда. Кроме того, снижаются суммы финансирования МСП из федерального бюджета: если в 2013 был выделен 131 млн рублей, то в 2017 сумма составила лишь 54 млн [4].

Что касается инвестиционной привлекательности, в настоящее время Курская область находится в числе «средних» среди регионов ЦФО. Позитивным примером инвестиционной деятельности может служить компания «Русский дом», планирующая вложить в 2018–2022 годах в развитие агропромышленного комплекса области 27,7 млрд руб. [5]. С целью увеличения инвестиционной активности стоит проводить мероприятия по усилению конкурентных позиций региона – в первую очередь, это относится к природно-ресурсному и инфраструктурному потенциалам. Также необходимо проводить мероприятия, направленные на улучшение институционального, туристического и производственных потенциалов региона.

На фоне Курской области *Белгородская* отличается динамичным индустриально-аграрным характером развития, положительное влияние на который способна оказать реализация конкурентных преимуществ рынка

железорудного сырья, усиление инновационной активности и привлечение инвестиций в экономику Белгородской области. В области МСП поддерживаются механизмами организационной, финансово-кредитной и имущественной поддержки в рамках реализации подпрограммы «Развитие и государственная поддержка МСП» государственной программы Белгородской области «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата в Белгородской области на 2014–2020 годы».

Областной центр Белгород внедряет новейшие технологии во всех сферах и отраслях. Это город с сильной научной базой, представленной 5 высшими учебными заведениями, на базе которых действуют малые инновационные предприятия, а ученые занимаются разработкой инновационных продуктов, таких как: наноструктурированный бетон, новинки в стоматологических материалах и др. МСП являются первым инновационным поясом – это предприятия научно-образовательных инновационных платформ и объект инфраструктурной поддержки [6].

Орловская область является аграрно-промышленным регионом, обладающим необходимой сырьевой базой, трудовыми ресурсами для развития агропромышленных кластеров: легкой промышленности, пищевой промышленности, свиноводства и садоводства. Все указанные кластеры располагают значительным потенциалом развития, привлекательными инвестиционными и рыночными перспективами. Сегодня в Орловской области ведется широкомасштабная работа по активизации инновационных и инвестиционных процессов на предприятиях и организациях. В области государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства реализуется в рамках подпрограммы «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Орловской области». За годы реализации программных мероприятий государственная поддержка оказана более чем 13,6 тысячам субъектов МСП. Важно указать на низкое качество инновационной политики в регионе: отсутствуют стратегии инновационного развития, специализированных региональных институтов развития с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности.

Кроме того, что регион страдает от слабой инновационной и инвестиционной активности, одной из причин, препятствующих сегодня развитию промышленности региона, является недостаточное вовлечение субъектов МСП в сферу промышленного производства. Субъектов промышленной деятельности среди МСП очень мало, в основном они представлены сферой торговли, услуг и производят свою продукцию для крупных промышленных предприятий на условиях аутсорсинга [7].

Воронежская область, в отличие от остальных регионов Центрального Черноземья, все больше становится привлекательной для крупных инорегиональных и иностранных инвесторов в сфере инфраструктуры по-

требления и досуга. В регионе выше среднего уровня находится количество патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент, удельный вес организаций, которые имеют готовые технологические инновации. На сегодняшний день правительством региона активно реализуются программы, направленные на развитие МСП согласно действующей стратегии. В рейтинге субъектов РФ по обороту розничной торговли на душу населения Воронежская область поднялась с 45 места в 2009 г. на 13 место в 2017 г. Кроме того, активно ведется создание и развитие сети индустриальных парков для малого бизнеса. Сегодня такой перспективной площадкой является индустриальный парк «Масловский». Одной из главных целей, поставленных мэрией в готовящейся стратегии развития региона до 2035 года, – поддержание устойчивого развития экономики на основе развития инновационного сектора и поддержка предпринимателей. Для достижения цели планируется создавать новые промышленные производства.

Липецкая область, как и остальные регионы Центрального Черноземья, по совокупности ресурсных, политических, научно-технических и производственных ресурсов является экономически притягательным регионом. Не смотря на то, что базовой отраслью Липецкой области выступает металлургия, сегодня регион является одним из самых динамично развивающихся в самых разных отраслях – от станкостроения до фармацевтики. На высоком уровне по России удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации и имеющих готовые технологические инновации, разработанные собственными силами. Сегодня в области осуществляется более 20 направлений финансово-кредитной поддержки МСП. В 2018 году основной упор сделан на поддержку инновационных МСП, а также предприятий, которые осуществляют модернизацию производства. Особое место уделено развитию молодёжного предпринимательства, его популяризацию в школьной, студенческой и подростковой среде [8]. Регион также является довольно привлекательным для инвестиций. В 2017 году объем инвестиций в Липецкой области более чем в 2 раза превысил объем областного бюджета. Например в ОЭЗ «Липецк» сегодня зарегистрировано 56 компаний-резидентов из 17 стран. Это открывает новые направления и перспективы для инвестиционных проектов МСП [9].

В отраслевой структуре малого и среднего предпринимательства есть целый ряд сегментов, которые имеют потенциал для предпринимательской деятельности и высокую социальную значимость, но в настоящее время развиты не в полной мере. Требуют решения такие проблемы, как низкий уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов, низкий спрос на инновационные товары (работы, услуги), отсутствие достаточной информации в отношении рынков сбыта и конкуренции в данной сфере.

Тамбовская область является аграрно-промышленным регионом, который обладает необходимой сырьевой базой, трудовыми ресурсами для

развития агропромышленных кластеров. У региона очень высокие показатели внутренних затрат на исследования и разработки, вновь внедренных инновационных товаров, работ и услуг. Одной из главных форм государственной поддержки предпринимателей является предоставление поручительств для получения кредитов на развитие бизнеса. Согласно итогам первого полугодия 2018 года, подведенным Фондом содействия кредитованию малого и среднего предпринимательства Тамбовской области, предприниматели получили в кредитных организациях финансирование в объёме 483,7 млн рублей благодаря поддержке областного Фонда. Это на 52 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Что касается инновационной активности бизнеса в регионе и восприимчивости к инновациям – они остаются на низком уровне. Примерами малых инновационных предприятий могут служить ООО «Наноматериалы», ООО «Нанодиагностика», ООО «Эко-Держава». Чаще всего заказчиком инновационных проектов у МСП является крупный бизнес, но в Тамбовском регионе, в силу недостаточных финансовых возможностей, он на это не способен. Инновационный потенциал МСП также носит латентный характер, его трудно оценить и прогнозировать его рост. Сельскохозяйственный профиль региона ограничивает развитие инновационной экономики, разнообразие сфер инновационной деятельности. Инфраструктура по коммерциализации инновационных разработок. Продолжает существовать низкая интенсивность связей между бизнесом и учреждениями высшего образования и науки [10].

Рассмотрев особенности и перспективы развития МСП в каждого регионе Центрального Черноземья, их инновационный потенциал, мы можем отметить, что, несмотря на развитую инфраструктуру, высокий ресурсный, производственный, научно-технический потенциал, в каждом из них существует ряд проблем, которые тормозят его инновационное развитие. Региональное управление инновационной деятельностью важно ориентировать на местные особенности, стратегические возможности и конкурентные преимущества каждого конкретного региона. При этом существенным моментом в управлении инновационным развитием МСП является установление доверительных отношений между всеми участниками инновационного процесса. Каждое мероприятие должно быть не просто качественно спроектировано, но все они должны быть объединены в общую стратегию, для достижения синергетического эффекта. Необходимо также плотное сотрудничество, установление доверительных отношений между государством, инновационными компаниями и научными организациями.

Проведенный нами анализ свидетельствует о наличии инновационного потенциала МСП. Общие социально-экономические условия – уровень образования населения, экономическая ситуация, уровень развития информационного общества – являются определяющими факторами благоприятной среды не только для инновационной, но и для предприниматель-

ской деятельности в целом. Росту МСП также способствует финансирование научных исследований и разработок. Мы также можем предположить, что несмотря на неоспоримый потенциал малых предприятий, инновационная активность больше сосредоточена в среднем бизнесе. Возможно, это связано с тем, что малый бизнес в Центральном Черноземье в большей степени сосредоточен в торговле и сфере услуг, где практически отсутствует инновационная активность организаций.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке проектов стратегий социально-экономического развития и инновационной политики регионов Центрального Черноземья.

Литература

1. Маскайкин, Е. П. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития / Е. П. Маскайкин // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». – 2009. – № 21 (154). – С. 47–53.

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 04.08.2018).

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/ (дата обращения: 04.08.2018).

4. ИА «Курсксити» [Электронный ресурс]. – URL <http://kurskcity.ru/news/firstline/134227> (дата обращения 06.08.2018).

5. Коммерсантъ-Черноземье [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3598792> (дата обращения: 06.08.2018).

6. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года. – Белгород, 2010.

7. Уварова, А. Я. Методы и механизмы государственной поддержки развития промышленности на уровне региона (на примере Орловской области) / А. Я. Уварова, Н. И. Рябинина, А. Н. Рязанцева, Т. М. Цуканова // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 39. – С. 44–55.

8. Липецкмедиа: Информ.-справ. портал СМИ Липецкой обл. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lipetskmedia.ru/news/view/101756-Malii_biznyes.html (дата обращения 06.08.2018).

9. «Коммерсантъ-Черноземье» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3571926> (дата обращения: 06.08.2018).

10. О стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года: Закон Тамбовской обл. от 4 июня 2018 г. № 246-З. – Тамбов, 2015.

**НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

**SCIENTIFIC POTENTIAL AS A FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF THE TULA REGION**

**Е. Н. Чеснова
Elena N. Chesnova**

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)*

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные характеристики научного и инновационного потенциала. Раскрываются особенности формирования научного потенциала в Тульской области. Приводятся и анализируются статистические характеристики социально-экономических показателей в области научного потенциала Тульской области и регионов России за 2017 год. Показываются сильные и слабые стороны развития научного потенциала в Тульской области.*

***Abstract.** The main characteristics of the scientific and innovative potential are considered in the article. The peculiarities of the formation of scientific potential in the Tula region are revealed. Statistical characteristics of socio-economic indicators in the field of scientific potential of the Tula region and regions of Russia for 2017 are given and analyzed. The strengths and weaknesses of the development of scientific potential in the Tula region are shown.*

***Ключевые слова:** научный потенциал, инновационный потенциал, Тульская область.*

***Keywords:** scientific potential, innovative potential, Tula region.*

На современном этапе любая страна, чтобы быть независимым игроком мировой политике, экономике, науке должна обладать инновационным потенциалом, стремиться к нему. Инновационный потенциал раскрывает способность страны, региона, организации, персонала, группы

и т. п. к изменению. Инновационный потенциал может формироваться на экономическом, техническом, социальном, культурном, интеллектуальном и иных уровнях. Причем, интеллектуальный уровень формирует научный потенциал (например, «знаю что» и «знаю как») является одним из ведущих при формировании инновационного потенциала. Не зря инновационный потенциал определяется как национальное достояние, ресурсы (материальные, производственные, технические, научные, интеллектуальные силы и т. п.). Уникальность, то, что вызывает интерес, способствует переходу в качественно новое состояние и приносит прибыль, служит основанием для раскрытия инновационного потенциала.

Интеллектуальный капитал наравне с физическим является определяющим фактором в инновационном потенциале страны, региона и т. п. Интеллектуальный капитал на современном этапе можно определять как определенный комплекс создаваемых и передаваемых знаний, которые можно конвертировать в стоимость (например, в стоимость будущего исполнения проекта), имеет непрерывный характер оценивания, результат имеет преимущественно нематериальный характер и понимается как социальный эффект. Интеллектуальный капитал связан с природой и механизмами «использования человеческого ресурса в организации» [1].

Зарубежный исследователь Дж. Г. Даум (J. H. Daum) под интеллектуальным капиталом понимает «основанные на связях структурированное знание и способности, обладающие потенциалом развития и создания стоимости» [1]. Интеллектуальным капиталом обладает страна, регион, организация. Научный потенциал более узкое понятие по отношению к интеллектуальному капиталу, интеллектуальному потенциалу. Как отмечают Т. В. Нестеренко, Ю. И. Гущина, В. В. Рекеда в современной науке «присутствует множество различных трактовок «научного потенциала», но нет четкого определения» [2, с. 998]. Под *научным потенциалом* мы можем понимать с одной стороны *совокупность ресурсов необходимых для получения новых знаний и технологий, совершения научных открытий, создания технических изобретений*; с другой стороны *это система научных организаций, функционирующих для создания, передачи и внедрения в практический оборот научных исследований и разработок, в соответствии с научно-технической политикой.*

В свою очередь научные организации (учреждения, предприятия) подразделяются на научно-исследовательские, конструкторские, проектные и образовательные институты, специализированные исследовательские подразделения вузов или организаций. *Основная деятельность научных организаций – выполнение научных исследований и разработок, вне зависимости от принадлежности к отрасли экономики, организационно-правовой формы и характера формы собственности.* Научный потенциал является мощным фактором социально-экономического развития, иннова-

ционной среды в стране и в каждом отдельном регионе. Наличие способных к развитию региональных экономических систем способствует формированию инновационного потенциала. Как отмечают Т. В. Нестеренко, Ю. И. Гущина, В. В. Рекеда «региональный уровень является наиболее восприимчивым к инновациям» [2, с. 997].

Большое значение для анализа и характеристики научного потенциала имеют качественные показатели оценивания. К ним можно отнести: 1) численность организаций, выполняющих научные исследования и разработки; 2) показатели затрат на проведение научных исследований и разработок по областям науки; 3) показатели затрат на научные исследования и разработки по видам затрат; 4) численность (доктора, кандидаты наук, исследователи, техники) и квалификация (категории) персонала, занятого проведением научных исследований и разработок; 5) численность организаций, ведущих подготовку аспирантов, докторантов; 6) численность приема, обучения и выпуска из аспирантуры и докторантуры, в том числе с защитой диссертации и т. д.

В рамках нашего исследования интерес представляет Тульская область, которая относится к Центральному Федеральному округу (ЦФО) Российской Федерации. Имея долгую историю и культуру, Тульская область относится к индустриальным регионам. Данный регион может характеризоваться как субъект, обладающий инновационным потенциалом, в том числе и научным. Центральный Федеральный округ обладает наибольшим количеством организаций, выполняющих научные исследования и разработки. В округ входят 18 субъектов, включая г. Москву.

По социально-экономическим показателям регионов России за 2017 год Тульская область в период с 2005 по 2016 г. сохраняет относительную стабильность по количеству научных организаций, также можно увидеть и положительную динамику увеличения организаций начиная с 2015 года (23 организации, в 2016 году – 24), когда был превышен показатель 2005 года (22 организации). Данные показатели относительной стабильности и прироста научных организаций на фоне общего уменьшения научных организаций с 1523 в 2015 году по всему ЦФО до 1461 в 2016 году можно считать положительными. В том числе в сравнении со статистикой по всей Российской Федерации с 4175 в 2015 года до 4032 в 2016 году [см. подробно: 3, с. 1087–1089]. Это можно увидеть в табл. 1 «Организации, выполнявшие научные исследования и разработки», которая сделана на основе социально-экономических показателей регионов России [см. подробно: 3, с. 1087].

Например, среди научных организаций Тулы и Тульской области можно отметить такие организации служащие развитию научного, интеллектуального, инновационного потенциала региона, как вузы, имеющие собственную опытно-конструкторскую и научно-исследовательскую базу: Тульский государственный университет (ФГБОУ ВО «ТулГУ», основан в 1930 г.), Туль-

ский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого», основан в 1938 г., в 2018 году успешно прошел государственную аккредитацию по всем направлениям подготовки), Новомосковский институт (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева» (НИ РХТУ, филиал основан в 1960 г.).

Таблица 1

Организации, выполнявшие научные исследования и разработки

Года по статистическим показателям	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Данные по Российской Федерации по годам	3566	3492	3682	3566	3605	3604	4175	4032
Центральный федеральный округ	1393	1358	1365	1318	1327	1313	1523	1461
Тульская область	22	21	21	19	18	20	23	24

В Тульской области имеются отраслевые научно-исследовательские институты: Тульский научно-исследовательский технологический институт (ОАО «ТНИТИ», зарегистрирован в 1994 г.), Научно-исследовательский институт репрографии (ФГУП «НИИР», основан в 1975 г.), Тульский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (ФГБНУ Тульский НИИСХ, основан в 1988 г.) и т. д. Поэтому Тульская область не является и самым отсталым регионом по количеству научных организаций. При ранжировании можно определить, что Тульская область входит во вторую семерку мест и занимает 10 место из 14 мест по количеству организаций на 2016 год и делит его с Ивановской областью (также 24 организации), которая с 2005 года (30 организаций) понесла значительные потери в количестве научных организаций. Лидирующие позиции закреплены за городом Москва и Московской областью. Общий список мест по ЦФО можно представить так: 1) г. Москва – 752 организации; 2) Московская область – 250 организаций; 3) Воронежская область – 63 организации; 4) Ярославская область – 44 организации; 5) Калужская область – 42 организации; 6) Тверская область – 36 организаций; 7) Тамбовская область – 32 организации; 8) Владимирская область – 28 организаций; 9) Липецкая область, Рязанская область, Смоленская область – 27 организаций; 10) Ивановская область, Тульская область – 24 организации; 11) Брянская область – 22 организации; 12) Белгородская область, Курская область – 19 организаций; 13) Орловская область – 18 организаций; 14) Костромская область – 7 организаций.

Анализируя статистические данные социально-экономических показателей регионов России по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками за 2017 год Тульская область в период с 2005 г. (9959 человек) по 2016 г. (4237 человек) потеряла 5722 человека. Это можно считать негативным показателем, так как при анализе динамики численности персонала по другим субъектам ЦФО таких значительных потерь в сравнении 2005 г. и 2016 г., а также в промежутке данных лет, не наблюдалось даже при общих потерях по каждому субъекту Российской Федерации, включая Москву и Московскую область. Тульской области не удалось выйти даже на показатели 2010 года. В указанный год по статистическим данным занятых научными исследованиями и разработками числилось 4992 человека [см. подробно: 3, с. 1090–1091].

Необходимо отметить, что отток специалистов происходил в большей степени среди персонала, занятого непосредственно в исследованиях, а не среди техников. В Тульской области среди исследователей наивысший пик был в 2005 году – 3895 человек, наименьший показатель наблюдался в 2013 году – 2548 человек. На период 2016 года численность персонала, занятого непосредственно в качестве исследователей 3058 человек, что можно определить как постепенный качественный рост персонала, расширение сферы научных исследований, денежных вливаний со стороны государства и из сферы большого и среднего бизнеса.

Среди персонала, занятого в качестве техников в отличие от исследователей наивысший пик был в 2014 году – 302 человека, наименьший показатель обозначивший кризис в данной области наблюдался в 2012 году и составил 77 человек. В отличие от наиболее благоприятного и стабильного 2005 года для исследователей количество техников в данный период составило 281 человек, а 2016 год обозначился количеством в 271 человек. Поэтому сравнивая показатели с 2005 года по 2016 год по Тульской области и сравнивая с данными по годам по ЦФО, можно отметить, что в Тульской области персонал среди техников находится в более выгодной позиции и в количественных показателях потерял гораздо меньше остальных областей.

Для некоторых областей количественные показатели 2016 года по персоналу, занятому в качестве техников в сравнении с 2005 годом ознаменовались большими потерями. Исключение составляют по ЦФО такие области, как Курская область, Смоленская область, Ярославская область, в которых, несмотря на происходившие потери среди персонала, занятого в качестве исследователей и техников с 2005 года, в 2016 году вышли на более высокие показатели. Рязанская область сумела увеличить к 2016 году показатели среди исследователей по сравнению с 2005 годом, Владимирская и Орловская области при потерях среди исследователей смогли увеличить 35,6 % и 41 % [см. подробно: 3, с. 1092].

В отличие от общих показателей по численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по исследователям и техникам, наибольшее количество потерь произошло среди вспомогательного персонала и прочих категорий сотрудников как по субъектам ЦФО, так и по остальным субъектам округов Российской Федерации. Среди них по каждому округу только от 1 до 4 субъектов наблюдается прирост персонала среди вспомогательного персонала и прочих категорий сотрудников на 2016 год в соотношении с показателями 2005 года [см. подробно: 3, с. 1093–1095].

Наибольший оптимизм вызывают показатели численности исследователей, в том числе и по докторам наук с 2005 года по 2016 год. Данные показатели являются благоприятными не только для Тульской области (но и для всего ЦФО, Южного Федерального округа, Северо-Кавказского Федерального округа. По Тульской области общий прирост исследователей в 2005 году – всего 197 человек, доктора наук 43 человека, в 2016 году всего 262 человека, доктора наук 37 человек. Годами с показателями меньшими установленных в 2005 году можно считать 2010, 2012, 2013 по общему количеству исследователей и докторам наук. По докторам наук также годом низких показателей можно считать 2014, а наивысшим пиком, превышающим показатели всех лет выбранного диапазона можно считать 2015 – 48 докторов наук. Это можно увидеть в таблице 2 «Численность исследователей (всего)», которая сделана на основе социально-экономических показателей регионов России [см. подробно: 3, с. 1096].

Таблица 2

Численность исследователей (всего)

Года по статистическим показателям	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Данные по Российской Федерации по годам	99428	105114	109330	108248	109598	111533	108388
Центральный федеральный округ	56385	61113	59687	59890	59461	58560	56828
Тульская область	197	178	171	182	236	333	262

А также в таблице 3 «Численность исследователей (доктора наук)», которая сделана на основе социально-экономических показателей регионов России [см. подробно: 3, с. 1096].

Таблица 3

Численность исследователей (доктора наук)

Года по статистическим показателям	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Данные по Российской Федерации по годам	23410	26789	27784	27485	27969	28046	27430
Центральный федеральный округ	13625	16031	15877	15868	15949	15505	15195
Тульская область	43	40	40	36	42	48	37

Научный потенциал Тульской области и его положительную динамику развития можно наблюдать в приросте ученых со степенями с 2005 года (154 человека) по 2016 год (225 человек) среди кандидатов наук при уменьшении общих показателей по ЦФО [см. подробно: 3, с. 1097–1099]. Наличие научного потенциала Тульской области подтверждается и возрастанием средств, затраченных на научные исследования и разработки с 2005 года (891,0 миллионов рублей) по 2016 год (5574,8 миллионов рублей), причем по ЦФО данные показатели одни из самых высоких [см. подробно: 3, с. 1100–1101]. Причем внутренние затраты в миллионах рублей на научные исследования и разработки на 2016 год имеют свою специфику, что обусловлено и самим историческим, экономическим, социальным, индустриальным развитием региона.

На естественные области науки было затрачено 41,2; на технические – 5466,3; на медицинские – 0,3; на сельскохозяйственные – 17,9; на общественные – 42,8; на гуманитарные – 6,3. Данные показатели раскрывают приоритетные области научных исследований, наиболее финансово привлекательные (такие как технические науки, общественные и естественные), а также наименее развитые и популярные (такие как медицинские и гуманитарные) [см. подробно: 3, с. 1102–1103]. Причем возросли затраты как на все исследования (с 884,5 миллионов рублей в 2005 году, до 5573,1 миллионов рублей в 2016 году), так и по типам исследований и видам работ: на фундаментальные исследования (с 15,5 миллионов рублей в 2005 году, до 56 миллионов рублей в 2016 году), на прикладные исследования (с 39,3 миллионов рублей в 2005 году, до 440,5 миллионов рублей в 2016 году), на разработки (с 829,8 миллионов рублей в 2005 году, до 5076,6 миллионов рублей в 2016 году) [см. подробно: 3, с. 1116–1119].

Значительное увеличение доли практических исследований прикладного характера, разработок показывает поворот развития науки на техническую сферу, нацеленность на получения конкретного результата для последующего его внедрения в практику и экономический потенциал региона. Несмотря на развитие естественнонаучной области, технологического усовершенствования, роль практической области, происходит снижение влияния академического, фундаментального образования. Что вылилось в уменьшение в Тульской области количества организаций, ведущих подготовку аспирантов, и самих обучающихся аспирантов [см. подробно: 3, с. 1020–1021].

Данные показатели являются следствием общего уменьшения по стране образовательных организаций и обучающихся аспирантов. Это связано с реформой высшего образования, переходом на новые федеральные стандарты (ФГОС ВПО, ФГОС ВО, в том числе ФГОС ВО (3+)), ужесточением аккредитационной политики Министерства образования и науки Российской Федерации (на основании Указа Президента РФ В. В. Путина от

15.05.2018 года № 215 преобразовано в Министерство просвещения Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации) по отношению к образовательным организациям.

Подводя итог, можно отметить, что Тульская область, сталкиваясь с теми же трудностями, что и другие регионы страны и конкретно регионы ЦФО, стремиться сохранять и развивать свой научный потенциал, решать проблемы и расширять инновационные сферы деятельности (в особенности это стало заметно с 2016 года). В соответствии с общей установкой развития страны Тульская область стремиться осуществлять «поиск новых форм хозяйственных связей» [2, с. 999] для развития инновационного потенциала. В целом динамику развития научного потенциала региона можно определить как положительную.

Литература

1. Духнич, Ю. Интеллектуальный капитал: составляющие, управление, оценка [Электронный ресурс] / Ю. Духнич // Интернет-проект «Корпоративный менеджмент», 1998–2018. – URL: https://www.cfin.ru/management/strategy/competit/Intellectual_Capital.shtml
2. Нестеренко, Т. В. Научный потенциал как фактор развития инновационной среды региона / Т. В. Нестеренко, Ю. И. Гущина, В. В. Рекеда // Эконом. науки. – 2014. – № 6. – С. 997–1000.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА)**

**FEATURES OF FORMATION OF INNOVATIVE POTENTIAL
OF THE TULA AREA
(ON AN EXAMPLE OF CULTURAL TOURISM)**

**Е. Н. Чеснова, Е. Г. Мартьянова
Yelena N. Chesnova, Yelena G. Martyanova**

*Тулский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)*

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики инновационного потенциала. Раскрываются основания для формирования инновационного потенциала в Тульской области. Обосновывается важность развития туризма, в том числе культурного туризма для формирования инновационного потенциала. Приводятся характеристики культурного туризма, выделяются задачи для его развития. Показывается практика развития культурного туризма в Тульской области.

Abstract. The article considers the main characteristics of the innovative potential. The reasons for the formation of innovative potential in the Tula region are revealed. The importance of development of tourism, including cultural tourism for formation of innovative potential, is justified. The characteristics of cultural tourism are given, tasks for its development are singled out. The practice of developing cultural tourism in the Tula region is shown.

Ключевые слова: инновационный потенциал, Тульская область, культурный туризм.

Keywords: innovative potential, Tula region, cultural tourism.

Одной из актуальных проблем современного развития любой страны, ее регионов является наличие инновационного потенциала. Инновационный потенциал раскрывает способность объекта (страна, регион, организа-

ция, персонал, группа и т. п.) к изменению на экономическом, социальном, культурном и иных уровнях. Инновационный потенциал можно рассматривать как национальное достояние, ресурсы (материальные, производственные, технические, научные, интеллектуальные и т. п.), уникальность. То есть, все то, что вызывает интерес, способствует переходу в качественно новое состояние и приносит прибыль. Причем определяющим фактором в инновационном потенциале является понятие «капитал» (физический капитал, интеллектуальный капитал). Капитал, его наличие необходимо для показателя инновационного потенциала включает в себя затраты денежных средств (в физическом капитале – количество вложенных средств; в интеллектуальном капитале – стоимость будущего исполнения проекта), прибыльность проекта и показатели оценивания (в физическом капитале – используются стоимостные показатели, которые носят периодичный характер, результат имеет материальный характер; в интеллектуальном капитале – используются нестоимостные показатели, которые носят непрерывный характер, а результат имеет преимущественно нематериальный характер, понимается как социальный эффект). В поиске оснований и развитии инновационного потенциала немаловажную роль играет сама политика государства, поддержка со стороны государственных органов, заинтересованность общества, жителей конкретного региона, градоорганизующих предприятий, малых предприятий и организаций, большого и малого бизнеса и т. д. Если обратиться к определению «инновационного потенциала региона», то наибольший интерес вызывает определение, данное отечественными учеными-исследователями М. В. Сутугиной и Е. Е. Склярской: «совокупность человеческих, интеллектуальных, финансовых, информационных и других ресурсов, которые могут быть вовлечены в процесс создания, производства, внедрения и коммерциализации инноваций с целью обеспечения социально-экономического развития данного региона» [1].

Исходя из выше обозначенных характеристик, Тульская область, благодаря своей истории и культуре, географическому положению, климату, экономическому, индустриальному развитию, социальным характеристикам может характеризоваться как субъект, обладающий инновационным потенциалом. Будучи одним из индустриальных регионов Центральной России обладает достаточно высоким уровнем социально-экономического развития, развитой промышленностью в таких ведущих *промышленных* отраслях региона, как *металлургия* (ОАО «Тулачермет», ОАО «Косогорский металлургический завод» и др.), *машиностроение* (ОАО «Тульский оружейный завод», ГУП «Конструкторское бюро приборостроения», ПО «Туламашзавод» и т. д.), *химическая промышленность* (ОАО «Химволокно», ОАО «Азот» и др.) и т. д.

Успехи в промышленности и инновационной деятельности Тульской области были обозначены главой региона на пресс-конференции выставоч-

ном зале Тульского кремля в начале февраля 2018 г. Так, А. Дюмин в своем выступлении подчеркнул: «Валовый региональный продукт за 2017 год превысил 578 млрд рублей (предварительный прирост – 3,4 %). Индекс промышленного производства находится на отметке в 105,6 %. Индекс роста инвестиций в основной капитал – 125,4 %, только за три квартала прошлого года привлечено более 78,5 миллиарда рублей» [2].

Не только *промышленные предприятия, которые имеют в своей структуре научно-технические центры или инженерно-технические группы, разрабатывающие высокотехнологические изделия* определяют инновационный потенциал Тульского региона. Научными, интеллектуальными ресурсами, также служащими основанием инновационного потенциала в Тульской области являются *вузы региона, обладающие собственной опытно-конструкторской и научно-исследовательской базой*. Например, Тульский государственный университет (основан в 1930 г.), Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (основан в 1938 г.), Новомосковский институт (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева» (НИ РХТУ, филиал основан в 1960 г.) и др. Среди *отраслевых научно-исследовательских институтов* можно отметить Тульский научно-исследовательский технологический институт (зарегистрирован в 1994 г.), Научно-исследовательский институт репрографии (основан в 1975 г.), Тульский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (основан в 1988 г.) и т. д.

Малые предприятия и организации, действующие в инновационной сфере, научные общественные организации также важны для характеристики инновационного потенциала региона. Например, по данным статистики на январь-июнь 2017 год в городе Туле по видам экономической деятельности действовало 93 организации в профессиональной, научной и технической области, в области здравоохранения и социальных услуг 24, в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений 5 [см.: 3]. А всего насчитывалось 1340 малых предприятий, многие из которых ежегодно вносят свой вклад в развитие инновационного потенциала города Тулы и всего региона. Фактически оборот малых предприятий за январь-июнь 2017 год в городе Туле составил 59 485 950,3 тыс. руб. [см.: 3].

Товары собственного производства, оказание услуг собственными силами на январь-июнь 2017 год в городе Туле по видам экономической деятельности оцениваются в 28 667 188,3 тыс. руб. [см.: 3]. «Продано товаров несобственного производства в порядке розничной торговли» [см.: 3] – 7 045 684,9 тыс. руб. Было осуществлено инвестиций малыми предприятиями в основной капитал на январь-июнь 2017 год в городе Туле по видам экономической деятельности на сумму 1 343 269,8 тыс. руб. [см.: 3]. Дан-

ные показатели, как и все выше изложенное, подтверждают мысль о том, что в формировании инновационного потенциала Тульской области большая роль принадлежит промышленности, сельскому хозяйству, здравоохранению, образованию, науке, торговле, бытовому обслуживанию и коммунальному хозяйству и т. д. Многие отрасли имеют комплексный характер, задействуют разные сферы и виды экономической деятельности, способствующей увеличению инновационного потенциала как отдельного региона, так и всей страны в целом.

На наш взгляд такой отраслью может являться туризм. Туризм в современном мире может оказывать огромное влияние на экономику страны и составлять значительную часть ее доходов (например, Египет, Турция), прибыль может исчисляться многими миллиардами долларов. Например, в Египте наивысший показатель прибыли от туризма – 12,5 миллиардов долларов в 2010 году. Ростуризм оценил доход Российской Федерации от туризма в 2017 году в 3 триллиона рублей, что составило 3,47 % ВВП страны, «56 млн внутренних туристов и 24,4 млн – иностранцев» [4]. Развитие туризма, как отмечает руководитель Ростуризма О. П. Сафонов, является одной из стратегических задач, определенных президентом Российской Федерации В. В. Путиным для развития государства [4]. В. В. Путин «заявил о задаче увеличить несырьевой экспорт услуг до 100 млрд руб. за счет развития четырех отраслей – образования, здравоохранения, *туризма* [курсив наш. – Е. Ч., Е. М.] и транспорта.

Вклад туризма в ВВП страны, по мнению Путина, должен находиться на уровне развитых стран» [4]. Как отмечает А. Шилова, развитие туризма в проекции на будущее невозможно «без структурных изменений, полагают участники рынка: улучшения транспортной и дорожной инфраструктуры, упрощения визового режима и пребывания туристов, улучшения качества материальной базы и услуг. Этому должна помочь федеральная программа по развитию туризма. Сейчас в ней участвуют 35 регионов, на следующий срок подал заявку 51 регион» [4]. Это объясняет – почему Россия и в частности Тульский регион для развития инновационного потенциала стремится стимулировать внутренний, въездной туризм.

На современном этапе приобретает все большую популярность такое направление туризма как *культурный туризм* (в ряде исследований данное направление определяется как *культурно-познавательный туризм*). Особенностью культурного туризма является то, что он направлен на «знакомство с природным и культурно-историческим наследием населенного пункта, региона, страны» [5, с. 190], выступает важным фактором «социального и экономического развития региона» [6], способствует оздоровлению «социальной обстановки в городе» [7], созданию «новых рабочих мест» [7], привлечению «новых инвестиционных потоков» [5, с. 190]. В плане формирования инновационного потенциала Тульской области значительную роль

культурный туризм «оказывает на такие секторы экономики как строительство, транспорт, производство промышленных изделий, торговля, связь, информационные технологии, научные исследования и др.» [5, с. 190]. Важность развития культурно-познавательного туризма на территории города Тулы и Тульской области озвучил 23 апреля 2015 года губернатор Тульской области Владимир Сергеевич Груздев, на выступлении «с ежегодным Посланием Тульской областной Думе» [8]. Губернатор В. С. Груздев отметил: «Современная инфраструктура, хорошие дороги, ухоженный вид городов и памятных мест – это формула развития туризма. ...Необходимо расширять участие Тулы в... проектах, чтобы к 2020 году мы входили как минимум в пять общероссийских туристических маршрутов» [8]. Причем это имеет не только декларативный характер, но и находит реализацию на практике, в действиях. Например, с 10.07.2015 г. по 29.07. 2015 г. в Тульской области проводился «Региональный конкурс проектов по организации вело- и пешеходных маршрутов, направленных на популяризацию исторического и культурного наследия», победители которого направлялись на федеральный этап конкурса [см.: 9].

В 2016 году в Правительстве Тульской области «15 сентября состоялось первое заседание межведомственной рабочей группы по вопросам развития внутреннего и въездного туризма» [10]. Межведомственная группа была создана для рассмотрения важных системных вопросов «сферы туризма, которые требуют координации и взаимодействия власти, бизнеса и общественности» [10]. «Тема культурного туризма, его важность и значимость для социального и экономического развития Тульского региона поднималась в Совете Федерации Федерального собрания РФ с 25 по 27 сентября 2017 г. в рамках проведения Дней Тульской области с непосредственным участием губернатора Тульской области А. Г. Дюмина, председателя Тульской областной Думы С. А. Харитонova.

В течении 3 дней работала выставка, посвященная 80-летию региона и раскрывающая инвестиционный, промышленный и туристический потенциал Тульской области, была проведена встреча губернатора Тульской области со спикером Совета Федерации РФ В. И. Матвиенко, состоялось 419 заседание верхней палаты парламента «Час субъекта Российской Федерации», на котором обсуждались перспективы и основные направления социально-экономического развития региона, в которых туризм занимает далеко не последнее место» [5, с. 192].

Главными задачами в развитии туризма и в первую очередь культурного туризма можно считать: 1) *создание конкурентоспособного туристического бренда* (данная проблема стоит, как отмечают многие главы регионов России, перед самой страной и каждым регионом в отдельности, в том числе и руководитель Ростуризма О. П. Сафонов. Он отметил: «Из 195 стран в мире у 146 стран туристские бренды имеются. К сожалению, наша страна

входит в это небольшое количество стран, у которых туристского бренда нет» [11]); 2) *грамотная реклама и продвижение туристического продукта на внутреннем и международном рынках*. Туристический бренд должен быть не просто уникальным. Как отмечал губернатор Ярославской области Д. Ю. Миронов, «каждому региону нужно придумывать свои «фишки». То есть, те или иные мероприятия, которые будут привлекать и массового туриста, и пресыщенного» [11]; 3) *федеральная поддержка*; 4) *работа с инвесторами*; 5) *долгосрочные партнерские связи с туроператорами страны, регионов и их расширение*; 6) *новые программы, маршруты и направления туризма* (как на федеральном, так и на региональном уровне); 7) *высококвалифицированные кадры* (например, подготовка и повышение квалификации экскурсоводов); 8) *мониторинг*; 9) *решение проблемы визового барьера*; 10) *разработка новых туристических продуктов и создание хорошо развитой инфраструктуры*; 11) *отлаженная система туристско-информационных центров*; 12) *установка знаков туристической навигации*.

Многие из указанных выше задач нашли отклик в работе Межведомственной рабочей группы по вопросам развития внутреннего и въездного туризма при правительстве Тульской области. Неоднократно Министр культуры и туризма Тульской области Т. В. Рыбкина на них заостряла свое внимание. Примерами практической реализации поставленных задач можно например считать следующее: «ГУК ТО «Объединение центров развития искусства, народной культуры и туризма» совместно с представителями туристического бизнеса выработаны механизмы подготовки и повышения квалификации экскурсоводов, осуществляющих деятельность на территории Тульской области» [10].

В 2016 году планировалось подготовить около 30 экскурсоводов. В *Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого* на базе *научно-исследовательской лаборатории по социологии, культурному туризму и прикладной этике при кафедре философии и культурологии* был выигран и реализован грант РГНФ (с 2017 г. – РФФИ) – «*Культурный туризм как фактор комплексного развития Тульской области*». В нем приняли участие научный коллектив лаборатории (к. ф. н., м. н. с. (впоследствии с. н. с., затем доц. кафедры правовых дисциплин) *Солопов О. В.*, к. ф. н., с. н. с. *Мартьянова Е. Г.*)» [12, с. 17], сотрудники и аспиранты кафедры философии и культурологии («к. ф. н., доц. *Слобожанин А. В.*, к. ф. н., ст. преп. (затем доц.) *Чеснова Е. Н.*, асп. *Полнова К. К.*, асп. *Селиверстова А. А.*, асп. *Титкина А. А.*)» [12, с. 17], студенты и аспиранты «факультета истории и права (асп. *Путина И. А.*, студ. *Солопова Н. Д.*)» [12, с. 17]. Также принял «участие д. ф. н., проф., проф. кафедры философии и культурологии *Назаров В. Н.*» [12, с. 18]. Коллективом в рамках гранта был исследован *культурный туризм в Тульском регионе, были спроектированы культурно-туристские маршруты*. Работа «Создание в г. Туле

Паркового комплекса «Болотовский сад», посвященного А. Т. Болотову» (под научным руководством – д. ф. н., доц., проф. кафедры философии и культурологии Назаровой Ю. В.) *магистрантки факультета искусств, социальных и гуманитарных наук Егорычева С. А.* «была отмечена дипломом и медалью на конкурсе: VII Тульский молодёжный экономический конкурс инновационных проектов и идей 2016 году (материалы работы также были задействованы в работе научно-исследовательского коллектива)» [12, с. 18].

В рамках работы по гранту было дано теоретическое обоснование, выделены и проанализированы 12 разновидностей культурного туризма: *литературный (культурно-познавательный) туризм, событийный туризм, школьный туризм, эзотерический туризм, культурно-индустриальный туризм, культурно-исторический туризм, культурно-религиозный туризм, культурно-экологический туризм, ностальгический (этнокультурный) туризм, генеалогический (этнокультурный) туризм, промысловый туризм, религиозно-философское краеведение.* Практическим результатом стало проектирование 8 тематических культурно-туристских маршрутов [см. подробнее: 12, с. 13–24].

Выше изложенное, показывает основания для формирования инновационного потенциала Тульской области и раскрывает возможности культурного туризма, как одного из его мощных факторов формирования.

Литература

1. Сутугина, М. В. Инновационный потенциал регионов России как фактор экономического роста [Электронный ресурс] / М. В. Сутугина, Е. Е. Склярова // Концепт: Науч.-метод. электрон. жур. – 2016. – Т. 12. – С. 66–71. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46214.htm>.

2. Курс на развитие: Тульская область формирует инновационную промышленную политику [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravda.ru/society/08-02-2018/1369526-tula-0/>

3. Малые предприятия г. Тулы за январь-июнь 2017 года: Стат. бюл. [Электронный ресурс] // Администрация города Тулы: [сайт]. – URL: <https://www.tula.ru/activity/economics/small-and-medium-business/MiSB2/index.php>

4. Шилова, А. Ростуризм оценил доход России от туризма в 2017 году [Электронный ресурс] / А. Шилов // Ведомости: Электрон. период. изд. – URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/05/27/770664-dohod-ot-turizma>

5. Мартыанова, Е. Г. Культурный туризм в социально-экономическом развитии Тульского региона / Е. Г. Мартыанова, Е. Н. Чеснова // Эколого-географические аспекты природопользования, рекреации, туризма: Сб. ма-

териалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году экологии в России; Отв. ред. Н. П. Несговорова. – 2017. – С. 190–194.

6. Пономарева, И. Ю. Использование историко-культурного наследия Тульского края в программах развития регионального туризма [Электронный ресурс] / И. Ю. Пономарева, А. С. Малафий // Изв. ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-istoriko-kulturnogo-naslediya-tulskogo-kрая-v-programmah-razvitiya-regionalnogo-turizma>

7. Рахмалева, О. В. Культурный туризм как фактор социально-экономического развития региона: Дис. ... канд. экон. наук [Электронный ресурс] / О. В. Рахмалева. – СПб., 2000. – URL: <http://www.dissercat.com/content/kulturnyi-turizm-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>

8. В рамках ежегодного послания Тульской областной Думе губернатор области Владимир Груздев заявил о необходимости развития культурно-познавательного туризма в регионе [Электронный ресурс] // Федер. агентство по туризму (Ростуризм); Мин-во культуры Рос. Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.russiatourism.ru/regions/?fedokr=109&freg=222&article=7327>

9. В Тульской области стартовал региональный конкурс проектов по организации вело- и пешеходных маршрутов, направленных на популяризацию исторического и культурного наследия [Электронный ресурс] // Федер. агентство по туризму (Ростуризм); Мин-во культуры Рос. Федерации: [сайт]. – URL: <https://www.russiatourism.ru/regions/?fedokr=109&freg=222&article=8555>

10. В правительстве Тульской области прошло первое заседание межведомственной рабочей группы по вопросам развития внутреннего и въездного туризма [Электронный ресурс] // Федер. агентство по туризму (Ростуризм); Мин-во культуры Рос. Федерации: [сайт]. URL: <https://www.russiatourism.ru/regions/?fedokr=109&freg=222&article=11187>

11. Зайцев, А. Туризм в России может принести больше, чем нефть [Электронный ресурс] / А. Зайцев. – URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/26687/3712203/>

12. Мартянова, Е. Г. Опыт проектирования культурно-туристских маршрутов по Тульской области: (На примере деятельности научного коллектива ТГПУ им. Л. Н. Толстого) [Электронный ресурс] / Е. Г. Мартянова, Е. Н. Чеснова // Актуальные науч. исслед.: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (13 октября 2017 г., Кемерово). – Кемерово: Науч.-исслед. центр «АнтроВита», 2017. – С. 13–24. –

URL: <http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Актуальные-научные-исследования.pdf>

«Круглый стол»
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

УДК 331.5

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-234-240

ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

YOUTH EMPLOYMENT AS A FACTOR
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

Г. Р. Баймурзина
Guzel R. Vaimurzina

*Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (Уфа, Россия)*

*Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)*

Аннотация. В статье анализируются проблемы молодежи на современном рынке труда в контексте их влияния на инновационное развитие России. Среди противоречий и вызовов, сдерживающих реализацию творческого и инновационного потенциала отмечены: несоответствие качества рабочих мест запросам молодежи и установкам руководства страны к технологическому прорыву, высокая образованность и экономическая активность молодежи и барьеры на входе на формальный рынок труда, тревожные симптомы снижения ценности образования на фоне развития неформального сектора и разрыва взаимосвязи с уровнем жизни и др. Автор убежден, что преодоление этих противоречий и обеспечение качества молодежной занятости должны стать ключевыми задачами инновационной политики страны.

Abstract. The article examines the problems of youth in the contemporary labor market in the context of their impact on the innovative development of Russia. Among the contradictions and challenges hindering the realization of

creative and innovative potential are: the discrepancy between the quality of jobs and the requests of young people and the country's technological breakthrough settings; high level of education and economic activity of young people and barriers to entry into the formal labor market; alarming symptoms of the decline in the value of education against the increasing informal sector and disunion with living standards etc. The author is convinced that overcoming these contradictions and ensuring the quality of youth employment should be the key objectives of the country's innovation policy.

Ключевые слова: занятость, молодежь, инновационное развитие, модернизация

Keywords: employment, youth, innovative development, modernization.

Инновации, высокие технологии и модернизация имеют устойчивую коннотацию с такими признаками как креативность, мобильность, гибкость, современность, которые наиболее характерны молодежи. Как отмечается в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, «новые вызовы, связанные с изменениями в глобальном мире, новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики» [1].

Наиболее сложной и противоречивой, на наш взгляд, является положение молодежи на рынке труда. Во всем мире молодые люди все чаще сталкиваются с новыми вызовами, связанными в трансформационными изменениями в сфере труда. Наиболее волнующие и актуальные проблемы современной сферы труда связаны с существенными изменениями в экономической сфере и структуре производства, в формах занятости и организации труда, сущности и содержании труда; с ростом разнообразия, гибкости и динамичности во всех сферах жизни, и в трудовой в том числе.

Общими глобальными вызовами являются развитие нестандартных форм занятости, расширение прекарного труда и дефицит социальной стабильности и защищенности; все большее расхождение между спросом и предложением на рынке труда; растущие неравенство и социально-экономическая дифференциация; усложнение управляемости социально-трудовых и производственных отношений. На фоне этих явлений, разные страны и регионы переживают и решают собственные проблемы (роботизация, безработица и цифровое неравенство, рост числа NEET среди молодежи, приток и адаптация мигрантов, неформальная занятость, утечка молодых и квалифицированных кадров и др.).

В данной работе, мы фокусируем взгляд на проблемах российской молодежи, которые на наш взгляд, существенным образом сдерживают реализацию инновационного потенциала

Из числа вызовов, непосредственно связанных социально-трудовой сферой, первым является качество занятости. Наши исследования свидетельствуют о том, что молодое поколение не может «смириться» с качеством большинства предлагаемых на рынке рабочих мест. Причина их непривлекательности среди молодежи, кроме низкой оплаты труда, кроется в недостаточной их технологичности и креативности. Между тем, стремление к инноватике, потребность в реализации своих творческих идей являются естественной и уникальной возрастной особенностью, которая могла бы быть эффективно использована в рамках стратегии модернизации экономики России. Однако, эти позитивные запросы и потребности на практике ограничиваются дефицитом высокотехнологичных рабочих мест, недостаточно развитыми инновационной и предпринимательской инфраструктурой и институтами, отставанием и/или несоответствием образовательных программ и услуг потребностям и целям социально-экономического развития страны или отдельного ее региона.

Противоречие заключается в том, что российская молодежь хорошо образована (доля лиц с высшим образованием среди молодежи приближается к 50 %) и стремится к достаточно раннему выходу на рынок труда. Уровни экономической активности и занятости молодежи 25–29 лет сопоставимы с показателями взрослого населения. Если в возрасте 20–24 лет занятыми являются около половины возрастной группы, то к 25–29 годам этот показатель составляет уже 80 %.

При этом, как показывают данные выборочного наблюдения трудоустройства выпускников образовательных организаций за 2016 год, наиболее часто встречающейся проблемой молодых людей является отсутствие опыта работы, низкий уровень заработной платы, отсутствие подходящих рабочих мест (табл. 1). В то же время, эксперты отмечают, что молодежь все чаще начинает свою трудовую карьеру с неформальной занятости [2]. (Данное положение объясняет и относительно невысокие показатели молодежной безработицы в России) [3].

Неформальный сектор позволяет получить молодежи необходимый опыт (без которого часто не берут на работу); более высокий заработок, чем в формальном секторе (основная причина выбора); гибкость и мобильность. Вместе с тем, большая часть рабочих мест в неформальном секторе не требует высокой квалификации. А молодежь, которая не находит себе работу в формальном секторе к 30 годам, зачастую оказывается в ловушке неформального сектора.

Неопределенность в пенсионной системе, ускоренное развитие малого и среднего предпринимательства, внутренние трансформации и глобальные

технологические изменения оказали существенное влияние на рост неформальной занятости населения в целом. Это, свою очередь, увеличивает риски продолжительного нахождения молодежи в неформальном секторе.

Таблица 1

**Структура выпускников 2010-2015 гг. выпуска
с высшим образованием по трудностям
при попытках оформиться на работу по субъектам РФ**

Table 1

**The structure of graduates of 2010-2015 with higher education
by the difficulties in trying to get a job in different regions
of the Russian Federation**

	Всего столкнулись с трудностями	из них по причинам:							
		отсутствие опыта работы	несоответствие квалификационным требованиям	не смогли найти работу по специальности	низкий уровень предлагаемой заработной платы	отсутствие подходящих рабочих мест	дискриминация (по полу, национальности, лично детей и др.)	ограниченные возможности здоровья	другими
Россия	100	70,4	6,2	21,6	42,0	32,6	1,7	0,5	7,9
г. Москва	100	73,9	8,7	15,2	48,7	30,1	1,3	0,4	17,8
г. Санкт-Петербург	100	71,8	2,7	14,9	37,3	23,1	3,8
Республика Башкортостан	100	75,6	5,9	19,9	41,9	34,6	2,4	...	5,4
Респ. Марий Эл	100	82,9	7,1	22,8	48,5	28,9	7,8	1,6	5,4
Респ. Мордовия	100	60,2	6,8	22,0	45,2	39,6	3,2
Респ. Татарстан	100	76,7	7,6	22,5	49,4	30,5	0,7	...	1,5
Удмуртская Респ.	100	70,7	9,3	20,4	67,0	36,3	...	1,5	2,3
Чувашская Респ.	100	78,1	6,7	17,4	41,8	44,5	1,2	...	6,1
Пермский край	100	73,7	4,8	14,1	42,9	29,2	2,7
Кировская обл.	100	71,6	9,2	12,0	38,7	31,5	14,2	2,2	10,6
Нижегородская обл.	100	70,7	5,2	24,1	49,7	35,5	5,1
Оренбургская обл.	100	73,6	5,0	16,0	56,7	28,8	1,8
Пензенская обл.	100	74,0	4,9	32,6	55,5	37,5	11,3
Самарская обл.	100	50,6	2,9	9,0	47,8	34,2	0,7	...	5,8
Саратовская обл.	100	69,8	1,9	19,9	49,7	34,1	0,7	...	18,8
Ульяновская обл.	100	80,5	9,9	23,1	42,6	24,2	1,8
Свердловская обл.	100	63,8	8,9	20,3	45,3	31,3	2,7	...	5,2
Тюменская обл.	100	85,3	13,3	29,0	28,3	34,2	4,1	1,6	12,4
Челябинская обл.	100	75,9	12,3	11,4	52,4	42,0	1,7	...	6,4

Примечание: сумма значений больше 100 %, так как выпускник мог отметить более одного вида трудностей при попытках оформиться на работу.

Источник: [4].

Сопоставление данных Росстата о численности занятого населения и данных Фонда социального страхования РФ показывает, что в 2016 году вне системы социальной защиты находилось около 20,4 млн человек. А согласно данным Росстата за 2017 г., более чем в 60 регионах страны, большая часть доходов населения не была учтена официально. Эти негативные тенденции не только обрывают связь населения с системами социального страхования и налогообложения, но и, как оказалось, связь между образованием и уровнем жизни населения.

К примеру, наши наблюдения в Республике Башкортостан показывают, что материальное положение лиц без профессионального образования за последние 10 лет относительно укрепилось: доля бедных среди них 47,6 % сократилась до 34,3 %. В то же время лица, имеющие высшее образование, чувствуют себя менее оптимистично (табл. 2).

Таблица 2

Уверенность в будущем у населения Республики Башкортостан в зависимости от уровня образования в 2007¹ и 2015² гг.

Table 2

Confidence in the future of the population of the Republic of Bashkortostan in 2007 and 2015, depending on the level of education

Уверенность в будущем	Ниже среднего		Среднее спец.		Высшее		Всего	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Вполне уверен	13,2	23,5	18,0	16,3	29,3	20,8	19,6	18,5
Скорее уверен, чем нет	28,8	36,6	37,5	38,2	38,4	47,1	36,1	40,5
Скорее не уверен, чем уверен	19,5	12,6	18,0	17,7	13,7	14,3	17,3	16,1
Совершенно не уверен	19,1	6,4	11,9	7,3	5,6	4,7	11,8	6,5
Затрудняюсь ответить	19,5	20,8	14,7	20,4	13,0	13,1	15,2	18,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Социологическое исследование «Развитие человеческого потенциала в Республике Башкортостан». Организатор: Центр социально-правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан. Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 лет. Выборка: вероятностная, районированная по типу населенного пункта и социально-экономическим зонам РБ с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности, уровню образования. Объем выборки: 3000 человек. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Сроки проведения полевых работ: июль 2007 г. Руководитель: Р. М. Валиахметов.

² Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года». Организаторы: Министерство экономического развития Республики Башкортостан, Башкирский филиал Института социологии РАН, Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Объект исследования: население РБ в возрасте 18–75 лет. Выборка: районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объем выборки: 6300 человек. Метод исследования: самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль-октябрь 2015 г. Руководитель: Р. М. Валиахметов.

Одновременно, данные Росстата свидетельствуют о том, что доля родителей, планирующих дать детям высшее образование сократилась. Заметим, что это сокращение отмечается как в целом по России, так и во многих других регионах (рис. 1). На наш, взгляд, такая коррекция в образовательных стратегиях населения отражает структурные диспропорции на рынках труда и образования, и является серьёзным системным вызовом для всей страны, а не только для молодежи.

Вызовы, стоящие перед современной российской молодежью обостряются, в том числе и тем, что численность и удельный вес этой социальной группы сокращается. Одновременно сокращается и численность всего трудоспособного населения, что, согласно расчетам НИУ ВШЭ, непременно отразится и на снижении темпов роста ВВП. Следовательно, компенсировать эти негативные тенденции возможно лишь посредством инвестиций в человеческий капитал [7].

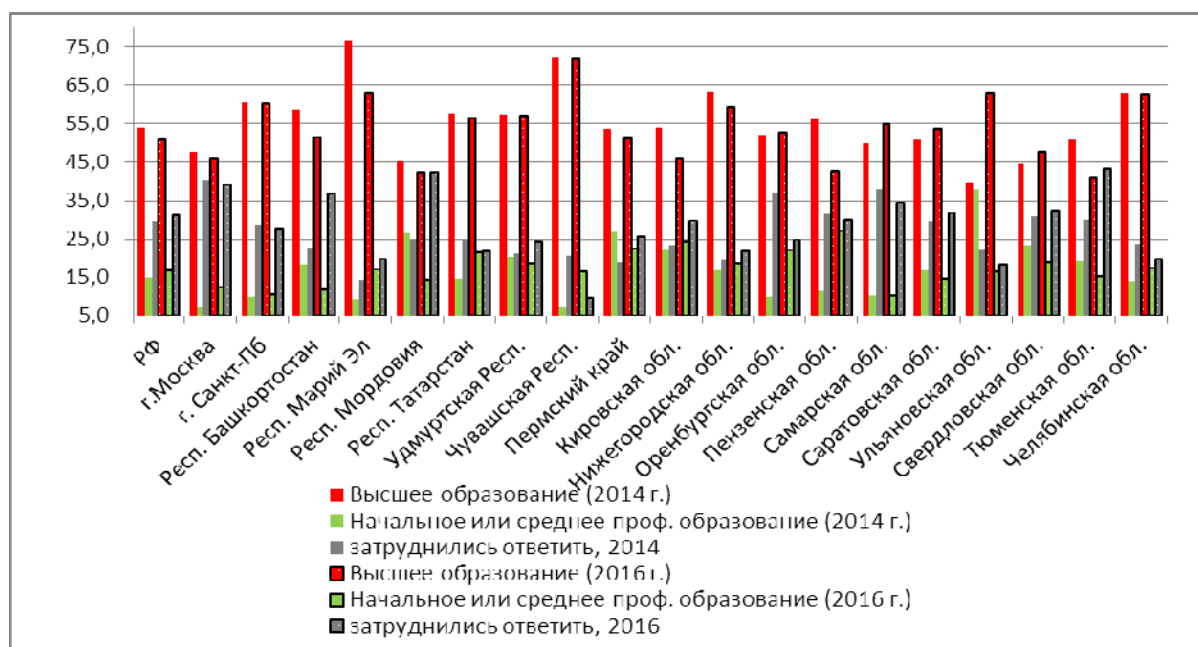

Рис. 1. Намерения родителей по продолжению обучения детей в возрасте до 15 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях
Fig. 1. Parents' intentions to continue education of their children under age of 15, enrolled in educational institutions
 Источники: [5],[6]

Несмотря на упомянутые современные вызовы, молодежь в целом более оптимистично смотрит на жизнь. Она меньше боится безработицы, больше уверена в завтрашнем дне, ее не пугает перспектива смены работы, профессии, места жительства [3]. В то же время период активного поиска собственного места в обществе и самоопределения недолог, но практически всегда связан с рынком труда и началом профессионального пути. По-

этому государственная молодежная политика в сфере труда и занятости должна быть одним из ключевых элементов инновационной стратегии, и направлена на последовательное преодоление указанных диспропорций и противоречий, нахождение адекватных ответов на эти вызовы.

Литература

1. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29 нояб. 2014 г. № 2403-р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420237592> (дата обращения: 10.07.2018).

2. Козырева, П. М. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Нов. Хронограф, 2017. – Вып. 15. – С. 49–71.

3. Валиахметов, Р. М.. Занятость и социально-профессиональная мобильность молодежи (на примере Республики Башкортостан) / Р. М. Валиахметов, Г. Р. Баймурзина // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Нов. Хронограф, 2017. – Вып. 15. – С. 134–153.

4. Выборочное федеральное статистическое наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование 2016. Росстат [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html (дата обращения: 10.07.2018).

5. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2014. Росстат [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html (дата обращения: 10.07.2018).

6. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2016. Росстат. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения: 10.07.2018).

7. Акиндинова, Н. В. Экономический рост в России с учетом демографических изменений и вклада человеческого капитала / Н. В. Акиндинова, К. С. Чекина, А. М. Яркин // Экон. журн. Высш. школы экономики. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 533–561.

УДК 130.2

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-241-247

**СТРАТЕГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
(НА ПРИМЕРЕ г. СМОЛЕНСКА)**

**THE STRATEGY OF SOCIOCULTURAL POLICY
OF MUNICIPALITIES IN THE FORMATION
OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT
(ON THE EXAMPLE OF SMOLENSK)**

**А. И. Винокуров
Alexander I. Vinokurov**

*Смоленский государственный институт искусств (Смоленск, Россия)
Smolensk State Institute of Arts (Smolensk, Russia)*

Аннотация. *Исследование выполнено в рамках нового этапа Программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института Философии РАН (научный руководитель – член-корреспондент РАН, профессор Н. И. Латин). Показано, что инновационные процессы, саморазвивающиеся среды актуализируют потребность муниципальных образований в разработке стратегии социокультурной политики, содержанием которой является деятельность по разработке, производству и потреблению инноваций.*

Abstract. *The research was carried out within the framework of the new phase of the Program "Problems of Sociocultural Evolution of Russia and its Regions" of the Center for the Study of Socio-Cultural Changes (CSII) of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (supervisor – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor NI Lapin). It is shown that innovative processes, self-developing environments actualize the need of municipal entities in the development of a strategy of socio-cultural policy, the content of which is the development, production and consumption of innovations.*

Ключевые слова: *социокультурный портрет региона, Смоленская область, муниципальная инновационная система, трансформация территориальной структуры хозяйства, пространство приграничного региона, стратегия социокультурной политики, социальная регуляция.*

***Keywords:** socio-cultural portrait of the region, Smolensk region, municipal innovation system, transformation of the territorial structure of the economy, the space of the border region, the strategy of socio-cultural policy, social regulation.*

Проблема, рассматриваемая в статье. Реформа местного самоуправления, тенденции модернизационного развития регионов России актуализируют вопрос разработки и реализации новых подходов к использованию инноваций в построении современной территориальной структуры хозяйства. В этих условиях важным становится изучение полного цикла деятельности муниципальных образований по разработке, производству и потреблению инноваций.

Базовая гипотеза. Муниципальная инновационная система (МИС) представляет собой совокупность элементов и механизмов их взаимодействия, в рамках которых на территории муниципального образования (МО) осуществляется деятельность по созданию, производству и потреблению инноваций. Считается, что от уровня развития МИС зависят: инновационная активность местного сообщества, предприятий и организаций, работающих на территории МО; объемы производства инновационной продукции; появление новых высокотехнологичных рабочих мест; доля вопросов местного значения, решенных на основе инноваций; увеличение доходной части местного бюджета; рост доходов местного сообщества; инвестиционная привлекательность МО; привлекательность территории МО как места работы и жизни высококвалифицированных кадров, креативных и талантливых людей; активность МИС на территории муниципального образования способствует повышению качества жизни населения МО [1, с. 82–88].

Методы исследования. Социологические исследования, выполненные автором в 2006-2007 гг. и 2016-2017 гг. (грантовые проекты РГНФ № 06-03-58302а/Ц, №15-03-00443); анализ статистических материалов Федеральной службы государственной статистики РФ и Смоленской области; анализ отчетов деятельности администрации Смоленской области за период с 1995 по 2017 гг., сравнительный анализ муниципальных инновационных систем Смоленской области.

Основой исследования явилась методология социокультурного портрета региона.

Результаты исследования, их новизна. В исследовании нами проведен анализ муниципальных инновационных систем Смоленской области. Использован сравнительный анализ деятельности по разработке, производству и потреблению инноваций в различных по интенсивности трансформации территориальной структуры хозяйства пространственных

зон (зона от греч. zone – пояс) Смоленской области, в том числе и в сфере культуры.

Смоленская область является уникальным объектом изучения трансформации территориальной структуры хозяйства, становления новых муниципальных инновационных систем в сфере культуры, в силу своих исторических и социокультурных особенностей западного приграничья. Регион относится к староосвоенному пространству России, он неоднократно менял свою государственную принадлежность, что сказывалось на его территориальной структуре хозяйства, территориальной функции, социокультурной жизни региона [2, с. 9–24].

Интенсивность процесса трансформации, его вектор с 1990 года характеризуют три зоны пространства Смоленской области в категориях «позитивной трансформации», связанной с усложнением «собираем» территориально-отраслевой структуры хозяйства, «нейтральной и негативной» – отражающих «свёртывание», «сужение» отраслевой структуры региона, деградацию территориальной структуры хозяйства.

I тип – «зоны позитивной трансформации»: «Смоленско-Московская зона» и «Рославльская зона»). «*Смоленско-Московская зона*» расположена вдоль транспортного коридора Москва-Смоленск-Минск-Берлин. Экономика области *сконцентрирована (собрана)* в пространстве между Москвой и Минском. «*Рославльская зона*» расположена в части транспортного коридора «Санкт-Петербург – Юг России» и концентрируется по оси Смоленск – Рославль – Брянск.

II тип – «зоны нейтральной трансформации» («Смоленско-Белорусская приграничная зона», «Вазузская зона» и «Угранская зона»).

III тип – «зоны негативной трансформации» («Демидовско-Новодугинская аграрная зона» и «Ельнинская аграрная зона») [3, с. 9–13].

С учётом этих зон мы проанализировали создание, производство и потребление инноваций по основным элементам МИС: *субъекты, создающие инновации* – органы местного самоуправления, регулирующие инновационную деятельность; общественные организации, участвующие в инновационной деятельности; субъекты, потребляющие инновации; *объекты инновационной деятельности* – новшества, инновационные программы, инновационные проекты, продукты, процессы, технологии, основные средства; инновационная инфраструктура; *ресурсы инновационной деятельности* – интеллектуальные, материально-технические, финансовые, информационные, человеческие, организационные; *инновационные процессы* – долгосрочные, средне-срочные, краткосрочные, технические, технологические, экономические, управленческие, организационные.

Выявлено, что *субъектами, создающими инновации* в Смоленской области выступают: *Правительство РФ* (Федеральный центр травматологии, ортопедии и эндопротезирования) МЗ РФ (г. Смоленск); *органы исполни-*

тельной власти области, перешедшие на проектное управление (в том числе проектный комитет, возглавляемый уполномоченным лицом соответствующего профильного органа исполнительной власти Смоленской области, созданный для реализации приоритетных проектов и программ до 2025 года); областная Дума, принявшая в октябре 2017 года областной закон «О промышленной политике в Смоленской области», определяющий принцип государственной поддержки участников промышленной деятельности в регионе (в ближайшей перспективе будет создан институт государственно-частного партнерства по предоставлению государственных и муниципальных услуг через многофункциональные центры; реализованы положения Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ); автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» и Союз «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)» и др.

Объектами инновационной деятельности в Смоленской области являются: *льняной кластер в Вяземском МО. В частности, на Петербургском международном экономическом форуме 2018 года подписано Соглашение о сотрудничестве между Администрацией Смоленской области и холдингом «DEHONDT technologies Développement» (Франция). Французские инвесторы планируют разместить на базе АО «Вяземский Машиностроительный завод» производственный комплекс по выпуску льноуборочной техники и оборудования по первичной переработке длинного льноволокна, что позволит удовлетворить потребность Смоленской области в специализированной технике (сеялках, льнотеребилках, льнокомбайнах и др.). В регионе к 2025 году планируется вдвое увеличить посевные площади льна-долгунца в том числе и за счёт территории Монастырщинского района. Подписаны соглашения с индийской компанией «Рослек» по проектам в сфере льноводства; *индустриальные парки «Сафоново» (МО Сафоново район) и «Феникс» (МО г. Смоленск); территория опережающего социально-экономического развития (МО г. Дорогобуж). В Дорогобуже построят самую крупную прачечную в России. Это предприятие будет в промышленных масштабах ориентировано на нужды Министерства обороны, РЖД и других заказчиков; ювелирное производство (ОАО «ПО «Кристалл») в г. Смоленске; производство неметаллических минеральных продуктов в г. Рославле (ОАО «Ситалл») и деревообработки в г. Гагарин (ООО «Эггер Древпродукт Гагарин»); кролиководческая ферма по производству кроликов на 36 тысяч голов в МО «Гагаринский район».**

Ресурсы инновационной деятельности. Смоленская область как сегмент крупного социального образования приграничья включена в систему межрегиональных взаимодействий и отношений, тесно связана коммуникационными потоками как по вертикали (центр – регионы), так и по

горизонталю (регион – регион) в том числе и с Беларусью. Тип российско-белорусских взаимодействий и коммуникаций позволяет рассматривать Смоленщину как коллективный субъект регионов приграничья, которые в высокой степени влияют на региональный процесс Смоленской области, порождая появление серии новых социальных практик и инновационных проектов. Смоленская область уже несколько десятилетий занимает одно из первых мест в ЦФО по производству молочных консервов, сухого молока, а также сыра и животного масла на душу населения. Наиболее крупным предприятием пищевой промышленности Смоленской области является ООО «Промконсервы». Предприятие обладает развитой сбытовой сетью в различных регионах РФ, а также поставляет продукцию за рубеж – в Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Азербайджан, Туркменистан, Грузию.

Изменение курса американского доллара, санкции Евросоюза и российское эмбарго на импортное продовольствие способствовали активизации внутреннего рынка, появлению серии новых социальных практик межрегиональных коммуникаций и взаимодействий по внешнеторговому обороту Смоленской области. Приняты управленческие решения по производству молока и мяса в Смоленской области (осуществлено строительство животноводческого молочно-товарного комплекса на 6000 фуражных голов КРС в Дорогобужском районе; трех животноводческих ферм по содержанию КРС мясного направления и одного животноводческого комплекса по содержанию КРС мясного направления в Рославльском районе; молочно-товарной фермы на 2880 фуражных голов крупного рогатого скота» в Сафоновском районе, введена в эксплуатацию вторая очередь кролиководческой фермы мощностью и др.).

За последние годы на территории Смоленской области реализовано более 20 социально-значимых инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций (за весь период реализации) около 58 млрд. рублей и социальным эффектом более 9000 новых рабочих мест; в том числе компания «Наша житница» в Гагаринском районе, крупное сельхозпредприятие «Боброво» в Новодугинском районе, «Золотая Нива» в Сафоновском районе, «Мираторг» в Рославльском районе.

Инновационные процессы. Администрацией области совместно с ООО «Корпорация инвестиционного развития Смоленской области» осуществляется сопровождение инвестиционного проекта «Строительство автомагистрали от границы с Республикой Казахстан до границы с Республикой Беларусь», что окажет положительный мультипликативный эффект на развитие строительного сектора, машиностроительного комплекса, сферы транспортных услуг, а также на занятость населения. Автомагистраль будет проходить через Краснинский, Хиславичский, Монастырщинский, Рославльский и Шумячский муниципальные районы. Ожидается, что в результате реализации этого проекта в Смоленской области сконцентрируются магистральные

транспортные артерии страны, что даст ощутимый импульс дальнейшему развитию экономики региона, откроет возможности для российских и иностранных инвесторов, связанные с развитием существующих и организацией новых логистических центров и других проектов. К настоящему времени сельское хозяйство региона стало рентабельным. Индекс промышленного производства региона за 2017 год составил 102,2 % к уровню 2016 года. Его значение на 1,2 % выше показателя, сложившегося по России.

Индустриальные парки «Сафоново» и «Феникс» готовы разместить новые промышленные предприятия, привлечь инвестиции в экономику региона, увеличить численность рабочих мест высокой квалификации (предполагается создание около 3000 новых рабочих мест). Производственная площадка парка «Сафоново» расположенная на расстоянии 290 км от Москвы по Федеральной трассе М1, специализируется на создании современных производств крупногабаритных изделий из композитов по приоритетным направлениям – производство танк-контейнеров, ветрогенераторов мощностью 1-2 МВт, дымовых труб, кислотостойких емкостей, малотоннажной химии. Парк «Феникс» создается для развития преимущественно малого и среднего предпринимательства в сфере пищевой промышленности, металлообработки, приборостроения, производства металлопластиковых изделий, детских товаров, малых предприятий по выпуску мебели, способных перерабатывать продукцию 2-х крупных заводов Смоленской области по производству МДФ и ДСП.

Сравнительный анализ показал, что активно инновационные процессы протекают, в основном, в зонах с позитивной трансформацией хозяйства Смоленской области. Инновации выступают важным источником общезначимых мотиваций предпринимательства, процессов самоорганизации отдельных субъектов социумов МО. Наглядно это проявляется в сфере культуры. Начиная с 2017 года в г. Смоленске активно внедряются инновационный проект подпрограммы «Формирование современной городской среды» и муниципальная программа «Содержание и ремонт объектов благоустройства города Смоленска». Реализация этих программ призвана увеличить потребление инноваций в сфере культуры, повысить комфортность проживания жителей города Смоленска. Ожидается, что комплексное благоустройство территорий общего пользования, осуществляемое с учетом мнения жителей, запустит механизм активизации местной культурной жизни населения города, социальной самоорганизации людей по использованию территорий общего пользования для отдыха и рекреации; для органов управления культурой города появится возможность вовлечения жителей в творчески активную жизнь в зависимости от их способностей и склонностей. Заметно, что инновационные процессы, саморазвивающиеся среды резко актуализируют потребность разработки новой стратегии социокультурной политики администрации г. Смоленска в сфере культуры, содержанием которой должна стать деятельность по размещению, произ-

водству и потреблению культурных инноваций в каждом из трёх муниципальных районов города.

Таким образом, анализ использования инноваций в построении современной территориальной структуры хозяйства позволяет выявить инновационный потенциал экономических субъектов региона (представить региональную инновационную систему), выбрать стратегию социокультурной политики администрации муниципального образования, оценить готовность социокультурной среды МО к нововведениям.

Создание и локальное размещение муниципальных инновационных систем (МИС) способствует позитивной трансформации территориальной структуры хозяйства, оптимизирует качество жизни населения МО; отсутствие инноваций приводит к «свёртыванию», стагнации территориальной структуры хозяйства. Следует отметить, что муниципальная инновационная система (МИС) позволяет более четко представить и описать субъекты, создающие инновации; объекты инновационной деятельности; показать ресурсы инновационной деятельности; инновационные процессы муниципального образования, их роль в комплексной модернизации региона и страны. Высокий уровень развития МИС обуславливает инновационную активность фрилансеров, предпринимателей, предприятий и организаций, работающих на территории МО; появление новых высокотехнологичных рабочих мест; увеличение доходной части местного бюджета; инвестиционную привлекательность МО как места работы и жизни высококвалифицированных кадров, креативных и талантливых людей.

Практическое значение результатов. Результаты исследования следует использовать в теории и практике социальной регуляции изменений. Инновации являются источником, формирующим и поддерживающим изменения социума, определяющим выбор стратегии социокультурной политики муниципалитетов по активизации местной культурной жизни населения, социальной самоорганизации жителей.

Литература

1. Палкина, М. В. Концепция инновационной системы муниципального образования / М. В. Палкина, А. Ю. Палкин // Вестн. АГТУ. Сер. «Экономика». – 2016. – № 1. – С. 82–88.

2. Костюченко, М. И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области: Автореф. дис. ... канд. географ. наук / М. И. Костюченко. – М., 2003. – С. 9–24.

3. Корсак, О. И. Трансформация территориальной структуры хозяйства Смоленской области: историко-географический подход: Автореф. дис. ... канд. географ. наук / О. И. Корсак. – СПб., 2009. – С. 9–13.

**РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА**

**THE ROLE OF COMMUNITY SELF-GOVERNMENT
ORGANIZATIONS IN REGIONAL SOCIOCULTURAL
DEVELOPMENT**

Р. А. Кабелевский¹, С. В. Костюченков²
Roman A. Kabelevskiy, Sergey V. Kostyuchenkov

¹ *Отдел по работе с общественностью управления по местному самоуправлению и молодежной политике администрации города Тулы (Тула, Россия)*

Public Affairs Team of Community Self-Government and Youth Policy Department, the Tula Municipal Administration (Tula, Russia)

² *Центр содействия развитию местного самоуправления (Тула, Россия)*
Center for the Local Government Development Support (Tula, Russia)

Аннотация. *Территориальное общественное самоуправление является одним из способов реализации инициатив населения и играет важную роль в решении проблем местных сообществ. Возрастающая роль территориального общественного самоуправления в развитии и становлении гражданского общества требует от органов местного самоуправления дальнейшего совершенствования основных форм, методов и принципов взаимодействия с ними при решении вопросов местного значения в рамках социокультурного развития региона.*

Abstract. *Community self-government represents one of the channels for implementation of public initiatives and as such plays a significant part in addressing concerns of communities. The increasing role of community self-government in development and engagement of civil society requires the local governments to continually improve their established forms, methods and coordination principles to properly address the topical local issues in the context of the regional sociocultural development.*

Ключевые слова: *территориальное общественное самоуправление, эффективность деятельности, социокультурное развитие региона*

Keywords: *community self-government, effective performance, regional sociocultural development*

Под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Аббревиатура «ТОС» используется в двух значениях. Во-первых, для обозначения самого явления территориального общественного самоуправления как формы. Участия населения в местном самоуправлении, ключевой характеристикой которой являются отношения самоорганизации. Во-вторых, ТОС как искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и выполняющее определенные функции.

Все организованные формы территориального общественного самоуправления, как элементы единой системы, находятся в тесной взаимосвязи, взаимодействии и взаимозависимости. В отличие от системы государственной власти РФ, территориальное общественное самоуправление образует единую систему только в рамках соответствующих муниципальных образований, независимую от аналогичной системы в другом муниципальном образовании.

ТОС – система, каркас социальной базы местного самоуправления. Местное самоуправление следует рассматривать как форму самоорганизации общества и в этом качестве как составную часть гражданского общества. Отличительными чертами данного социального феномена являются, с одной стороны, его публичный характер, предполагающий вовлечение граждан в процесс принятия коллективных решений посредством института территориального общественного самоуправления, с другой, наличие рыночной составляющей в части оказания услуг представителям местного сообщества и координации хозяйственной деятельности. Территориальное общественное самоуправление является одним из видов корпоративного социального управления, имеющего территориальную привязку, оно состоит в инициативном создании жителями самоуправляемых организаций для решения проблем и вопросов, связанных с их проживанием на той или иной территории.

Территориальное общественное самоуправление в России сегодня является формой, регулирующей взаимодействие между людьми – индивидами, социумами, индивидами и социумами.

Понятия социальная система и социально-территориальная система соотносятся как общее с частным. Последняя является разновидностью социальных систем, а признаки территориальности и общинности выделяют её специфику.

Это важнейший признак социального института, поэтому мы вправе говорить о ТОС как и о социальном институте.

Значимость института территориального общественного самоуправления предопределена тем, что ТОС помогает развитию гражданского самосознания, установлению высокоактивного сотрудничества властных структур и населения, снижению пассивности и потребительских настроений жителей. Непонимание сущности территориального общественного самоуправления зачастую приводит к возникновению некоторых проблем в организации деятельности ТОС, отказу жителей от участия в ТОС, и даже противодействию работе подобных «недействительных» ТОС, подменяющих истинную самостоятельность граждан, что требует объединения усилий всех институтов публичной власти, развития партнерских отношений между органами местного самоуправления и объединениями граждан по месту жительства, способствующих значительному повышению эффективности такого координационного взаимодействия.

Институализация ТОС начинается с принятия Закона Российской Федерации «О местном самоуправлении в Российской Федерации» в 1991 года. Это статьи 80-86 и 96, где провозглашалась общественная природа этого института.

В 1995 году появился Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, который неоднократно дополнялся и модернизировался (в т. ч. и в 2006 г.). Статья 27 отнесла регулирование ТОС к законодательству субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования и других нормативно-правовых актов местного самоуправления.

Таким образом, первостепенное значение для формирования и развития территориального общественного самоуправления имеет наличие нормативной правовой базы, регулирующей деятельность органов ТОС. На текущий момент такую нормативную правовую базу составляют следующие документы:

- Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6.10.2003 № 131-ФЗ;
- Уставы муниципальных образований.

Как пример анализ функционирования органов территориального общественного самоуправления в городе Туле. Так, правовой статус ТОС закреплён в Уставе МО г. Тулы: «Органы территориального общественного самоуправления представляют интересы населения, проживающего на соответствующей территории; обеспечивают исполнение решений, принятых на собраниях и конференциях граждан; могут осуществлять хозяйственную деятельность по благоустройству территории, иную хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как

за счет средств указанных граждан, так и на основании договора между органами территориального общественного самоуправления и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета; вправе вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами местного самоуправления, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов».

Добиваясь сообща какой-то конкретной цели вроде озеленения двора, приведения в порядок местного парка, ремонта в доме, стоянки для автомашин, люди улучшают свою жизнь. Создавая совместно условия для активного и общественно полезного досуга подростков своего района, местные жители не только бескорыстно оберегают подростков от улицы, но и борются с вандализмом и уличным хулиганством, осложняющими их собственную жизнь. Таким образом, внося свой вклад в общее дело, граждане получают пользу и для себя, не говоря уже об удовлетворении своей потребности в общении и уважении.

Так что у общественного самоуправления есть явное преимущество перед общественной работой в привычном для советского человека смысле: ее содержание богаче и конкретней, чем абстрактное «служение обществу», и больше апеллирует к личности, к ее интересам и потребностям. Реализация личности через участие в группе есть путь ее постепенного восхождения от апатии и бедности к чувству собственного достоинства и благосостоянию. Пробуждение надежды, веры, потребности действовать столь же важно в общинной демократии, как и конкретный результат – получение образования, работы, преодоление материальных трудностей, улучшение условий жизни. Объединение в соседские группы по интересам и проблемам есть первый шаг к активизации гражданской позиции жителей, за которым следует позитивная динамика территориальных сообществ.

Развитие институтов территориального общественного самоуправления в Туле началось только в 2002 году, хотя еще в 2000 году было принято решение Тульской городской Думы от 24.02.2000 № 30/518 «О территориальном общественном самоуправлении в городе Туле». Полномочия органов территориального общественного самоуправления в городе Туле определялись данным Положением «О территориальном общественном самоуправлении в городе Туле», а также решениями органов местного самоуправления о передаче ему отдельных полномочий органов местного самоуправления на основе добровольно взятых на себя населением и органом ТОС обязательств. В районах города стали образовываться инициативные группы, которые, в соответствии с Положением о ТОС определяли границы своей деятельности и закрепляли эти решения через решения представительного органа – Тульской городской Думы. Инициативные

группы назывались комитетами территориального общественного самоуправления (КТОС).

В первые годы развития деятельность КТОС в городе Туле, как нового института гражданского общества и вместе с тем общественного органа местного самоуправления на отдельных территориях районов города было достаточно продуктивным. Запросы населения на решения вопросов благоустройства территорий, организации функционирования местных сообществ, взаимодействия со структурами жилищно-коммунального хозяйства находили поддержку у органов местного самоуправления. Однако развитие ТОС в рамках всего муниципального образования город Тула, и системного вовлечения жителей в этот социальный институт было низким.

Понимая необходимость и важность ТОС для социокультурного развития города инициативной группой граждан из представителей общественности с 2011 года началась системная работа в виде встреч с жителями территорий по популяризации ТОС. Однако инициативной группе пришлось столкнуться с низкой активностью граждан, нежеланием участвовать в решении вопросов местного значения через ТОС, и даже незнанием о возможности такого участия. Поэтому на первый план выступила задача найти способ объединения усилий всех институтов публичной власти, развитие партнерских отношений между органами местного самоуправления и объединениями граждан по месту жительства, способствующих значительному повышению эффективности такого координационного взаимодействия. Для решения такой масштабной задачи необходима была профессиональная организационная структура, выступающая консолидирующей силой для решения поставленных задач. И в 2012 году инициативной группой граждан была создана общественная организация «Центр содействия развитию местного самоуправления» основной целью, которой являлась поддержка и развитие ТОС в городе Тула. Задачами организации было повышать доверие к территориальному общественному самоуправлению, устранять многочисленные бюрократические преграды на пути развития территориального общественного самоуправления, поддерживать активистов территориального общественного самоуправления в стремлении повысить свою квалификацию. Граждане должны были перестать воспринимать муниципальную систему в качестве низового подразделения государственной власти. Этому должно способствовать реальное участие граждан в процессе муниципального управления, выражающееся в их непосредственном влиянии на политику муниципального образования в социальной, экономической, культурной сферах.

Для успешной реализации поставленных задач «Центр содействия развитию местного самоуправления» действовал в направлениях:

– правовые и экономические консультации деятельности ТОС (организационные вопросы создания и регистрации ТОС в статусе юридическо-

го лица, разъяснения нормативно-правовой базы регулирующей деятельность ТОС, ведение финансовой и бухгалтерской отчетности, формирование имущества);

– образовательная поддержка (повышение управленческой грамотности руководителей ТОС, проведение мастер-классов, практических семинаров, тренингов и круглых столов по актуальным темам, социальное проектирование, менеджмент качества, жилищное просвещение, концепция «устойчивое развитие»);

– информационная поддержка (содействие в размещении информации о деятельности ТОС, информирование о проводимых образовательных, грантовых и иных программах).

За время существования при непосредственной помощи общественной организации «Центр содействия развитию местного самоуправления» было создано и зарегистрировано 27 ТОС в статусе юридического лица (до 2012 года на территории МО г. Тула в статусе юридического лица действовал 1 ТОС), ежегодно статус юридического лица оформляют 3-4 ТОС, так за 2016–2018 г. 21 ТОС г. Тулы приняли участие в муниципальных грантовых конкурсах с различными инфраструктурными проектами более 15 млн рублей.

С 2012 года организацией проведено более 180 образовательных мероприятий, оказано более 2000 консультаций для актива ТОС. Организация активно сотрудничает с Общественным ресурсным центром города Тулы по развитию и поддержке ТОС на территории города. Площадка Общественного ресурсного центра города Тулы стала центром взаимодействия равноправного участия структур органов власти и общественных организаций в осуществлении местного самоуправления в городе Туле. Общее дело порождает гражданское согласие, а это в свою очередь – условие для выстраивания цивилизованных отношений с муниципальной администрацией, основанных на принципах социального партнерства, в формате гражданского контроля, гражданского диалога и гражданского участия.

Территориальное общественное самоуправление обладает мощным социальным потенциалом и способно стать одним из важнейших инструментов социокультурного развития территорий города Тулы и Тульской области.

**ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ И ВЫБОР СУБЪЕКТОВ ИХ РЕШЕНИЯ
В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

**PROBLEMS OF LIFETIME OF MUNICIPAL FORMATIONS
AND SELECTION OF SUBJECTS OF THEIR SOLUTIONS
IN ESTIMATIONS OF RESIDENTS OF NOVOSIBIRSK REGION**

**А. С. Мельникова
Anastasia S. Melnikova**

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный университет экономики
и управления (Новосибирск, Россия)
Novosibirsk state technical university,
Novosibirsk state university of economics and management
(Novosibirsk, Russia)*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение жизненных условий и самоуправленческой активности населения Новосибирской области и способов его взаимодействия с администрацией муниципальных образований. Выявлены представления жителей муниципальных районов области о том, в чьем ведомстве (органов власти, местного сообщества, или самого человека) находится решение проблем жизнедеятельности населения. Установлена взаимосвязь между материальным положением респондентов и их оценкой значимости и результативности действий индивида в решении материальных проблем. Также определена степень готовности респондентов к реализации проектов ради общественного блага, охарактеризованы повседневные отношения жителей друг к другу, выявлена их потребность в объединении на основании взаимопомощи и солидарности. Вместе с тем отмечены пассивность населения в плане решения проблем жизнедеятельности, низкая осведомленность жителей о формах и механизмах участия в местном самоуправлении, недоверие общественным организациям. Одновременно выявлена оценка респондентами степени эффективности деятельности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант РФФИ № 17-03-00444а) «Модернизация и новая индустриализация в регионе: социокультурный контекст». Руководитель проекта – д-р. соц. наук, профессор Е. Б. Мостовая.

администраций муниципальных районов. Определен уровень доверия респондентов к местным органам власти. По результатам исследования установлено, что население склонно относить решение вопросов жизнедеятельности на уровень власти и потому не является субъектом решения проблем в муниципальном образовании. Низкий уровень социальной и гражданской активности населения формирует невостребованность института местного самоуправления.

Abstract. *The article presents the results of an study aimed at studying the living conditions and self-management activity of the population of the Novosibirsk region and ways of its interaction with the administration of municipalities. Representatives of the inhabitants of the municipal districts of the region have been identified whether the agency has a solution to certain problems of people's livelihoods. The relationship between the material situation of respondents and their assessment of the significance and effectiveness of the individual's actions in terms of solving material problems is established. The degree of respondents' readiness to implement a project for the sake of the public good is also determined, the daily relations of residents of the municipal districts to each other are characterized, the need of the population for unification based on mutual assistance is identified. At the same time, the passivity of the population in terms of solving of problems of life activity, low awareness of the inhabitants of municipal districts about the forms and mechanisms of participation in local self-government, their distrust of public organizations are noted. At the same time, the respondents assessed the degree of effectiveness of the activities of administrations of municipal districts. The level of respondents' confidence in local authorities is determined. According to the results of the study, it is established that, on the whole, the population tends to attribute the decision of vital issues to the level of power and, by and large, is not the subject of solving of problems in the municipality. The low level of social and civic activity of the population forms the lack of demand for the institution of local self-government.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, местное сообщество, солидарность, социальная активность.*

Keywords: *local government, local community, solidarity, social activity.*

Местное самоуправление является формой организации населения, проживающего на локальной территории, в локальной местности и имеющего собственные органы управления [1]. Население, проживающее на данной территории, может быть названо локальным или местным сообществом. В соответствии с таким отношением к местному населению местное

самоуправление может рассматриваться как управление вопросами, интересами и делами местных сообществ. Исторической особенностью становления местного самоуправления в России была ведущая роль государства, выражающаяся в замене местного самоуправления местным государственным управлением [2]. Исследования, в том числе опросы населения и экспертов показали, что самоуправление зачастую воспринимается экспертами как часть государственной власти [3]. Хотя культура местного самоуправления должна формироваться в процессе совместного участия граждан в решении коллективных проблем с опорой на общность целей и интересов, в реальности уровень социальной активности в местном самоуправлении не высок, а источники ее развития ограничены. Это актуализирует исследования, направленные на выявление представлений населения о направлениях, возможностях и результативности реализации социальной и гражданской активности и роли органов власти различного уровня в решении проблем жизнедеятельности на конкретной территории.

В 2017 году было проведено разведывательное исследование по изучению жизненных условий и самоуправленческой активности населения Новосибирской области и способов его взаимодействия с администрацией муниципальных образований. Исследуемая совокупность – занятое в экономике население муниципальных районов НСО от 18 лет и старше ($n = 150$). Были опрошены жители 5 муниципальных районов НСО (Барабинского, Искитимского, Колыванского, Мошковского, Сузунского).

Один из вопросов был направлен на выявление представления жителей о том, в чьем ведомстве (органов власти различного уровня, местного сообщества или самого человека) находится решение отдельных проблем жизнедеятельности населения. По мнению респондентов, решение вопроса приобретения материальных ценностей, хороших вещей, а также решение личных жилищных проблем является, в первую очередь, делом самого человека (на данный вариант пришлось 66 и 53 % ответов соответственно). Чем выше материальный достаток респондента, тем в большей степени он убежден в значимости и результативности действий индивида в плане решения материальных проблем (среди респондентов со средним и высоким доходом данный вариант отметили 78 и 83 % соответственно; респонденты с низким доходом выбрали его в 39 % случаев). Значимость действий самого человека также отмечает большинство опрошенных (71 %), убежденных, что от их собственных усилий зависело улучшение/ухудшение их жизни за последние 2-3 года. Таким образом, респонденты, благополучные в финансовом плане, и не склонные переоценивать влияние внешних факторов на свою жизнь, в вопросах материальной обеспеченности редко придерживаются патерналистских взглядов, предпочитая надеяться на собственные силы. Среди прочих ответов на вопрос, вторым по значимости оказался вариант «от центральной власти» (отметили 14 % опрошенных).

Ответственность за решение личных жилищных проблем каждый пятый респондент возложил на органы местной власти, каждый десятый – центральной власти. При этом помощи властей различного уровня в большей степени ожидают коренные жители и переселенцы из другого города/села НСО, в то время как приезжие из других регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья (в том числе беженцы) предпочитают надеяться на собственные силы. Важно также отметить, что более чем в половине случаев значимость действий самого человека отмечают как респонденты, интересующиеся различными программами развития региона, так и граждане, ничего о них не знающие. Вероятно, в первом случае, активность индивида проявляется в процессе поиска и изучения подобных программ, участия в них, во втором – в самостоятельном решении проблемы с опорой, исключительно, на собственные силы и ресурсы.

18 % опрошенных полагают, что уровень инициативности человека в местном самоуправлении зависит от самого индивида. Но более значимую роль в решении этого вопроса респонденты приписывают местной власти (33 %) и местному сообществу (20 %). Перекладывание респондентами задачи стимулирования инициативности населения на плечи властей может объясняться рядом причин. С одной стороны, индивиды вправе ожидать и даже требовать от местной власти предоставления реальной (а не номинальной) возможности участия в самоуправлении, учета мнения и действий граждан, обеспечения информацией, касающейся жизнедеятельности поселений и механизмов реализации населением самоуправленческой активности. С другой стороны, подоплекой выбора такого варианта ответа могла оказаться социальная пассивность населения, обусловленная, в том числе, «потребительским» отношением к государству. Выбор варианта «местное сообщество», вероятно, отражает потребность индивидов во взаимной поддержке жителей поселения, согласованности в действиях и взглядах, основанных на общности целей и интересов. По сути, это потребность в солидарности, являющейся крупнейшим ресурсом мобилизации, а, значит, основой совместных действий.

Интересно, что респонденты, отмечающие в рассматриваемом вопросе значимость усилий самого человека, готовы реализовать какой-либо проект ради общественного блага (46 %) или хотели бы сделать это, но не знают к кому обратиться (21 %). Респонденты, перекладывающие обязанность повышения уровня инициативности населения на местное сообщество или власть, согласны реализовать социально значимую инициативу на возмездной основе или в порядке принуждения, либо принципиально отказываются ее реализовывать, ссылаясь на тщетность усилий и отсутствие ощутимых результатов. Важно отметить, что при ответе на данный вопрос каждый пятый респондент выбрал вариант «не знаю». Такая же доля респондентов затруднились с ответом на вопрос об отсутствии сильной авто-

ритетной власти на местах. Здесь основная масса ответов разделилась между вариантами «не знаю» (21 %), «местная власть» (27 %) и «областная власть» (24 %). Значимость действий самого человека отметили лишь 3 % опрошенных. Позиция возложения респондентами ответственности за собственное восприятие и оценку деятельности местной власти на властные структуры различного уровня в определенной мере объясняется тем, что ряд должностей в администрациях муниципального образования и сельсоветов являются назначаемыми, а не выборными. В этом случае «отсутствие сильной авторитетной власти», с одной стороны, проблема самой местной власти, которая своей деятельностью не внушает доверия населению, а с другой – проблема кадровой политики руководства области. Затруднение с ответом на данный вопрос, в свою очередь, может свидетельствовать о неосведомленности респондентов о порядке и способах формирования состава местной администрации, проявляемом равнодушием и безразличии в отношении данного вопроса.

Значительная доля респондентов (29 %) также затрудняется с ответом на вопрос, в чьем ведении находится решение вопроса низкого уровня квалификации служащих в органах местного самоуправления. Это объясняется тем, что респонденты не обращались в соответствующие органы, и не имеют представления об уровне компетентности сотрудников. Отвечая на вопрос анкеты «Какое впечатление производят на Вас муниципальные служащие» 39 % респондентов отметили вариант «Затрудняюсь ответить». Также, вполне предсказуемо, что решение вопроса низкого уровня квалификации служащих респонденты апеллируют местной власти (38 %) и, что интересно, «самому человеку» (9 %). Таким образом, в представлении некоторых респондентов, сами служащие могут и должны проявлять активность в плане повышения собственного профессионального уровня.

В решение практически всех остальных проблем одну из ключевых ролей, по мнению респондентов, играет местная власть. На нее возлагают почти всю ответственность в вопросах обеспеченности дошкольными учреждениями, организации водоснабжения (водоотведения), а также состояния жилищно-коммунальной сферы (свыше 50 % всех ответов). На местную власть респонденты также возлагают решение вопроса организации социальной защиты населения (45 % всех ответов). Примечательно, что это одна из немногих задач, решение которой респонденты адресуют также местному сообществу (14 %). Таким образом, вероятно, проявляется стремление граждан к солидарности и взаимовыручке, потребность во взаимной поддержке в физическом, материальном и моральном плане.

Однако высказываемая позиция не всегда подтверждается конкретными действиями. О степени сплоченности сообщества можно судить по ответам на вопрос о повседневных отношениях жителей населенных пунктов. Большинство респондентов (55 %) отмечают «какое-то равнодушие»,

сконцентрированность людей на личных делах и проблемах; по мнению 17 % опрошенных в отношениях проявляется нетерпимость, возникают ссоры и конфликты. Противоположные по своему содержанию варианты «дружелюбные отношения» и «часто проявляется агрессивность, неприязнь» респонденты отмечали примерно с равной частотой (по 9 % опрошенных); каждый десятый затруднился с ответом. Полученные результаты говорят о низкой сплоченности населения, сопряженной с культом индивидуальных достижений, и не способствующей консолидации населения для борьбы за общие цели и интересы.

Рассмотрим следующий блок вопросов, ответственность за решение которых респонденты разделили между местной и областной властью (суммарно на оба варианта пришлось более 70 % всех ответов). Таковыми являются: организация электро- и теплоснабжения (в том числе снабжение населения топливом, газификация населенных пунктов), организация транспортного обслуживания и качество автомобильных дорог в населенном пункте, а также развитость социальной инфраструктуры. Такое «распределение обязанностей» можно объяснить тем, что решение этих проблем требует достаточно серьезных материальных вложений и невозможно без привлечения средств областного бюджета. Лишь в отношении развития социальной инфраструктуры респонденты также возлагают ответственность за его решение на местное сообщество (10 % всех ответов), что, вероятно, свидетельствует о развитии представления населения о значимости и возможностях малого бизнеса и частного предпринимательства. Решение двух последних вопросов: недостаточное качество медицинского обслуживания и отсутствие рабочих мест в населенном пункте, находятся, по мнению респондентов, в ведении властей всех уровней (суммарно на данные варианты пришлось 82–87 % всех ответов). Вероятно, эти проблемы рассматриваются как общероссийские, характерные для большинства регионов страны и требующие модернизации существующей социально-экономической системы России.

Таким образом, респонденты занимают субъектную позицию в отношении личных /семейных проблем, а также признают необходимость проявления индивидом социальной активности и инициативы в сфере местного самоуправления. Однако результаты исследования не позволяют говорить о наличии у респондентов стремления к обустройству жизненного пространства вокруг себя. Повседневные ожидания граждан продолжают быть традиционно связанными с действиями органов власти. Например, местная власть является, по мнению значительной части респондентов (58 %), эффективной и отражающей их интересы, но с оговоркой о необходимости более оперативного решения текущих вопросов.

Вместе с тем, уровень доверия населения, например, местным властям нельзя назвать высоким. По результатам опроса полностью или в основном

доверяют муниципальным, местным органам управления 41 % опрошенных, в то время как частичное или полное недоверие выразили 47 % респондентов. Остальные 12 % затруднились или отказались от ответа. Однако столь неоднозначное отношение респондентов к деятельности властей оказывается относительно благополучным в сравнении с оценкой уровня доверия профсоюзам и общественным организациям. Последним в той или иной степени доверяют лишь 23 % опрошенных, не очень или совсем не доверяют 50 %, примерно четверть опрошенных не смогли определиться с оценкой. Таким образом, общественные организации, на базе которых возможно создание и развитие механизмов общественного самоуправления, не пользуются доверием населения, а, значит, не являются для граждан страны эффективным рычагом влияния на власть. Действительно, по мнению респондентов повлиять на деятельность органов местного самоуправления возможно посредством участия в выборах (33 % всех ответов) и обращение к депутатам (13 %). Популярные механизмы самоуправленческой активности остаются практически невостребованными: вариант «через территориальное, общественное самоуправление» выбрали в 5 % случаев, «посредством проявления нормотворческой инициативы» – в 2 %.

Таким образом, ни отдельные люди, ни местное сообщество респондентами не рассматривается в качестве субъекта местного самоуправления и субъекта разрешения коллективных проблем в муниципальном образовании. Участники опроса склонны относить решение проблем жизнедеятельности на уровень власти, которая, в целом, отражает их интересы. В таком случае, удовлетворение государством критического объема потребностей населения в сочетании с недоверием последнего к различного рода общественным объединениям и общим низким уровнем социальной и гражданской активности, формирует невостребованность института местного самоуправления и стремление получения благ по раздаточному принципу.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – П. 40. – Ст. 3822.

2. Гурьева, Л. С. Социальная активность населения в развитии процесса самоуправления в современной России / Л. С. Гурьева, Ю. П. Бондаренко. – М.: МАИ-Принт, 2009.

3. Тощенко, Ж. Т. Развитие демократии и местного самоуправления в России / Ж. Т. Тощенко, Т. Г. Цыбиков // Социол. исслед. – 2003. – № 8. – С. 31–39.

УДК 316.422

УДК 316.7(082) + 37.0(82)

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-261-268

**САМОУПРАВЛЕНЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
И АДМИНИСТРАЦИИ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2017 ГОДУ:
ЗАДАЧИ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ
И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

**LOCAL GOVERNMENT PARTICIPATION AND ADMINISTRATION
OF RURAL DISTRICTS OF THE NOVOSIBIRSK REGION
IN THE YEAR 2017: CHALLENGES, TOOLS AND FIRST RESULTS
OF THE STUDY**

**Е. Б. Мостовая¹, О. В. Скворцова²,
Ю. А. Афанасьева³, А. С. Мельникова⁴
Elena B. Mostovaya, Oksana V. Skvortsova,
Yulia A. Afanasyeva, Anastasia S. Melnikova**

¹ *Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)*

² *Сибирский государственный университет водного транспорта
(Новосибирск, Россия)*

Siberian State University of Water Transport (Novosibirsk, Russia)

³ *АО «Делойт и Туш СНГ» (Новосибирск, Россия)*

JSC «Deloitte and Touche CIS» (Novosibirsk, Russia)

⁴ *Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный университет экономики и управления
(Новосибирск, Россия)*

*Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk state university of economics and management
(Novosibirsk, Russia)*

Аннотация. Проанализировано использование термина «самоуправление» в отечественных и зарубежных публикациях. Представлен авторский инструментарий и результаты пилотажного опроса администрации

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант РФФИ № 17-03-00444а) «Модернизация и новая индустриализация в регионе: социокультурный контекст». Руководитель проекта – профессор ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирский государственный университет, НГУ), д-р соц. н., профессор Е. Б. Мостовая.

и населения ряда сельских районов Новосибирской области (НСО) с использованием трёхступенчатой выборки. Предложена постановка актуальных вопросов и обоснование порядка организации выборочной совокупности, а также и рекомендации по корректировке инструментария дальнейших исследований.

Abstract. *The use of the term "self-government" in domestic and foreign publications is analyzed. The author's tools and the results of a pilot survey of the administration and the population of a number of rural areas of the Novosibirsk region (NSO) using a three-stage sample are presented. Proposed statement of issues and justification the organization of the sample population, and also recommendations on the adjustment of the tools for further research.*

Ключевые слова: *библиометрический анализ, местное самоуправление, самоуправленческая активность и пассивность, многоступенчатая выборка, межметодная триангуляция, кластерный анализ.*

Keywords: *bibliometric analysis, local self-government, self-management activity and passivity, multistage sampling, inter-method triangulation, cluster analysis.*

Библиометрический анализ отечественных публикаций за период с 1991–2017 (по данным библиографии Elibrary (elibrary.ru)) показал: термин «самоуправление» в названии или в любом другом поле записи использован в 289382 работах, а в 18783 он используется только в названии. Частота использования словосочетания «местное самоуправление» составляет 86 % от общего числа встречаемости термина «самоуправление», что, на наш взгляд, позволяет отождествить эти понятия – «самоуправление» и «местное самоуправление». Очень мало работ по проблемам самоуправления в *сельских* поселениях. Мала и доля *социологических* исследований в общем числе работ по проблемам самоуправления. Также в системе Elibrary практически отсутствуют труды, в которых отражается *комплексное* исследование факторов повышения активности граждан в решении вопросов местного значения [1].

Для оценки степени разработанности тематики местного самоуправления в зарубежной научной литературе проведен библиометрический анализ зарубежных источников. Наиболее употребляемый термин *local government*, означающий государственное управление на местах (в муниципальных округах, городах, селах и т. п.). Из 31445 зарегистрированных в электронной библиографии Econlit работ по выбранной нами тематике только 2009 имеет титул *local government* (табл. 1). Термин *local self-*

government, под которым понимается скорее личное участие граждан в проблемах места, в котором они живут, зарегистрирован в 135 работах, имеющих в каком-либо поле записи данный термин, и в 32 работах он зарегистрирован в названии статьи (табл. 2).

Показатели в таблицах 1 и 2:

$J = 1, 2, \dots, 15$ — индекс выделенного периода времени;

$NP(J)$ — число публикаций, учтенных в EconLit за период J ;

$BS(J)$ — число публикаций за период J , которые имели в каком-либо поле записи термин *bankruptcy* (в единственном и множественном числах);

$TBS(J)$ — темп роста $BS(J)$ к предыдущему году;

$BTI(J)$ — число публикаций за период J , которые имели в поле TI (заглавие) термин *bankruptcy*;

$TBTI(J)$ — темп роста $BTI(J)$ к предыдущему году;

$DBS(J) = BS(J) * 100 / NP(J)$,

$DBTI(J) = BTI(J) * 100 / NP(J)$ — относительные значения соответствующих показателей, выраженные в процентах к общему числу работ.

Таблица 1

Результаты библиометрического анализа публикаций в EconLit за 15 периодов с 1940—2017 гг., которые имели в каком-либо поле записи (BS) или в названии (BTI) термин *local government*

Table 1

The results of the bibliometric analysis of publications in EconLit for 15 periods from 1940-2017, which had in any field of record (BS) or in the name (BTI) the term *local government*

Границы периода		NP(J)	BS(J)	TBS(J)	BTI(J)	TBTI(J)	DBS(J)	DBTI(J)
1940	1947	6910	9	–	4	–	0,130	0,058
1948	1952	6288	5	0,56	3	0,75	0,080	0,048
1953	1957	8004	18	3,60	12	4,00	0,225	0,150
1958	1962	10526	27	1,50	18	1,50	0,257	0,171
1963	1967	12698	35	1,30	26	1,44	0,276	0,205
1973	1977	33228	567	1,38	69	1,47	1,706	0,208
1983	1987	78082	1136	1,79	115	1,64	1,455	0,147
1993	1997	126620	1723	1,30	189	0,92	1,361	0,149
2003	2007	257481	5627	1,72	292	1,37	2,185	0,113
2013	2017	251017	8099	0,95	311	0,73	3,226	0,124
Всего за 1940–2014 гг.		1508143	31421		1999		1,293	0,148

Из данных таблицы 1 следует, что до конца шестидесятых годов тематика местного самоуправления не была популярной темой среди ученых. Однако начиная с 1968 года можно наблюдать резкий рост числа публикаций, имеющих в каком-либо поле записи термин *local government* (темп роста в районе 12). В дальнейшем темп роста числа работ, выпущенных на

эту тему, оставался высоким, что говорит нам о стабильном интересе к данной теме. Наибольшее количество публикаций, имеющих в названии данный термин, приходится на период 2008–2012 гг. В период 2013–2017 гг. произошло небольшое снижение темпов публикационной активности, что вероятнее всего связано с недостатком информации о количестве публикаций. При этом отношение числа работ на тему local government (DBS) к общему числу работ было наиболее значительным как раз в период 2013–2017 гг., так что тематика до сих пор интересна авторам и понятие, видимо, активно изменяется и обновляется.

Таблица 2

Результаты библиометрического анализа публикаций в EconLit за 15 периодов с 1940–2017 гг., которые имели в каком-либо поле записи (BS) или в названии (BTI) термин local self-government

Table 2

The results of the bibliometric analysis of publications in EconLit for 15 periods from 1940-2017, which had in any field of record (BS) or in the name (BTI) the term local self-government

Границы периода		NP(J)	BS(J)	TBS(J)	BTI(J)	TBTI(J)	DBS(J)	DBTI(J)
1940	1947	6910	0		0		0,000	0,000
1948	1952	6288	1	–	1	–	0,016	0,016
1953	1957	8004	0	0,00	0	0,00	0,000	0,000
1958	1962	10526	0	–	0	–	0,000	0,000
1963	1967	12698	1	–	0	–	0,008	0,000
1973	1977	33228	0	0,00	0	–	0,000	0,000
1983	1987	78082	2	2,00	1	1,00	0,003	0,001
1993	1997	126620	13	6,50	5	–	0,010	0,004
2003	2007	257481	27	1,69	3	0,75	0,010	0,001
2013	2017	251017	37	1,09	7	0,78	0,015	0,003
Всего за 1940–2013 гг.		1508143	135		32		0,006	0,003

Как можно видеть в табл. 2 данная тема не так актуальна, как local government, но все-таки с 1993 года начинается более активный период рассмотрения местного самоуправления не только с позиции органов власти, но и с позиции самого населения.

Подытоживая вышеизложенное отметим, что библиометрический анализ фиксирует растущий интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей к проблематике местного самоуправления и обнаруживает недостаточную проработку вопросов, связанных с личным участием населения в постановке и решении практических задач на муниципальном уровне.

Мы полагаем, что движущей силой активизации участия населения в местном самоуправлении может быть:

- информированность населения о программах, проектах, отражающих социально-экономическую политику района;
- доступность руководства поселения для граждан, отсутствие преград для реализации обращений граждан в органы местного самоуправления;
- профессионализм местных служащих;
- качество и своевременность решения вопросов, отсутствие волокиты;
- освоение населением разнообразных способов и форм влияния на деятельность органов местного самоуправления, а также способов и форм непосредственного личного участия в самоуправлении [1, 2].

С целью проверки данной **гипотезы** мы провели в 2017 пилотажный опрос администрации и населения ряда сельских районов Новосибирской области (НСО) с использованием авторского инструментария, ориентированного на методики ИФ РАН, разработанные под руководством Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой для изучения социально-культурных аспектов модернизации российского социума [3].

В рамках данного исследования была использована *многоступенчатая выборка*. **На первом этапе** формирования выборочной совокупности было принято решение произвести *типологизацию и отбор муниципальных районов* области с последующим формированием выборки из взрослого населения этих районов. Примером типологического анализа социально-экономического положения сельских районов НСО послужила работа З. И. Калугиной, О. П. Фадеевой [4], где выделены *районы-лидеры, развитые районы, среднеразвитые районы, слаборазвитые районы, маргинальные районы*. Мы прибегли к межметодной триангуляции, предполагающей использование нескольких методик и различных по типу данных (пространственных и пространственно-временных), с целью повышения валидности результатов [5]. Был выполнен сравнительный анализ результатов *трех типологических методик* группировок муниципальных районов области [6]. **Второй этап** построения выборки предполагал расчет квот по полу и возрасту респондентов. Заметим, что в официальных статистических данных содержатся сведения о численности лиц всех возрастов, тогда как в рамках социологических исследований в выборку обычно включаются лица старше 18 лет. В связи с этим статистические данные были пересчитаны таким образом, что за 100 % была принята численность населения в возрасте 18 лет и старше.

Отбор организаций, фирм и предприятий осуществлялся методом доступного случая. Всего в выборку было включено 25 точек опроса: администрации муниципальных районов, школы (в том числе школы-интернаты), учреждения социального обслуживания населения, розничные торговые предприятия и предприятия общественного питания, частные предприятия, организации и фирмы.

На третьем этапе отбор респондентов осуществлялся комбинированным методом: действие вероятностных законов проявлялось в том, что ка-

ждый сотрудник организации мог с равной вероятностью участвовать в опросе. Вместе с тем, пребывание интервьюера на месте сбора данных было ограничено по времени и в данном ракурсе выборочная совокупность (150 ед.) формировалась по методу доступного случая с контролем половозрастных квот. Кроме того, для сопоставления данных пилотажного опроса жителей Новосибирской области был проведен пилотажный опрос населения Новокузнецкого района Кемеровской области. Объем выборки – 103 человека.

Достоверных данных об итогах апробации анкетного инструментария, подобного применённому в условиях НСО, исследовательской группе получить, к сожалению, не удалось. Поэтому сравнительный анализ инструментария не состоялся. Выводы о пригодности инструментария базируются в результате только на материалах пилотажной экспертизы, выполненной исследовательской группой в августе-сентябре 2017 года. Эти выводы мы попытались проверить, сопоставив данные по сельским районам НСО с данными пилотажного опроса населения и администрации одного района Кемеровской области – Новокузнецкого, где с помощью Н. А. Демчук удалось опросить 103 респондента в 15-ти поселениях. Данные опроса в Новокузнецком районе Кемеровской области отличаются от данных по НСО в целом, но во многом совпадают с данными опроса администрации Барабинского района НСО, близкого к Новокузнецкому району Кемеровской области по большинству социально-экономических характеристик. Результаты сравнения, тем самым, подтверждают пригодность применённого инструментария для выявления специфик самоуправленческой активности населения в разных муниципальных образованиях. Совпали, естественно, совсем не все оценки, но совпали уровни заполняемости анкет, а также, во многом, затруднения респондентов с ответом на некоторые поставленные вопросы.

В ходе пилотажа опрошены только *взрослые трудоспособные респонденты*. 67 % составляют лица в возрасте от 30 до 59 лет. Почти половина опрошенных – это лица самого продуктивного возраста – от 30 до 49 лет, их 48 %. Опрошенные – образованные люди: высшее образование имеют 50 %; ещё 2 % имеют послевузовское образование; 29 % – среднее специальное; полное общее среднее образование (школа, профтехучилище) имеют 13 % респондентов; остальные, их 4 % имеют неполное среднее, начальное и отсутствующее образование.

Главные сферы занятости опрошенных – государственное управление и правоохранительные органы (23 %), а также – образование, воспитание, сфера культуры (25 %) и здравоохранение (5 %). Удалось опросить граждан, занятых в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и охоте (7 %), в промышленности (5 %), в строительстве (4 %), в оптовой и розничной торговле (5 %), в сфере бытовых услуг (почта, ремонт, общепит, гостини-

ца) – 6 %, в сфере финансовых услуг (бухгалтер, экономист и т. п.) – 4 %, в сфере транспорта – 3 %. Опрошены также неработающие граждане – студенты, пенсионеры, домохозяйки, составляющие 7,5 % респондентов и некоторые безработные. Их оказалось 2,5 %.

Сельские поселения в пилотаже хорошо представлены: 38 % респондентов назвали населённые пункты, в которых они проживали на момент обследования, – селом или деревней, 49 % – посёлком (городского типа – 17 %, рабочим посёлком – 21 % и посёлком – 9 %). Только 13 % назвали поселение, в котором они проживают – городом, городским поселением. 60 % респондентов оказались уроженцами тех поселений, в которых проводился пилотажный опрос. Ещё 18 % переехали в места сегодняшнего проживания из городов и сёл НСО. Иными словами, нам удалось опросить главным образом местных уроженцев. 93 % опрошенных – русские. Самоуправленческие проявления лиц других национальностей в ходе пилотажа зафиксировать не удалось.

Главным итогом пилотажа является, однако, не вывод о пригодности в целом разработанного исследовательской группой инструментария и о направлениях его усовершенствования. Главные итоги – это выявление:

- *озабоченности* респондентов условиями их повседневной жизни;
- их *самоуправленческой пассивности* и *примирённости* со сложившимся положением;
- *противоречий* в понимании населением сути самоуправленческой деятельности на местном уровне;
- *распространённости отождествления* органов местного самоуправления с органами государственной власти;
- высокий уровень *удовлетворённости респондентов сегодняшней жизнью в целом*.

Остановиться на этих итогах подробнее не позволяет предложенный размер публикации. Обсуждения в первую очередь требует перечень направлений углубления проблематики дальнейших усилий исследовательской группы. Мы определили для себя следующие направления:

- анализ самоуправленческих характеристик населения и администрации, различающихся по сферам занятости;
- получения более полного представления о характере самоуправленческой активности населения НСО необходимо получить сведения о самоуправленческой активности администрации и населения городских муниципальных образований;
- получения более полного представления о характере самоуправленческой активности населения НСО необходимо получить сведения о самоуправленческой активности администрации и населения городских муниципальных образований;
- формы и характер их самоуправленческой активности отличаются от самоуправленческих проявлений приезжего населения.

Литература

1. Скворцова, О. В. Анализ публикационной активности отечественных исследователей по проблемам местного самоуправления / О. В. Скворцова // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: Материалы V Тюмен. междунар. социол. форума (Тюмень, 5–6 октября 2017 г.). – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2017. – С. 924–931.
2. Мостовая, Е. Б. Модернизация региональной экономики: социокультурный ракурс / Е. Б. Мостовая // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика». – 2015. – № 1.
3. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. – М., 2016.
4. Калугина, З. И. Новая парадигма сельского развития / З. И. Калугина, О. П. Фадеева // Мир России. – 2009. – № 2. – С. 24–49.
5. Кошарная, Г. Б. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования / Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 117–122.
6. Коломенская, А. С. Типологический анализ муниципальных районов Новосибирской области / А. С. Коломенская, В. В. Новоселов // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: Материалы V Тюмен. междунар. социол. форума (Тюмень, 5–6 окт. 2017 г.). – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2017. – С. 631.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЛОМОНОСОВСКОГО РАЙОНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

**SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF SOCIAL WELL-BEING
OF THE POPULATION OF THE LOMONOSOV DISTRICT,
LENINGRAD REGION**

**Т. К. Петрушенко, Т. Н. Федорова
Tatiana K. Petrushenko, Tatiana N. Fedorova**

*Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
St. Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)*

***Аннотация.** Изучение социального самочувствия представляет комплексную картину адаптации населения к трансформационным условиям и, как следствие, успешность реформирования общества. Основными детерминантами социального самочувствия по-прежнему выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов граждан, степень востребованности их жизненного потенциала, реальные политические и культурные процессы в обществе.*

***Abstract.** The study of social well-being represents a complex picture of the population's adaptation to transformational conditions and, as a consequence, the success of society's reform. The main determinants of social well-being are still social and economic practices, the level of incomes of citizens, the degree of demand for their life potential, real political and cultural processes in society.*

***Ключевые слова:** развитие, модернизация, социальная инфраструктура, муниципальные образования, социокультурное пространство, социальное самочувствие.*

***Keywords:** development, modernization, social infrastructure, municipal formations, socio-cultural space, social well-being.*

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (конкурс 2017 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», № 17-03-00862).

К проблемным моментам развития Ленинградской области можно отнести несоответствие как в количественном, так и в качественном вариантах трудовых ресурсов потребностям экономики области; дефицит территорий, имеющих инженерную инфраструктуру; значительное территориальное неравенство и неравномерность распределения инвестиционных ресурсов, экономического потенциала; проблемное состояние жилищно-коммунального хозяйства, медицины, сферы образования и т. д.

Все перечисленное относится и к Ломоносовскому району Ленинградской области. Решающую роль в оценке положения и развития территории муниципального образования играют ресурсный потенциал, структура производства, наличие социальной инфраструктуры и других параметров, определяющих уровень и качество жизни населения. Проблемы развития территории Ломоносовского района заключаются в высокой демографической нагрузке на экономически активное население, в спаде производства. Как следствие, фиксируется кризис в производственной инфраструктуре, не обрабатываются земли сельскохозяйственного назначения,

В связи с тем, что развернутое социологическое исследование запланировано нами на конец лета – начало осени 2018 г., в этой статье мы имеем возможность лишь очертить проблемы, касающиеся социокультурных аспектов социального самочувствия жителей района.

Под социальным самочувствием понимается «целостное эмоционально-когнитивное отношение к жизни, объективирующееся в виде оценок обстоятельств жизни, процессов, протекающих в близком социальном окружении, городе, регионе, стране. Показателями социального самочувствия являются субъективные самооценки частных сфер жизни (семейно-брачные, родственные, дружеские отношения), а также экономических, политических, культурных и социальных аспектов жизнедеятельности людей». [1, с. 72–3]. Социальное самочувствие и его элементы детерминируются множеством факторов (культурных, психологических, социально-экономических, политических и др.), но в первую очередь зависит от уровня жизни. Все эти изменения находят отражение в настроениях и ожиданиях людей, в оценках деятельности властных и административных институтов.

Если обратиться к анализу обращений, поступивших в районную администрацию за прошедший год, самыми болевыми оказались проблемы здравоохранения, ЖКХ, благоустройства. Количество таких обращений за последние годы увеличилось втрое и в 2017 году достигло 7 тысяч. В отчетном докладе за 2017 г. главы районной администрации А.О. Кондрашова прозвучало мнение, что «макроэкономические показатели» оказались для жителей района не самыми значимыми. Людей волнует то, что доля агропромышленного комплекса в общей продукции района занимает в на-

стоящий момент лишь 1 %, хотя традиционно Ломоносовский район был сельскохозяйственным, обеспечивал сельхозпродукцией Ленинград, славился своими растениеводческими и животноводческими хозяйствами, птицефабриками. Земли сельхозназначения используются на сегодня малоэффективно, несмотря на то, что господдержка агропромышленного комплекса района в 2017 году составила 130 млн рублей (из районного бюджета было выделено на это всего 3,7 млн). [2] Основная масса трудоспособного населения деревень и поселков вместо того, чтобы работать в сельском хозяйстве по месту жительства, ездит на работу в Санкт-Петербург.

Недостаток стимулирования внутреннего спроса на сельскохозяйственную продукцию, а также постоянно меняющиеся условия работы на рынке, диспаритет цен на товары и услуги можно отнести к внешним факторам, влияющим на диспропорции в развитии как отдельных муниципальных образований, так и района в целом.

Почти 10 лет назад, в 2009 г., Ломоносовский район выглядел не самым худшим среди прочих районов области, превосходящих его количеством и качеством структуры производства, уровнем развития инфраструктуры и прочих факторов, влияющих на уровень жизни населения, имея индекс этого уровня – 90 (четвертое место после благополучных в промышленном отношении Всеволожского (104), Выборгского (99) и Киришского районов (98)).

Районный бюджет Ломоносовского района превышает 3 млрд. рублей, но глава администрации в своем выступлении предложил «спуститься с небес на землю», сделав простейший расчет: если поделить эту сумму на число жителей (72 тысячи человек), получается, что на душу населения приходится по 40 тысяч рублей в год, то есть всего по 3,5 тысячи рублей в месяц. 80 % бюджета – это обязательные выплаты (зарплаты, социальная поддержка и т. д.). На развитие остаются мизерные 20 %, но если учесть текущие расходы на содержание школ и детских садов, ремонты зданий бюджетных учреждений и дорог районного значения, уборку несанкционированных свалок и многое другое – то и вовсе почти ничего. Поэтому вывод из доклада не был неожиданным: «Без поддержки области о движении вперед можно просто забыть» [1].

Анализ обращений граждан во время выездов микроавтобуса «Мобильной приемной главы районной администрации» в населенные пункты показал, что ЖКХ сегодня уже не главная проблемная тема: больше всего недовольства вызывает медицинское обслуживание. здравоохранение перешло в ведение Ленинградской области. Но вклад района в его организацию тоже значителен. Например, в девяти поселениях районными службами были сформированы участки под строительство фельдшерско-акушерских пунктов. Благодаря настойчивости коллектива районной администра-

ции в этом году строится ФАП в Глобичах, модульные ФАПы появятся в этом году в Пениках и Иннолово. Через год запланировано проектирование амбулатории в Лаголово. Но, если заглянуть в недалекое будущее, когда население Ломоносовского района увеличится в разы, потребуется новая районная больница. Об этом уже активно ведутся переговоры с губернатором области [1].

В вопросах, переадресованных впоследствии губернатору, хорошо заметны «болевы́е точки» района: проблемы вывоза и утилизации отходов, затянувшиеся вопросы газификации частного сектора населенных пунктов, многочисленные и длительные отключения электроэнергии и долгое ожидание в очереди на подключение мощностей для новых потребителей. В частности, в докладе А. О. Кондрашова было отмечено, что компания «Инженерно-энергетический комплекс» (ИЭК), пришедшая на смену управляющей компании ЛР ТЭК, находящейся в стадии банкротства, после передачи ей объектов районной инфраструктуры перешла в частную собственность, и теперь администрация района лишена возможности эффективно контролировать и воздействовать на эту компанию.

Одним из важнейших вопросов социально-экономического развития сельских поселений остается вопрос о нахождении путей решения проблем, связанных с обеспечением достойного уровня и качества жизни человека в деревне. Качество и уровень жизни большинства сельских жителей по-прежнему остается на ненадлежащем уровне. Слабое развитие новых рабочих мест, прекращение работы подсобных предприятий в аграрной сфере отрицательно влияют на занятость и доходную составляющую населения. Это выражается в том, что люди не могут найти работу, вынуждены совершать каждый день многочасовые переезды на работу в более крупные населенные пункты. Остаются нерешенными такие проблемы, как недостаточные финансовые базы муниципальных образований для обеспечения устойчивого социально-экономического развития; низкий уровень заработной платы [3, с. 49–51].

Взаимодействие населения с социальной средой всегда представляет собой адаптационный процесс к изменяющимся условиям жизнедеятельности, а социальное самочувствие людей служит индикатором реакции на социальные преобразования, на социально-экономическую ситуацию в стране и регионе и ведет к выработке жизненных стратегий. Социальное самочувствие не подвержено быстрым изменениям, даже если вокруг все меняется в лучшую сторону. Оно консервативно по отношению к окружающему социуму и претерпевает изменения только в том случае, если ожидаемые метаморфозы идут во «включенном режиме». Таковы природа и особенность этой категории. Люди ценят только такие изменения, которые происходят на их глазах в режиме реального времени и меняют их жизнь в лучшую сторону. Превалирование только экономических и техно-

логических мер над всеми прочими сферами жизни ведет к игнорированию ценностных аспектов жизни, а современные организационные и управленческие методы хозяйствования не оптимизируют социальное пространство, снова возвращают экономику к одномерности и ограниченности. В этом и заключается наша гипотеза.

Основными детерминантами социального самочувствия по-прежнему выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов граждан, степень востребованности их жизненного потенциала, их общественная активность, реальные политические и культурные процессы в обществе. Социологический анализ социального самочувствия населения малых городов и поселений (методы исследования здесь разнообразны: это использование непосредственно социологического инструментария – анкетные опросы, интервью, включенное наблюдение, работа с источниками информации, в том числе СМИ, контент-анализ, анализ научной литературы) дает возможность проследить следующие моменты: рост миграции трудоспособного населения в крупные промышленные центры, отток молодежи, численное преобладание жителей предпенсионного и пенсионного возрастов, невысокий уровень доходов, несмотря на наличие у многих семей личного подсобного хозяйства, высокий индекс социального неблагополучия и др. [4, 5, 6].

Социально-экономические проблемы проявляются в заметно большем снижении уровня благосостояния населения района по сравнению с городскими районами Санкт-Петербурга. Население негативно относится к деградации института быта, который препятствует удовлетворению витальных потребностей, и это одна из наиболее актуальных проблем. Согласно результатам проведенных социологических опросов, в среднем около 50 % населения выражает недовольство ухудшением условий жизни, низким уровнем доходов и отсутствием четких перспектив на будущее, но время болезненного усиления социального дискомфорта, характерного для конца 90-х гг., прошло. Осознание населением существующих проблем проявляется в низком уровне доверия к власти, преобладании негативной оценки населением области деятельности органов местного самоуправления. Вместе с тем, жители признают важность властных структур в улучшении своей жизни и возлагают на власть определенные надежды [7].

В настоящее время решать проблемы пространственного развития Санкт-Петербурга и его агломерации – Ленинградской области – предполагается с использованием нового подхода к управлению развитием территорий путем выделения территориально-экономических зон (ТЭЗ). В пределах ТЭЗ предполагается обеспечить сбалансированное соотношение мест приложения труда и мест проживания, добиться высокой транспортной доступности объектов, связанных с жизнедеятельностью человека и экономикой, точнее сбалансировать потребности и мощности инженер-

ной инфраструктуры, что позволит рационально решить двуединую задачу повышения качества жизни населения и повышения эффективности использования сельских и городских территорий. При исследовании социального самочувствия важно не упускать из виду сочетание традиционализма и экологических нужд с модернизацией жизни, принимать во внимание традиционность мест поселения, которая понимается как наличие историко-культурного потенциала, устоявшегося уклада жизни, традиций, общинных ценностей. Необходимо изучить наличие или отсутствие противоречий между культурным богатством области и уровнем приобщения населения к имеющимся культурным ресурсам. Изучение социального самочувствия позволит представить комплексную картину адаптации населения к трансформационным условиям и, как следствие, процессам реформирования общества.

Литература

1. Аргунова, В. Н. Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области / В. Н. Аргунова, Н. Б. Гафизова, И. Н. Кодина, Е. В. Панкратова // Вестн. Иванов. гос. ун-та. – Иваново, 2016.
2. Ломоносовский районный вестник. – 2018. – № 4.
3. Чекмарева, О. И. Проблемы экономического и социального неравенства муниципальных образований Ленинградской области / О. И. Чекмарева // Экономика и управление. – 2011. – № 6 (68).
4. Кодина, И. Н. Образ жизни населения малого города: Социальные практики и детерминанты: (На материалах Ивановской области): Дис. ... канд. социол. наук / И. Н. Кодина. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2012.
5. Хасбулатова, О. А. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России / О. А. Хасбулатова, Л. С. Егорова // Социол. исслед. – 2002. – № 11. – С. 48–54.
6. Аргунова, В. Н. Методика изучения социального самочувствия населения малого города / В. Н. Аргунова, И. Н. Кодина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». – 2013. – № 1 (29). – С. 7–11.
7. Балацкий, Е. В. Экономические детерминанты психологического состояния общества / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Мониторинг ВЦИОМ. – 2008. – № 2. – С. 18–2.

**МОДЕРНИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ
КАК РЕСУРС СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

**THE MODERNIZATION POTENTIAL OF THE RESIDENTS
OF PERM KRAI AS A RESOURCE
OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT**

**Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова
Elena B. Plotnikova, Yulia S. Markova**

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет (Пермь, Россия)
Perm State National Research University (Perm, Russia)*

***Аннотация.** Акторами модернизационных процессов территории наряду с властными структурами выступают жители, которые готовы поддержать и участвовать в модернизации региона. В предлагаемом материале по результатам проведенного социологического исследования выделена модернистски настроенная социальная группа, описаны ее основные качества, представлен анализ в динамике изменений характеристик. Установлено, что положительными тенденциями в развитии человеческого потенциала данной группы являются: рост удовлетворенности здоровьем, усиление ориентаций на самостоятельность, готовность работать в условиях нестабильной социальной среды, отстаивать свои права и свободы посредством акций протеста. Отрицательными тенденциями выступают: недостаточный уровень развития образования, снижение частоты посещения учреждений культуры, уменьшение числа участников общественных организаций. Сделан вывод о невысоком уровне развития ряда компонент модернистского потенциала жителей Пермского края, требующем разработки и реализации управленческих программ по его совершенствованию.*

***Abstract.** Actors of the modernization processes of the territory along with the power structures are residents who are ready to support and participate in the modernization of the region. In the proposed material, based on the results of the sociological survey, a modern-oriented social group is singled out, its main qualities are described, an analysis of the dynamics of changes in characteristics is presented. It is established that the positive trends in the development*

of the human potential of this group are: increased satisfaction with health, increased orientation toward independence, readiness to work in an unstable social environment and defend their rights and freedoms through protest actions. Negative trends are: insufficient level of education development, a decrease in the frequency of visits to cultural institutions, a reduction in the number of participants in public organizations. It is concluded that the level of development of some components of the modernization potential of residents in Perm Krai is low. This requires the development and implementation of management programs to improve the modernization potential of the population in the region.

Ключевые слова: *модернистский потенциал, модернистски ориентированная группа, социокультурное развитие, регион.*

Keywords: *modernization potential, modern-oriented group, sociocultural development, region.*

На современном этапе развития общества, важнейшим фактором конкурентоспособности региона становится человеческий потенциал – человек с его потенциалом становится стратегическим ресурсом развития территории [1, с. 65]. Проблема управления человеческим потенциалом на уровне региона заслуживает особого внимания [2]. Для развития территории в русле модернизационных процессов важно выделить среди жителей модернистски ориентированную группу населения. Поскольку выбор инструментов управления человеческим потенциалом в регионе зависит от его качественного состояния и наличия модернистского ядра жителей территории.

Отношение населения края к реализуемым модернизационным изменениям в различных сферах общества зависит не только от готовности участвовать в создании нового, но и от зрелости структурных компонент человеческого потенциала. Поэтому количественный и качественный состав группы модернистов влияет на успешную реализацию процессов модернизации в территории.

В работе использован компаративный анализ данных исследований «Социокультурный портрет региона» 2006, 2012 и 2017 гг. Методологической основой которых стала «Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона» [3]. Данные исследования были проведены Пермским центром социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ. Объём выборочной совокупности каждого составил 1000 наблюдений.

Согласно исследованию человеческого потенциала российских модернистов Н. Е. Тихоновой [4], свидетельством отнесения жителей страны к модернистски ориентированной группе являются: ярко выраженный соци-

альный динамизм (убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, позитивное восприятие перемен и т. д.), последовательная ориентация на собственные силы, нонконформизм. В соответствии с этим критерием выделение модернистски ориентированной группы среди жителей Пермского края было произведено на основе высокой ориентации на ценности «инициативность» и «открытость новому»¹.

По результатам анализа, на 2017 г. доля модернистски ориентированной группы составила треть населения Пермского края (33 %). При этом наблюдается тенденция неуклонного снижения численности «модернистов» в течение последнего десятилетия: так, к 2017 г. их число сократилось на 4 %, по сравнению с 2006 г. (37 %).

Социально-демографический портрет данной группы схож с характеристиками жителей края в целом. Отличает его относительно большая представленность молодежи в возрасте 18–29 лет (31 %).

Охарактеризуем особенности и динамику изменения основных компонент человеческого потенциала модернистски ориентированной группы (рис. 1).

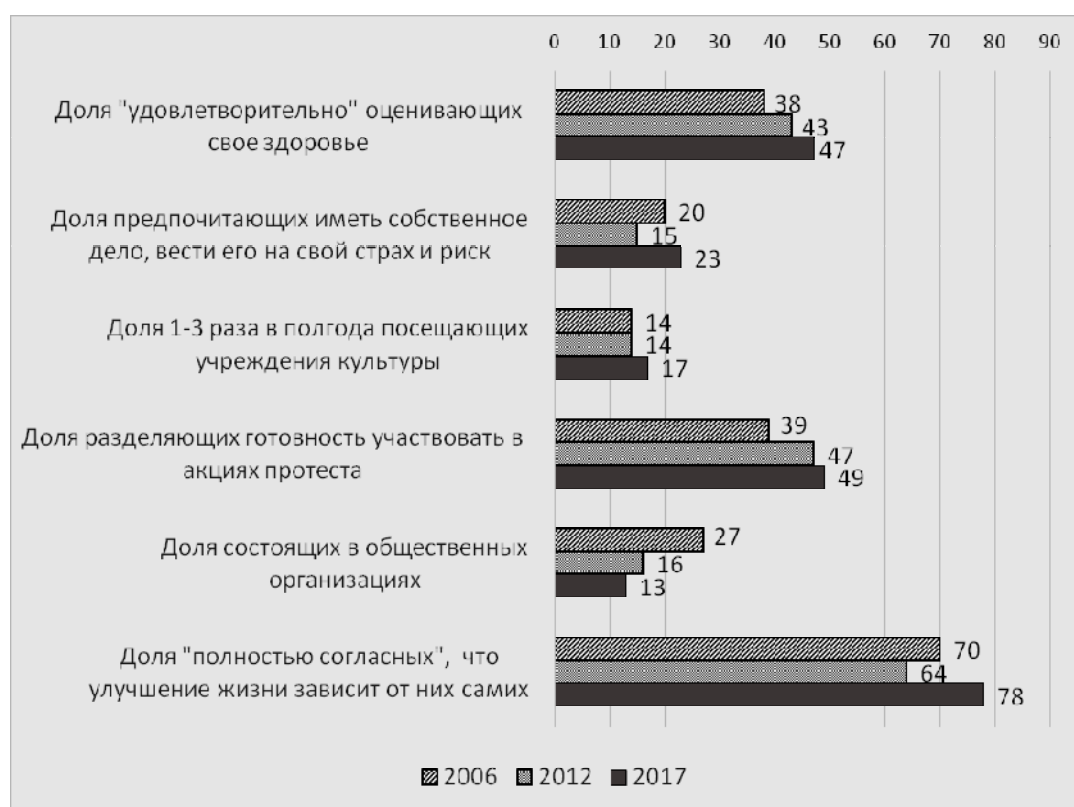

Рис. 1. Динамика изменения характеристик человеческого потенциала модернистски ориентированных жителей Пермского края (%)

Fig. 1. Dynamics of changes in the characteristics of the human potential of modern-oriented residents of Perm Krai (%)

¹ Группа людей, присвоивших высокие оценки (10 и 11 по 11-балльной шкале) суждению «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве».

Анализ самооценок здоровья как физического и социально-психологического ресурса показал, что среди «модернистов» оценивают его на «удовлетворительном» уровне менее половины опрошенных (47 %), это лишь немногим больше, по сравнению с населением в целом (44 %). Остальные представители модернистски ориентированной группы испытывают проблемы со здоровьем разной степени сложности, в т. ч. треть (32 %) болеют «временами», около десятой части (13 %) имеют хронические заболевания. Подобные показатели здоровья увеличивают риски и снижают модернизационный потенциал жителей. Однако стоит отметить определенную положительную динамику в самооценках здоровья «модернистами»: доля «удовлетворительно» оценивающих здоровье выросла среди них к 2017 г., по сравнению с 2006 г., на 8 %.

Образовательный потенциал модернистски ориентированной группы в Пермском крае развит на недостаточном уровне. В частности, высшее и послевузовское образование имеют лишь немногим более четверти опрошенных (28 %). Преобладающим является среднее специальное образование (44 %).

Профессионально-трудовой статус «модернистов» в целом не отличается от соответствующего статуса основной массы населения. Но можно отметить наличие некоторых различий в установках на предпочитаемый тип работы. Среди «модернистов» несколько выше доля тех, кто предпочел бы работу, требующую высокой готовности к риску, самостоятельности, обеспечивающую высоким уровнем дохода, пусть и в условиях нестабильной среды. Так, «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» готовы 23 % модернистски ориентированных жителей и 17 % – среди населения в целом. В то же время альтернативную установку «иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» разделяют среди «модернистов» 36 %, а среди всего населения – 41 %. Другими словами, в модернистски ориентированной группе больше тех, кто готов работать в условиях рыночной конкуренции и предпринимательства, а также – более мобилен в случае необходимости поменять место работы. Причем отмечается, хотя и небольшая, но определенная динамика роста ориентаций на рыночный тип карьеры в 2017 г., по сравнению с 2006 г. (на 3 %).

Культурная компонента человеческого потенциала, представленная потребностью в обращении к миру материальных и духовных ценностей посредством посещения различных учреждений культуры (театров, музеев, клубов по интересам, кинотеатров и др.), находит в целом одинаковое выражение у «модернистов» и всего населения. Большинство редко (1 раз в год и реже) посещают учреждения культуры: таковых 72 % в модернистски ориентированной группе и 75 % – среди всех жителей. Наблюдается тенденция к снижению частоты посещения учреждений культуры. Так, за

период с 2006 по 2017 гг., доля «модернистов», часто (не менее 1 раза в неделю) посещающих культурные учреждения, сократилась в 3 раза (с 6 до 2 % соответственно), 1–3 раза в месяц – на 2 % (с 11 до 9 %). Лишь незначительно увеличилось число тех, кто посещает учреждения культуры 1–3 раза в полгода – на 3 % (с 14 до 17 %). Наиболее часто посещаемыми «модернистами» учреждениями выступают: кинотеатры – 54 %, стадионы – 34 %, театры – 29 % и музеи – 24 %. Наименее часто посещаемы цирк, библиотека, клуб по интересам и дискотека. По этому показателю «модернисты» превосходят основное население. Интенсивность обращений в учреждения культуры иллюстрирует более высокий уровень освоения норм и ценностей общества.

Анализ гражданской компоненты показывает, что «модернистов» отличает от остальной части населения более высокий уровень протестного потенциала. По данным на 2017 г., доля модернистски ориентированных жителей, «готовых» и «пожалуй, готовых» принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, против необоснованных действий властей, в защиту прав и свобод человека и т. п.) составила почти половину (49 %), что на 11 % выше соответствующего показателя для населения в целом. К тому же потенциал протестной активности «модернистов» имеет устойчивую тенденцию к росту: с 2006 г. по 2017 г. показатель вырос на 10 %. В то время как среди населения в целом фиксируется другая тенденция: уровень протестного потенциала остается на фактически неизменном уровне в течение анализируемых лет (в 2006 г. доля «готовых» и «пожалуй, готовых» принять участие в акциях протеста составила 39 %, в 2012 г. – поднялась до 42 %, в 2017 г. – вновь опустилась до 39 %).

Иные тенденции наблюдаются по отношению участия населения в различного рода общественных организациях (профсоюзах, политических партиях и др.) как еще одной составляющей гражданской компоненты. Причем модернистски ориентированная группа практически не отличается по данному показателю от остальных жителей края. На протяжении исследуемых лет наличествует тенденция к снижению числа участников общественных организаций: как среди «модернистов», так и среди всего населения их доля сократилась к 2017 г. в 2 раза, составив 13 % и 12 % соответственно. Наиболее распространенной организацией, в которой принимают участие жители края, является профсоюз (состоят в нем 10 % «модернистов», столько же – среди респондентов в целом). Однако вовлеченность в данную организацию также стремительно снижается и отражает общие тенденции отказа от участия в общественных организациях как способ решения личных и коллективных проблем.

Дополняя представление о ценностных ориентациях, составляющих духовно-нравственную компоненту, отмечены более высокие установки «модернистов», наряду с инициативностью и открытостью новизне, на са-

мость самостоятельность как модернизационную ценность. В частности, большинство представителей модернистски ориентированной группы (78 %) полагают, что улучшение их жизни полностью зависит от них самих. Данный показатель на 10 % превышает значение соответствующего показателя среди населения в целом (68 %). Наблюдается тенденция к росту доли «модернистов», разделяющих установки на самостоятельность: так, по сравнению с 2006 г., их число увеличилось на 8 %.

Ценностные ориентации на инициативность, творчество, новизну и самостоятельность во многом обуславливают более высокий уровень инновационной активности «модернистов». За последний к моменту опроса год участвовали в создании инноваций (новой фирмы, продукта, технологии или услуги) 15 % представителей данной группы, что на 4 % выше доли участников инноваций среди населения в целом. Однако за период с 2006 по 2017 гг. вовлеченность «модернистов» в инновации снизилась практически в 2 раза. Это может быть объяснено слабым уровнем развития ряда компонент их человеческого потенциала, что обуславливает необходимость осуществления управленческих воздействий по наращиванию ресурсов той группы населения, которая проявляет готовность к инициативе и созданию нового.

Модернизация является управляемым процессом, в центре которого стоит человек. Предпринимаемые государством модернизационные преобразования должны быть направлены на повышение качества жизни населения страны. Описанное модернизационное ядро человеческого потенциала края предоставляет знание властным структурам о направлениях и механизмах управления человеческим ресурсом в русле модернизационных процессов.

Говоря о формировании модернистского потенциала населения, соответствующего современным требованиям модернизационного развития, следует обратить внимание, во-первых, на изменение среды, обеспечивающей развитие и реализацию качественных характеристик человеческого потенциала. Необходимо создать условия для удовлетворения потребностей человека в образовании, культурном потреблении, проявлении инициативы, возможности участия в инновационной деятельности. Во-вторых, воздействовать на расширение модернистски ориентированной группы населения. Для этого следует транслировать в обществе модернистские ценности через социальные институты общества (образования, культуры, семьи).

Конкурентоспособность территории связана не только с проводимыми на региональном и национальном уровнях реформами, но и со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Именно от того, насколько путь, по которому пойдет развитие модернизационных процессов, будет соответствовать ожиданиям и запросам населения, во многом зависят перспективы развития региона.

Литература

1. Миролобова, Т. В. Региональная модель человеческого потенциала / Т. В. Миролобова, Е. В. Чучулина // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Экономика». – 2011. – Вып. 3(10). – С. 65–73.
2. Лапин, Н. И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства / Н. И. Лапин // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика». – 2015. – № 3. – С. 14–19.
3. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беяева. – М.: МФРАН, 2010.
4. Тихонова, Н. Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России / Н. Е. Тихонова // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 135–146.

**РАЗВИТИЕ МОНОГОРОДОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

**THE DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS
IN THE NEW SOCIO-ECONOMIC REALITY**

**В. С. Юрина
Vladlena S. Yurina**

*Поволжский государственный университет сервиса
(Тольятти, Россия)*

Of the Volga state University of service (Togliatti, Russia)

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы развития моногородов, приводятся данные об их состоянии на сегодняшний день, ограничения и новые возможности для развития в условиях социально-экономической реальности на примере г. Тольятти Самарской области.

Abstract. The article deals with the current problems of the development of single-industry towns, provides data on their condition to date, restrictions and new opportunities for development in the conditions of socio-economic reality on the example of Togliatti, Samara region.

Ключевые слова: моногород, возможности, ограничения, особая экономическая зона, территория опережающего социально-экономического развития, государственная поддержка, устойчивое развитие.

Keywords: single-industry town, opportunities, restrictions, special economic zone, territory of advanced socio-economic development, state support, sustainable development.

Главными проблемой и отличием моногородов от городских поселений является сильная зависимость социально-экономической ситуации в городе от деятельности одного или нескольких предприятий, производящих однородную продукцию [8].

В данной статье исследуются условия и современные тенденции социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования – г. о. Тольятти, Самарской обл.

В результате исследования выявим основные барьеры, препятствующие получению положительного эффекта от использования инструментов государственной поддержки моногорода. Определим возможные направления, которые снимут ограничения в комплексном социально-экономическом развитии г. о. Тольятти

Все страны, которые переживали индустриальное развитие, в том числе страны Евросоюза и США, имеют как наследие проблему с монообразованностями. В России на 1 января 2018 всего 21945 муниципальных образований (в Самарской обл. – 342), 319 имеют статус «моногород». Жизнедеятельность населения проживающих на подобного рода территориях зависит от экономической эффективности одного или группы смежных предприятий. На сегодня некогда передовые градообразующие предприятия страны находятся в упадке. Что в полной мере актуально для самого крупного по численности населения моногорода России – г. о. Тольятти Самарской области (710, 5 тыс. чел.) [2].

ПАО «АвтоВаз», основанное в 1966 г. – крупнейший производитель легковых автомобилей в России (доля ПАО «АвтоВаз» на рынке легковых автомобилей России в 2017 г. составила 20,5 %) [3].

Городской округ Тольятти включен в перечень моногородов, является крупным центром автомобильной (ПАО «АвтоВаз», АО «GM-АвтоВаз») и химической промышленности (ПАО «ТольяттиАзот», ПАО «КуйбышевАзот», ООО «ТольяттиКаучук»), играющим существенную роль в экономике, как региона, так и страны в целом.

При мониторинге экономического и социального положения г. о. Тольятти был проведен анализ соответствующих показателей, доступных на официальном сайте Администрации городского округа Тольятти [2] и в «Комплексном инвестиционном плане модернизации г. о. Тольятти Самарской области на 2010–2020 гг.» [6].

С начала 2017 года в промышленном комплексе г.о. Тольятти отмечается положительная динамика развития. Объем отгруженной промышленной продукции увеличился на 8,7 % в сравнении с январем-июнем 2016 года в действующих ценах и составил 210,2 млрд руб., в том числе обрабатывающих производств – 194,1 млрд руб. (на 9,0 % больше января-июня 2016 года), в обеспечении электрической энергией, газом и паром; кондиционировании воздуха – 12,0 млрд руб. (на 1,3 % выше уровня января-июня 2016 года); в водоснабжении, водоотведении, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 4,1 млрд руб. (на 20,5 % выше уровня января-июня 2016 года). Доля обрабатывающих производств в общем объеме отгруженной промышленной продукции составила 92,3 %.

Доля автомобильной отрасли в общем объеме отгруженных товаров составила 60,5 %, доля химического производства – 24,7 %, доля водо-

снабжения, водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 2,0 %. Удельный вес остальных производств в отгрузке промышленной продукции составил 7,1 %.

Основное влияние на изменение динамики показателей промышленного производства в городском округе по-прежнему оказывает деятельность градообразующего предприятия - ПАО «АВТОВАЗ».

В январе-июне 2017 года в г.о. Тольятти произведено 160,0 тыс. легковых автомобилей (на 8,4 % больше, чем в январе-июне 2016 года).

Химическая отрасль является одной из лидирующих отраслей промышленности городского округа. В январе-июне 2017 года в условиях существенного падения на мировых рынках цен на экспортно ориентированную химическую продукцию объем отгруженной продукции химических предприятий города уменьшился на 1,3 % к январю-июню 2016 года.

Финансовая сфера городского округа по итогам 1 полугодия 2017 года характеризуется переходом сальдированного финансового результата деятельности организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства (далее по разделу – предприятия) из отрицательной зоны в размере (-3737,9 млн руб.) в соответствующем периоде прошлого года, в положительную – в размере 5 887,1 млн руб. Основным фактором, оказавшим влияние на смену тренда, явилось сокращение в 2 раза убытка до налогообложения (по РСБУ) (далее – убыток) градообразующего предприятия ПАО «АВТОВАЗ» (с 15 176 млн руб. до 7 283 млн руб.).

Что касается анализа показателей социального развития г.о. Тольятти следует отметить, что среднесписочная численность работающих на крупных и средних предприятиях г.о. Тольятти в 2017 году относительно показателя 2016 г. уменьшилась на 4,7 % и составила 160,7 тыс. чел. При этом на крупных и средних предприятиях выбыло 19,2 тыс. чел. по различным причинам увольнения. Из общего числа выбывших работников 1,0 тыс. чел. уволено в связи с сокращением штатов. Принято 14,6 тыс. чел., из них на дополнительно введенные рабочие места 0,8 тыс. чел. На конец июня 2017 года уровень безработицы относительно показателя прошлого года снизился на 0,5 п. п. и составил 1,6 %. Численность безработных граждан на 01.07.2017 г. составила 6645 чел., что на 27,7% меньше показателя на 01.07.2016 г. Из числа обратившихся граждан было трудоустроено 4,6 тыс. чел., что на 6,9 % меньше чем в 2016 г.

Среднемесячная начисленная заработная плата работников крупных и средних предприятий городского округа Тольятти по итогам 1 полугодия 2017 года увеличилась по сравнению с аналогичным показателем 2016 года на 10,3 % и составила 31802,9 руб. Реальная заработная плата за январь-июнь 2017 года относительно аналогичного периода 2016 года выросла на 5,8 % [2].

Проблемы г.о. Тольятти находятся на особом контроле всех уровней власти. Сегодня на территории моногорода уже функционируют особая

экономическая зона (ОЭЗ) «Тольятти», территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), технопарк «Жигулевская долина», индустриальные парки «ТольяттиСинтез», «АвтоВаз», «ВЦМ» и АО «КуйбышевАзот». В рамках соглашения о сотрудничестве по развитию г. о. Тольятти между правительством Самарской области и НКО «Фонд развития моногородов» предполагается финансирование около 50 проектов, среди которых сельскохозяйственные и промышленные предприятия, индустриальные парки. Среди наиболее масштабных – проект индустриального парка «Жигулевская долина-2» [5].

Также новые возможности в развитии моногорода связывают с появлением территорий опережающего развития (ТОР). Главной целью создания ТОР является развитие на монопрофильной территории бизнеса, не связанного с градообразующим предприятием. ТОР создается на 10 лет с возможностью продления еще на 5 лет. Для резидентов ТОР организуются льготные условия ведения бизнеса: нулевой налог на прибыль в федеральный и 5 % в региональный бюджеты в первые пять лет, полное или частичное освобождение от налога на имущество и на землю, а также минимизация страховых выплат (7,6 % против 30 %), облегченный порядок проведения государственного и муниципального контроля [7].

По итогам заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 ноября 2016 года утвержден паспорт государственной программы «Комплексное развитие моногородов». Ключевая цель программы – это снижение зависимости монопрофильных муниципальных образований от деятельности градообразующих предприятий путем создания к концу 2018 года 230 тыс. новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий, и, как следствие, снижение количества моногородов на 18 единиц. Улучшение качества городской среды в моногородах планируется достичь посредством реализации до конца 2018 года во всех моногородах России мероприятий «Пять шагов благоустройства». Срок реализации программы: с ноября 2016 года по декабрь 2025 года.

Снятие существующих ограничений в комплексном социально-экономическом развитии г.о. Тольятти представляется возможным по нескольким направлениям:

- успешное функционирование территории опережающего развития;
- создание инжинирингового центра;
- формирование новой образовательной системы (университет 3.0.);
- повышение качества городской среды.

Отдельным направлением масштабного преобразования Тольятти является развитие городской среды. В городе началась активная фаза реализации части большого проекта «Четвертое рождение Тольятти» – концепции «5 шагов благоустройства повседневности» [4].

В результате были выбраны пять масштабных и значимых для города проектов, представляющих все районы Тольятти, реализация которых намечена на 2017–2018 гг.:

- преобразование территории между улицей Революционной и парком Победы в парк имени 50-летия АвтоВАЗа. На благоустройство ландшафта и территории парка выделено 180 млн руб.;
- строительство в каждом избирательном округе 17 универсальных спортивных площадок. Бюджет строительства каждой площадки составляет около 5 млн руб.;
- обустройство рекреационных лесных зон;
- ремонт фасада ДК «Русич» в микрорайоне Шлюзовой. Проект планируется создать на средства области: выделено на его реконструкцию 50 млн руб.;
- реконструкция бывшего кинотеатра «Пирамида» в театр – филиал МАУИ «Драматический театр «Колесо» им. народного артиста Российской Федерации Г. Б. Дроздова.

В результате структурно-динамического анализа основных показателей социально-экономического развития г. о. Тольятти были выявлены следующие тенденции:

1. Сохранение высокой зависимости состояния социальной сферы г. о. Тольятти от деятельности градообразующего предприятия.
2. Ограниченные возможности экономики города в обеспечении занятости населения: вновь созданные постоянные рабочие места пока не способны обеспечить работой всех незанятых граждан.
3. Низкая заинтересованность в трудоустройстве на территории г. о. Тольятти, отток квалифицированных кадров в условиях установления показателя среднемесячной заработной платы на уровне ниже, чем по Самарской области.

Инструментами государственной поддержки г.о. Тольятти для его устойчивого развития будут выступать как традиционные инструменты – субсидии инвесторам и льготное налогообложение, так и новые – «Фонд развития моногородов», режим «ТОСЭР», проектное управление на основе государственной программы «Комплексное развитие моногородов», что имеет реальное практическое значение [8].

Литература

1. О мониторинге социально-экономического развития положения моногородов [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/orders/selection/405/22920/>
2. Сайт администрации г. о. Тольятти [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tgl.ru/>

3. Официальный сайт LADA [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lada.ru/press-releases/111663.html>
4. Пять шагов, которые изменят город. Тольяттинцы включаются в программу благоустройства повседневности [Электронный ресурс]. – URL: <http://моногорода.рф/news/16>
5. Некоммерческая организация «Фонд развития моногородов» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.frmrus.ru/>
6. Комплексный инвестиционный план модернизации городского округа Тольятти Самарской области на 2010–2020 годы [Электронный ресурс]. – URL: file:///D:/Моногород/КИПы/kip_ppso_423.pdf
7. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Постановление Правительства от 22.06.2015 г. № 614 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/71107924/>
8. Юрина, В. С. Актуальные проблемы и перспективы социально-экономического развития и модернизации Приволжского федерального округа / В. С. Юрина // Динамика социальной трансформации российского общества: Региональные аспекты: Материалы V Тюмен. междунар. социол. форума. – 2017. – С. 958–960.
9. Юрина, В. С. Методика обеспечения устойчивости развития региональных социо-эколого-экономических систем / В. С. Юрина, Е. О. Вахтерова, А. Р. Хайруллова // Инновационные научные исследования: Теория, методология, практика: Сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф: В 2 ч. – 2017. – С. 21–25.

«Круглый стол»

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ
РЕГИОНОВ И МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ**

УДК 379.8

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-288-292

**ЖЕНЩИНЫ, РАБОТНИЦЫ ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, – ОРГАНИЗАТОРЫ
НОВАТОРСТВА В СФЕРЕ ДОСУГА**

**WOMEN, WORKERS OF ORGANS
LOCAL SELF-GOVERNMENT, – ORGANIZERS
OF INNOVATION IN THE SPHERE OF LEISURE**

**А. А. Винокуров
Alexey A. Vinokurov**

*Средняя школа № 26 им. А. С. Пушкина города Смоленска
(Смоленск, Россия)
Secondary School № 26 named Pushkin, Smolensk
(Smolensk, Russia)*

***Аннотация.** Работа выполнена на материалах грантового исследования РГНФ «Социокультурный портрет Смоленской области: кросс-культурные взаимодействия в зоне российско-белорусского приграничья» (проект №15-03-00443). Показано, что носителями новаторства в сфере социально-культурной деятельности могут выступать женщины – работницы органов местного самоуправления, участники педагогического эксперимента по формированию культуры здоровьесбережения. Отмечена готовность среды муниципальных образований к нововведениям в сфере социально-культурной деятельности.*

***Abstract.** The work was carried out on the materials of the grant study of the Russian National Public Organization "Sociocultural portrait of the Smolensk region: cross-cultural interactions in the zone of the Russian-Belarusian borderland" (project No. 15-03-00443). It is shown that women – workers of local self-government bodies, participants of the pedagogical*

experiment on the formation of a culture of health saving - can be the bearers of innovation in the sphere of social and cultural activity. The willingness of the environment of municipalities to innovate in the sphere of socio-cultural activities was noted.

Ключевые слова: *Смоленская область, социокультурный портрет региона, муниципальная инновационная система, социально-культурная активность работниц органов местного самоуправления; женщины – носители новаторства; жизненные миры; синтез как источник формирующий и поддерживающий изменения социально-культурной среды приграничья; территориальная структура хозяйства; социально-культурная деятельность; качество жизни.*

Keywords: *Smolensk region, socio-cultural portrait of the region, municipal innovation system, socio-cultural activity of female workers of local government; women – carriers of innovation; life worlds; synthesis as a source that forms and supports changes in the socio-cultural environment of the borderland; territorial structure of the economy; socio-cultural activities; the quality of life.*

Проблема, рассматриваемая в статье. Муниципальные образования (МО) представляют собой мало разработанную проблему социологии регионов – жизненные миры людей первичных территорий регионов России [1, с. 33]. Актуальной представляется проблема социально-культурной активности работниц органов местного самоуправления по выработке новых идей жизнеобеспечения поселения, модернизации территориальной структуры хозяйства, формирования культуры досуга и здорового образа жизни населения. Здесь важно заметить, что социально-культурная активность ориентирована не только на преобразование объективных социальных условий, но и на формирование социальных потенциалов личности [2, с. 7].

Базовая гипотеза. В условиях самоорганизованных занятий женщин упражнениями физической рекреацией, где наряду с решением задач восстановления и коррекции дезадаптивных донозологических состояний, происходит формирование способности личности работниц творчески изменять своё окружение, создавать такие элементы муниципальной инновационной системы как: субъекты и объекты инновационной деятельности; ресурсы инновационной деятельности и инновационные процессы [3, с. 82–88].

Методы исследования. Инструментарий социокультурного портрета региона; педагогический эксперимент, в котором принимали участие 53 работницы органов местного самоуправления Смоленской области. Все испытуемые являлись студентами заочной формы обучения или слушате-

лями курсов повышения квалификации Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Результаты исследования, их новизна. Установлено, что использование в течение 9 месяцев (36 недель) комплексов физических упражнений в недельном цикле занятий способствовало восстановлению и коррекции показателей умственной работоспособности работниц в течение рабочего дня, проявляющихся в увеличении количества выполненных тестовых заданий; снижении величин систолического артериального давления крови и пульса; изменении архитектоники интермодальных взаимосвязей показателей функциональных систем организма, что в целом, свидетельствует об оптимизации адаптивных состояний работниц, повышении уровня их физического состояния.

Кроме этого, возросла социальная активность женщин. Опрос показал, что большинство участников эксперимента стали проявлять себя в разных направлениях социально-культурной деятельности: организации взаимодействия с областным Центром здоровья по формированию и пропаганде здорового образа жизни населения; проведении спортивных и подвижных игр для своих и соседских детей на улице; оказании помощи клубным работникам в организации досуга пожилых и одиноких жителей села; организации и проведении избирательных кампаний выборов разных уровней; организации деятельности добровольных пожарных дружин поселения; организации деятельности фрилансеров (самозанятых) по предоставлению услуг населению. По предложению работниц в филиале был открыт научно-методический и консалтинговый Центр, в Интернете создан сайт этого Центра, организована ассоциация выпускников филиала с целью обмена опытом работы, оказания помощи в нормотворчестве, разработке и принятии управленческих решений на местах. Женщины стали участвовать в конкурсе на зачисление в резерв кадров на главные должности региональной муниципальной и государственной службы.

В исследовании, также, была выявлена готовность социально-культурной среды поселений приграничных с Беларусью районов к новым формам совместного проведения праздников и фестивалей. Она проявилась в участии населения приграничных районов с обеих сторон в проведении «крестного хода «Наш общий путь – Одигитрия»; ежегодного фестиваля-конкурса молодых исполнителей эстрадной песни «Две сестры – Беларусь и Россия», фестивалей исторической реконструкции славянской культуры на территории Гнёздовского археологического комплекса Смоленской области и др. Социально-культурная среда приграничья постепенно стала оформляться в особую «культуру-посредник», обеспечивая синтез как содержательный сдвиг элементов социально-культурной среды поселений российско-белорусского приграничья к единению.

Инновации в сфере социально-культурной деятельности могут стать основой формирования муниципальных инновационных систем поселений, в которых работают участники эксперимента, а в последствии, на их основе сформируется региональная инновационная система (рис. 1).

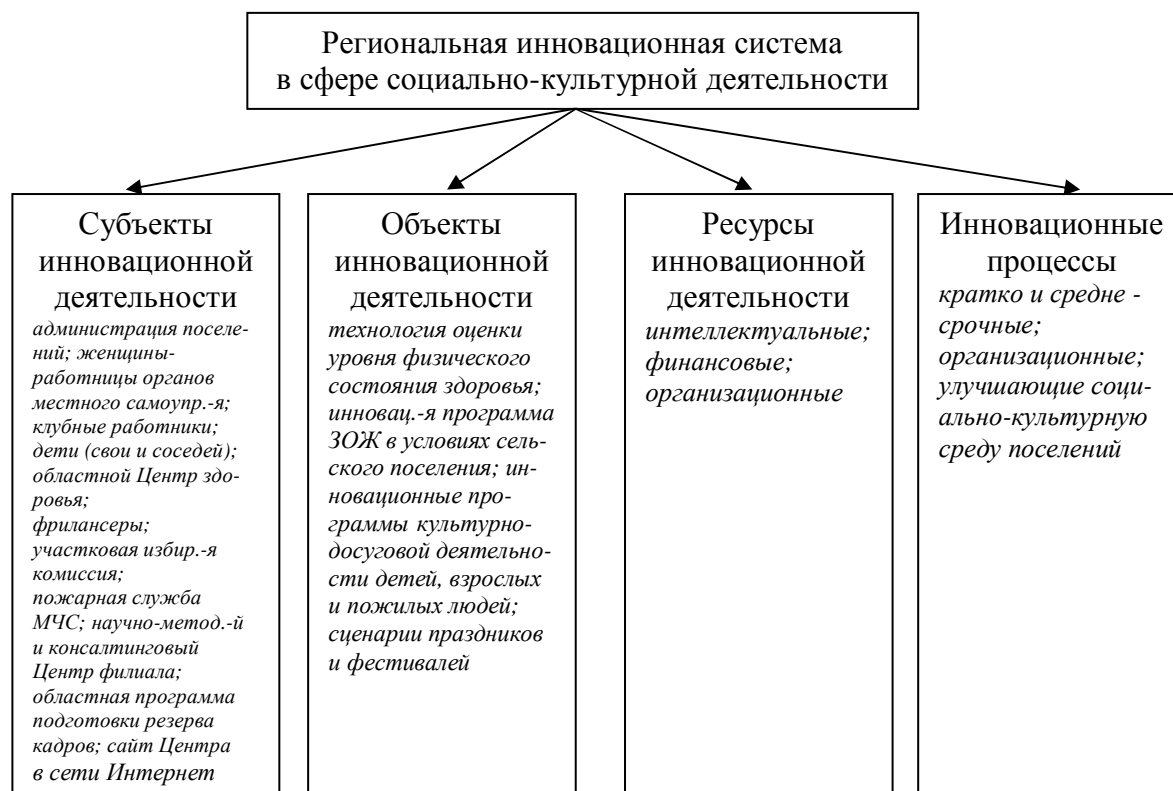

Рис. 1. Элементы региональной инновационной системы в сфере социально-культурной деятельности

Fig. 1. Elements of the regional innovation system in the field of socio-cultural activities

Как видим, в жизненных мирах муниципальных образований важным источником, формирующим и поддерживающим изменения выступают инновации, носителями которых могут быть женщины-работницы органов местного самоуправления.

Муниципальные инновационные системы, синтез элементов социально-культурной среды поселений, способны трансформировать территориальную структуру хозяйства региона, улучшить качество жизни населения, стимулировать потребление перспективных инноваций.

Таким образом, на формирующем этапе педагогического эксперимента по коррекции сниженного физического состояния женщин второго этапа зрелого возраста – работниц органов местного самоуправления отмечено возрастание их социальной активности, способности творчески менять своё окружение, создавая элементы муниципальной инновационной системы.

Важным, также, является готовность социума поселений к предлагаемым социально-культурным нововведениям.

Практическое значение результатов. Результаты исследования следует использовать в обобщении опыта выявления элементов инновационного потенциала управленческих субъектов регионов, выявлении источников и факторов культурной динамики региональных социумов.

Литература

1. Лапин, Н. И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии / Н. И. Лапин // Социс. – 2016. – № 5. – С. 33.
2. Краткий словарь по социологии / Сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова; Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. – М.: Политиздат, 1989. – С. 7.
3. Палкина, М. В. Концепция инновационной системы муниципального образования / М. В. Палкина, А. Ю. Палкин // Вестн. АГТУ. Сер. «Экономика». – 2016. – № 1. – С. 82–88.

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС РЕГИОНА
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ**

**SYMBOLISM RESOURCE IN A REGION
AS A DEVELOPMENT FACTOR**

**Ю. А. Дроздова
Yulia A. Drozdova**

*Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград, Россия)
Volgograd Institute of Management, branch of Russian Academy
of National Economy and Public Administration (Volgograd, Russia)*

***Аннотация.** Для Волгоградской области символизация пространства, символы военного времени являются фундаментальной основой для региональной идентичности, консолидации территориальных общностей. Но символический ресурс данного региона оказывает противоречивое влияние на развитие территории: постоянные значительные изменения территориально-пространственной конфигурации Волгоградской области; военные события на протяжении всей региональной истории; переименования областного центра, до сих пор вызывающие дискуссии и являющиеся предметом политических манипуляций; естественное и миграционное убывание населения в связи с проблемным, депрессивным развитием региона и нежелание молодежи самореализовываться в регионе – памятнике с «застывшим временем» и «сакральным пространством», – все это является предметом научной рефлексии и полем для разработки имиджевых управленческих стратегий.*

***Abstract.** Symbolization of space and war-time symbols in the Volgograd region constitute the basis for regional identity and consolidation of territorial values. However, the symbolism resource exerts a contradictory impact on the region's development as the region witnessed constant territorial and spatial reconfigurations and war events throughout its entire history; the regional centre city changed its name twice, and the fact still provokes fierce public debate. The size of population is dwindling due to natural causes and migration; young people are unwilling to realize their potential in the region, which is*

a monument frozen in time and with “sacral space”. All these factors are objects of research and the field for developing management strategies based on regional image.

Ключевые слова: *символический ресурс, имидж региона, эпистема, пространственно-временной континуум, региональная идентичность.*

Keywords: *symbolism resource, regional image, episteme, space–time continuum, regional identity.*

Территориальные общности имеют длительное пространственно-временное развитие и обладают символическим ресурсом. Наряду с другими социальными ресурсами (пространство и время, имидж региона, региональная идентичность, ценности и смыслы социального взаимодействия, качество социальных связей (социальный капитал) и человеческие ресурсы), символический ресурс образует смысловое, воображаемое пространство, в котором воспроизводятся социальные различия, объективированные в физическом пространстве. При этом социальная действительность может быть сведена к представлениям о ней, конструируемым самими территориальными общностями, и эти представления имеют временное различие, тройную смысловую направленность (прошлое – настоящее – будущее), определяющую вектор развития территории.

При исследовании имиджа Волгоградской области нами была выдвинута гипотеза о том, что данный регион ассоциируется у его жителей и у гостей, туристов только с символами Сталинградской битвы, Великой Отечественной войны. При этом существующий имидж Волгоградской области – региона – победителя в Великой Отечественной войне не в полной мере удовлетворяет его жителей, региону не хватает устремленности в будущее, и большинство населения считает регион ограниченным в своем развитии символическим ресурсом прошлого и непривлекательным в настоящем развитием экономической, политической, социокультурной региональной среды.

Использование триангуляции в определении методов исследования символического ресурса территориальных общностей региона позволило применить комбинированную социологическую стратегию, основанную на количественной и качественной методологии: анкетный социологический опрос «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (n = 1000, Волгоградская область); глубинные интервью «Имидж региона глазами жителей/гостей Волгоградской области» (N = 10); экспертные полуструктурированные интервью по теме «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (эксперты внешние (Москва (N = 19),

Санкт-Петербург (N = 11); эксперты внутренние (N = 20). Триангуляция была осуществлена автором в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ».

Символическое пространство рассматривается нами, согласно дискурсивной теории (Н. Фразер [1], Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен [2], М. Л. Макаров [3]), как определенная система региональной коммуникации, позволяющая в процессе социального взаимодействия территориальных общностей выстраивать аппрезентационные отношения, основанные на возникновении общих смыслов, интерпретаций, дискурсов, которые отражают, как унаследованный и разделяемый опыт реальности повседневности [4], структурирующий и нормирующий образы, социальные практики, традиции и ценности, так и вновь конструируемые региональными акторами (власть, СМИ, население), определяющие степень конгруэнтности символических систем в регионе.

Региональные символы являются универсальными средствами коммуникации внутри региональных общностей. Кроме того, символ является эмоциональным материализованным носителем идеи, единства, целостности, обладает способностью обеспечивать мотивацию совместных действий жителей региона. Интегральным показателем для Волгоградской области являются символы, которые выбрали респонденты и информанты (символы Великой Отечественной войны (Родина – мать, Сталинградская битва, Мамаев Курган, Солдатское поле, Дом Павлова – 92,9 % респондентов). Великие русские реки – Волгу и Дон – в качестве символов выбрали 64,6 % опрошенного населения. Но в связи с тем, что реки являются символическим ресурсом и других регионов (Ростовской области, Ярославской, Саратовской и др.), особую значимость имеют военные символы, которые одновременно являются притягивающим и выталкивающим фактором в формировании региональной идентичности.

Для нашего региона Сталинградская битва – это не простая апелляция к определенным датам, это исторический и постоянно воспроизводящийся опыт жителей нашего региона. Символическое пространство, обусловленное памятью о Великой Победе над фашистской Германией на Волге, является для региона и повседневным, и сакральным. Так, по мнению экспертов: *«...воинственный образ Родины-матери, он повлиял на то, что начало происходит в городе. Город стал заваливаться. Нельзя, чтобы над городом довлело что-то воинственное»* (внутренний эксперт, представитель научного сообщества); *«это образ некоего музея на открытом воздухе»* (внешний эксперт, представитель бизнес – сообщества, Москва); *«это один из, если угодно, ярчайших исторических объектов, с осмысления истории, и своим отношением к истории каждой личности, поэтому не случайно к нам действительно едут. Ведь еще Пабло Неруда говорил: «Он орденом надет на грудь Земли»* (внешний эксперт, представитель бизнес – сообщества, Москва).

Но, по мнению 31,5 % респондентов, в позиционировании региона не хватает устремленности в будущее, а также «ориентации на современные достоинства и преимущества региона» (33,4 % опрошенных), при этом, безусловно, 85,5 % респондентов справедливо полагают, что Сталинградская битва должна оставаться неотъемлемой частью имиджа Волгоградского региона, позволяющего осмыслить определенную территорию в единстве пространственных и временных характеристик, образующего единство прошлого, современности и будущего (Царицын – Сталинград – Волгоград). Данное единство линейно-нелинейного хронотопа формирует «чувство общности» [5, с. 49], определяет «судьбу» и событийность территориальных общностей [6, с. 74 – 75].

Богатая история Волгоградского региона, кроме периода Великой Отечественной войны, до сих пор остается невостребованным символическим ресурсом, что является причиной непривлекательности территории для той части туристов, которым интересно было бы познакомиться с более ранними страницами в летописи региона. *«В истории Волгоградской области делается упор только на события Великой Отечественной войны»* (внешний эксперт, представитель научного сообщества, Санкт-Петербург); *«Люди хотят эстетического восприятия региона. А у нас все вокруг войны и Родины – матери»* (внутренний эксперт, представитель СМИ, Волгоградская область); *«Малоизвестно, что за люди жили до революции в Царицыне, чем занимались, что ценили..... Разрыв исторической памяти»* (житель Волгоградской области). Согласно данным авторского социологического исследования древний период истории Волгоградской области известен только 3,2 % респондентов.

Символический ресурс Волгоградской области включает региональные события, мифы, символы в пространственно-временном континууме, который мы определяем как когнитивную модель, образующую единство прошлого – настоящего – будущего. По мнению экспертов, сохраняя историческую основу, необходимо на современных образах, событиях формировать символы региона: *«Родина-мать, однозначно, – главный символ. Сталинградская битва, Волга и Дон, конечно. Волго-Донской канал, команда «Ротор». И без олимпийских чемпионов тоже никуда»* (внутренний эксперт; представитель органов муниципальной власти, Волгоградская область).

Как показало проведенное исследование, региональное население из известных людей, с именем которых ассоциируется Волгоградский регион, называет личностей, внесших решающий вклад в победу в Сталинградской битве и Великой Отечественной войне: Георгий Жуков (37,7 % участников опроса); Иосиф Сталин (36,8 % респондентов); Михаил Паникаха (18 % опрошенных). Из современных личностей респонденты назвали олимпийских чемпионов (Елена Исинбаева (47,1 % респондентов); Евгений Плющенко (22,2 % опрошенных); Александру Пахмутову (32,3 % респондентов).

В целом, отсутствие лидера в символическом пространстве региона свидетельствует о слабой информированности населения о региональных героях и личностях, и что основные ассоциации связаны с историческими личностями периода Сталинградской битвы. Формирование имиджа региона предполагает поиск образов, которые для любого члена сообщества сделают узнаваемым и близким региональное пространство. К сожалению, слоган «Волгоград – родина Олимпийских, спортивных героев» не получил своего дальнейшего развития, продолжения, эпистема мирного подвига в регионе до сих пор не сформирована.

В рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» был проведен фотоконкурс «Имидж Волгоградской области глазами молодежи». Из 311 работ молодых фотохудожников из Волгограда и Волгоградской области, других российских регионов, принявших участие в выставке-фотоконкурсе, большинство работ (97) представлены в номинации «Природа Волги и Дона». Только две работы участников фотовыставки были посвящены непосредственно Мамаеву Кургану и памятнику Родина – мать.

Полученные нами эмпирические данные позволили выявить также негативную, протестную идентификацию респондентов в возрасте «от 18 до 24 лет», «представителей групп – визави, определившихся локально (через объем и место в социальном пространстве» [7, с. 286], которые в качестве символа региона называли «танцующий мост» через Волгу, который связан с негативной информацией о проблемах в строительстве данного современного объекта в регионе. Это позволяет выявить наметившийся дуализм в восприятии символического пространства региона молодежью, являющийся показателем диалектической природы символического пространства.

Региональные символы способны объединить различные показатели, характеризующие регион. Основным принципом коммуникации различных поколений является рационализация событий, фактов, явлений как дискурсивных повседневных практик. Технологии освоения символических ресурсов региона, на наш взгляд, связаны со следующими социальными действиями:

- рутинизация (сведение ситуации к простым непротиворечивым логическим схемам, которые не нуждаются в особых интерпретациях, или интерпретация осуществляется по апробированной формуле, например, «Волгоградская область – промышленный и сельскохозяйственный регион» или «Волгоградский регион – регион молодых»);
- идеализация и стереотипизация (подведение региональной ситуации и ее участников под идеальные типы, стереотипы: «Волгоградцы – гостеприимные, толерантные люди»);
- символизация и ритуализация, что происходит во время проведения региональных и городских праздников, событий, при создании обще-

значимых символов региона («Волгоградская область – героический регион», «Волгоградский регион – казачий край»).

Во многих регионах начался сложный процесс восстановления исторических названий, который воспринимается как важный шаг на пути восстановления культурных традиций. В нашем регионе в перестроечные годы даже возникло движение за возврат названия Сталинград, а не Царицын. Это очень сложный и во многом политический вопрос. Процесс «провинциального возрождения» не может быть радикальным. Сознание большинства населения отличается консерватизмом и не воспринимает идею возврата к советским названиям. Традиционные названия населенных пунктов, улиц и площадей в большинстве случаев не станут частью «новой региональной идеи». Поэтому путь, избранный субъектами управления, заключающийся не в переименовании, а создании новых культовых зон отдыха, достопримечательностей (аллея влюбленных, памятник «Ангел – Хранителя города», скульптура Александра Невского, памятник Григорию Засекину, героям Первой Мировой войны и т. д.) представляется наиболее приемлемым и способствует консолидации, а не разобщенности и конфликтности регионального сообщества.

Недостаток системности в освоении и воспроизводстве символического ресурса, отсутствие диалога между властью, бизнесом и населением региона относительно освоения и приумножения других социальных ресурсов территории, привели к снижению ожидаемого эффекта от предпринятых действий.

Гипотеза нашего исследования полностью подтвердилась, но символические ресурсы, ограниченные памятью о Великой Отечественной войне, могут консолидировать местное сообщество только в памятные февральские и майские дни и не позволяют рассматривать регион в динамике, развитии. Самым главным признаком такого представления о регионе, ориентированного только на прошлые победы и героическую историю, является внутренняя неразличимость, отсутствие смыслового наполнения повседневных и будущих региональных взаимодействий. Регион, обращенный в образном восприятии населения только в прошлое, не может динамично развиваться в настоящем и иметь стратегию своего развития, о чем говорили респонденты проведенного исследования. Современные составляющие регионального развития должна представлять продукт взаимодействия нескольких временных трендов «прошлое – настоящее – будущее», формирующих социальный рельеф регионов и государства.

Символизация регионального пространства, на наш взгляд, является управленческим процессом. Соответствующие структуры при органах государственного и муниципального управления Волгоградской области, СМИ, должны целенаправленно заниматься созданием положительной событийности, освоением и реновацией символических ресурсов территории,

формировать новый динамичный имидж региона. Региональные символы способны объединить территориальные общности, а в таком регионе как Волгоградская область являются основой региональной идентичности, определяют траектории развития территории. На наш взгляд, в качестве современных образов территории необходимо брать различные, не только военные, исторические или современные события, факты, явления, интересные и волнующие жителей региона, постоянно наполняемые в процессе управления новыми смыслами и практиками, способные выстраивать региональные самоидентификации через интерпретацию региона как текста.

Литература

1. Fraser, N. The uses and abuses of French Discursive Theories for Feminist Politics / N. Fraser // *Theory, Culture and Society*. – 1992. – Vol. 9. – P. 21–43.

2. Филипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филипс, М. В. Йоргенсен; Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

4. Туровский, Р. Региональная идентичность в современной России / Р. Туровский // *Российское общество: становление демократических ценностей*. – М.: Гендальф, 1999. – С. 87–136.

5. Почебут, Л. Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса / Л. Г. Почебут. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

6. Каширин, В. И. Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования / В. И. Каширин, О. В. Каширина. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

7. Кармадонов, О. А. Семантика политического пространства: опыт кросскультурного трансимволического анализа / О. А. Кармадонов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Т. I. – Вып. 4. – С. 78–90.

**СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ
В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА**

**HEALTH SYSTEM OF THE KURSK REGION
AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT IN THE PROCESS
OF MODERNIZATION OF THE REGION**

**Т. Г. Кульсеева
Tatyana G. Kulseeva**

*Курский государственный медицинский
университет (Курск, Россия)
Kursk State Medical University (Kursk, Russia)*

***Аннотация.** Важнейшим условием процветания и благополучия любой нации является состояние здоровья населения. Ценность здоровья, как важнейшего ресурса, необходимого для производства материальных благ, стала наиболее ощутима в связи с негативными тенденциями снижения воспроизводства населения, процессом его старения. Для Курской области вопросы здравоохранения являются предметом повышенного внимания работы органов власти и управления, которые прилагают серьезные усилия для эффективного функционирования системы здравоохранения в регионе.*

***Abstract.** One of the main conditions for the prosperity of any nation is the state of the health of its population. The value of health as the most important resource for the production of material goods has become most appreciable in connection with negative tendencies of decrease in reproduction of the population and with the process of its aging.*

For the Kursk region, health issues are the subject of increased attention in the work of government and management, which make serious efforts to effectively operate the health system in the region.

***Ключевые слова:** здравоохранение, модернизация, здоровье населения, заболеваемость населения и инвалидность, медицинская помощь.*

***Keywords:** health care, modernization, health of the population, morbidity and disability, medical aid.*

Здоровье стало социально значимым фактором, по уровню и состоянию которого принято судить о степени развитости и благополучия общества. Негативные тенденции и показатели общественного здоровья – это серьезная социально-политическая проблема, требующая усилий всего общества.

Традиционно под здравоохранением в нашей стране понимался комплекс государственных, социальных, экономических и медицинских мер по охране и улучшению здоровья общества. Сегодня ситуация меняется – здравоохранения является сложной системой социально-экономических взаимоотношений и специфичной отраслью народного хозяйства.

В результате, здравоохранению можно дать следующее наиболее полное определение – это отрасль деятельности государства, целью которой является организация и обеспечение доступного медицинского обслуживания населения. Представляет собой совокупность мер политического, экономического, социального, правового, научного, медицинского, санитарно-гигиенического, противоэпидемического и культурного характера, направленных на сохранения и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае ухудшения здоровья.

В 2016 году система здравоохранения Курской области включала 55 больничных и 89 амбулаторно-поликлинических организаций. Медицинскую помощь населению оказывали 5,4 тысяч врачей и 13 тысяч человек среднего медицинского персонала. Оказание экстренной медицинской помощи в области осуществляли 39 станций (отделений) скорой медицинской помощи, а для оказания медицинской помощи женщинам и детям действовало 101 учреждение. В сельской местности функционировало 608 фельдшерско-акушерских пунктов [1].

Одним из основных показателей, характеризующих систему здравоохранения не только в регионе, но и стране целом, является численность врачей на 10000 человек населения.

По сравнению с 2015 годом количество врачей в области сократилось и составило 48,5. По этому показателю Курская область занимает 2-е место в Центрально-Чернозёмном регионе и 5-е место в ЦФО. Число работников среднего медицинского персонала также снизилось и составило 115,6 на 10000 человека населения [2]. Такая тенденция прослеживается почти по всем субъектам Центрального Черноземья, кроме Тамбовской и Белгородской области, где прослеживается незначительный рост.

Здоровье населения складывается из здоровья каждого индивида общества. Состояние же здоровья отдельного человека определяет его способность обеспечивать собственное благополучие и реализацию своих потребностей и, тем самым благополучия общества в целом.

К основным показателям, характеризующим состояние здоровья населения, а также эффективность деятельности учреждений здравоохранения, относятся заболеваемость населения и инвалидность.

В 2016 году общая заболеваемость населения по сравнению с предыдущим годом несколько снизилась: число зарегистрированных больных с впервые установленным диагнозом составило 605,9 тысяч человек (в 2015 году – 607,0). В структуре общей заболеваемости населения региона наибольший удельный вес (47,9 %) традиционно занимают болезни органов дыхания.

Заболеваемость детей в возрасте 0-14 лет различными болезнями в 2016 году возросла на 3,5 тысяч детей больше, чем в 2015 – 272,5 тысяч детей. Преобладают болезни органов дыхания – 67,9 % больных детей (в 2015 году – 66,5 %) [1].

Здравоохранение, являясь сложной социально-экономической системой и специфической отраслью народного хозяйства, призвано обеспечивать реализацию важнейшего социального принципа – сохранение и улучшение здоровья граждан, оказание им высококвалифицированной лечебно-профилактической помощи.

Сегодня важнейшим фактором сохранения и укрепления здоровья российских граждан является повышение качества подготовки медицинских работников. Потребность модернизации системы медицинского и фармацевтического образования обусловлена поступательным инновационным характером современного развития отечественного здравоохранения.

Постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1640 утверждена государственная программа «Развития здравоохранения» (подпрограмма «Развитие кадровых ресурсов в здравоохранении»). Советом при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам утверждены два основополагающих для российского здравоохранения и медицинского образования приоритетных проекта: «Обеспечение здравоохранения квалифицированными специалистами» («Новые кадры современного здравоохранения») и «Развитие экспортного потенциала российской системы здравоохранения».

Цель кадрового проекта – обеспечить отрасль квалифицированными специалистами за счет внедрения новой процедуры допуска специалистов к профессиональной деятельности – аккредитация специалистов – и внедрить систему непрерывного дополнительного профессионального образования врачей с использованием интерактивных образовательных модулей.

Тем не менее, можно обозначить некоторые проблемы кадрового обеспечения системы здравоохранения страны.

Первая – нехватка квалифицированных кадров. По состоянию на конец 2016 года в медицинских организациях системы Минздрава России в субъектах Российской Федерации работало 690,3 тысяч врачей и 1537,9 тысяч медицинских работников со средним профессиональным образованием. Обеспеченность населения РФ на 10000 врачами составило 46,4 средними медицинскими работниками – 104,8.

Согласно данным Счетной палаты, в целом по России сократили 90 тыс. работников медицинского сектора. Наибольшее сокращение коснулось врачей клинических специальностей – более 19 тысяч.

Согласно аудиторской проверке Счетной палаты на сегодня существует потребность во врачах и среднем медицинском персонале в количестве 55 тысяч и 88 тысяч человек. Таким образом, реализуемые мероприятия по сокращению численности медицинских работников не соответствует фактической ситуации в регионах и сложившейся потребности. Требуется анализ проводимых кадровых мер, и по итогам возможная их корректировка.

Вторая важная проблема – наличие трудностей в кадровой политике (низкий уровень заработной платы, условия работы). В целом по итогам 2017 года заработная плата работников бюджетной сферы в абсолютных значениях выросла. Однако на уровень зарплаты медработников большое влияние оказывает высокий процент внутреннего совместительства, который составляет четверть от всего фонда оплаты труда. Это означает, что рост уровня средней заработной платы медицинских работников вызван не фактическим увеличением размера оплаты его труда, а ростом нагрузки на одного работника, когда вместо положенных 8 часов врач работает 12 часов и более.

Третья не менее важная проблема – низкое качество оказания медицинской помощи.

Четвертая важная проблема – отток профессиональных кадров в частный сектор. Экспертами отмечается тенденция оттока профессиональных кадров в частный сектор. Население России всё больше стало пользоваться платными услугами, в 2016 году отмечен рост объема платных медицинских услуг – на 25,2 % по сравнению с 2015 годом. Как отмечает аудитор Счетной палаты, что в условиях снижения доступности медицинской помощи для населения рост платных медицинских услуг может свидетельствовать о замещении бесплатной медицинской помощи.

Как же данная проблема обозначена и решается в Курском регионе?

Но сначала несколько слов о Курском государственном медицинском университете (далее КГМУ), который готовит профессиональные кадры для системы здравоохранения региона. КГМУ – самое большое учебное заведение Курской области: в нем обучаются 9 тысяч студентов из 60 регионов России, на факультете последипломного образования ежегодно проходят подготовку более 11 тысяч человек. Ежегодно около 1500 тыс. абитуриентов становятся студентами университета.

О достижениях университета свидетельствует как успешное прохождение мониторинга эффективности деятельности вузов, так и высокие рейтинговые показатели. По данным рейтинга востребованности выпускников вузов РФ – 2017 г., проведенного «Социальным навигатором» МИА «Рос-

сия сегодня», в котором участвовали 448 вузов из 81 субъекта РФ, КГМУ занял 6-е место из 48 медицинских вузов России [4].

КГМУ имеет высокую международную репутацию. Здесь обучаются около 2,7 тысяч иностранных студентов из 43 стран мира. Вуз осуществляет международное сотрудничество более чем с 40 зарубежными образовательными организациями и медицинскими клиниками.

Для повышения эффективности международной деятельности в 2016 году в столице Малайзии г. Куала-Лумпур было открыто представительство университета. КГМУ – первый российский университет, открывший представительство в Малайзии.

Выпускники университета востребованы в различных сферах здравоохранения, медицинской науки, в учреждениях Роспотребнадзора и социального обеспечения, экономике [4].

Какие же проблемы имеются сегодня в системы здравоохранения Курской области?

Кадровый вопрос. Как отмечает председатель регионального комитета здравоохранения О. Н. Новикова, не хватает участковых терапевтов, педиатров и врачей скорой помощи. В сельской местности наиболее дефицитными специалистами являются хирурги, анестезиологи-реаниматологи, рентгенологи и фельдшеры.

В области действуют программы «Земский доктор» и «Земский фельдшер», задача которых – привлечь специалистов в глубинку. Всего в регионе работают 603 ФАПа (2018 г.), за последние три года открыты 3 современных фельдшерско-акушерских пункта, строительство еще четырех запланировано на этот год [5].

Программа «Земский доктор» подразумевает, что молодые специалисты, отправившиеся на работу в районные больницы, получают единовременную помощь в размере одного миллиона рублей.

За пять лет в регионе 231 доктор и 5 фельдшеров воспользовались помощью государства на новых местах работы. В 2017 году 43 врача переехали в село. В 2018 году ожидается пополнение сельских медицинских учреждений 45 докторами и 25 фельдшерами.

Например, Солнцевская районная больница благодаря программе пополнилась двумя участковыми терапевтами, тремя анестезиологами, рентгенологом и врачом скорой медицинской помощи. Главный врач Солнцевской ЦРБ Руслан Путинцев – также участник программы «Земский доктор» [6].

В настоящее время внимание служб здравоохранения в мире направлено на борьбу с хронической патологией человека, болезнями сердечно-сосудистой системы, онкологическими заболеваниями.

В Курском государственном медицинском университете 2 июня 2017 года был открыт научно-исследовательский институт генетической и молекулярной эпидемиологии. Цель его создания – повышение качества и объе-

ма выполнения научных исследований в вузе. Сегодня НИИ ГМЭ работает над несколькими научными проектами. Одним из них является разработка индивидуализированного подхода к выбору препаратов и режимов дозирования лекарственных средств.

Персонализированная медицина быстро прогрессирует и в ближайшее время будет широко востребовано в практическом здравоохранении. Разработка этого направления позволит рационально и прицельно применять терапевтические воздействия для отдельного человека [4].

В рамках работы НИИ ГМЭ планируется внедрение методов ДНК-дактилоскопии и проведение генетической экспертизы отцовства/материнства и родства. В перспективе предполагается объединение биобанка НИИ с крупнейшими биобанками России, с возможностью обмена данными и проведения крупномасштабных совместных исследований.

Литература

1. Статистический ежегодник Курской области. 2017: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2017. – С. 108.
2. Основные показатели развития субъектов Центрального федерального округа и их областных центров. 2017: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2017. – С. 29–30.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 449, 454.
4. Вести Курского медицинского университета: Газ. – 2018. – 9 февр. – С. 16.
5. Аргументы и факты. Курск. – 2018. – № 10.
6. Аргументы и факты. Курск. – 2018. – № 11.

**ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ**

**NEEDS OF THE POPULATION OF TULA REGION
IN ETHNO-CULTURAL EDUCATION**

**Е. П. Мартынова
Elena P. Martynova**

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)*

Аннотация. *Статья написана по результатам этносоциологического опроса, проведенного автором весной 2017 г. в школах Тульской области с целью выявления потребностей населения в этнокультурном образовании. Работа выполнялась по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга EAWARN. Исследование показало, что несмотря на ориентированность современного школьного образования на подготовку учеников к сдаче ЕГЭ и ОГЭ, среди учащихся и их родителей в таком традиционно «русском» регионе как Тульская область этнокультурные образовательные потребности существуют. На основании результатов мониторинга автор предлагает меры по оптимизации этнообразовательной политики в регионе.*

Abstract. *The article is based on the results of the ethnosociological survey. It was conducted by the author in the spring of 2017 in schools of Tula region. The survey had the purpose to identify the needs of the population for ethno-cultural education. The work was carried out according to the methodology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences and the Network of Ethnological Monitoring EAWARN. The study revealed that despite the aims of modern school education for preparation of pupils to pass EGE and OGE, among pupils and their parents in such traditionally "Russian" region as Tula ethno-cultural educational needs exist. The author suggests measures to optimize ethno-educational policy in the region which based on the results of the monitoring.*

Ключевые слова: *этномониторинг, этнокультурное образование, учащиеся, родители, национальные языки, этническая культура, традиции.*

Keywords: *ethnomonitoring, ethnocultural education, students, parents, national languages, ethnic culture, traditions.*

Основное внимание педагогов в сфере образования в основном сосредоточено на инструментальных сюжетах – количестве учебных часов, обеспеченности учебной литературой, технологиях преподавания и т. д. Такое видение снижает интерес педагогов и исследователей к более сложной проблеме целей образования и его содержания, что позволило бы сформировать научную концепцию о гармоничном сочетании общегражданских и регионально-культурных ориентиров среди учащихся. Нужно признать и то обстоятельство, что современная школа ориентирована на подготовку учеников к ГИА, основное внимание учителей и всех работников сферы школьного образования нацелено на успешную сдачу ОГЭ и ЕГЭ, итоги этих экзаменационных испытаний во многом определяют рейтинг учебного заведения. В связи с этим целью обучения становится набор высоких баллов на экзаменационных испытаниях, а такая «частность» как этнокультурный компонент вообще оказывается на далекой периферии. Учителя считают, что «этнокультурное образование – далеко не первостепенная проблема», «по результатам экзаменов судят о школе». Между тем содержательная сторона этнокультурного компонента образования напрямую связана с вопросом о региональных и этнокультурных ориентирах молодого поколения россиян и их сочетании с общегражданскими ценностями.

Настоящая работа написана по итогам проведенного автором опроса (анкетирования) учащихся 8-10 классов, родителей школьников и учителей (экспертов) о потребностях населения Тульской области в этнокультурном образовании. Работа выполнялась по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга EAWARN. Опрос проводился весной 2017 г. в восьми образовательных учреждениях (четырех городских школах и четырех сельских) области. Выборка составила 150 школьников, 150 родителей. В качестве экспертов были опрошены 30 учителей г. Тула. Анкеты для опроса были разработаны Сетью этнологического мониторинга. Исследование ставило задачи выявить отношение респондентов к проблемам этнокультурного образования и определить потребности учащихся и родителей в нем.

Тульская область относится к субъектам РФ, в которых абсолютное большинство жителей – 95 % – русские по национальности. В то же время при доминировании русского населения регион никогда не был и не является сейчас моноэтническим. Доля «нерусских» национальностей в Тульской области незначительна – всего лишь 5 % населения, их состав разнообразен. Здесь живут представители более двух десятков национальностей.

По переписи населения 2010 года, свыше 15 тыс. чел. насчитывают украинцы, часть жителей составляют армяне (более 9 тыс.), татары (около 8 тыс.), азербайджанцы (5,5 тыс.), цыгане (4 тыс.), белорусы, немцы, евреи, узбеки, таджики, молдаване, грузины и другие. На этноконфессиональную ситуацию в регионе решающее влияние оказывает то обстоятельство, что этническая неоднородность сформировалась относительно поздно – во второй половине XX в. В сознании населения область считается русской. Казалось бы, заниматься этнокультурной и языковой тематикой в таком регионе как Тульский не столь важно. Между тем, анализ картины в сфере образования с этих позиций может дать результаты, весьма полезные для понимания ситуации с межнациональными отношениями и, если необходимо, указать на пути оптимизации этих отношений не только в области, но и в Центральном федеральном округе.

В ходе опроса респондентам задавались вопросы о двух основных составляющих этнического компонента – национальных языках и этнокультурном образовании. Сначала разберем ситуацию с обучением языкам. По единодушному мнению экспертов, в школах региона не существует каких-либо препятствий для преподавания национальных языков. При этом две трети опрошенных считают, что препятствий нет, поскольку нет такого преподавания. Можно констатировать незаинтересованность учителей и работников сферы образования обучению этническим языкам, их убежденности в том, что в «русском» регионе никакие языки, кроме русского, не нужны. Действительно, в учебных заведениях Тульской области национальные языки не преподаются ни в рамках основной программы, ни факультативно.

Никто из опрошенных школьников не изучал родные языки народов России в учебном заведении, все учили русский и иностранный. Подавляющее большинство школьников области (86 %) предпочитают учебу без этнических языков народов России. Обучение на них не выбрал никто; 6 % «проголосовали» за общее знакомство с таковыми, 5 % – за стандартное и 3 % – за углубленное. Среди родителей абсолютное большинство (95 %) принимают обучение без национальных языков, 3 % высказались за общее знакомство с ними, а за стандартное изучение – еще 1 %. И хотя среди школьников интерес к изучению языков народов России проявило больше респондентов, чем среди родителей (14 % и 5 % соответственно), мы видим, что внушительное преобладание в Тульской области русского населения сказывается на отношении к перспективам обучения языкам других национальностей.

В ходе мониторинга экспертам задавался вопрос о перспективе преподавания национальных языков в Тульской области. Многие (43 %) уверены, что в ближайшие годы не будет достаточного количества родителей учащихся, заинтересованных в школьном или вузовском обучении своих

детей этническим языкам. Около трети опрошенных воздержались от ответа на вопрос. Обращает на себя внимание то, что четверть респондентов допустили, что в ближайшие годы такие родители в регионе появятся. В совокупности более половины жителей области не исключают перспективы обучения детей национальным языкам. Очевидно, такой прогноз обусловлен наличием в области довольно большого числа мигрантов. Около трети респондентов допускают даже такое развитие событий, что некоторые предметы будут преподаваться на национальных языках (10 % ответили «да», 20 % – воздержались от ответа). Абсолютное большинство респондентов (70 %) уверены, что не нужно вести преподавание на этнических языках в учебных заведениях области в ближайшем будущем.

На аналогичный вопрос о появлении в ближайшем будущем родителей, заинтересованных в обучении детей предметам этнокультурной направленности, позиция экспертов оказалась иной. Около половины (43 %) уверены, что будут желающие изучать такие предметы, противоположное мнение высказали треть опрошенных, четвертая часть воздержались от ответа. В итоге две трети респондентов не исключили перспективы изучения в школах области предметов этнической ориентированности. Близкие результаты опроса были получены при ответе на вопрос о предметах религиозной направленности: 40 % считают, что будут родители, заинтересованные в обучении своих детей таким предметам, 33 % – их не будет и 27 % воздержались от ответа. Как видим, две трети педагогов склоняются к мнению, что в области будет спрос на этнокультурное и религиозное образование.

И хотя современная школа во многом нацелена на подготовку к сдаче ГИА, что приводит к утрате интереса к целому ряду предметов и тем, все же почти три четверти родителей тульских школьников назвали важным для обучения своего ребенка историю родного края. Более половины к этому добавили географию родного края. Это обнадеживающий результат, ибо с краеведения начинается любовь к Родине. Довольно большое число родителей считают необходимыми для детей изучение тем и предметов этнокультурной направленности. Так, 41 % высказались за изучение национальных традиций и народных праздников, почти столько же – за изучение народов (39 %), национальной культуры и искусства (38 %). Почти треть опрошенных проявили интерес к изучению национальной литературы и народного эпоса. Менее предпочтительными для родителей оказались темы по изучению народной музыки (21 %), национальных танцев, традиционных видов труда и хозяйственной деятельности (по 19 %), национальных видов спорта, традиционной религиозной культуры (по 18 %), национальной кухни (17 %), традиционного костюма (11 %). Таких, кто вообще не заинтересован в изучении детьми тем о народах России, оказалось очень мало – лишь 2 %. Таким образом, почти все родители школьников проявили заинтересованность в изучении детьми тем, связан-

ных с национальными особенностями и традициями, т. е. не ориентированными только на ГИА и карьеру. В таком традиционно «русском» регионе как Тульская область, несмотря на активные процессы глобализации, этнокультурные образовательные потребности существуют.

Опрос среди школьников также выявил наибольший интерес к изучению малой родины среди предметов этнокультурной направленности: 58 % учеников выбрали историю родного края, 39 % – географию родного края. И хотя среди обучающихся эти показатели ниже, чем среди родителей, можно говорить о том, что краеведческие знания могут стать основой, на которой возможно развивать этнокультурное образование в Тульской области. В отличие от взрослых, дети больше заинтересованы в изучении национальной кухни (46 %), национальных видов спорта (34 %). Около трети учеников ратуют за изучение национальных традиций и народных праздников, национальной культуры и искусства, народной музыки, четверть интересуется национальной литературой. Среди школьников почти в два раза меньше тех, кто хотел бы изучить традиционную религиозную культуру – 10 %. В целом можно говорить о том, что школьники, также как и родители, заинтересованы в изучении культур народов России. Опрос выявил всего 5 % безразличных к этой тематике.

Больше половины родителей считают, что знания о народной культуре нужны для сохранения традиций, так думающих детей существенно меньше – 30 %. Среди учеников наиболее популярной мотивацией для этнокультурного обучения оказался ответ «знания нужны для ознакомления» (37 %). Так считают примерно столько же родителей – 33 %. 42 % родителей указали на то, что такие знания необходимы всем гражданам России. Эту позицию разделили 24 % учащихся. Столько же учеников полагают, что эти знания нужны всем, кто любит родной край. Каждый третий родитель считает, что знания о народной культуре важны для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу. О том, что знания о народной культуре не нужны, заявил только 1 % родителей. Среди школьников таких оказалось гораздо больше – 9 %.

Как мы видим, большинство родителей и учащихся воспринимают получение этнокультурных знаний как значимый инструмент для формирования российской гражданской идентичности. При ответе на вопрос о практической применимости такого запаса знаний лишь 5 % родителей и 3 % школьников сочли, что этнокультурные знания для профессий не нужны. Родители чаще всего считают, что такие знания пригодятся в народных промыслах и производстве игрушек, туристическом и гостиничном бизнесе (по 47 %), затем идут воспитание и образование (39 %), создание художественных изделий (33 %), концертная деятельность (31 %), архитектура и домостроительство (25 %). Учащиеся в целом разделяют такое мнение: 59 % указали, что знания о народной культуре могут пригодиться

в туристическом и гостиничном бизнесе, 49 % – в народных промыслах и производстве игрушек, 47 % – в создании художественных изделий, 37 % – в архитектуре и домостроительстве, 35 % – в концертной деятельности. Мнения учеников совпали с позиций родителей относительно необходимости знаний о народной культуре в воспитании и образовании – 39 %. Полученные результаты подтверждают тезис о том, что этнокультурные знания воспринимаются учащимися и их родителями не как утилитарные, а как теоретический багаж, необходимый для гуманистического образования, формирования любви к родному краю и своему народу.

Обратим внимание, что каждый десятый родитель и 7 % учащихся затруднились ответить на вопрос о практической ценности знаний по народной культуре. Еще большее число родителей (37 %) уклонились от ответа на вопрос о ценности этнокультурного багажа знаний для своего ребенка. С практической ценностью таких знаний для будущей профессии ребенка определились только половина родителей и 45 % учащихся. Родители чаще связывали этнокультурные знания со сферой образования и воспитания (17 %), затем идут медицина (11 %), архитектура и домостроительство (10 %), маркетинг (9 %), туризм и гостиничное дело (8 %). Как видим, спектр профессий и видов труда, в которых, по мнению респондентов, будут востребованы этнокультурные знания, оказался очень широким. Распределение ответов на вопрос о связи этнокультурных знаний с собственной профессией среди школьников также показало множество мнений: воспитание и образование (11 %), медицина, туристические услуги и гостиничное хозяйство (по 10 %), юридические услуги и маркетинг (по 9 %). Остальные позиции набрали меньше ответов. Очевидно, что этнокультурное образование может способствовать развитию различных видов занятости, а значит и созданию рабочих мест.

В целом в ходе мониторинга оценки родителей имели много общего с оценками учеников, хотя посемейных опросов не проводилось. Такой результат свидетельствует об определенных стереотипах в общественном сознании по отношению к этнокультурному образованию. Оказалось, что родители и ученики заинтересованы в преподавании предметов этнокультурного цикла, основанных на изучении истории и культуры страны, региона и народа.

Эксперты, также как школьники и родители, должны были выбрать направления деятельности, для работы в которых, по их мнению, нужны знания национальных языков, народной культуры и традиций. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни один эксперт не считает, что знания о национальных языках и народной культуре не нужны ни в какой сфере. По их мнению, больше всего такие знания могут пригодиться в этнографическом туризме и народных промыслах (по 80 % от ответов), не много отстала традиционная кухня (77 %). Ответы очевидные, ведь эти

сферы напрямую связаны с этнографическими знаниями. Распределение ответов показало, что тульские работники сферы образования оценивают этноязыковой компонент обучения не только с утилитарных позиций. Почти две трети опрошенных указали, что подобные знания нужны в сфере образования и воспитания (60 %). Это свидетельствует о признании обстоятельства, что учебные заведения в будущем столкнутся с большим этническим многообразием в среде учащихся. Половина опрошенных отметили востребованность культурно-языковых познаний в переводческой деятельности. Скорее всего, это указывает на осознание перспективы необходимости перевода на этнические языки в связи с ростом многоязычия в регионе. С другой стороны, эксперты могли выразить мысль о том, что работа переводчика предполагает знание особенностей культуры разных народов. Наряду с переводом, половина опрошенных указала на потребность этно-языковых знаний в производстве художественных изделий и игрушек. Очевидно, это демонстрирует общественный интерес к сфере народных промыслов. Меньшая часть респондентов (40 %) обратила внимание на то, что этноязыковых знаний требует работа в СМИ, рекламно-оформительская и дизайнерская деятельность.

В ходе опроса родителям задавался вопрос о том, как их должны воспринимать окружающие. Вариант «как гражданина страны» указали 91 % родителей школьников, ответ «как представителя отдельной национальности» – 9 %, а «как жителя региона» – 13 % респондентов. Среди учащихся ответы на этот вопрос распределились следующим образом: «как гражданина страны» – 83 %, «как представителя отдельной национальности» – 6 %, а «как жителя региона» – 11 %. Такое распределение ответов указывает на явное доминирование среди респондентов гражданской идентичности. Нужно обратить внимание на то, что этническая идентичность уступила, хотя и немного, по значимости региональной. Были и собственные, хотя и неоригинальные ответы на вопрос – «как человека». Затруднились с ответом 5 % респондентов.

На основании полученных результатов в ходе мониторинга можно предложить меры по оптимизации этнообразовательной политики в регионе. В системе всех уровней образования целесообразно внедрение в содержание образования тематики, воспитывающей учащихся в духе преодоления национальной и религиозной замкнутости, веротерпимости, неприятия ксенофобии, этнического и религиозного экстремизма.

Поскольку эксперты практически единодушно отметили решающую роль истории в формировании у подрастающего поколения общероссийской гражданской идентичности, представлений о культурном многообразии России и т. п., важно именно на уроках истории уделять специальное внимание этнокультурной составляющей исторического процесса. В недавно принятом историко-культурном стандарте подчеркивается, что он

основывается на том, что «российская история – это история всех территорий, стран и народов, которые входили в состав нашего государства в соответствующие эпохи». На практике изучение истории в школе по-прежнему во многом сводится к истории государства, т.е. правителей и их реформаторской деятельности. Поэтому для школьного образования нужна разработка методических материалов по комплексному изучению истории и культуры народов России и ее регионов, ознакомление с национальными языками. Без этого невозможно достичь понимания учащимися историко-культурных процессов, а также воспитания уважительного отношения к культурному разнообразию как страны в целом, так и региона, формирования установок гражданского единства. Требуется обновление учебно-методических комплексов и издание учебно-методических материалов по гуманитарным дисциплинам с целью углубления этнокультурного содержания. Значительная часть этнокультурного содержания образования должна реализовываться через межпредметные связи.

В системе повышения квалификации учителей необходимо предусмотреть переподготовку по направлениям этнокультурного содержания образования на базе вузов, научных и музейных учреждений. Не менее важна подготовка учителей по региональной истории и историческому краеведению, поскольку через эти предметы прививается любовь к малой родине, что способствует формированию общегражданского самосознания.

В образовательном процессе важны образовательные технологии. Этнокультурное наполнение образования целесообразно внедрять в обучение с применением современных инновационных технологий, ориентированных на развитие творческих способностей учащихся, их нацеленности на познание нового. При удовлетворении этнокультурных и языковых потребностей обучающихся следует активно использовать ресурсы внеклассной и внеаудиторной образовательной и воспитательной деятельности, поощрять факультативное обучение, поддерживать и развивать воскресные школы.

**ВЛИЯНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЭТИКИ
НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ
В ПЕРИОД ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

**INFLUENCE OF PARLIAMENTARY ETHICS
ON SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE REGION
IN THE PERIOD OF FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS**

**Ю. В. Назарова
Yuliya V. Nazarova**

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)*

***Аннотация.** Профессиональная этика, как способ упорядочивания трудовой деятельности, имеет значительное влияние на имидж профессии. Вопрос об уровне парламентской этики остается актуальным, особенно в период финансово-экономического кризиса, когда к представителям власти общество предъявляет наиболее жесткие требования, на фоне нарастания социальной напряженности. В статье анализируется состояние парламентской этики в Тульском регионе; рассматривается влияние норм парламентской этики на уровень коррупционных нарушений; выявляются изменения в отношении населения к парламентариям в различные периоды финансово-экономического кризиса; определяется степень влияния парламентской этики на социальные и культурные факторы регионального развития.*

***Abstract.** Professional ethics, as a way of streamlining work, has a significant impact on the image of the profession. The issue of the level of parliamentary ethics remains relevant, especially in the period of the financial and economic crisis, when the society makes the most stringent demands on the authorities, against the backdrop of growing social tension. The article analyzes the state of parliamentary ethics in the Tula region; the influence of the norms of parliamentary ethics on the level of corruption violations is examined; the changes in the attitude of the population towards parliamentarians in different periods of the financial and economic crisis are revealed; determines the degree of influence of parliamentary ethics on the social and cultural factors of regional development.*

Ключевые слова: парламентская этика, финансово-экономический кризис; социокультурные процессы; этические требования; общественное мнение.

Keywords: parliamentary ethics, financial and economic crisis; socio-cultural processes; ethical requirements; public opinion.

Профессиональная этика имеет большое влияние на имидж профессии, что особенно важно для, так называемых, публичных профессий, к которым относится и парламентская деятельность. Отношение к парламентариям в России было неоднозначным еще с начала XX века, и во многом виной тому было несоблюдение правил парламентской этики, несмотря на их наличие; причем, в некоторые периоды истории российского парламентаризма эти правила были строже, чем законы европейских стран. Основное назначение парламентской этики на данный момент – это предотвращение коррупционных нарушений и поддержание доверия к депутатам в глазах избирателей [1]. Почему вопрос о парламентской этике становится актуален особенно в кризисные периоды финансово-экономического развития? Отвечая на этот вопрос, можно выделить следующие причины:

- в период финансово-экономического кризиса возрастает социальная напряженность, поэтому факты коррупционных нарушений провоцируют недоверие к власти и еще больше подогревают общественное недовольство;
- недоверие к самой идее парламентаризма негативным образом сказывается на политическом и правовом сознании граждан;
- примеры недостойного поведения публичных личностей «заражают» общество на всех уровнях, заставляя подражать ему, снижая уровень морального сознания в целом;
- этические требования общества к власти становятся все ниже, что, в итоге, приводит к отказу от какого-либо участия граждан в общественно-политической жизни.

Изучение состояния парламентской этики на примере Тульского региона поможет выявить такие факты как:

- уровень влияния парламентской этики на отношение общества к парламентариям;
- влияние норм парламентской этики на уровень коррупции;
- связь парламентской этики и отношения к парламентаризму в обществе в целом.

Наблюдения за состоянием парламентской этики в Тульском регионе проводились с 2008 года под эгидой Российского гуманитарного научного фонда; были использованы такие методы, как статический анализ структуры и состава законодательной власти в регионе, этико-нормативный анализ

парламентских документов, а также интервьюирование населения (по вопросам доверия к представителям власти на различных уровнях) [2, 3, 4, 5].

Новизна исследования заключалась, во-первых, в самом рассмотрении парламентской этики в связи с социокультурными факторами, влияющими на региональное развитие; во-вторых – документы по парламентской этике регионального парламента впервые были подвергнуты этико-нормативному анализу с целью выявления их эффективности.

В результате исследований было выявлено следующее. Тульская область является одним из первых регионов, в котором был оформлен подробный кодекс парламентской этики и учреждена комиссия по парламентской этике. Основной упор в первом кодексе делался на соблюдение правил поведения в парламенте, так называемых, этикетных правил, что, однако, имело свою цель – повышение имиджа депутата в глазах его избирателей. Это было достаточно актуально в то время, поскольку уровень доверия к депутатам у населения, согласно результатам опросов, был достаточно низок (2008–2013 год) [2, 3, 4, 5]. Отметим, что в то время финансовые декларации депутатов еще не находились в столь близком доступе, как в последние годы, и, в целом, уровень информированности населения был ниже, благодаря не повсеместной распространенности Интернета. Кроме того, закрытость информации всегда повышает уровень недоверия, формируя в глазах населения некую элитарность определенных социальных групп, что только добавляет общественной напряженности.

В этой связи необходимо отметить, что «принцип открытости» считается одним из семи основных принципов этики публичной политики на Западе в целом. Под открытостью подразумевается свободное владение гражданами информацией: публикация финансовой отчетности, принятых законопроектов, указание фамилий голосующих за конкретные законопроекты, подробные отчеты о результатах законодательной деятельности, отчеты о реальной работе с населением. С 2009 года ситуация с открытостью информации стала улучшаться: так, отчеты о работе парламентариев доступны на официальном сайте Тульской областной думы; сменилась политика финансовой отчетности, которая стала более строгой и более открытой для населения. Тем не менее, вопрос с финансовой отчетностью не столь однозначен: достаточно почитать отзывы и комментарии анонимных пользователей на статьи, где дается информация о финансовом состоянии депутатов – в них чувствуется социальная напряженность.

Парламентская этика связана не только с вопросом открытости, но и с вопросом влияния на уровень коррупционных преступлений. Необходимо отметить, что нормы парламентской этики отличаются от правовых норм как раз тем, что, в отличие от последних, призваны предотвратить те или иные этические нарушения: они обозначают границы допустимого, определяя нравственный минимум должного поведения. Этико-норматив-

ный анализ документов по парламентской этике в регионе за указанный период помог сделать следующие выводы:

- правила парламентской этики в регионе опираются на проект кодекса парламентской этики Государственной Думы, обнаруживая аналогичную проблему: несмотря на их строгость, они не снабжены четкими механизмами реализации и потому часто бывают неэффективны;

- парламентская этика не вплетена в общую антикоррупционную программу: зачастую происходит путаница между понятиями «этика» и «этикет», и под парламентской этикой подразумеваются всего лишь правила поведения в зале заседаний;

- парламентская этика в регионе в целом не выполняет функцию профилактики нарушений, т. к. в этическом кодексе эта функция не отражена и не подчеркнута.

Таким образом, этика функционирует отдельно от антикоррупционных проектов. По сути, профилактика коррупционных нарушений отсутствует; присутствует только идея наказания за уже совершенные преступления. (В то же самое время, анализ уровня уголовных преступлений в ТО показал, что их количество снижается в зависимости от усилий, направленных на их профилактику, это наглядно доказывает важность профилактических программ) [2, 3, 4, 5].

Наблюдение за процессами развития парламентской этики в Тульском регионе позволяют сделать ряд неоднозначных выводов.

Уровень доверия к законодательной власти в регионе достаточно низок, по сравнению с другими ветвями власти, точно также, как и представления об эффективности ее работы. Между тем, общественное мнение о парламентариях нельзя назвать абсолютно объективным – значительную роль в его формировании играют сложившиеся культурные стереотипы, характерные для современного российского общества в целом. Характерно, что за последние эти стереотипы мало изменились, несмотря на более открытую, особенно в последние годы, информацию о финансовой отчетности, законодательной отчетности и так далее. Причиной формирования определенных стереотипов о парламентариях является нечеткое представление о том, какой должна быть система парламентской этики, отсутствие механизмов функционирования кодексов этики и неисполнение существующих правил.

В целом результаты исследования позволяют сделать следующие выводы, имеющие практическое значение:

Уровень доверия к законодательной власти падает в период финансово-экономического кризиса, причем это не зависит от усилий по борьбе с коррупцией, таких, как открытость информации о финансовом состоянии и деятельности депутатов. Изменить образ парламентариев в глазах их избирателей могла бы система парламентской этики, оснащенная эф-

фективными механизмами нормативного регулирования: в этом случае многие нарушения, не подпадающие под правовое регулирование и потому осуждаемые обществом, в силу юридической безнаказанности, могли быть предотвращены или пресечены благодаря этическому кодексу и этической комиссии.

Система парламентской этики должна быть связана с программами борьбы с коррупцией. Опыт многих стран уж показал эффективность такой связи.

Кодекс парламентской этики должен быть оснащен нормативными механизмами, которые помогали бы реализовать этические правила, а для этого нужно в корне изменить систему парламентской этики.

В период формирования системы парламентской этики важно проводить мониторинг общественного мнения о законодательной власти.

Литература

1. Назарова, Ю. В. Влияние региональной власти на социально-экономическую ситуацию Тульской области в современных условиях / Ю. В. Назарова // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: Сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2010. – С. 321–325.

2. Мосин, В. И. Социологический портрет Тульской области / В. И. Мосин, М. С. Журавлев, Ю. В. Назарова, А. В. Романов. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008.

3. Мосин, В. И. Социокультурный портрет Тульской области / В. И. Мосин, М. А. Загибалова, Ю. В. Назарова, А. В. Романов. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009.

4. Мосин, В. И. Социокультурный потенциал развития Тульской области в условиях финансово-экономического кризиса / В. И. Мосин, М. А. Загибалова, Ю. В. Назарова, А. В. Романов, А. В. Слобожанин. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013.

5. Мосин, В. И. Тульская область в условиях финансово-экономического кризиса / В. И. Мосин, М. А. Загибалова, Ю. В. Назарова, А. В. Романов, А. В. Слобожанин. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011.

**ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ
В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ**

**THE PRACTICE OF REALIZATION OF TOWN PLANNING
SOLUTIONS IN DIFFERENT REGIONS OF RUSSIA**

**Н. Д. Сорокина
Nina D. Sorokina**

*Московский авиационный институт (Национальный
исследовательский университет) (Москва, Россия)
Moscow Aviation Institute (National Research University)
(Moscow, Russia)*

***Аннотация.** Инновационное развитие регионов связано с решением задачи технологического прорыва России. С этой целью необходима активная вовлеченность граждан в эти процессы. Между тем существующая практика реализации градостроительных решений препятствует реализации этих процессов в силу отсутствия цивилизованного диалога между властями и жителями. Такое положение вещей нередко приводит к протестам. Поэтому необходимо создание механизма диалога между жителями и другими участниками реализации градостроительных решений.*

***Abstract.** Innovative development of the regions is necessary to solve the problem of technological breakthrough in Russia. For this purpose, active involvement of citizens in these processes is needed. Meanwhile, the existing practice of implementing urban solutions hinders the implementation of these processes due to the lack of a civilized dialogue between citizens and authorities. This state of affairs often leads to protests. Therefore, it is necessary to create a mechanism for dialogue between citizens and participants in the implementation of urban solutions.*

***Ключевые слова:** инновационное развитие регионов, градостроительные решения, социальное участие, диалог власти и населения.*

***Keywords:** innovative development of regions, town-planning decisions, social participation, dialogue between authority and the citizens.*

В настоящее время перед Россией стоит задача технологического прорыва, что тесным образом связано с инновационным развитием регионов. Для решения этой задачи необходима активная вовлеченность граждан в эти процессы. В статье рассматриваются проблемы, препятствующие реализации этих задач, в частности, современные практики реализации градостроительных решений, которые нередко приводят к протестным акциям.

В качестве базовой гипотезы принята следующая. Существенным фактором, влияющим на реализацию того или иного градостроительного решения является отсутствие диалога между властями на муниципальном и городском уровнях и жителями, что приводит в свою очередь к протестным настроениям и действиям протестного характера.

Методы исследования: социологические опросы, анализ документов, наблюдение.

Градостроительная политика современной России осуществляется посредством механизма социального участия жителей, что подразумевает вовлечение граждан в процессы выработки и реализации проектов и программ, формирующих среду их жизнедеятельности. Речь идет об обратной связи как необходимом элементе процесса управления, в данном случае развития городской среды. Для повышения эффективности данного процесса необходим учет мнений жителей при разработке и реализации того или иного градостроительного решения. Само же градостроительное решение должно приниматься во имя развития города, его инфраструктуры, всех сфер жизнедеятельности, направленное в том числе на создание комфортной среды.

Современная урбанистика исходит из того, что «города и регионы... заметно различаются тем, как они генерируют и институционализируют знание, информацию и образование, а затем внедряют их – прежде всего в организации и в площадки деятельности горожан». При этом, «следует окончательно расстаться с представлением о развитии города и инноваций как о линейном процессе. Уже одни только непрогнозируемые эффекты непрерывно сокращающегося периода полураспада валидности знания порождают дисбалансы, кризисы, конкурентные процессы, которые *действуют специфически для каждого случая образом*» [1, с. 185].

Таким образом, при принятии управленческого решения следует не только учитывать интересы всех участников процесса развития города, но и прогнозировать последствия реализации данного решения. С этой точки зрения проанализируем практику принятия и реализации градостроительных решений за последние годы на примере г. Москвы. В 90-е гг. – нач. 2000-х гг. в стране началось формирование рыночных отношений. Был принят Закон города Москвы, основанный на градостроительном кодексе РФ от 25 июня 1997 г. № 21 «О консультативном опросе граждан в г. Москве». Согласно Закону опрос проводится с целью выявления мнения жиль-

цов для учета их интересов по вопросам местной жизни районной Управой (статья 1). Также согласно Закону инициатива проведения опроса может принадлежать помимо главы Управы инициативной группе жителей, считающей не менее 10 граждан. Был принят также Закон города Москвы от 25 июня 1997 года № 28-51 «О защите прав граждан при реализации градостроительных решений в городе Москве». Этот Закон был призван регулировать отношения по защите прав физических и юридических лиц, а также органов власти и (или) должностных лиц городской администрации при реализации градостроительных решений (статья 1, п. 2).

Автор принимала участие в нескольких проектах, связанных с приглашением специалистов для проведения такого опроса, информирования жителей о предполагаемом градостроительном проекте в рамках социологического сопровождения строительства. В качестве примера можно привести диагностику проблем, связанную с принятием градостроительных решений в одном из административных округов г. Москвы еще в начале 2000-х годов в рамках проекта по согласованию интересов на двух объектах. Диагностика ситуации осуществлялась в виде проведения социологического исследования среди жителей, интересы которых затрагивались в связи с предполагаемым строительством различных объектов.

В ходе исследования выявлялся также протестный потенциал жителей обоих объектов, который оказался достаточно высок. Каким формам выражения протеста отдавалось предпочтение? Специально эта тема в опросах не затрагивалась, но из разговоров с жителями во время интервью было видно, что жители, вероятнее всего, предпочтут цивилизованные, правовые способы выражения протеста: подписи под обращениями, суд и т. д. В этой связи одна из местных активисток на первом объекте жаловалась, что народ на митинги, демонстрации и т.п. не поднять.

В настоящее время можно наблюдать усугубление социальных проблем, а жители все больше предпочитают акции протеста в случае принятия того или иного градостроительного решения, ущемляющего их интересы. До сих пор, к примеру, в Москве не утихают конфликты в связи с уплотнением застройки, а в последнее время из-за программы реновации. В Москве создано даже движение против градостроительной политики властей. В основе такого движения не только несогласие с превращением Москвы, по выражению противников точечной застройки в «каменные джунгли», но и борьба с незаконной на их взгляд, застройкой парков, практиками благоустройства, превращающими зеленые зоны в места массовых гуляний, что приводит к вымиранию зеленых насаждений, отдельных видов животных.

А как обстоит дело в других регионах России? В Нижнем Новгороде, к примеру, отмечаются протесты, в основе которых лежит конфликт интересов населения, органов власти, застройщиков по поводу реализации различных проектов в свете современной градостроительной политики и так-

же связанных с точечной застройкой. Проблема, по мнению автора статьи Э. Т. Юхановой, должна решаться с учетом баланса интересов. В реальности, такого баланса нет, общественного согласия по поводу градостроительной политики в Нижнем Новгороде тоже нет ввиду отсутствия «института цивилизованного диалога между участниками конфликта». Проблема усугубляется тем, что крупным инвесторам неважно, куда вкладывать деньги, в какой из регионов страны, в итоге их мало заботят вопросы комплексности, целостности застройки территории [2, с. 56].

Точечная застройка доставляет неприятности жителям и других городов России, в частности, г. Ижевска. Вместо обещанного города-сада возникают кварталы сплошной застройки. Конфликтных точек в городе насчитали около 30. Корень всех проблем видится в том, что городские власти, принимая решения, не учитывают мнение людей. И тогда жители выходят на пикеты [3, 4].

В чем причины такого положения вещей? Одна из причин – чисто правовая. Так, процедуры принятия и реализации градостроительных решений, заложенные в Градостроительных кодексах городов, на данный момент являются квазидемократическими. В первую очередь, это касается практики публичных слушаний. Каким образом проводятся публичные слушания, проследим на примере личного участия в такого рода слушаниях и обобщении этих практик специалистами.

Анализ практик публичных слушаний показывает, что данный институт был создан для того, чтобы фактически исключить притязания жителей на городское пространство. Практика публичных слушаний началась в 2012 году, хотя до сер. 2013 г. продержалась демократическая процедура, когда учитывалось мнение жителей. Публичные слушания фактически предполагают минимум уступок жителям, поэтому помимо убеждения используется и практика принуждения и даже насилия в случае активного сопротивления жителей, что мы нередко наблюдаем в настоящее время в Москве да и в других регионах России.

В последнее время добавился еще один субъект при реализации градостроительных решений, так называемый девелопер. По идее, он должен выполнять функцию развития территории, на деле часто действует в собственных интересах, игнорируя мнения жителей, а вместо развития имеет место деградация окружающей среды, ухудшение и так не всегда благоприятной экологической среды, разрушение социокультурного пространства, к которому привыкли жители, навязывание им чуждого образа городской среды, превращение отдельных районов в «каменные джунгли». Поэтому в качестве другой причины можно назвать агрессивную политику городских властей в союзе с девелоперами и застройщиками по отстаиванию чисто корыстных интересов материального характера.

В качестве третьей причины можно назвать низкий уровень правовой грамотности жителей, их нежелание отстаивать свои интересы. И только

в случае, когда задеты жизненно важные интересы населения, например, жизнь, здоровье, как в случае с «мусорными» протестами, жители начинают протестовать и использовать другие формы протеста, иногда незаконные. Поэтому не случайно, «исследователями констатируется чрезвычайно низкий уровень участия населения в решении вопросов местного значения... муниципальный социум пока еще не осознает своей роли как субъекта МСУ, в сознании большинства российских граждан пока еще преобладают формировавшиеся десятилетия стереотипы по вопросам организации властных структур, блокирующие социальную активность... не преодолено отчуждение населения и отдельного индивидуума от публичной власти, не возникло достаточно предпосылок для социальной включенности граждан в решении проблем местных сообществ» [5, с. 5].

Таким образом, мы наблюдаем отсутствие реального диалога между жителями и другими заинтересованными лицами при реализации градостроительных решений. Гипотеза подтвердилась: существенным фактором, влияющим на реализацию того или иного градостроительного решения является отсутствие диалога между властями на муниципальном и городском уровнях и жителями, что приводит в свою очередь к протестным настроениям и действиям протестного характера. Подобная практика игнорирования интересов жителей рано или поздно приведет к тому, что ситуация будет только обостряться. С одной стороны, будет расти протестная активность недовольных жителей различными градостроительными решениями, с другой – будет происходить (и сейчас уже происходит) ужесточение правил проведения митингов, необоснованное насилие со стороны органов правопорядка, применение репрессивных мер по отношению к митингующим и т. д.

Что касается протестов, то они в последнее время начинают носить ярко выраженный политический характер. Протесты в виде демонстраций можно признать своеобразной формой диалога, точнее принуждением к диалогу, заставляя власть прислушаться к мнению граждан по тому или иному вопросу. И в этом смысле можно говорить о протестах как элементе механизма урегулирования конфликтов. Даже если протесты не достигают своих целей и вроде бы оказываются бессмысленными с точки зрения результата, с точки зрения самого процесса таковыми не являются, так как их энергия, высвобождаясь, не позволяет обществу, государству окончательно деградировать. Обратная связь в виде протестов в конечном итоге оказывается действенной. В то же время, если возникшие и возникающие постоянно социальные противоречия будут носить все более ярко выраженный непримиримый характер, и отношения будут напоминать больше отношения врагов, нежели оппонентов, ситуация может резко измениться. В итоге будет расти социальная напряженность, сама ситуация может перерасти в открытое противостояние, исход кото-

рой пока мало предсказуем. Поэтому необходимо создание механизма цивилизованного диалога между жителями и участниками реализации градостроительных решений.

Литература

1. Маттизен, У. Собственные логики городских ландшафтов знания / У. Маттизен // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике: Сб. ст.; Под отв. ред. Х. Беркинга и М. Лёв. – М.: Нов. лит. обозрение, 2017. – С. 117–192.

2. Юханова, Э. Т. Современные проблемы градостроительной политики в Нижнем Новгороде / Э. Т. Юханова // Власть. – 2014. – № 6. – С. 55–58.

3. Разрешения не выдавалось. Как в Ижевске происходит точечная застройка // Аргументы и факты в Удмуртии. – 2017. – № 31 (2). – 8 авг.

4. Смолина, А. Когда начнётся диалог? Проблема точечной застройки Ижевска усугубляется / А. Смолина // Аргументы и факты в Удмуртии. – 2015. – № 48. – 26 нояб.

5. Майкова, Э. Ю. Местное самоуправление в России: Теория и современные социальные практики: Моногр. / Э. Ю. Майкова. – Тверь: Тверской гос. тех. ун-т, 2016.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ СФЕРЫ ТРУДА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

**MODERNIZATION OF THE LABOR SPHERE
IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION
OF THE WORLD ECONOMY**

**Ю. В. Ушакова
Yulia V. Ushakova**

*Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)
Tyumen State University (Tyumen, Russia)*

Аннотация. *Современные тенденции цифровизации коснулись практически всех, привычных для нас, областей жизни. Каждый день мы наблюдаем примеры того как меняется наша жизнь с изобретением и внедрением всё большего числа гаджетов, программ и самих роботов, заменяющих человека, дающих ему свободу и, в то же время, обесценивающих человеческий труд. Основной волнующей темой является рынок труда, и тот факт, что «роботизация» и цифровизация экономики отразится на общем уровне занятости в стране. Соответственно, на новом этапе эволюции России возрастает роль комплексной модернизации институтов коммуницирующих с рынком труда и его участниками. В данной работе рассмотрены мнения экспертов о влиянии информационных технологий на рынок труда и его трансформацию. Представлены потенциальные варианты трансформации профессий и спроса на рабочую силу.*

Abstract. *Modern trends of digitalization have affected almost all areas of life that are habitual for us. Every day we see examples of changes in our lives because of invention and implementation of an increasing number of gadgets, programs and the robots themselves, replacing the person. That on the one hand, is making their life easier, but on the other devaluating human labor. The most exciting topic is the labor market, and the fact that digitalization of the economy will affect the overall level of employment in the country. Accordingly, at a new stage in the evolution of Russia, the role of comprehensive modernization of institutions communicating with the labor market and its participants is increasing. This research deals with the views of experts on the impact of information technology on the labor market and its transformation.*

Potential options of professions transformation and demand for labor forces are presented.

Ключевые слова: работа, рынок труда, цифровизация, трансформация, профессия.

Keywords: work, labor market, digitization, transformation, profession.

Тема влияния технологий на рынок труда была освещена многими ведущими теоретиками. В своей книге Ronald F. Inglehart отмечает перспективы искусственного интеллекта и его способность обезопасить будущее и сделать его лучше. Обратной же стороной вопроса автор видит быстрое замещение рабочих мест, как с низким уровнем компетенций, так и рабочих мест, требующих повышенных когнитивных навыков. Сравнивая Искусственный Интеллект (ИИ) со змеей пожирающей свой хвост, Рональд Инглхарт, исходит из того, что ИИ способен учиться делать работу человека (даже лучше самого человека), а так же самообучаться ускоренными темпами [1]. Роль ИКТ в формировании общества и экономики изучали многие ученые XX в., среди которых можно выделить Hayashi Yujiro, Fritz Machlup и Umesao Tadao, Masuda Yoneji. Концепция информационного общества, рассмотренная Ёнедзи Масуда, основывается, по мнению автора, на компьютерных технологиях, главная функция которых видится им в замещении, либо значительном усилении умственного труда человека [2].

Своё видение предлагают не только теоретики, но и практики. Предприниматель в области разработки программного обеспечения Мартин Форд, в своей книге «Восстание роботов: Технологии и угроза безработного будущего» [3], приводит различные факты и статистические оценки, свидетельствующие в пользу негативных тенденций на рынке труда. Один из его прогнозов описывает значительное сокращение количества профессий, и как следствие беспрецедентное увеличение мирового уровня безработицы до 75 % к 2100 году.

В свою очередь ведущий экономист в сфере экономики труда Ростислав Капелюшников утверждает, что предсказания «трудового апокалипсиса» с массовой потерей работы из-за распространения новых технологий не имеют оснований. Ни один из прогнозов алармистов, имевших место во времена технологических революций, не исполнился в полной мере [4].

Стоит отметить, что все технологические революции, которые мы можем проследить исторически, приводили к технологической безработице, которая в итоге оборачивалась трансформацией рынка труда, а уровень безработицы стабилизировался.

Конечно, некоторые отрицательные последствия коснутся нашего общества и людей не способных перестроиться на новый уклад экономики.

По оценкам экспертов, в ближайшие 15–20 лет на рынке труда снизится потребность в профессиях, связанных с делопроизводством, рекрутингом, документооборотом и профессиях, связанных с рутинной работой. Роль знаний в условиях изменения экономических, и социальных парадигм общества стремительно растёт. Когнитивные навыки всегда высоко оценивались обществом. Однако стоит отметить, что на современном этапе человеческое сознание становится основным ресурсом [5]. По оценкам экспертов, будет наблюдаться повышение спроса на профессии, связанные с умственными навыками исследователей, инженеров, работников медицинских учреждений, сферы образования, социальных работников, а так же профессии в сфере персонального обслуживания, фитнес-тренеров, менеджеров и работников сферы услуг [6]. Прогнозируется высокая потребность в узкоспециализированных кадрах и рост спроса на ИТ-компетенции.

В рамках исследования Социально-экономического самочувствия населения Тюменской области были проведены экспертные интервью с бизнес-элитой Тюменской области. В ходе интервью экспертам был задан вопрос *«Как Вы думаете, является ли проблемой перспектива роботизации рабочих мест для Вас, Вашей сферы, всего региона?»*. Общее видение опрошенных можно сформулировать цитатой из интервью: *«Роботизация это очень далекая перспектива»*. Эксперты сходятся во мнении, что работы связанные с умственным трудом в ближайшем времени не будут подвержены риску автоматизации. Однако, они согласны, что роботизация в производственных сферах уже давно началась и будет только расширяться. Что в свою очередь является положительным шагом для экономики, и одновременно риском для рабочих. Были озвучены так же предположения о том, что сокращенные рабочие должны будут переобучаться и переходить на более востребованные работы. И переобучение должно начинаться со школ – *«Необходимо менять программу подготовки и номенклатуру специальности. Задача общества в этой ситуации – обеспечить продуктивное поведение человека, и это должна быть целая индустрия – роботоклассы например»*.

В целом, большая часть экспертов, принимавших участие в интервью, не видят проблемы связанной с роботизацией, вероятно по причине недопонимания ситуации. Из интервью можно заметить, что многие отмечают роботизацию именно в производственных сферах, посредством машин и оборудования, выполняющих ручной труд. Однако, на современном этапе «роботизация» это уже нечто больше – это так же замена некоторых умственных навыков, которые возьмут на себя различные программы и алгоритмы. И на это необходимо обращать внимание при формировании цепочек развития региона.

В принятой правительством Российской Федерации программе «Цифровая экономика» четко прослеживается направление повсеместного внедрения цифровых технологий и их системного развития, в том числе в социальной сфере и городском хозяйстве [7].

Ранее традиционная система образования делала акцент на подготовку кадров для производственных или офисных профессий. В будущем же акцент сместится на профессии, требующие индивидуальный подход и личный контакт. По мнению Кристофера Писсаридес технологические открытия должны стать инструментом модернизации всех дисциплин, и в первую очередь точные науки. И они же должны стать общими дисциплинами для всех профессиональных направлений [8].

Согласно данным Росстата по среднегодовой численности занятых в Тюменской области структура занятости практически не меняется. Наблюдается незначительный рост работников в сфере добычи полезных ископаемых, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, научные исследования и разработки.

Хотя на данном этапе глобальных изменений в трансформации структуры рынка труда не наблюдается, можно с уверенностью сказать, что работодатели уже осознают все происходящие изменения и меняют свои запросы для рекрутиговых агентств [9].

Основой преобразований в сфере труда на современном этапе развития России станет образование и навыки. Цифровизация ведет к увеличению числа нестандартных форм занятости, трансформации профессий и знаний. Сущность работы и навыков меняется, и общество должно меняться вместе с ними. Главным трендом современного общества должно стать стремление к непрерывному обучению и формирование новых компетенций, основанных на цифровой грамотности, а государственные и региональные власти – стремиться вводить последовательные инновации, основанные на целостности.

Литература

1. Inglehart, R. F. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World / R. F. Inglehart // Cambridge Univ. Press Hardcover, 2018. – P. 288.

2. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda // Wash.: World Future Soc., 1983. – P. 178.

3. Ford, M. Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future / M. Ford // Basic Books. 2015. – P. 352.

4. Капелюшников, Р. И. Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? / Р. И. Капелюшников. – М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2017.

5. Андреева, Л. Ю. Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда / Л. Ю. Андреева, О. Т. Джемаев // Гос. и муниципальное управление: Уч. зап. СКАГС. – 2017. – № 3.

6. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Цифровые технологии диктуют правила игры на рынке труда [Электронный ресурс]. – URL: <http://ac.gov.ru/commentary/015512.html> (дата обращения: 15.07.2018).

7. Цифровая экономика Российской Федерации: Программа [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/28653/>

8. Роботы изменят рынок труда, и для людей в этом есть плюсы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/news/191202689.html> (дата обращения: 15.07.2018).

9. Профессии будущего [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/27746442.html> (дата обращения: 15.07.2018).

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF EDUCATIONAL ACTIVITIES**

**А. В. Щепотьев, Л. В. Гетманцев
Alexander V. Shchepotev, Leonid V. Getmantsev**

*Тульская областная организация Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России (Тула, Россия),
Местное отделение Астраханского регионального отделения
ООГО «Российское военно-историческое общество»
в Ахтубинском районе (Ахтубинск, Россия)
Tula regional organization of the all-Russian public organization –
ZNANIE Society of Russia (Tula, Russia),
Local branch of the Astrakhan regional branch of
OOGO «Russian military historical society» in Akhtubinsk district
(Akhtubinsk, Russia)*

Аннотация. *В статье рассматриваются тенденции развития информационно-просветительской деятельности в реалиях современного мира, требующих сохранения России как уникальной социальной общности народов. Раскрываются отдельные новые технологии, нашедшие применение в социально-культурной деятельности институтов государства и институтов гражданского общества, методы и формы распространения новых знаний о достижениях отраслей науки, повышения эффективности образовательно-просветительской работы и воспитания патриотизма.*

Abstract. *The article deals with the tendencies of the development of information and educational activity in the realities of the modern world, requiring the preservation of Russia as a unique social community of peoples. The article reveals some new technologies that have been applied in the social and cultural activities of the state institutions and civil society institutions, methods and forms of dissemination of new knowledge about the achievements of the branches of science, improving the effectiveness of educational work and education of patriotism.*

Ключевые слова: просветительская деятельность, общественные организации и сообщества, ресурсный потенциал, духовно-нравственное воспитание, социально-культурная деятельность, патриотизм.

Keywords: educational activities, public organizations and communities, resource potential, spiritual and moral education, social and cultural activities, patriotism.

Просветительская деятельность – разновидность неформального образования, совокупность информационно-образовательных мероприятий по пропаганде и целенаправленному распространению научных знаний и иных социально значимых сведений, формирующих общую культуру человека и основы его мировоззрения. Она осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства; создает условия социализации личности, мотивированности ее на развитие активной жизненной позиции.

Влияние движения просветительства передовой общественной мысли на разные стороны социальной жизни всегда было значительным. Междисциплинарный характер проблемы просветительства predetermined устойчивый и многоплановый интерес к нему со стороны представителей многих отраслей науки. Популярность термина «просветительство» ввела его в активный словарный оборот разных наук и расширила его смысловые поля [1].

Россия сегодня как никогда нуждается в просветительстве во имя сохранения человеческого и культурного генофонда нации, сохранения ее территориальной и этнической целостности. К началу второго десятилетия нынешнего века стало очевидным неблагополучие нравственной среды, сложившейся в стране. Значительное социальное расслоение, возникшее в результате реформ последних лет предыдущего столетия, привело к ослаблению социально-экономических условий жизни и обострению межэтнических отношений. Характерными чертами того периода явились невнятность политики государства в области общего и профессионального образования и ослабление институтов культуры при агрессивной экспансии различных псевдокультур [2]. Также резко обозначились такие тревожные симптомы как девальвация ценности института семьи, эрозия духовной взаимосвязи поколений.

В данных обстоятельствах возникла исторически обусловленная необходимость сплочения российского общества в целом, объединения усилий институтов государства и гражданского общества, обращенных на сохранение и развитие России как уникальной социальной общности народов. Эти идеи нашли свое выражение в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента РФ № 1666 от 19.12.2012), «Основах государственной

культурной политики» (Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014), «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства РФ № 2403-р от 29.11.2014) и иных документах. В свете этих основополагающих документов сфера просветительской деятельности становится специфической составляющей образовательного комплекса государства.

В первой половине десятых годов XXI века в целях дальнейшего развития гражданского общества, интеграции сил государства и общества в духовно-нравственном воспитании граждан РФ, содействия изучению достижений отраслей науки, повышения эффективности образовательно-просветительской работы и воспитания патриотизма создается ряд общественных организаций, которые в своих уставных задачах, среди прочих направлений деятельности, ставят научное просвещение и создание новых просветительских ресурсов. Среди них: Ассоциация «Российское историческое общество» (2012), Общероссийская общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество» (2012), Общероссийская общественно-государственная просветительская организация «Российское общество "Знание"» (2015), Фонд «История Отечества» (2016) и другие. В эти же годы ряд общественных объединений существенно расширяют свои задачи и предметы деятельности. Например, старейшее (основано в 1845 году) отечественное общество Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество» (изменение Устава в 2014 году). Или ищут новые возможности в распространении научных знаний с учетом современных информационных и инновационных технологий и велений исторического этапа России. К таким институтам гражданского общества можно отнести Общероссийскую общественную организацию Общество «Знание» России, имеющую опыт просветительской деятельности более 70 лет [3].

На этом же историческом отрезке в ответ на вызовы времени происходит критический и конструктивный анализ состояния просветительской деятельности, консолидируется актив просветителей вокруг идей возрождения России. Идет формирование базовых позиций и содержания миссии просветительства в современной России, осуществляется переход на качественно новый уровень его системного и организационно-методического развития. В работе обществ находят применение новые формы и методики просветительства, осуществляется поиск в изменившихся экономических условиях устойчивых источников финансирования, участия организаций и их структур в реализации грантовых проектов по программам президента страны и региональных властей [4].

На современном этапе в просветительскую деятельность различных сообществ и организаций входит комплекс программ просвещения и просветительских проектов. Их реализация обеспечивает преемственность

развития страны, сохраняя, с одной стороны, традиции и обычаи, существующий жизненный уклад, а с другой – открывая двери инновациям, способствующим движению России вперед. В просветительстве активно участвуют средства массовой информации, включая интернет-сообщества, исследовательские центры, вырабатывающие рекомендации по формированию государственной и региональной политики в сфере просветительской деятельности, по содержанию проектов и программ просвещения. Участие институтов гражданского общества в укреплении единства народов многонациональной России, в формировании гражданского национального самосознания и патриотизма среди всех категорий населения (и прежде всего молодежи) активно проявляется в широкомасштабной и современной по формам просветительской деятельности.

При этом просветительство имеет два вектора своего развития. Первый – распространение добытых наукой новейших знаний в области истории и культуры страны и мира, наук о человеке, природе и обществе, разрешения глобальных проблем человечества. Предметами просвещения второго направления являются три фундаментальные идеи: гражданственность, патриотизм и социальная справедливость.

В своей работе общественные организации и сообщества широко опираются на традиции отечественного просветительства и активно задействуют ресурсные потенциалы просветительской деятельности:

- организационный ресурс. Сетевое строение позволяет отбирать и распространять передовой опыт и социальные технологии, осуществлять оперативные контакты региональных и местных отделений обществ с центральными структурами;
- научно-методический ресурс. Использование интеллектуальной собственности членов обществ, творческих контактов и сложившихся связей с организациями науки, культуры и образования;
- кадровый ресурс. Привлечение к просветительской работе видных деятелей науки, культуры, образования, религиозных конфессий, ветеранов и специально подготовленной учащейся молодежи;
- информационный ресурс. Широкое взаимодействие со средствами массовой информации, собственная издательская деятельность, эффективное использование информационно-коммуникативных технологий;
- социально-партнерский ресурс. Опорными пунктами просветительской работы служат образовательные учреждения всех уровней, видов и форм, ветеранские и иные общественные организации, молодежные клубы и объединения, учреждения культуры (музеи, библиотеки, театры, кинотеатры и пр.), социальные службы, учреждения здравоохранения, правоохранительные органы, воинские части.

Во многих случаях творческий подход к использованию перечисленных ресурсов максимально наполняет публичные лекции, научные докла-

ды и конференции, семинары, тематические вечера, чтения, устные журналы, круглые столы, беседы и консультации новыми формами и методами их проведения. Это подстегивает интерес современной публики к получению знаний.

При проектировании и разработке просветительных программ социально-культурной деятельности широкое распространение получила тенденция использовать и реализовывать потребности современной аудитории в развлекательности. Одним из «трендов», характеризующим развитие информационно-просветительской деятельности, стал инфотеймент – способ подачи материала, который нацелен как на развлечение, так и на информирование аудитории. В формате «круглого стола», «устного журнала» при достаточно длительном обсуждении проблемы или доведении информации с участием нескольких уважаемых, известных и авторитетных людей, он делает восприятие легче и интереснее, привлекает внимание, выделяет сообщение, разряжает обстановку.

Очень популярной формой просветительства является лекция. В настоящее время лектории получили широкое распространение в работе музеев, библиотек и иных учреждений культуры. Публичные лекции становятся основой научно-популярных и образовательных программ телевидения. Возрастает и посещаемость интернет-сайтов с видеолекциями по самым разным темам. Стиль чтения публичных лекций существенно изменился. Традиционная лекция с заранее подготовленным текстом и соответствующая ей дисциплинарная эстетика уходит в прошлое. В лекции большое значение уделяется свободным рассуждениям, импровизации лектора. В результате она напоминает презентацию или шоу. Лекторская, преподавательская коммуникация с аудиторией превращается в своеобразное представление. Это не просто импровизация автора, но игра со слушателем, которая создает эффект сотворчества, устраняя границы между автором и аудиторией [5].

Развитие массмедийных технологий открыло новое магистральное направление просветительной работы, что привело к внедрению и распространению видоизмененных ее форм, к которым, например, можно отнести интернет-конференции, виртуальные выставки и музейные экспозиции, удаленный доступ к информации о культурных ценностях.

В информационно-просветительных технологиях все большую роль играет Интернет. Он представляет собой удобный и доступный источник разнообразной информации, систему накопления, хранения, распространения и использования культурных ценностей, а также несет в себе громадный потенциал оказания информационно-просветительных услуг в сфере социально-культурной деятельности. Возникла новая информационная среда, расширяющая границы взаимодействия и предоставляющая обширные возможности получения новых знаний. Перспективы развития услуг

Интернета предполагают совершенствование средств передачи информации и повышение скорости передачи, которые делают реальным применение мультимедийной сети в широкой практике просветительской работы.

При использовании телекоммуникаций хорошо себя зарекомендовали:

– интерактивные обучающие деловые игры между двумя и более объединениями студентов;

– научные и научно-методические журналы, газеты и пр.;

– совместные проекты, предусматривающие сбор разнообразных фактов, данных, их изучение и анализ;

– онлайн-тесты и диктанты по русскому языку, истории, географии.

Получают развитие электронные библиотеки – современные сложные информационные системы. Они предоставляют пользователям особый вид вещательных услуг, обеспечивая возможность работы с электронными каталогами и бесплатный доступ ко многим классическим произведениям литературы и искусства, научным трудам. Приобретают широкое распространение методики создания глобальных электронных информационных коллекций, которые стали технической основой библиотек будущего.

В практической работе по целенаправленному патриотическому и историко-культурному воспитанию эффективно используется сила и энергия молодых добровольцев и волонтеров-просветителей [6]. В этих направлениях просветительской деятельности развиваются новые формы взаимодействия молодежи на межрегиональном уровне [7], активное ее вовлечение в поисковую работу [8], получение новых знаний и нравственных ценностей посредством приобщения к коллекционированию [9].

Заметную роль в организации эффективной просветительской деятельности, создании просветительских событийных сетей, обеспечивающих наряду с образованием условия для повышения интеллектуального уровня населения, формирования его мировоззрения и приобщения к современным достижениям науки и культуры, стали играть музеи. Помимо традиционного экскурсионного обслуживания в их работе применяются технологии, нацеленные на то, чтобы любой посетитель при изучении экспозиций получал не интерпретацию представленного, а собственный опыт общения с ним в максимально комфортных для этого условиях. При этом широко используются видеоинсталляции с объемным звуком, мобильные радиосистемы и автоматические аудиогиды, сенсорные киоски и большие информационные дисплеи. Музеи стали чаще выступать в роли площадок для экспозиций частных коллекций, выставок объединений коллекционеров, мастеров народного и художественного творчества, реализуя неотъемлемое право граждан на беспрепятственное получение и свободное пользование познавательной информацией. Новые формы работы музеев, в особенности музеев военной тематики [10], находят отклик в молодежной среде, выводят патриотическое воспитание и историко-культурное просвещение подрастающего поколения на качественно иной уровень.

Краткий анализ тенденций развития просветительской деятельности в современной России показывает, что просветительство как феномен и как особый вид деятельности получает подъем в переломные моменты эволюции русского общества. Просветительство тесно связано с культурно-историческими задачами развития государства, с обеспечением консолидации общества в сложных и меняющихся условиях XXI столетия, основывается на историческом опыте и учитывает современные реалии. Особенности цивилизационного пути России, исторически сложившаяся система ценностей, традиции и культура составляют тот потенциал, на основе которого возможно дать ответ на любые вызовы времени.

Литература

1. Якушкина, М. С. Просветительство как ресурс развития пространства образования взрослых государств – участников СНГ / М. С. Якушкина. – СПб., 2016.
2. Головчанов, С. С. Концепция просветительской деятельности «Просвещение для будущего» / С. С. Головчанов, Г. П. Огорокова. – Жуковский, 2016.
3. Щепотьев, А. В. Просветительская деятельность в Тульской области // Н. Г. Шеин. Эстафета поколений. Наше военное детство и мы сегодня. – Тула: Папирус, 2017.
4. История и современность [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.znaniyerussia.ru/about/Pages/history.aspx> (дата обращения: 23.04.2018).
5. Долженкова, М. И. Современные тенденции развития информационно-просветительских технологий социально-культурной деятельности / М. И. Долженкова // Вестн. ТГУ. – Тамбов, 2011. – № 12 (104). – С. 601–606.
6. Щепотьев, В. И. Развитие волонтерства и добровольческой деятельности как инструмент воспитания патриотизма / В. И. Щепотьев, А. В. Щепотьев, А. И. Щепотьев // Актуальные вопросы современной педагогики. – Самара: Изд-во АСГАРД, 2017. – С. 77–81.
7. Гетманцев, Л. В. Развитие межрегиональных патриотических связей как направление культурной работы молодежи / Л. В. Гетманцев // Вестн. ТИЭИ. – 2015. – Дек. – С. 78–81.
8. Щепотьев, А. В. Влияние поисковой деятельности на патриотическое воспитание молодежи / А. В. Щепотьев, Л. В. Гетманцев // История. Исторические источники. – 2017. – № 4. – С. 45–51.
9. Щепотьев, А. В. Развитие и пропаганда коллекционирования как инструмент поднятия культурно-нравственного уровня молодежи / А. В. Щепотьев, В. В. Надеин // Вестн. ТИЭИ. – 2014. – № 5. – С. 98–102.
10. Щепотьев, А. В. Роль музеев военной тематики в воспитании / А. В. Щепотьев // Проблемы экономики и информатизации образования; Науч. ред. Е. Б. Карпов. – Тула, 2013. – С. 393–397.

**ИДЕЯ ПРИДАНИЯ КИРЕЕВСКОМУ РАЙОНУ
ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

**THE IDEA OF THE ACCESSION TO THE KIRYEV DISTRICT
OF THE TULA REGION OF THE HONORARY TITLE
OF THE MILITARY-PATRIOTIC DIRECTION**

**А. В. Щепотьев, Я. Ю. Федорова
Alexander V. Shchepotev, Yana Yu. Fedorova**

*Тульская областная организация Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России (Тула, Россия);
Киреевская школа для детей сирот и детей,
оставшихся без попечения родителей (Киреевск, Россия)
Tula regional organization of all-Russian public organization
the Society «ZNANIE» of Russia (Tula, Russia);
Kireevskaya school for orphans
and children left without parental care (Kireevsk, Russia)*

***Аннотация.** История Киреевского района Тульской области имеет уникальную многовековую военную историю, запечатленную в достаточно большом количестве памятников, воинских мемориалов, воинских захоронений, в архитектурных комплексах и музеях. История Великой Отечественной войны занимает особое, центральное место, в мемориальной практике Киреевского района. Киреевский район в годы ВОВ доблестно показал себя при защите Отечества. По мнению авторов, Киреевскому району целесообразно присвоить почетное звание военно-патриотической направленности.*

***Abstract.** The history of the Kireevsky district of the Tula region has a unique centuries-old military history, imprinted in a large number of monuments, military memorials, military graves, in architectural complexes and museums. The history of the Great Patriotic War occupies a special, central place in the memorial practice of the Kireyevsky district. Kireevsky district during the Second World War valiantly showed itself in defense of the Fatherland. In the opinion of the authors, it is advisable to assign the honorary title of military-patriotic orientation to the district of Kireevsk.*

Ключевые слова: военная история, памятники, музеи, исторические реконструкции, почетные звания, рубеж воинской доблести, населенный пункт воинской доблести.

Keywords: military history, monuments, museums, historical reconstructions, honorary titles, a line of military valor, a populated place of military valor.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. жестоким, кровавым катком прошла по тульской земле. Уже 18 ноября 1941 года немецкая 2-я танковая армия генерала Г. Гудериана перешла в наступление – второе генеральное наступление в обход Тулы. К исходу дня защитники села Дедилово – части советских 299-й и 413-й стрелковых дивизий и поддерживающие их танкисты 32-й танковой бригады – были смяты после упорных боев. Огромные потери подчеркивает тот факт, что 299-я стрелковая дивизия вскоре просто прекратила свое существование. Немецкий танковый клин буквально разрезал всю 50-ю армию надвое, и немецким войскам открывалась прямая дорога на Сталиногорск, Венёв, Каширу и Москву. Село Дедилово было оккупировано с 18 ноября по 15 декабря 1941 года. В тот день передовые части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, встретив и разгромив в Дедилово организованную немецкую оборону, захватили в качестве трофеев 6 немецких средних танков и 4 танкетки, и без остановки проследовали далее на запад.

Первой и самой массовой формой мемориализации стали военные памятники. Исследователи отмечают: «Истоки современных публичных военных монументов уходят корнями в древневосточную традицию, где они подтверждали централизованный характер власти, создавали ощущение единства общества, принадлежность индивида к системе и массово тиражировали главную идею государства – подчинение и защиту». Значимую роль в увековечивании памяти о событиях Великой Отечественной войне и послевоенных конфликтах традиционно играют музеи. В последние десятилетия в Киреевском районе проявилась тенденция к массовому развитию новых, интерактивных форм мемориализации: военно-исторические реконструкции, военно-технические выставки, исторические фестивали, костюмированные конкурсы военно-патриотических песен, выставки военной миниатюры, посвященные событиям Великой Отечественной войны. С 2012 г. самой массовой формой сохранения памяти о войне стал «Бессмертный полк».

После 9 мая 1945 г. прошло много лет, но советское, а затем и современное российское общество осознавало и осознает Великую Отечественную войну как важнейшее событие в своей истории. Война закончилась, но

память о ней по-прежнему жива в мемориальных практиках. В канун 30-летия Победы в Киреевском районе был открыт памятник Великой Отечественной войны Мемориальный комплекс «Курган Бессмертия» в целях увековечивания памяти бойцов и командиров, павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В Киреевске в 1970 году был установлен мемориальный сквер с братской могилой советских воинов, павших в боях за окрестности современного города. Братская могила выполнена в виде мемориального комплекса, состоящего из прямоугольного монолитного постамента, площадью 80 кв. м, в центре которого зажжён «Вечный огонь», который обязательным элементом композиции новых мемориалов и памятников. Надгробие выполнено в виде головы скорбящего воина. Напротив надгробия – бетонная стена, на которой высечены слова: «Стойкости, мужеству, верности родине наших воинов, павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками».

Мемориалы и памятники защитникам Отечества, расположенные в Киреевском районе Тульской области, заняли свое место на Всероссийском сетевом проекте «Карта Памяти», посвященном 70-летию Великой Победы.

Историческая память общества складывается под воздействием различных факторов и различных государственных и общественных институтов. Ратная история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенные конфликты нашли свое отражение в мемориальной культуре Киреевского района. Указанным событиям посвящены сотни воинских памятников, фонды и экспозиции десятков музеев. В мемориальной деятельности самое активное участие принимают поисковые отряды и объединения, разыскивающие могилы захороненных и безымянных павших защитников Отечества, военно-исторические клубы и военно-патриотические организации. Свою роль в этом играют и экскурсоводы туристических агентств и фирм.

С целью развития патриотического духа жителей Киреевского района, увеличения туризма для Киреевского района целесообразно организовать работу по присвоению району статуса «рубеж воинской доблести» или «населенный пункт воинской доблести», присвоение которого предусмотрено Законом Тульской области от 28 мая 2015 года № 2312-ЗТО «О почетных званиях Тульской области "Город воинской доблести", "Населенный пункт воинской доблести", "Рубеж воинской доблести"».

Данная идея уже была апробирована в научной среде. На IX Тульском молодёжном экономическом конкурсе инновационных проектов и идей научная работа Федоровой Яны Юрьевны «Развитие внутреннего туризма малых городов и населенных пунктов (на примере Киреевского района Тульской области)» в номинации «Проекты и идеи, направленные на развитие внутреннего туризма малых городов Тульской области» заняла первое место.

Присвоение почетного звание району окажет содействие не только в поднятии патриотического духа, усиление гордости жителей за свою малую родину, но и будет способствовать развитию туризма, что благоприятно скажется на пополнении бюджета района, будет способствовать занятости населения (в сфере туризма и инфраструктуры деятельности) и т. д.

Своим славным боевым прошлым Киреевский район Тульской области вполне заслуживает того, что бы данному населенному пункту (Киреевскому району или его отдельным населенным пунктам (селам, городу и т. д.)) было присвоено почетное воинское звание, как минимум, на региональном уровне. Для данного процесса целесообразно объединить усилия активистов, общественных и муниципальных организаций, а также органов власти.

Литература

1. Кузнецова, К. И. Инновационный потенциал российских регионов: (На примере социального предпринимательства в Тульской области) / К. И. Кузнецова // Вестн. ТИЭИ: Электрон. науч.-образовательный журн. – 2015. – № 6. – С. 76–78.

2. Пуляев, А. В. Эффективность туристического бизнеса в условиях ориентации на внутренний туризм региона / А. В. Пуляев, А. В. Щепотьев // Современные тенденции развития аудита, бухгалтерского учета и финансового анализа в Российской Федерации: Междунар. науч.-практ. конф. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2017. – С. 82–85.

3. Пуляев, А. В. Развитие внутреннего туризма в призме спорта / А. В. Пуляев, А. А. Наскин // VII Тул. молодежный экон. конкурс инновационных проектов и идей: Сб. тез. / Под ред. Ю. Д. Земляникова. – Тула: Имидж Принт, 2016. – С. 421–425.

4. Щепотьев, В. И. Развитие волонтерства и добровольческой деятельности как инструмент воспитания патриотизма / В. И. Щепотьев, А. В. Щепотьев, А. И. Щепотьев // Актуальные вопросы современной педагогики: Материалы X Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). – Самара: Изд-во АСГАРД, 2017. – С. 77–81.

«Круглый стол»

**ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА И КОНКРЕТИЗАЦИЯ
МЕТОДОВ ВЫЯВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ РЕГИОНОВ**

УДК 342.55

DOI 10.22405/978-5-6041453-4-0-2018-341-349

**МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ
ИННОВАЦИОННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИК
И СТРАТЕГИЙ¹**

**LOCAL POWER AS A SUBJECT OF IMPLEMENTATION
OF INNOVATIVE REGIONAL POLICIES AND STRATEGIES**

**С. Н. Баранец
Sergey N. Baranets**

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС
(Санкт-Петербург, Россия)*

Northwest Institute of Management PANERA (Saint-Petersburg, Russia)

***Аннотация.** В статье представлен один из аспектов теоретического обобщения результатов включенного и участвующего наблюдения социально-политических процессов и экспериментов в сфере регулирования местной власти посредством реализации государственных муниципальных политик в регионах Российской Федерации. Запрос на «перемены смыслов» в ситуации переживания последствий перманентных кризисов «малой власти» анализируется в связи с потребностями в муниципальных лидерах нового типа, востребованных руководством страны на новом этапе государственного строительства в качестве инновационно ориентированных и договороспособных акторов политического процесса.*

***Abstract.** The article presents one of the aspects of theoretical generalization of the results of the included and participating observation of socio-*

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

political processes and experiments in the sphere of regulation of local authorities through the implementation of state municipal policies in the regions of the Russian Federation. The request for «change in meanings» in the situation of experiencing the consequences of the permanent crises of «small power» is analyzed in connection with the needs of new type of municipal leaders in demand by the country's leadership at the new stage of state building as innovative and contractual actors of the political process.

Ключевые слова: *региональная политика, коммуникационные стратегии, местная власть, муниципальное управление, лидерство*

Keywords: *regional policy, communication strategies, local authority, municipal government, local leadership.*

Как известно, социальная коммуникация традиционно рассматривается как универсальный социокультурный механизм, ориентированный на активное взаимодействие социальных субъектов, на воспроизводство и динамическое развитие социокультурных норм и образцов такого взаимодействия [см, напр., 1, 2]. Очевидно, однако, что этот универсальный механизм должен по-разному проявлять себя в различных сферах социальной жизни, и, следовательно, для вычленения, описания и объяснения этих проявлений исследователь вынужден применять соответствующим образом отрегулированные познавательные инструменты. Оставляя в стороне исключительно важные проблемы методного обеспечения социологических исследований морфологии коммуникационных пространств в политической сфере жизни общества и содержательно-процессуальной стороны политической коммуникации различных носителей политического активизма, обратим внимание на важность предпосылочной концептуальной схематизации комплекса субъект-субъектных связей и взаимодействий, практикование которых, собственно, и создает саму возможности осмысленного коммуницирования ради реализации избранной интенциональной установки в отношении политических и иных измерений социальной реальности.

Концепт «турбулентных времен», как представляется, призван подчеркнуть то существенное обстоятельство, что всякий кризис в социуме по мере его развертывания нарушает нормальный процесс общительного взаимодействия между носителями социальных компетенций, что приводит, в конечном счете, к «невнятности» социального диалога, к снижению договороспособности социальных субъектов и чревато утратой привычного (объективного) смысла актов социальной коммуникации. Принято считать, что кризисный социум менее склонен к внутренней рефлексии, поскольку кризис потому и кризис, что он подвергает проверке на прочность опорные

константы повседневного социального бытия, равно как и констатации относительно его, бытия, непеременимости и непреходящести. Перемены и привычки, мирно сосуществующие и дополнительные друг для друга в гармонические времена, в эпохи кризисов превращаются в перемены привычек и, более того, способны породить привычку к переменам, что придает, к примеру, повседневным практикам властного воспроизводства социальных порядков черты и характеристики, свидетельствующие о склонности к поискам простых ответов на заведомо непростые вопросы. То, как искажаются в этих случаях нормальные коммуникационные акты, как деформируются сигналы и информация, к каким выбросам деструктивной социальной энергии и даже разрывам социальных связей могут приводить и нередко приводят недоразумения в восприятии объективных тенденций общественного развития в случаях кризисного развития событий, хотелось бы показать в связи с анализом политической составляющей процессов реформирования местного самоуправления в Российской Федерации и тех проблем обустройства нормальной коммуникации между субъектами власти, которые возможно адекватно описать и объяснить ради их разрешения, помимо прочего, и средствами политической социологии.

Если рассматривать власть, руководство и управление как триаду мотивированных действий индивидуального, группового и социального субъекта в отношении собственной упорядочивающей деятельности в отношении социальных взаимодействий тех, кто к этим взаимодействиям потенциально способен, то необходимо отметить ограниченное число вариантов их проявления в коммуникативном пространстве, задаваемом мотивами, смыслом и интенциональностью. Мотив как смысловая интенция, предписываемая власти, востребует управляющее руководство; смысл как интенциональный мотив, предписываемый руководству, востребует властное управление; наконец, интенция, как мотивированный смысл, предписываемый управлению, востребует руководящей власти. Заметим, что это не просто игра в слова: каждый из обозначенных случаев соответствует типичному проявлению политической воли, политической рациональности и политической страсти, особое сочетание которых присутствует в каждом проявлении повседневной практики в осуществлении политик на национальном, субнациональном и местном уровне властвования (в российском варианте – федеральном, региональном (субъекта федерации) и муниципальном).

Коммуникации уровней власти и управления как субъектов реализации права на властвование посредством управляющего воздействия осуществляется в разных формах и разными способами, но главными среди них могут быть названы принятие решений, их исполнение и контроль за этим процессом, а также обеспечивающий документооборот. При этом качество объективной реальности процессам властвующего управления как руководства к действию придает именно документационное оформление

управленческих решений в виде соответствующих текстов, составленных и обращающихся в управленческой среде по определенным правилам и имеющих ту или иную юридическую силу. Это то, что выносится на поверхность безбрежного океана управленческих взаимодействий, в том числе и коммуникативной природы, но что (и это принципиально важно) отражает, в конечном счете, лишь небольшую часть потенциально возможных политико-властным образом мотивированных «отмысленных» управленческих актов, относительно содержания которых достигнуто консенсусное согласие ограниченного круга наделенных полномочиями (ответственных) лиц. В этом принципиальное отличие такого инструмента осуществления социальной власти, как государственное управление – в отличие от форм непосредственной демократии и местного самоуправления, основывающихся на договорных процессах и договоренностях, которые чаще всего не нуждаются в документационном воплощении. «Глас народа» как трансцендентная для государственной власти реальность самосознательного самоуправления ради самосохранения достигнутой степени социальной присутствия присутствует в коммуникационном пространстве государствообразующих органов и должностных лиц чаще всего как обстоятельство, за которым изредка (в кризисных ситуациях) обнаруживаются конкретные, достойные именования субъекты, и которое становится объектом внимательного (осмысленного) управленческого реагирования зачастую только в случае грубого нарушения сложившегося порядка вещей и/или политического «status quo». Для его локализации, интерпретации и канализации используются многочисленные бюрократические технологии, однако в кризисные времена естественна апелляция к скорейшему преодолению дистурбаций и восстановлению состояния гармонии и стабильности. Понятно, что в этом случае акцентированное социальное долженствование в отношении массовых социальных экспектаций выступает ведущим идеологическим мотивом власти, желающей продолжать властвовать, руководя управленческим процессом так, чтобы принимаемые решения понимались обществом адекватно, и чтобы ответная социальная реакция на политические запросы относительно образов желательного будущего демонстрировала массовидное проявление качеств «хорошего гражданина», способного не только общаться с государственной управляющей властью, но и сотрудничать с ней. Именно в этом случае политико-коммуникативный потенциал местной власти, по необходимости встроенной как существенный элемент в региональный политический режим, становится крайне востребованным и поощряемым к реализации. Прохождение же экстремальной фазы циклического кризиса приводит к актуализации обратной тенденции: коммуникативное пространство местной власти намеренно ограничивается, порою схлопываясь до позиции простого ретранслятора спускаемых «сверху» властно-управленческий команд директивного типа, которые следует испол-

нять как простой, одномерный и однозначный приказ, не задумываясь о его предназначении, ценности и содержательной логике последствий.

Управленческая логика государственного служения обществу посредством профессионализации и разграничения ответственности соответствующих субъектов нередко вступает в противоречие с уровнем компетенционных возможностей, обеспеченностью ресурсами для использования полномочий и степенью освоения разнообразных коммуникативных стратегий в отношении населения, которые демонстрирует российская муниципальная власть. Служение подменяется службой, которая имеет существенные ограничения в выборе средств управленческого воздействия, поскольку подчиняется логике администрирования через регламентацию функций и услуг. При этом политический компонент государственного управления вытесняется в сферу понимания, деятельности и коммуницирования должностных лиц иерархически высшего статуса, которые вынуждены отвечать за всё и за всех, а потому поневоле принимают ко вниманию любой из вопросов, сформулированный как запрос гражданина, организации или представителя иной ветви власти. При массовой реализации права на обращения в органы власти и к должностным лицам, наделенным властными компетенциями на принятие значимых для общества управленческих решений, в том числе с использованием современных технических средств существует не так уж много способов отделения информации и информационного шума, и они далеко не всегда эффективны. В связи с этим, практически любой акт непосредственной коммуникации высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и конкретного гражданина оказывается сингулярной точкой, в которую стягивается вся мощь государственного бюрократического аппарата, вокруг которой разыгрываются нешуточные страсти и выплываются многомерные интриги, и в связи с которой имеют место самопорождающее множество когнитивных ситуаций, в которых творческий ресурс обслуживающих власть специалистов и экспертов сталкивается с творческой самодеятельностью политически ориентированного сознания отдельных граждан и социальных групп. Наблюдать эти процессы крайне интересно, но пытаться описать их социологически и таким же образом объяснить в предсказательном режиме нередко бывает практически невозможно. У этих загадок нет зачастую не только вопросительной интонации, но и прагматической интенции, поэтому логика «конкретно сформулированного ответа на конкретно поставленный вопрос конкретного потребителя о запросе на конкретную государственную (муниципальную) услугу» нередко оказывается неудовлетворительной.

В глобализирующемся мире осознается стремление к эффективной организации общественной жизни через технологии «good governance», предлагаемые специалистами для нужд местной и региональной власти. Однако даже упомянутые в качестве примера когнитивные ситуации

с точки зрения общей теории социальной коммуникации предстают как коммуникационные (актовые и ритмически организованные) процессы, продолженные во времени и привязанные к пространству конкретных и так или иначе локализованных социальных обстоятельств. Их структурирование идет не по прихотливой теоретической логике исследователя социальных процессов, а практически, в содержательной логике вызовов и ответов соционавтики и соционавтов, отвечающей на возникновение и исчезновение социокультурных событий, континуум существования которых предполагает, конечно, некое общение тех, кого они касаются и с кем происходят, но совершенно не обязательно предписывает это общение как императивное условие социальной экзистенции любого носителя социальных качеств. В ожидании продуктивной коммуникации ради общего блага приходится отталкиваться от презумпции разумной достаточности любого потенциального контрагента, и даже турбулентные последствия социально-экономических кризисов не в состоянии отменить объективные законы человеческой деятельности и общения в процессе производства людьми своей собственной жизни как части истории общества и природы, по необходимости окультуривающей себя в мире и мир в себе. Однако технология обустройства повседневных отношений по поводу распределения властных прерогатив и пользования возможностями, которые грамотный гражданин в состоянии извлекать из соответствующего коммуницирования властных структур разного уровня и типажа еще не отработана, она задается (и в России, и в мире) главным образом ситуативно и контекстуально, и так же срабатывает, порождая порой результаты, отнюдь не соответствующие позитивным ожиданиям. Кризисные и турбулентные времена востребуют, помимо прочего, и научные разработки в сфере социального и политического развития, и практики самопознания социальных субъектов, способных становиться лидерами в поисках альтернатив существующему положению дел и сложившимся тенденциями в развитии социальных реалий.

Власть, осознающая свою недостаточность в кризисных социальных ситуациях, в одном из своих проявлений может сформулировать запрос на генерацию в обществе особого типа лидеров, своего рода «кризисных управляющих» для социума, неожиданно утрачивающего навыки саморегуляции. Каждый из случаев появления лидеров, особенно если их генерирует среда местных сообществ и местного властвования, заслуживает внимательного изучения. Однако не стоит забывать и порождающем лидерском потенциале государственно-властных и управленческих механизмов: ничто так не провоцирует гражданина на апробирование самостоятельных практик непослушания, как хорошо отлаженный государственный механизм. Потенциальный лидер, как известно, скрывается в каждом обывателе, вынужденно оказавшемся в ситуации востребованности его латентного

социального активизма, а потому нормальной практикой государственного управления может быть признано нагружение потенциального активиста задачами повседневного выживания при решении личных вопросов в контексте повседневной постановки перед ним вопросов местного значения. В этом случае коммунитарная составляющая общественного сознания легко вытесняется коммунальной, и коммуницирование с управляющей компанией и городскими властями по поводу отсутствия в кране питьевой или горячей воды, к примеру, в доме на улице Авиатриссы Зверевой города Гатчина первенствует по отношению к ожидаемому составу муниципального совета Гатчинского района Ленинградской области, который будет сформирован по результатам выборов в 2019 году.

При всем разнообразии подходов к описанию и объяснению механизмов взаимодействия между региональной государственной и муниципальной властью большинство исследователей соглашаются с тезисом об особой роли лидера муниципального сообщества, способного сыграть роль консолидирующего и активирующего начала по отношению к процессам структурирования и самоорганизации местной власти, или же привнести в муниципальную повседневность энтропийные тенденции и деструктивные элементы. Однако специальные исследования феномена политического лидерства на уровне муниципальной власти в России если и проводились, то не обнаруживаются даже с помощью мощных интернет-поисковиков. Тем более ценной является постановка некоторых проблем, поднимаемых в связи с темой муниципальных лидеров в аналитических докладах экспертных коллективов [3]. Не обнаруживаются соответствующих разделов, связанных с развитием коммуникационных компетенций муниципальных лидеров и в специальных учебных пособиях, посвященных социальным коммуникациям [4; 5]. Вполне вероятно, что тема селекции и воспитания нового поколения лидеров местных сообществ пока не рассматривается специалистами как нечто, подлежащее теоретической проблематизации. Однако как же тогда научное сообщество сумеет дать свои рекомендации в ответ на явно выраженный запрос российской власти относительно новой генерации муниципальных лидеров, который сформулирован в одной из программных статей стратегического значения действующего Президента России [6]?

Стилистика региональной политики органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в отношениях с местными властями, ее стратегирование, исходящее из факта отсутствия сомнений во «вторичности», зависимости местной и муниципальной политической элиты, отношение к местным органам власти как к «*untermacht*'у», этакой «власти понарошку», власти «школяров», неопытной и некомпетентной, вероятно, имеет основания, в том числе и в опыте, не всегда позитивном, выстраивания коммуникационных связей и взаимодействий между государственными

ми и муниципальными служащими. Есть такой опыт и в Ленинградской области, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Однако неостребованность политического потенциала местных лидеров, неумение обратить его во благо граждан России, являющихся резидентами в территориальных границах муниципальных образований, может увеличить возможные риски для российской демократии как народовластия, отвечающего реалиям XXI века. И если грамотное и с «дружественным интерфейсом» социальное управление и управленческое администрирование будет реализовываться как воплощение глобальной повестки для региональной политики государства в отношении местного самоуправления, в том числе и в России, то в этом процессе получит актуализацию и будет переосмысливаться проблема приобретения качеств эффективности и успешности для увеличения степени местной авторитетности типичного муниципального руководителя средних и малых сельских и городских поселений: принуждение к смысловому восприятию понятия и процесса «исполнения закона» будет способствовать приращению как властного ресурса местных руководителей, так и их управленческих (а значит, коммуникативных) возможностей в «своей» среде муниципального хозяйствования и выстраивания собственных муниципальных политик. Модель коммуникационных компетенций муниципального руководителя в России еще предстоит построить, однако некоторые черты этого аспекта «образа глобального будущего в региональном и локальном измерении» уже пора выводить из сферы теоретизирования в сферу предположительных практических рекомендаций. Для начала, на мой взгляд, можно оттолкнуться от концептуальных предложений Всемирного экономического форума, посвященных будущему государства и современному стилю государственного управления [7]. Однако дальнейшее развертывание этих подходов применительно к России должно, на наш взгляд, соотносить ожидаемые политические результаты и последствия любых политических новшеств с реальной инерцией социальных порядков, а также со спецификой форм преемственности исторического развития нашей страны.

Литература

1. Адамьянц, Т. З. Семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации как обучающая и развивающая дисциплина / Т. З. Адамьянц // Социальная коммуникация: универсум профессиональной деятельности; Под ред. В. В. Козловского. – СПб.: Скифия-Принт; Интерсоцис, 2011.
2. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3.

3. Общество и власть в условиях политического кризиса: Докл. экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив. Май 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.csr.ru/images/docs/doklad.pdf> (дата обращения: 12.07.2017).

4. Адамьянц, Т. З. Социальная коммуникация: Учеб. пособие / Т. З. Адамьянц. – М.: ИС РАН, 2005.

5. Соколов, А. Р. Общая теория коммуникаций [Электронный ресурс] / А. Р. Соколов. – URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/071.htm> (дата обращения: 10.07.2018).

6. Путин, В. В. Демократия и качество государства / В. В. Путин // Коммерсантъ. – 2012. – № 20/П (4805). – 6 февр.

7. The Future of Government: Lessons learned from around the World. Global Agenda Council on the Future of Government. – Cologny/Geneva: World Economic Forum, 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.weforum.org/reports/future-government> (дата обращения: 19.06.2018).

**ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

**TECHNOLOGY PROJECT HIGHER EDUCATION
AS A MECHANISM OF PERSONNEL TRAINING
FOR INNOVATIVE ECONOMY**

Н. В. Власова
Natalya V. Vlasova

Ульяновский государственный университет (Ульяновск, Россия)
Ulyanovsk state University (Ulyanovsk, Russia)

***Аннотация.** Социально-экономическое развитие государства и его конкурентоспособность на внешнем рынке обеспечивается, прежде всего, наличием развитой среды «генерации знаний», основанной на значительном секторе фундаментальных исследований в сочетании с эффективной системой образования, развитой национальной инновационной системой, целостной государственной политикой и нормативным правовым обеспечением в сфере инновационной деятельности.*

***Abstract.** The social and economic development of the state and its competitiveness in the foreign market is ensured, first of all, by the presence of a developed environment of "knowledge generation", based on a significant sector of basic research, combined with an effective education system, a developed national innovation system, a comprehensive state policy and regulatory legal support in the field of innovation.*

***Ключевые слова:** инновации, инновационная экономика, высшее профессиональное образование, образовательные технологии, проектное образование.*

***Keywords:** innovation, innovation economy, higher professional education, educational technologies, project education.*

Проблема, рассматриваемая в докладе. Современная экономика – это экономика, во многом определяемая системой совершенствования знаний и образовательных технологий. В силу этой тенденции система знаний

трансформируются в продукцию, обладающую высокой конкурентностью. система образования, таким образом, в определенной степени удовлетворяет потребность в социализации личности, передачи накопленного опыта, интеграции в социальную систему.

Создание преимущественно наукоемких производств и услуг усиливает роль и определяет стратегию современного образования, обеспечивая тем самым глобализацию конкуренции в мировой экономике. По мере того, как традиционная индустриальная экономика в развитых странах трансформируется в информационную экономику (знаний), старые образовательные модели перестают соответствовать происходящим изменениям, обнаруживают неэффективность и даже беспомощность перед решением глобальных проблем. Это ведет к разрыву между существующей системой образования и возрастающей динамикой социально-экономического развития [2].

Базовая гипотеза. Современные технологии образования должны учитывать особенности трансформации экономической системы и соответствовать развитию инноваций во всех сферах деятельности.

Методы исследования. В работе использован сравнительный, системный и структурно-функциональный методы исследования.

Результаты исследования, их новизна. Уровень развития организационной, политической и творческой, научной, инновационной и технической элиты во многом определяет стратегический потенциал страны. В современном мире непрерывное образование человека в течение всей жизни будет способствовать формированию необходимых компетенций, обеспечивающих способность к совершенствованию и самообразованию (формирование высокой когнитивной мотивации и универсальной учебной деятельности). Тем более, что высокая скорость обновления знаний и высокой конкуренции являются в настоящее время неотъемлемыми атрибутами развитой инновационной экономики. Следовательно, процессы, связанные с изменением характера экономической и производственной сферы, вызывают необходимые трансформации и существующей системы образования [3].

Основными чертами современной инновационной экономики на сегодняшний день являются следующие:

- знания становятся основным фактором экономического и интеллектуального развития;
- информационно-коммуникационные технологии получают широкое распространение во всех сферах и отраслях управления и производства;
- наблюдается тенденция к повышению социальной защищенности гражданского общества, происходит некоторая демократизация общества, в полной мере реализуется гласность, открытость и свобода печати [1];
- наблюдается тенденция превращения знаний в товар и услугу, коммерциализация знаний.

Университет – высшее учебное и научное заведение, в котором ведется подготовка специалистов по различным отраслям народного хозяйства и культуры, фундаментальным и прикладным наукам. От других вузов его отличает многосторонность подготовки, охват разнообразных наук и дисциплин. Разные цели в преподавательской и исследовательской деятельности в вузе становятся основным препятствием для инновационной деятельности и совершенствованию инновационных проектов. Следовательно, такая тенденция несомненно приводит к некоторому снижению качества образования в целом.

Современная система высшего профессионального образования характеризуется тем, что при использовании в учебном процессе новых образовательных стандартов актуализируются особые задачи модернизации системы высшего образования: повышение компетентности, формирование инновационного мышления, готовности к осуществлению определенной деятельности в изменяющемся информационном обществе, повышение мотивации к реализации различных инновационных проектов и т. д.

Сегодня особо актуальным становится необходимость формировать у студентов высших учебных заведений навыки организации совместной деятельности и эффективного сотрудничества с коллегами и руководством, участвовать в творческом процессе создания и воплощения проектов на разных уровнях его реализации; грамотно использовать полученные навыки в освоении основных принципов получаемой профессии, отстаивать свою творческую позицию.

В быстро изменяющемся обществе для достижения высоких результатов в системе образования становится необходимым разрабатывать и использовать новые, более совершенные способы и технологии в образовательном процессе, которые, в свою очередь, отвечали бы новым запросам инновационной экономики. Следовательно, становится очевидным тот факт, что образовательная общественность все больше внимания уделяет современным новейшим технологическим возможностям в трансляции необходимых в той или иной отрасли знаний, навыков и компетенций. Одним из вариантов такого механизма в образовательной системе является разработка сетевых сервисов, оказывающих значительное влияние на создание, функционирование и использование инновационных систем в социальной, культурной, экономической и политической сферах. В свою очередь, разработка методики и техники применения социальных сервисов (Интернета) в системе обучения и освоения знаний является достаточно актуальной темой, так как в целом система образования внедряет в свою практику новейшие технические и технологические достижения.

Использование таких социальных сетевых сервисов, как, например, сервисы совместного создания документов, блоги, в образовательном процессе открывает новые креативные возможности для подготовки много-

плановых публикаций, разработки совместных (коллективных) проектов, помогает значительно разнообразить внеучебную деятельность и создает необходимые условия для саморазвития и совершенствования.

Существующие и весьма популярные среди студенческой молодежи социальные сети (Одноклассники, Вконтакте, Facebook, MySpace, Titter и др.) определенно способствуют установлению самого широкого круга деловых, профессиональных и личных контактов, увеличивать масштабы профессионального общения, создавать профессиональное портфолио, обсуждать самые актуальные и злободневные темы, выразить свою позицию по интересующим вопросам, распространять необходимую информацию и т. д. Например, в рамках подготовки выпускных квалификационных работ по направлению «Социология» в Ульяновском государственном университете широко используются возможности социальных сетей для сбора первично социологической информации и ее дальнейшей обработки.

Студенты нового информационного поколения отличаются не только способностью к восприятию и трансляции имеющегося социокультурного опыта, но также способностью создавать новые знания и успешно их реализовывать. Применение в образовательном процессе технологии сетевых сервисов стимулирует когнитивный потенциал студентов, появляется определенный интерес к творчеству, нестандартному подходу к задаваемой проблемной ситуации, учитывается как индивидуальный вклад каждого студента, так и совместное коллективное творчество.

Образовательные технологии, использующие механизмы сетевых сервисов стимулируют развитие информационной и коммуникационной культуры, что отвечает возрастающим требованиям современной инновационной экономики [4].

Таким образом, в современной экономике наиболее эффективными являются новые интегрированные технологически и технически совершенные образовательные структуры.

Проектное обучение представляет собой такую форму образовательной деятельности, которая во многом существенно меняет формат традиционного, ориентированного на использование имеющихся практик, обучения. В принципе, проектное образование предполагает использование нестандартных подходов и технологий в решении каких-либо социально ориентированных проблем и задач. Целью проектного подхода становится поиск нетрадиционных, креативных и технологически более совершенных способов решения определенных ситуаций.

Проекты, в которых может осуществляться образовательная деятельность, могут определять стратегическое развитие вуза и формировать новую инновационную среду. Таким образом, проектная деятельность вуза может способствовать реализации научно-ориентированному, экономически эффективному участию в развитии потенциала инновационной экономики региона и Российской Федерации.

Под образовательным проектом следует понимать ограниченную во времени деятельность, заключающуюся в планировании, реализации и завершении совокупности взаимосвязанных процессов, нацеленных на оказание образовательной услуги или выпуск образовательного продукта [4].

По результатам Национального инвестиционного рейтинга Ульяновская область занимает 10-е место среди регионов РФ, 3-е в Приволжском Федеральном округе (ПФО).

УлГУ интегрирован в ряд государственных программ Ульяновской области в качестве участника проектов в области образования, науки, культуры и информационных технологий.

Особенностью УлГУ является значительная интеграция в образовательные проекты развивающихся региональных инновационных кластеров и тесное взаимодействие с вертикально-интегрированными структурами (ПАО «ОАК», ГК «Росатом»). Это дает значительное конкурентное преимущество при конструировании и реализации образовательных программ при участии непосредственных заказчиков с учетом запроса на опережающую подготовку кадров в соответствии с интересами отрасли.

Развитие наукоемкого сегмента региональной экономики, связанного с проведением перспективных фундаментальных и прикладных научных исследований, в значительной мере обеспечивается научными школами УлГУ и системой подготовки кадров высшей квалификации, востребованных в России и за рубежом. В рамках научного направления «Лазерные и оптоволоконные технологии» создана и развивается международная исследовательская группа, включающая в себя специалистов институтов РАН (ФИАН, ИОФ РАН, НЦВО РАН, ИРЭ РАН), а также ряда крупнейших международных центров Финляндии, Бельгии, США и Великобритании.

Кластеры. Кластер включает в свой состав предприятия, научно-исследовательские организации, высшие учебные заведения. Особенностью кластеров является то, что для создания наукоемких продуктов и технологий они применяют генерирование, диффузию и использование знаний и инноваций, которые способны обеспечить высокую конкуренцию в условиях современного рынка.

Инновационная активность в Ульяновской области концентрируется преимущественно в рамках двух региональных кластеров: авиационного и ядерно-инновационного. Основное направление инновационной активности – выполнение совместных НИР, ОКР и ОТР. УлГУ входит в ядро научно-образовательно-производственного авиационного кластера «Ульяновск-Авиа» и ядерного инновационного кластера г. Димитровграда, включенных в перечень Минэкономразвития России. На базе УлГУ обеспечивается подготовка высококвалифицированных кадров для входящих в кластеры организаций, таких как АО «Авиастар-СП», АО «УКБП», ГК «Волга-Днепр», Ульяновский филиал – конструкторское бюро ПАО «Туполев»,

филиал ВИАМ «Ульяновский научно-технологический центр», АО «Государственный научный центр «Научно-исследовательский институт атомных реакторов» (АО «ГНЦ «НИИАР»). С 2012 г. УлГУ является опорным университетом ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация».

Ульяновский наноцентр ULNANOTECH¹, созданный в рамках программы по созданию нанотехнологических центров ОАО «РОСНАНО» в 2013 г., входит в инновационную систему региона и объединяет целый ряд компаний, занимающихся альтернативной энергетикой, проектированием тестовых систем для генетических исследований, инжиниринговой деятельностью, разработкой новых материалов и поверхностей, электронных устройств и приборов, биоимплантов и т. п.

Инструментом изменения инновационной среды региона является проект «Технокампус 2.0», который к 2019 г. должен стать площадкой для массового развития технологического предпринимательства по ряду направлений, включая радиационные технологии, лазерные и оптоволоконные технологии, фотонику, ядерную медицину, робототехнику и др.

Наибольший объем НИОКР УлГУ среди вузов региона и высокая публикационная активность создают предпосылки успешной инновационной деятельности. Формирование и развитие инновационной экосистемы УлГУ обеспечит целостность и эффективную интеграцию науки, образования и реального сектора экономики и позволит реализовать идеи серийного технологического предпринимательства.

В рамках осуществления инновационной деятельности УлГУ выступает как активный субъект региональной инновационной экономики. Проект «Регион. Культура. Перезагрузка» инициирует создание и реализацию долгосрочных программ и проектов, способствующих качественному преобразованию культурной сферы муниципальных образований региона с помощью научного, творческого и кадрового потенциала Опорного университета. Реализация проекта оказывает следующее влияние на социально-экономическое развитие региона:

- повышение репутационных позиций и привлекательности региона;
- обеспечение учреждений социокультурной сферы высококвалифицированными кадрами в соответствии с потребностями региона;
- появление социокультурных проектов с учетом муниципальной идентичности отдельных МО;
- повышение уровня социального самочувствия населения и увеличение самозанятости населения МО;
- использование (внедрение) результатов фундаментальных и прикладных социокультурных исследований, в деятельности региона.

¹ В рейтинге технопарков Ассоциации кластеров и технопарков РФ Ульяновский наноцентр в 2016 году занял 8-е место.

Онлайн-образование. В настоящее время система онлайн-образования является принципиально новой технологически и технически оснащенной альтернативой традиционной системе подготовки кадров для современной инновационной экономики. В результате использования ресурсов и технологий онлайн-образования возможен поиск нестандартных форматов в решении текущих проблем.

Модель дистанционного обучения также на сегодняшний день является достаточно востребованной технологией образовательной деятельности. Используя многочисленные технические возможности, разрабатываются специальные курсы, тренинги, упражнения, направленные на реализацию творческого потенциала студента (Интернет, обучающее программное оборудование на CD, DVD и т. д.).

Данный вид образовательной деятельности может иметь форму интерактивного взаимодействия, включая некоторые традиционные формы контроля и отчетности. Эта форма позволяет студенческой молодежи получать образование в соответствии с собственным темпом, осуществлять эффективное взаимодействие с руководителем проекта, использовать все достоинства и возможности онлайн-взаимодействия посредством социальных сервисов или Интернета (онлайн-конференции, круглые столы и т. д.).

Практическое значение результатов. В настоящее время происходит реформирование системы высшего профессионального образования в стране. Высшее профессиональное все более должно быть ориентировано на потребности новой инновационной экономики. В этом ключе должны трансформироваться и образовательные технологии. Одним из наиболее эффективных механизмов образовательной деятельности являются проектные технологии. Такие проекты способны повысить эффективность функционирования образовательных структур и внести существенный вклад в развитие новой инновационной экономики.

Однако для перехода к новой модели повышения качества образования нужны серьезные государственные инвестиции. Приоритеты, провозглашенные в программных документах, связанные с образованием и инновациями, позволяют решить существующие проблемы, но это требует направления средств в образование и научные исследования.

Литература

1. Ветрова, Е. Ч. Инновационное образование для инновационной экономики [Электронный ресурс] / Е. Ч. Ветрова. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2013/12/01/innovatsionnoe-obrazovanie-dlya>
2. Гершунский, Б. С. Образовательно-педагогическая прогностика. Теория, методология, практика / Б. С. Гершунский. – М.: Флинта; Наука, 2003.

3. Драчук, П. Э. Роль образования в создании инновационной экономики / П. Э. Драчук // Вестн. Совета мол. ученых и специалистов Челябин. обл. – 2016. – № 1 (12). – Т. 1. С. 70–74.

4. Проектное управление инновациями и образовательной деятельностью в предпринимательском вузе [Электронный ресурс]. – URL: <https://creativeconomy.ru/lib/1675>

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИННОВАЦИЙ

IDEOLOGICAL BASES OF INNOVATIONS

Г. И. Герасимов
Grigory I. Gerasimov

Тулский государственный музей оружия (Тула, Россия)
Tula Museum of weapons (Tula, Russia)

Аннотация. В статье на методологической основе идеалистического подхода анализируется проблема создания инновационных идей и влияние на этот процесс различных типов мировоззрений. Автор приходит к выводу, что мировоззренческая ситуация в России не благоприятствует созданию новых идей. Альтернативой существующему социуму может стать общество, основанное на творческом мировоззрении, которое будет более эффективным в инновациях, чем нынешнее.

Abstract. In the article the methodological basis of the idealistic approach analyses the problem of creating innovative ideas and the impact on this process of various types of ideologies. The author comes to the conclusion that the ideological situation in Russia does not favour the creation of new ideas. An alternative to the existing society can be a society based on a creative ideology that will be more effective in innovation than the current one.

Ключевые слова: идеи, инновации, мировоззрение, идеалистический подход, творчество, инновационная система.

Keywords: idea, innovation, ideology, idealistic approach, creation, innovation system.

В литературе, посвященной инновациям, часто подчеркивают различие между научным открытием, изобретением и инновацией. Инновация – это изобретение, которое имеет рыночную стоимость. Чаще всего изобретения – это научные открытия, не имеющие коммерческой ценности. Об инновациях можно говорить только тогда, когда продукт попадает на рынок, когда на нем заработали какие-то деньги или когда от него есть общественная польза.

В самом общем виде инновационный процесс проходит стадию формирования инновации, в ходе которой создается и оформляется идея инновационного продукта, и вторую стадию – коммерциализацию новшества, которая включает в себя маркетинг, производство и продажу продукта. Как утверждает др. Свен-Тор Холм – генеральный директор шведской компании Lundavision AB: «Для того, чтобы превратить изобретение в инновацию нужна инновационная цепь, которая состоит из нескольких звеньев. А если какого-либо звена не хватает, как Вы думаете, будет ли она работать?» [1, с. 12]. Ответ на этот вопрос риторический, особенно если он касается главной части, с которой начинается любая инновация и без которой она никогда не состоится, а именно – идеи.

Идеи и инновации

Действительно, любая инновация – это, прежде всего, новая идея. На ней мы и сосредоточимся в первую очередь.

Идею мы будем рассматривать как знание о существующем явлении или мысль о преобразовании этого явления, либо создании принципиально нового явления. Именно последние две формы идеи и являются основой инноваций. Нет идеи – нет инновации. Источником идеи является человеческое сознание, иного источника нет, а значит, первым и главным звеном инновации является «человек думающий». Как создаются идеи, мы не знаем. Есть множество теорий, но ни одна не дает убедительного, экспериментально подтвержденного научного ответа на этот вопрос.

С позиций представляемого мной идеалистического подхода [подробнее об идеалистическом подходе см.: 2.], идеи лежат и в основе истории, понимаемой как изменение, вносимое человеком в реальность в результате реализации новой идеи. С этих позиций история состоит из широко понятых инноваций, производимых человеком во всех сферах человеческой жизни – производственной, социальной, экономической, культурной, духовной. Современное понятие инновации намного уже и сводится к продаже на рынке продукта, основанного на новой, либо усовершенствованной идее. Это не случайно, поскольку современное понятие инновации создано в рамках рационалистического мировоззрения и реализовано в капиталистической рыночной экономике, которую И. Валлерстайн определил как «историческую систему, приоритетом которой является *бесконечное* накопление капитала» [3, с.125]. Являясь порождением рынка и капитализма, инновация естественным образом преследует получение прибыли и без нее таковой не считается. Правда, в последнее время появилось понятие социальной инновации, понимаемой как реализация идеи, приносящей пользу обществу, но это порождение иного, социально-ориентированного взгляда на мир. Социальные инновации не являются доминирующими в рыночной экономике.

С позиций широкого взгляда на инновации, как реализацию идей во всех сферах человеческой жизни, можно сказать, что все народы занима-

ются инновациями, творя свою историю. Самые выдающиеся инновации были сделаны еще в глубокой древности, когда не было ни науки, ни рынка – это освоение огня, создание земледелия, приручение животных, строительство жилья, изобретение колеса и т. п. Для меня, как историка, очевидно, что вся человеческая история состоит из инноваций и движется ими.

Что дает широкий взгляд на инновации? Во-первых, понимание того, что человечество занималось ими давно, а, следовательно, имеет огромный инновационный опыт, который до сих пор не раскрыт и не освоен. Во-вторых, рассмотрение современных рыночных инноваций, в широком историческом контексте, позволяет понять их особенность, которая заключается в рыночной реализации, что является лишь особой технологией освоения идеи.

С позиций широкого подхода инновации, осуществляемые в различных областях, в принципе одинаково важны, и их значение определяется величиной изменений, которые они производят в объективной, субъективной или искусственной реальности. С этих позиций христианская идея является равновеликой идее науки, но осуществляются они в различных областях: первая – в духовной сфере, вторая – в объективном мире. Две эти великие идеи лежат в основе двух различных мировоззрений: христианского – религиозного и рационалистического – научного, соответственно.

Мировоззрения мы будем рассматривать как иерархию идей, в которых одна или несколько главных, системообразующих, определяют все остальные, которые либо должны вытекать из них, либо быть согласованы с ними. Мировоззрение определяет общий взгляд на мир, цели жизни человека и способы их достижения. Если человек стремится к реализации религиозных целей, соединению с Богом, тогда он сосредоточится на духовных практиках, и ему будут безразличны материальные блага, и он никогда не станет инноватором в нынешнем понимании этого слова. Ему наши «инновации» неинтересны и не нужны, более того, во многих религиях стремление к материальному, тем более к прибыли и богатству, открыто осуждается. Народы с таким мировоззрением не будут заниматься инновациями в их современном понимании.

подавляющее большинство инновационных народов имеют рационалистическое мировоззрение. Именно этот факт обеспечивает им успех в создании идей, преобразующих мир. Но одного рационализма недостаточно. Нужен еще стимул, им является стремление к прибыли, наживе. Именно он заставляет человека заниматься внедрением и продажей своих и чужих идей.

Соединение двух этих факторов – умения создавать идеи изменения внешнего мира и неограниченное стремление к наживе – органические черты, присущие лишь одной современной цивилизации – западной. Эти две идеи западного мировоззрения обеспечивают ему лидерство в инновациях и лидерство в мире.

Западная цивилизация является творцом современности, т. е. основные достижения современного мира, включая привлекательный образ жизни, который прельщает другие страны и народы, созданы на Западе. Главные тренды современности тоже создаются на Западе. Они не запрограммированы и не даны в объективных законах человеческого развития или прогресса, они создаются конкретными людьми западной цивилизации, которые руководствуются целями либерального мировоззрения. Для того, чтобы стать столь же успешным, как западный человек, надо видеть мир и думать, как он, нужно перенять и усвоить его мировоззрение. Бесплезно заимствовать только технические достижения, как это делает подавляющее большинство стран мира – это путь догоняющего развития, на котором никому и никогда не удавалось догнать и перегнать Запад.

Наиболее яркий пример этому – Япония. Знаменитое японское экономическое чудо началось с копирования западных достижений. В послевоенное время японская экономика росла темпами, порой превышающими 10 % в год. Японии предрекали роль мирового экономического лидера к 1990-му году, однако именно в 90-е годы прошлого века, когда экономика, наука, образование страны вплотную приблизились к западным, страна вступила в полосу непрекращающейся до сих пор депрессии. Догнав Запад, но не став им, Япония не смогла развить западные достижения на собственной мировоззренческой основе и остановилась в своем развитии.

Как утверждает Ацуши Суннами — директор программы по науке, технологиям и инновационной политике Национального института политических исследований, «японская предпринимательская культура достаточно консервативна. Японцы любят и ценят стабильность в жизни и начинаниях. Мы своего рода небольшая японская община, в которой необычным воспринимается все, что отличается от наших взглядов. Если вы не похожи на нас, вам будет трудно работать здесь. Мы стараемся это изменить. Но с этой точки зрения мы против инноваций» [4, с. 4]. Посещающие Японию европейцы отмечают, что она так и не стала западной страной и сохраняет оригинальное мировоззрение. Именно это, по моему мнению, никогда не позволит ей перегнать Запад на западном пути развития, потому, что это не японский путь, вытекающий из национального мировоззрения и определяемый им.

Единственной страной, которая смогла в свое время сформировать современность, способную конкурировать с западной, – был Советский Союз. В его основе лежало коммунистическое мировоззрение – выработанный К. Марксом вариант западного развития, которым сама Европа отказалась воспользоваться.

Развиваясь на коммунистической мировоззренческой основе, СССР смог создать оригинальную советскую социальную систему, образ жизни, науку и свою собственную инновационную систему, которая на опреде-

ленном этапе опережала западную. Отличие, преимущества и недостатки советской инновационной системы определялись господствующим коммунистическим мировоззрением. Будучи рационалистическим и научным в своей основе, оно побуждало интерес к исследованию объективного мира, что стало основой для выдающихся успехов естественных и технических наук в СССР.

Советский народ был увлечен наукой и изобретательством и оказался исключительно продуктивен в плане производства новаторских идей во многих областях науки, техники и технологий. Вместе с тем, внедрение этих идей в производство, воплощение их в продукт было менее эффективно, нежели в западных инновационных системах, основанных на жажде прибыли. Моральные стимулы, которые превалировали в российской экономике, оказались слабее материальных, преобладавших в западной. Внедрение идей шло достаточно эффективно только там, где этому способствовало государство, – в военной области, атомной энергетике, космической отрасли. Здесь, наряду с моральными, более широко, чем в иных экономических сферах, были задействованы и материальные стимулы. В остальных отраслях советский изобретатель и организатор производства обычно уступал западному предпринимателю в деле реализации инноваций.

Современная мировоззренческая ситуация в России

Современная мировоззренческая ситуация в России характеризуется отсутствием господствующей мировоззренческой системы.

Надежной мировоззренческой опорой инновационной деятельности является западное либеральное мировоззрение, но его внедрение в России привело к центробежным политическим тенденциям, которые вели к развалу государства в конце прошлого века. Сохранив страну в 2000-е годы, власть и общество вынуждены были отказаться от либеральной идеологии, что отрицательно сказалось на предпринимательской и инновационной деятельности в России.

Растет число приверженцев православия, которое, как показал опыт дореволюционной России, не способствует инноваторской деятельности, поскольку верующему человеку не интересен ни объективный мир, ни нажива, получаемая в результате внедрения инноваций.

Загадочные духовные скрепы на поверку оказались отдельными идеями православного миропонимания, которое унаследовало взгляд св. Григория Паламы на науку и постижение материального мира. Говоря о приверженцах «внешней мудрости», т.е. науки, Григорий Палама вопрошает: «Неужели им никогда не приходило на ум, что, устремившись к дереву знания и вкусив от него, мы отпали от божественного места сладости?» [5, с. 13].

Провозглашаемая властью идея патриотизма до сих пор не смогла сформировать целостного мировоззрения. Сосредоточившись на прошлых достижениях российского народа, она мало побуждает к инноваторской деятельности, нацеленной в будущее.

Кризисное состояние основных мировоззренческих систем привело к тому, что их место в обществе заняло обыденное мировоззрение, в котором на место больших целей строительства коммунизма, свободы или демократии заступили цели личного благополучия, уход в быт. Мелкие жизненные цели неизбежно порождают столь же мелкие достижения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что мировоззренческая ситуация в России не благоприятствует созданию новых идей, которые могли бы стать основой для инноваций в их современном понимании.

Особенности российской национальной инновационной системы

В нынешней России есть отчетливое понимание необходимости развития инновационной экономики, ведется напряженный поиск национальной модели инновационной системы, однако надо сказать, что ее главному звену – созданию инновационных идей уделяется мало внимания. Главное внимание сосредоточено на условиях и институтах, обеспечивающих инновационную деятельность, – технопарках, маркетинге, внедрении идей и т. п. Ученые и практики, занимающиеся изучением инноватики, как будто не замечают того факта, что наше общество, некогда одно из самых думающих и творческих, перестало создавать новые прорывные идеи. Лишившись мировоззренческих ориентиров, уйдя в выживание, быт, безудержное накопление или расточительство, еще недавно творческие личности перестали думать над идеями, которые могли бы стать основой инноваций. Именно это, по моему мнению, является главной причиной того, что у нас не удается создать инновационную экономику и нового российского инноватора – изобретателя-предпринимателя, способного конкурировать в идеях и их внедрении с западными коллегами.

О региональной инновационной структуре

В нынешних условиях многие структуры сделали ставку на псевдоинновации, выдавая заимствованные, а порой и устаревшие продукты и технологии, за инновации. Так, на действовавшем до начала этого года федеральном портале Национального центра по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем Министерства образования и науки Российской Федерации, в числе организаций, входящих в инновационную инфраструктуру тульского региона, числится, например, Кимовский муниципальный фонд поддержки малого предпринимательства. На его сайте даже не упоминается слово инновации, а в образце заявления на получение финансовой поддержки в качестве вида экономической деятельности указаны: «производство бетонных изделий и торговля сантехникой» [6]. Конечно, не все занимаются имитацией инновационной деятельности, есть примеры обнадеживающие, – тот же тульский детский технопарк «Кванториум», однако без создания основательных мировоззренческих предпосылок люди не станут

инноваторами, мелкими лавочниками и торгашами – пожалуйста, а вот Циолковскими – вряд ли.

Зная ситуацию в регионах, сомневаюсь, что именно внизу, на местах, в муниципалитетах, пробьются ростки нового мировоззрения. Начинать надо с главного – с определения целей – куда и зачем идем, ради чего живем и работаем, и на этой основе определяются соответствующие решаемым задачам формы инноваторской деятельности – институты и условия, а главное, может быть, появится и фигура инноватора – человека, способного создавать новые прорывные идеи, но не верится, что творить русский человек будет ради наживы, а значит и формы реализации идей потребуются иные, нежели те, которые мы заимствуем сегодня на Западе и внедряем в России.

В качестве альтернативы существующему социуму, по мнению автора, может быть общество, основанное на творческом мировоззрении, которое будет более эффективным в инновациях, чем либеральное. Главной его целью станет создание новых идей и основанной на них новой реальности, создаваемой непрерывным инновационным процессом. Главной фигурой такого общества станет инноватор, а целью – создание и осуществление новых идей [подробнее об этом см.: 7].

Литература

1. Инновационная цепь: в поисках недостающего звена российской инновационной системы // Инновационные тренды: Период. бюл. Ин-та общественного проектирования. – 2010. – № 1. – С. 12–14.

2. Герасимов, Г. И. Идеалистический подход к истории [Электронный ресурс] / Г. И. Герасимов // Ист. журн.: науч. исслед. – 2017. – № 5. – С. 21–36. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30452984>

3. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн; Пер. Н. Тюкиной. – М., 2006.

4. Атсуши Суннами. Что случилось с «японским чудом»? / Атсуши Суннами // Инновационные тренды: Период. бюл. Ин-та общественного проектирования. – 2010. – № 13. – С. 1–4.

5. Палама, Г. Триады в защиту священно-безмолствующих / Г. Палама. – М.: Канон, 1995. – С. 13.

6. Кимовский муниципальный фонд поддержки малого предпринимательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://kimovsk-mfp.wixsite.com/kmfmp/dok>

7. Герасимов, Г. И. Творчество как альтернатива либеральному пути модернизации [Электронный ресурс] / Г. И. Герасимов // Филос. науки. – 2017. – № 10. – С. 69–75. – URL: http://phisci.ru/files/issues/2017/10/RJPS_2017-10_Gerasimov.pdf

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ**

**FORMATION OF INNOVATION INFRASTRUCTURE
IN THE REGIONS**

**В. В. Крупчатникова
Vera V. Krupchatnikova**

*Новосибирский государственный технический университет,
(Новосибирск, Россия)
Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)*

***Аннотация.** В настоящей работе речь идет об инновационной деятельности и инновационной инфраструктуре, как важнейшем факторе развития инновационной экономики страны и регионов. Рассмотрен вопрос государственной поддержки развития инновационной деятельности. Государственная поддержка в форме государственных проектов и программ определена как важный элемент инфраструктуры инновационной деятельности. В работе отмечается, что недостаточное развитие инновационной деятельности в ряде регионов объясняется в том числе отсутствием интереса бизнеса к высокотехнологичным продуктам и прогрессивным новым технологиям. При этом государственная политика поддержки инновационного развития характеризуется гораздо большим вниманием к разработке, а не к использованию результатов инновационной деятельности. Анализ региональных инновационных программ позволил сделать вывод о необходимости адресной, в том числе финансовой поддержки не только создателей инновационных продуктов, но и потенциальных потребителей.*

***Abstract.** In this paper, we are talking about innovation and innovation infrastructure, as the most important factor in the development of the country's innovative economy and regions. The issue of state support for the development of innovative activity is considered. State support in the form of state projects and programs is defined as an important element of the innovation infrastructure. The paper notes that inadequate development of innovation activities in a number of regions is due, inter alia, to the lack of interest of the business in high-tech products and progressive new technologies. At the same time, the state pol-*

icy of supporting innovative development is characterized by much greater attention to the development, rather than the use of the results of innovation. The analysis of regional innovative programs allowed to draw a conclusion about the need for targeted, including financial support, not only for the creators of innovative products, but also for potential consumers.

Ключевые слова: *модернизация, инновационная деятельность, инфраструктура инноваций, коммерциализация инноваций, государственная инновационная программа.*

Keywords: *modernization, innovation, innovation infrastructure, commercialization of innovations, state innovation program.*

Проблема, которая рассматривается в данной работе – недостаточное обеспечение инновационной инфраструктурой процесса коммерциализации инноваций.

Базовая гипотеза – недостаточная мотивация потребителей инновационных продуктов, перекос внимания в государственной инновационной политике к созданию инновационных продуктов и технологий.

В данной работе речь идет о той части рыночной инфраструктуры, которая «обслуживает» инновационную деятельность. В работах отечественных авторов много публикаций, посвященных проблемам инновационного развития российской экономики, среди которых выделяется своей актуальностью развитие инфраструктуры инновационной деятельности [1, 2, 3] Рыночная инфраструктура инновационной деятельности – это совокупность экономических субъектов и механизмов, организационно и материально обеспечивающих эффективное взаимодействие потребителей и производителей наукоемкой продукции в процессе создания инновации и последующее распространение наукоемкого продукта в хозяйственной среде. Инновационная деятельность направлена на создание инноваций, т. е. нового продукта или технологии, внедрение его в производство, доведение до потребителя. К функциональным подсистемам инфраструктуры рынка инноваций относятся:

1. Инновационные посредники: инновационные агентства; консультационные центры; инновационные брокеры; инжиниринговые фирмы; внедренческие фирмы и т. д.

2. Организационные структуры поддержки: академии и государственные научные центры; технопарки, инкубаторы; государственные межведомственные программы; структурные подразделения органов государственного и местного управления.

3. Финансово-кредитная инфраструктура: бюджет; бюджетные и внебюджетные фонды поддержки науки (РФФИ, РГНФ и др.); коммерческие банки; венчурные фонды; страховые общества.

4. Информационная инфраструктура: СМИ; специализированные выставки, конференции, симпозиумы; региональные базы данных; центры изучения спроса, рыночной конъюнктуры; библиотеки; интернет-информация.

5. Инфраструктура международных связей: совместные проекты научных исследований; международные конференции, публикации; международные фонды, гранты.

Инфраструктура на любом рынке – это посредник между субъектами, производящими инновации и потребляющими их. Инфраструктура на рынке инноваций отличается от инфраструктуры на других рынках тем что она может являться субъектом, который является не только посредником на рынке, но и сам активно занимается созданием (производит) инновации, например, технопарк, бизнес-инкубатор. Кроме того, некоторые элементы инфраструктуры инноваций могут быть использованы как производителями, так и потребителями инновационных продуктов. Так, информационная инфраструктура используется как создателями инноваций (научные фонды, библиотеки), так и для заказчиков, потребителей инноваций необходимы такие элементы информационной инфраструктуры как выставки, интернет-информация и пр.

При наличии условий для производства и потребления инноваций необходимы еще и механизмы, приводящие в действие тех, кто создает и использует эти инновации, необходима мотивация и стимулы для тех и других. Такой механизм по определению относится к инфраструктуре инновационной деятельности, включен в состав выше названных организационных структур поддержки инноваций. Деятельность структурных подразделений органов государственного и местного управления и государственные межведомственные программы играют большую роль в создании стимулов для развития инновационной деятельности и заинтересованности в использовании ее результатов.

Однако необходимо отметить, что государственная политика поддержки и стимулирования инвестиционной деятельности ориентирована прежде всего на производителей новых продуктов и технологий. В постановлениях правительства последних двух десятилетий и в важнейших государственных программах [6] речь идет о создании преференциальных условий российским организациям при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в рамках конкретных проектов и программ, при создании, модернизации и реконструкции индустриальных парков и технопарков в сфере высоких технологий. Эти льготы, как правило включают субсидии на компенсацию части затрат на производство инновационных продуктов, а также части затрат на компенсацию процентов по кредитам, полученных в российских кредитных организациях на цели реализации проектов по созданию инфраструктуры соответствующих отраслей, потенциальных производителей инноваций. Анализируя направ-

ленность мероприятий государственной инновационной политики можно сделать вывод о том, что стимулирование использования (коммерциализации) инновационных отечественных продуктов и технологий остается менее разработанной частью государственных инновационных программ.

Важнейшим документом, определяющим ключевые задачи государства в области инновационной политики является «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [7]. Цель «Стратегии» перевод к 2020 году экономики России на инновационный путь развития. При этом отмечается, что пока не удалось создать конкурентную среду, *стимулирующую использование инноваций*. В этом документе под использованием инноваций понимается, прежде всего, вооружение бизнеса этими новыми продуктами и технологиями. Для этого необходимо передать эти разработки заинтересованным субъектам из научно-исследовательских институтов и центров, вузов и конструкторских бюро в реальный сектор экономики. Этот процесс коммерциализации требует активного государственного вмешательства, не менее активного, чем процесс поддержки государством этапа создания (производства) инновационных продуктов. В российской экономике на рынке инновационных продуктов низкий спрос на инновации, а государственная инновационная политика направлена на увеличение предложения. На наш взгляд, недостаточная эффективность государственной инновационной политики объясняется в значительной мере недооценкой роли мотивации потребителя для увеличения его спроса и закупок соответствующих рыночных продуктов. Кроме того, в «Стратегии» справедливо отмечается, что негативное влияние на «темпы внедрения инноваций» оказывает «избыточный перекос в сторону закупки оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок» (сделать ссылку на стратегию). Таким образом, ни частный, ни государственный сектор фактически не проявляют заинтересованности во внедрении инноваций.

Еще в период утверждения «Стратегии» отмечалось, что необходима корректировка политики инноваций, смещения акцентов с наращивания общих объемов поддержки по всем направлениям инновационной деятельности на поддержку *критических для инновационного развития проблем*. В настоящее время такими критическими, на наш взгляд, являются проблемы коммерциализации инноваций. В этом вопросе решающую роль может и должна сыграть государственная политика поддержки инноваций, в частности политика финансовых и налоговых льгот тем субъектам, которые формируют спрос на инновации, подобно поддержке создателям инновационных продуктов. В этом будет заключаться развитие инфраструктуры инновационной деятельности путем создания механизма, приводящего в соответствие спрос и предложение инновационных продуктов.

Еще одна проблема – обеспечение адресности инновационной политики. *Государственная инновационная политика должна быть региональной* [4, 5]. Регионы России дифференцированы не только по экономическим критериям, но и по вниманию к ним со стороны федеральных органов. Регионы отличаются разными условиями для осуществления инновационной деятельности. Чтобы оптимально использовать эти условия, необходимо государственную инновационную политику конкретизировать в регионах. Для инновационной деятельности, как и для инфраструктуры этой деятельности большое значение имеет дифференциация регионов по многим социальным и экономическим критериям. В частности, по тем условиям, которые есть в регионе для развития инновационной деятельности. Имеющаяся и действующая инфраструктура в большей степени привязана в настоящее время к производителям инноваций, направлена на стимулирование создания новых инновационных продуктов. Размещение элементов инфраструктуры по регионам фактически определяется наличием в этих регионах условий для инновационной деятельности (научно-исследовательский и производственный комплексы, конструкторские бюро и квалифицированные кадры, имеющие потенциальные возможности для создания новых технологий и продуктов). Для созданных инновационных продуктов должен быть потребитель. А чтобы потреблять высокотехнологичную продукцию в регионе должны, во-первых, быть созданы определенные условия (наличие отраслей или предприятий, потенциально являющихся потребителями наукоемких технологий и продуктов, наличие рабочей силы, квалификация которой позволит использовать инновации), и, во-вторых, мотивы использования этих условий. Нам представляется, что важнейшим этапом создания и реализации Государственной региональной политики является анализ различий этих региональных условий на базе достоверной и сопоставимой информации. В Национальном центре по мониторингу инновационной инфраструктуры и научно-технической деятельности, и региональных инновационных систем (НИАЦ МИИРИС) накоплена по каждому региону информация о его промышленном, научно-техническом и инновационном потенциале, представлены программы социально-экономического и инновационного развития [8]. Использование этой информации по регионам при подготовке Государственных документов об инновационной стратегии в регионах позволит сделать их более обоснованными и реалистичными.

Литература

1. Мореева, Е. Л. Инновационная инфраструктура и социально-экономическая модернизация: концепции и практика международного региона / Е. Л. Мореева. – Ярославль: Аверс Плюс, 2012.

2. Чмаро, А. В. Инновационная инфраструктура как основа формирования и развития малых инновационных предприятий на региональном уровне / А. В. Чмаро. – Брянск: Новый проект, 2015.
3. Исмагилов, Н. Инновационная инфраструктура и ее элементы: опыт систематизации / Н. Исмагилов, А. Мухамедьяров, Ю. Хабибрахиянова // Экономика и управление: Науч.-практ. журн. – Уфа: Башкир. акад. гос. службы и управления при главе Республики Башкортостан, 2015.
4. Уварова, Г. Г. Кропотливая работа региона: формирование инновационной системы региона в условиях модернизации экономики России / Г. Г. Уварова // Креативная экономика. – 2010. – № 11.
5. Унтура, Г. А. О сочетании стратегии инновационного развития России и стратегии развития региональных субъектов / Г. А. Унтура // Проблемы регионального и муниципального управления: Сб. науч. тр.; Под ред. А. С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2011.
6. Экономическое развитие и инновационная экономика: Гос. программа: Утв. постановлением Правительства от 15 апр. 2014 г. № 316 [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/programs/225/events/> (дата обращения: 03.06.2018).
7. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации 8 дек. 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.consultant.ru/> (дата обращения: 03.06.2018).
8. Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности региональных инновационных систем [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.miiiris.ru/regions/> (дата обращения: 08.06.2018).

**МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО: ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**THE LOCAL COMMUNITY: THE CREATIVE PROCESSES
AND SOCIAL ACTIVITIES**

С. И. Кулибаба
Sergey I. Kulibaba

*Центр культуры народов России Государственного Российского дома
народного творчества имени В. Д. Поленова (Москва, Россия)*
*Center the Culture of the Peoples of Russia of the State Russian House
of Folk Art named after V.D. Polenova (Moscow, Russia)*

***Аннотация.** Культура является основой жизни, духовного развития нации, комплексной социокультурной модернизации. В этих условиях эффективное управление сферой культуры, выработка унифицированных подходов к формам социокультурной работы становится основополагающим фактором вдохновения и созидания. Задачи, которые должны решать профессионалы на местном уровне, чтобы повлиять на социокультурные и социальноэкономические факторы развития инновационных систем в регионах: обеспечение развития творческого мышления, духовно-интеллектуального ресурса личности; формирование ценностного отношения к искусству и жизни; воспитание творчески-мобильной личности, способной к успешной социальной адаптации в условиях быстро меняющегося мира.*

***Abstract.** Culture is the basis of life, spiritual development of the nation, complex socio-cultural modernization. In these conditions, the effective management of the sphere of culture, the development of unified approaches to forms of socio-cultural work becomes the fundamental factor of inspiration and creation. The tasks that professionals must solve at the local level to influence the socio-cultural and socioeconomic factors of the development of innovative systems in the regions: ensuring the development of creative thinking, the spiritual and intellectual resource of the individual; the formation of a value attitude to art and life; education of a creative-mobile personality, capable of successful social adaptation in a rapidly changing world.*

Ключевые слова: культура, искусство, личность, общество, художественное образование, духовно-ценностные основы социального профессионализма, развитие культуры местного сообщества.

Keywords: culture, art, personality, society, art education, the spiritual and value foundations of social professionalism, the cultural development of local community.

Проблемой современного российского общества, по мнению автора статьи, является снижение, по известным причинам, профессионального уровня управленческих и творческих кадров в муниципальных образованиях, недостаток мотивации и духовно-идеологического ценностного содержания социокультурных процессов.

Креативные ресурсы глав и руководителей структурных подразделений муниципальных образований естественным образом ограничены схемами современного нормативного и социального порядка [1].

На практике оказывается, что проще выстраивать систему механистичного иерархического соподчинения современных элит при помощи различных схем рейтингования и мониторинга, заставляя вписываться в «светофоры зонирования» (красная, жёлтая и зелёная зона) состояние деятельности по тому или иному направлению в той или иной сфере.

Очередной этап социокультурной эволюции России и ее регионов, комплексной модернизации национальной инновационной системы безусловно нуждаются в совершенствовании региональных и муниципальных инновационных систем, в том числе в социокультурных и управленческих содержательных моментах.

Зачастую уровень креативности местного сообщества нивелируется, усредняется, загоняется в прокрустово ложе своеобразного купола представлений руководителей о креативности и социальном совершенстве. Все проявления креативности, которые расходятся с мнением руководителей, а тем более в какой-то степени вырываются за рамки этого «купола» вызывают отторжение как непонятные, а потому и неприемлемые.

Лишь наиболее социально подготовленные руководители понимают, что задачей настоящего муниципального управленца в настоящее время является выявление, аккумуляция, сохранение и привлечение к социокультурной деятельности максимального количества креативных личностей и социальных сообществ, создание условий, в первую очередь, для обеспечения интерактивной включённости всех социально-стратификационных слоёв населения в художественное творчество по взаимному обмену образными представлениями о возможных перспективах развития и социокультурной модернизации.

Однако, противоречия обнаруживаются зачастую в двойном стандарте позиционирования делегированных полномочий и их недостаточной ресурсной обеспеченности, что приводит к напряжению во взаимодействии населения в массе своей и управленческих элит, действующих в жёстких установленных регламентах иерархической соподчиненности. Распределение ресурсов, полномочий и ответственности порой вступает в компромисс тройного стандарта: позиционирование (декларирование) соразмерно внутреннему и внешнему демократическому и модернизационному запросу, реализация в меру того или иного уровня профессионализма и идентичности, корректировка «по понятиям» с коррупционной составляющей.

При таком раскладе модернизационные процессы объективно сдерживаются даже на уровне соответствующих модернизации реальных предложений, а тем более на уровне реализации в рамках социокультурного межведомственного проектирования и планирования жизненного мира местного сообщества.

Современная культурная политика, при наиболее оптимистичном сценарии, призвана учитывать совокупность научно-обоснованных взглядов и мероприятий по социокультурной модернизации общества, по структурным реформам, преобразованиям культуропроизводящих институтов, системы новых принципов соотношения государственной и общественной составляющих культурной жизни, по корректировке содержания отечественной культуры. Одной из основных задач культурной политики является разработка основных принципов реализации прав граждан на доступ к культурным ценностям. Развитие, реформирование и становление художественного образования, социально-культурной деятельности в России является одной из приоритетных задач государственной культурной политики.

«Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии, включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры» [2].

По мнению автора, активное интеллектуальное сообщество в современной России призвано обеспечить успех политическому курсу правительства на социокультурную и социоэкономическую модернизацию [3]. Обеспечение необходимого уровня правовых, экономических, административных, специальных и социальных знаний, позволит создать достаточный уровень мотивации, обращения к духовно-ценностным ментальным основаниям профессиональной и социальной позитивной конфликтности, социального оптимизма, активизировать влияние творческих элит на все социокультурные процессы. Именно креативный человек, креативные сообщества могут предопределить и реализовать на практике оптимистические сценарии современного социального театра [4].

Поэтому, на фоне глобальных угроз национальной безопасности, в сфере культуры и образования все усилия необходимо направить на сохранение и развитие общероссийской социокультурной идентичности народов Российской Федерации – основы российского общества, цивилизации, единого культурного пространства страны.

Формирование особой духовно-культурной среды местных сообществ является важнейшей задачей профессионального сообщества [5]. Культура и художественное образование являются определяющим и равноправным элементом творческих процессов – социального партнерства профессионалов на пути интеллектуального возрождения страны [6].

Система общероссийского патриотического «служения – стояния» и национальной гордости – это система сочетания терминальных и инструментальных социальных ценностей, воплощенная в художественно-образной основе социокультурной деятельности.

Масштабное культурное воздействие, в свою очередь, формирует кодекс нравственных установок на длительную перспективу, поэтому важно формировать в корпоративном сообществе работников культуры и других социальных сфер психологию непреходящей важности их труда и чувства собственного достоинства.

Так, например, социолог М. Рокич [9] к терминальным – предельным ценностям, которых человек хотел бы достичь в течение своей жизни, относил: комфортную жизнь (процветание), интересную жизнь (активная позиция), чувство успеха (постоянной значимости), мир во всем мире (прекращение войн и конфликтов), равенство (братство, равные возможности для всех), свободу (независимость, свобода выбора), счастье (удовлетворенность), самоуважение (чувство собственного достоинства), настоящую дружбу (тесные приятельские отношения), мудрость (зрелое понимание жизни) и т. п.

К инструментальным ценностям, которые определяют определенные стандарты поведения или определенные способы достижения жизненных целей, по его мнению относятся: честолюбие, амбициозность (упорный труд, прилежание, целеустремленность), способности (компетентность, эффективность), жизнерадостность (воодушевление, лояльность), мужество, смелость (готовность отстаивать свою позицию), богатое воображение (дерзание, творчество), независимость (самоуверенность, автономность), ум (интеллект, склонность к мышлению), любовь (чувствительность, нежность), ответственность (надежность) и другие. Для некоторых из нас вполне ощутима взаимозаменяемость некоторых инструментальных и терминальных ценностей по шкале М. Рокича.

И это всё ещё позитивный (положительный) ценностный ряд, а в реальной объективной обстановке есть немало людей, ориентированных на негативные псевдо-ценности.

М. Рокич обнаружил, что повышение приоритета какой-либо личной ценности приводит к росту приоритета личных ценностей вообще и к снижению приоритета социальных ценностей. И наоборот, возрастание приоритета социальных ценностей приводит к общему повышению приоритета других социальных ценностей и к снижению приоритета личных.

Профессиональная включенность творческих людей сферы образования и культуры заключается в содействии прогрессивным руководителям регионов и муниципальных образований по формированию духовно-культурной среды местного сообщества и актуальных электоральных знаний, в выявлении и выдвижении актуальных художественных образов и смыслов на уровне терминальных ценностей, под которые затем и можно выстраивать инструментальный ценностный ряд социокультурных изменений, способствующих активизации населения.

Модернизация в первую очередь должна быть нацелена на то, чтобы продолжить и укрепить ценность личности.

«В целом, можно представить себе некоторый алгоритм выстраивания равномерного социального маятника модернизации, сочетания традиций и модернизационных явлений, при котором личность, как носитель ментальных традиционных социокультурных аспектов, проходит следующий путь: рождение в той или иной социально-стратификационной определенности; творческое становление в условиях социального партнерства позитивных и негативных конфликтов; приобретение, в связи с этим, того или иного социального статуса и исполнение, в меру своих креативных характеристик, своей социальной роли; наработка той или иной степени социального профессионализма, позволяющего осознавать, позиционировать и реализовать креативные возможности без угрозы потери традиционной идентичности и в соответствии с современными социокультурными параметрами; и, наконец, выход социальной личности, социальной группы, местного сообщества и государства в целом на новый уровень социокультурной идентичности и креативности с использованием социальных лифтов социальной мобильности во имя и человека и цивилизации» [7].

Конечно, легче всего выстроить работу в муниципальном образовании на принципе управления более простыми и управляемыми личностями на уровне инструментальных ценностей.

Но именно для развития действенных рычагов модернизационных процессов на местном уровне важно создать условия для социального партнерства позитивного конфликта (на уровне неформального, а лучше формального лидерства) – реальной системы сотрудничества, требующей высокой степени духовной зрелости всех участников.

В настоящее время это возможно на основе сопоставления различных действующих ведомственных и обще-муниципальных так называемых «дорожных карт», в которых и индикаторы заложены, такой метод может

стать значимым дополнением в существующей методике изучения процессов модернизации.

Наиболее перспективным для формирования духовно-культурной среды местных сообществ будет объединение в различных форматах социального общения глав, руководителей различных подразделений и специалистов муниципальных органов управления, руководителей, заместителей руководителей, руководителей структурных подразделений и работников организаций сферы культуры, художественного образования, дошкольного, начального, основного и среднего уровней общего образования, частных организаций художественного образования и учреждений социально-культурной деятельности всех ведомств.

Именно такой подход призван обеспечить необходимый уровень мотивации творческих процессов местных сообществ, развития навыков социальной и профессиональной адаптации, коммуникации, практико-ориентированной деятельности, преемственности, взаимопонимания и социальной компетенции. Интегративный принцип направлен на формирование социально-статусных и социально-ролевых навыков социального партнерства, способствующих в дальнейшем социально-стратификационному росту, использованию восходящих лифтов в профессиональной деятельности и социальном воплощении.

Местное сообщество нуждается в том, чтобы администраторы, работники культуры, художественного образования постоянно и активно предлагали наиболее интересные и ценные образы социального взаимодействия и развития. Успешный и востребованный учитель, художник, режиссер максимально интерпретируют свою деятельность, исходя из актуальных задач гражданского общества [8,10].

Будущая жизнь местного сообщества, да и страны в целом, во многом зависит от того, какой нам её «нарисует художник» – творческий человек во всех проявлениях и возрастах.

Социальный театр муниципальных образований предполагает беспрепятственное грамотное сценирование, режиссирование на всех уровнях управления и реализации, профессиональное доверие и включенность профессионалов сферы культуры и образования.

От каждого из нас зависит – на сколько задачи по социокультурной модернизации и их решение на местном уровне будут перемещаться из плоскости утопического коммунизма в плоскость социального профессионализма.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ: (ред. от 18.04.2018): (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018 г.).

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 683 от 31 дек. 2015 г.
3. Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года: Утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р.
4. Адаир, Д. Психология власти / Д. Адаир. – М.: Эксмо, 2004у
5. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С. Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. Заславская, Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2004.
7. Касавина, Н. А. Местное сообщество и творческие социокультурные процессы / Н. А. Касавина, С. И. Кулибаба // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. – Самара, 2016. – С. 196–200.
8. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри; Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2005.
9. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич. – М.; Нью-Йорк, 1973.
10. Флорида, Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2005.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

**SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF VILLAGES
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN**

**А. Р. Мажитова
Alfira R. Mahitova**

*Центр сельскохозяйственного консультирования
Республики Башкортостан (Уфа, Россия)
Center of agricultural consulting
of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)*

***Аннотация.** В статье представлен социокультурный потенциал сел Башкортостана. Исследованы теоретические и эмпирические данные по проблемам демографии, трудового потенциала и модернизационных возможностей региона. Дана практическая рекомендация.*

***Abstract.** The article presents the socio-cultural potential of the villages of Bashkortostan. The theoretical and empirical data on the problems of demography, labor potential and modernization opportunities of the region are investigated. Practical recommendation is given.*

***Ключевые слова:** трудовые ресурсы, социокультурное развитие, качество и уровень жизни, социальная активность, модернизация*

***Keywords:** labor resources, social and cultural development, quality and standard of living, social activity, modernization.*

Проблема. Сельские территории Башкортостана обладают мощным природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом. Однако, этот потенциал используется не в полной мере. О чем свидетельствует отток сельского населения, сокращение численности населенных пунктов, культурных объектов, неразвитость инфраструктуры, что грозит дальнейшим полным обезлюдением сельских территорий.

Базовая гипотеза. Повышение социальной активности жителей и привлечение населения к участию в жизни села, согласованная работа местных органов власти с населением есть основа для возможных позитивных социокультурных преобразований.

Методы исследования. Анализ сельских территорий с позиции социокультурного подхода предполагает осмысление культурных оснований развития всех сфер жизнедеятельности, выявление социокультурных особенностей региона и рассмотрение их в качестве значимых ресурсов его социально-экономического развития.

Результаты исследования, их новизна. Только связывая собственную судьбу и судьбу своей семьи со своим селом, городом, человек будет проявлять активность, направленная на улучшение жизни на данной территории.

Результаты исследования демонстрируют позитивное отношение к республике, так 83 % опрошенных довольны тем, что живут в республике; 9 % опрошенных не испытывают особых чувств по этому поводу, 3 % респондентов ответили, что не нравится жить в регионе, но они привыкли и не собираются уезжать. Хотели бы покинуть пределы республики 4 % жителей [1].

Одним из основных вызовов социально-экономического развития является снижение численности населения постоянно проживающего на территории республики, которое вызвано, прежде всего, миграционными процессами. В республике проживает 4 071 064 чел., из них 61,8 % городское и 38,2 % сельское население. Если сравнивать с постсоветским периодом, то наблюдается позитивный прирост населения [2, с. 11] (см. рис. 1).

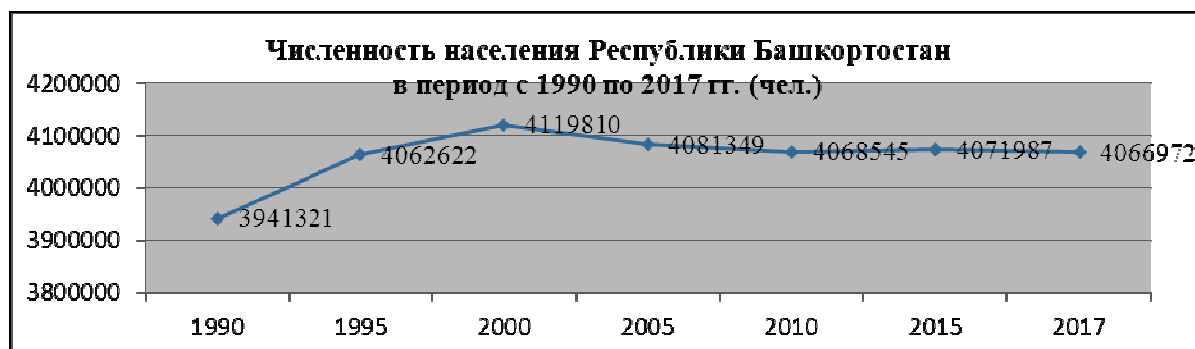

Рис. 1. Численность населения Республики Башкортостан в период с 1990 по 2017 гг.

Fig 1. The number of the population of the republic of bashkortostan in the period from 1990 to 2017

За последние 3 года наблюдается прирост миграционной убыли населения (с 4,4 тыс. человек до 7,4 тыс. человек), при этом в 2013 году имел место миграционный прирост (2,8 тыс. человека) (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика показателей миграции населения по Республике Башкортостан за 2010–2016 гг., чел.

Fig 2. Dynamics of indicators of population migration by the Republic of Bashkortostan for 2010–2016, pers.

Статистические данные характеризует существенное сокращение молодого населения (с 2014 года в среднем на 30 тыс. человек ежегодно), в том числе за счет его оттока в другие регионы.

Согласно результатам опроса, желание уехать, в основном, проявляет молодежь в возрасте от 18 до 34 лет. С возрастом желание покинуть родные края ослабевает (см. табл.1) [1]. Печально, но желание уехать из республики доминирует у респондентов с высшим образованием.

Таблица 1

Какие чувства Вы испытываете по отношению к своей республике?

Table 1

How do you feel about your republic?

	Возраст, %						Итого
	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–54 лет	55–64 лет	65 и более	
Я рад, что живу здесь	43,0	37,6	40,7	45,7	42,1	51,5	42,9
В целом я доволен, но многое не устраивает	32,4	40,5	44,6	40,0	43,4	33,9	39,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	11,1	13,1	7,7	7,8	7,2	9,1	9,4
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	1,9	1,7	2,1	3,5	3,3	4,8	2,7
Хотел бы уехать в другой регион России	10,1	5,5	4,6	3,0	1,3	0,0	4,4
Хотел бы вообще уехать из России	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	1,4	1,3	0,0	0,0	2,0	0,6	0,8
Отказ от ответа	0,0	0,4	0,4	0,0	0,7	0,0	0,2
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Отсутствие рабочих мест, низкий уровень уровня и качества жизни являются основной причиной отъезда трудоспособных граждан из села.

Часто для тех, кто живет в селах и малых городах, вахтовый метод работы становится единственным способом заработать на жизнь.

Республика обладает значительным трудовым потенциалом. Однако, сохраняется тенденция к снижению численности населения в трудоспособном возрасте, что оказало влияние на снижение в 2015 году численности трудовых ресурсов по сравнению с 2010 годом с 2549 тыс. человек до 2376,7 тыс. человек (на 173,1 тыс. человек, или на 6,8 %). Численность занятых в экономике за 2010–2015 годы снизилась на 10,7 тыс. человек (0,6 %), составив 1759,9 тыс. человек (см. рис. 3). Одновременно с сокращением численности населения в трудоспособном возрасте в последние годы увеличилась численность населения старше трудоспособного возраста, особенно в сельской местности.

Дестабилизирующим фактором социальной ситуации является безработица. По уровню занятости и безработицы на рынке труда в республике наблюдается дисбаланс. В период с 2008 по 2011 гг. под влиянием мирового финансово-экономического кризиса произошел резкий спад на рынке труда.

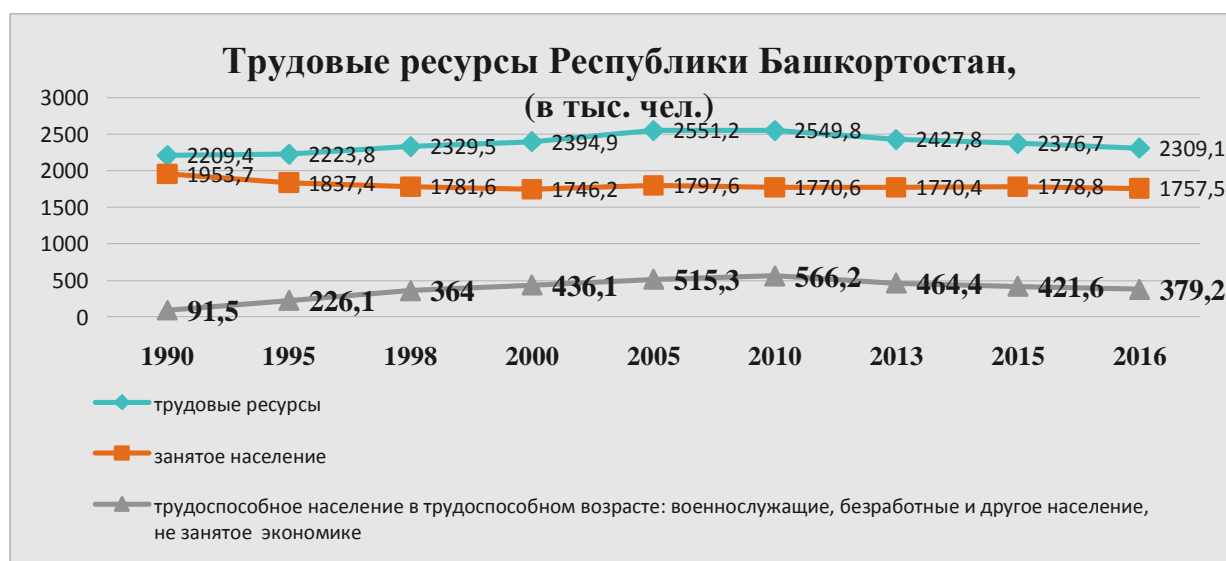

Рис. 3. Трудовые ресурсы Республики Башкортостан, в среднем в год, тыс. чел.

Fig 3. Labor resources of the republic of bashkortostan, available in the year, thousand.

По уровню социально-экономического развития, Башкортостан в 2017 г., среди регионов России занял 11 место, годом ранее – 8 место [3]*.

* Рейтинг социально-экономического положения регионов строился на основе агрегирования групп показателей, характеризующих экономическую, социальную и бюджетную сферы. Учитывались такие индикаторы, как объем производства товаров и услуг, объем доходов консолидированного бюджета, численность занятых в экономике и др.

Экономический потенциал региона – это количество и качество внутренних ресурсов, от величины, которой зависит производство товаров (услуг), способность адаптироваться в условиях неустойчивого развития рыночной экономики и получение доходов. «От того насколько правильно поставлены и структурированы стратегические задачи, насколько рационально используются ресурсы для их решения и насколько последовательны планируемые мероприятия, зависит устойчивость региональной социально-экономической системы и, как следствие, благополучие населения» [4, с. 113].

В результате анализа российских регионов в период рыночных трансформаций в контексте их модернизационных возможностей определились проблемы, препятствующие эффективной социально-экономической модернизации Республики Башкортостан. В основе оценки факторов, определяющих процесс кластеризации стран по уровням их модернизованности регионов России, лежит методика исследования профессора Хэ Чуаньци Центра исследования модернизации Китайской академия наук (ЦИМ КАН). Он, модернизационные процессы, делит на три уровня: первичная, вторичная и интегрированная модернизация* [5].

Индексы первичной модернизации Башкортостана в период с 2000 по 2015 годы заметно выросли. К чему способствовали, рост валового регионального продукта на душу населения, доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, ожидаемая продолжительность жизни. В период с 2000 по 2015 г. наметился увеличение валового регионального продукта на душу населения в 4 р. (с 1469 до 5298,38 амер. долл.) и ожидаемой продолжительности жизни на 4,3 года (с 66,7 года до 71,00 года). Индексы вторичной модернизации стабильно повышаются. Сравнительный анализ показывает, что индикаторы трансляция знаний и качества жизни близки или превышают стандартные нормы. Однако, по индексу инновации в знаниях (доля затрат на НИОКР в ВРП, число ученых и инженеров 4-х кратное, число жителей, подавших патентные заявки) 3-х кратное отставание от стандарта.

Следующим сдерживающим фактором для роста индекса вторичной модернизации являются низкие показатели качества экономики, как валовой региональный продукт (ВНП) на душу населения и ВРП (ВНП) на душу населения по ППС (паритет покупательной способности). Позитивная динамика ВРП (ВНП) на душу населения была прервана финансово-экономическим кризисом 2011 г.

* *Первичная модернизация* – учитывает три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную и когниционнную (знания). *Вторичной модернизации* (ВМ) определяются для четырех областей: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики. *Интегрированная модернизация* представляет собой координированное развитие первичной и вторичной модернизации.

В целом, в 2000 г. Башкортостан, как и большинство регионов ПФО, вступил в фазу **зрелости** первичной модернизации (показатели ниже срединного). Лидерами являются Нижегородская и Самарской области (показатели выше срединного). В 2010 г. показатели вторичной модернизации регионов ПФО улучшились, например, Нижегородская область достигла этапа **роста** вторичной модернизации, Пермский край – **начала** ВМ; Татарстан, Самарская, Ульяновская и Пензенская области – **зрелости** первичной модернизации (показатели выше срединного). Остальные регионы, в том числе Башкортостан, находились на этапе зрелости ПМ (показатели ниже срединного). В 2015 г. Башкортостан и еще 8 регионов достигли этапа **зрелости** ПМ (показатели выше срединного) [6].

Развитие модернизационных процессов связано с качественными изменениями человеческих ресурсов. Для чего лидеры прогрессивных государств разрабатывают и реализовывают проекты, направленные на развитие социокультурной сферы. Повышение уровня и качества жизни напрямую связано с реализацией социальных программ за счет внедрения принципов социальной активации населения.

В этой связи, поиск включенности населения в процессы социокультурного развития территорий легли в основу республиканских Программ поддержки местных инициатив (ППМИ) и доходогенерирующих проектов (ДГП).

Наиболее уникален опыт Республики Башкортостан, где с 2014 года реализуется ППМИ, направленная на развитие общественной инфраструктуры. Доходогенерирующий проект – новое направление стратегического развития сельских территорий, учитывающее инициативу граждан, способных заниматься сельскохозяйственным производством. Ожидаемыми результатами данного являются: развитие кооперации, малых форм сельскохозяйственного производства на селе (создание новых производств), увеличение объемов товарного производства; модернизация производства пищевой продукции на селе; рост уровня и качества жизни населения; уменьшение оттока экономически активной части населения; рост инвестиционной привлекательности конкретной территории;

Практическое значение результатов. Будучи, консультантом по обоим проектам, хочется отметить, что население проявляет активность в обсуждении социальных проблем местности, готовность опротестовать проекты выдвигаемые местными или районными органами власти и стремятся к активному участию в жизни местного сообщества в рамках реализации ППМИ.

В целом, по итогам реализации ППМИ наблюдается положительная динамика числа участников. Так, количество мероприятий и участников в них увеличилось в 2 р. Гражданскую позицию населения, заинтересованность в решении социальных проблем показывает число членов инициа-

тивной группы. По итогам 2017 г. число членов инициативной группы достигло до 6000 чел. (см. Табл.2).

Таблица 2

**Результаты реализации ППМИ в Республике Башкортостан
в 2016 и 2017 гг.**

Table 2

**The results of the implementation of the AMP in the Republic
of Bashkortostan in 2016 and 2017**

	2016	2017
Число итоговых собраний (шт.)	689	871
Численность инициативных групп (чел.)	5000	6000
Численность участников итоговых собраний (чел.)	50000	81980
Участники предварительных мероприятий (чел.)	200000	4500000
Число поданных заявок	627	676

Для устойчивого развития экономики опора на инвестиции полностью не решить проблем, поэтому нашим ответом должно быть местные ресурсы и потенциал молодежи.

Доходогенерирующий проект является уникальным в России. Обязательными условиями для реализации данного проекта являются участие и учет мнения населения на собраниях, выбор членов инициативной группы и руководителя, приоритетных проектов по сельскохозяйственным направлениям, наиболее приемлемых для данной местности и вклад населения.

Сельские жители демонстрируют готовность участия в новых инновационных проектах, вкладываться в общий бизнес и объединиться в сообщества (кооперативы). Развитие всех форм кооперации это требование времени и необходимое условие для стабилизации ситуации на рынке труда, обеспечения рентабельности сельскохозяйственного производства, сохранения жизни на селе и занятости, устойчивого развития сельских территорий.

Таким образом, рост активности населения и инициативных групп служат фундаментом позитивных преобразований. В этой связи поиск форм включенности населения в процессы социокультурного развития территорий представляет основное проблемное поле, на которое сегодня должны быть направлены усилия исследователей и специалистов практиков в области управления.

Литература

1. Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан: Социол. исслед.: [Объем выборки – 1292 человек, население Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Сроки полевых работ 23 мая – 20 дек. 2011 г.].

2. Демографические процессы в Республике Башкортостан: Стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2017.

3. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения: 15.05.2018).

4. Гулин, К. А. Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект: Моногр. / К. А. Гулин. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ.; Под ред. Н. И. Лапина. – М.: Весь Мир, 2011.

6. Индексы стадий модернизации регионов [Электронный ресурс]. – URL: <http://mod.vscs.ac.ru> (дата обращения: 10.06.2018).

ПРИЧИННОСТЬ И МОТИВАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ

CAUSALITY AND MOTIVATION IN SOCIAL KNOWLEDGE

В. М. Пивоев
Vasily M. Pivoev

*Северный институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста РФ)
(Петрозаводск, Россия)*

*Northern Institute (branch) of the All-Russian state University of Justice
(RPA justice Ministry of the Russian Federation)
(Petrozavodsk, Russia)*

Аннотация. Причинность является характеристикой материальных, физических, статичных явлений, которые сменяются следствиями. Причинный анализ уводит от проблемы оценки моральной и духовной ответственности за действия в социальной сфере жизни, вопрос об ответственности отправляется в сферу так называемых объективных, независящих от субъекта обстоятельств. Целесообразно больше внимания уделять анализу мотивационной стороны проступков и действий для стимулирования инновационности.

Abstract. Causality is a characteristic of material, physical, static phenomena, which are replaced by consequences. Causal analysis leads away from the problem of assessment of moral and spiritual responsibility for actions in the social sphere of life, the question of responsibility is sent to the sphere of so-called objective, independent from the subject of circumstances. More attention should be paid to the analysis of the motivational side of misconduct and actions to stimulate innovation.

Ключевые слова: причина, следствие, мотивация, социальное знание.

Keywords: cause, consequence, motivation, social knowledge.

Обнаруженный в древнегреческой философии принцип причинности имеет большое значение для анализа процессов в материальной практике, поскольку позволяет прогнозировать действия, достигать намеченных це-

лей и получать ожидаемые результаты. Однако распространение данного принципа на умопостигаемую сферу чревато существенными ошибками. Этим обусловлена необходимость методологического обоснования границ применения причинности в социальном знании и учета ценностной обусловленности и мотивации творчества в социальной практике.

Животное существует вне времени, или точнее, лишь в настоящем, для него нет осознанного прошлого и будущего, но лишь настоящее. Бессознательно наличествует прошлое (память инстинктов) и будущее (потребности). Поэтому говорить об ответственности за какие-то действия или о целесообразных действиях здесь не имеет смысла.

Мифологическое сознание у человека возникает для решения задачи *обнадеживания* в ситуации ночного сознания и невидимых опасностей, исходящих из «чужого» мира, любыми способами, включая иллюзии. Позднее возникает потребность защититься с помощью магии от возможных врагов, но для этого необходимо выяснить их природу, объяснить происхождение и функции. Так, для первых древнегреческих философов важнейшей задачей считалось выяснение «архе», первоначала (первопричины), из которого все происходит.

Одним из первых пытался осмыслить законы причинности Демокрит, который утверждал: «ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» [1, 327].

По словам Аристотеля, «причиной называется то, “из чего”, как внутренне ему присущего, возникает что-нибудь... В другом значении [причиной будут] форма и образец — а это есть определение сути бытия — и их роды... Далее, [причиной называется то], откуда первое начало изменения или покоя... Наконец, [причина] как цель, т. е. “ради чего”» [2, 87–88].

Начиная с греков, возникает смешение причины как механической передачи импульса энергии и психологического влияния каких-то событий из среды обитания человека и социального окружения на его поступки. Все это считалось явлениями одного порядка.

Обнаружение причинности связано с замеченной естествоиспытателями естественной реакции любого живого существа на раздражитель: стимул — реакция. Такая связь имеет в основе непосредственный контакт в пространстве, последовательность во времени. Происхождение модели линейной причинности имеет очевидную связь со зрительным восприятием. Из наблюдения такого взаимодействия легко рождается представление о законе причинного отношения. Но ситуация кардинально меняется, как об этом писал Ю. М. Лотман, при отсроченной во времени реакции на раздражитель. Такое становится возможным при наличии двух условий: памяти и знака, фиксирующего и способствующего сохранению информации о стимуле [6, 220]. Этот разрыв непосредственных причинных связей имеет огромное значение. Возникает мир духовных ценностей.

В античной философии выделяли такие сферы реальности для познания: чувственную и умопостигаемую (включая эмоциональную, интеллектуальную и сверхчувственную сферы реальности). Позднее их обозначили как материальную и духовную. В первой сфере были обнаружены причинные отношения. Как хорошо показал Аристотель в своей теории четырех причин (материальную, энергетическую, формальную и целевую) все они отвечали на вопрос: «Почему?» Ответ на данный вопрос стали воспринимать как главную задачу науки на долгие годы и даже века.

Роль и место причинности в естествознании обстоятельно рассмотрел аргентинский философ Марио Бунге [4]. Для понимания материального мира эти абстрактные категории имеют большое значение, а такое же ли для нематериального? — большой вопрос.

Естественные науки не занимаются настоящим, они этого делать «не умеют», они изучают обычно прошлое (воображаемое статичное состояние мира, которое отождествляется с таким же неподвижным настоящим), на основании чего строят прогнозы на будущее (такое же статичное состояние, к которому необходимо прийти, или которое необходимо реализовать, актуализировать). Причина этого в рационалистической методологии, которая помогает изучать только остановленное, «мертвое», дискретное прошлое, но не «живое», «движущееся», протекающее настоящее. Избегают эти науки и вопроса «зачем?» — поскольку ответ на него выводит ученого на проблему субъективных потребностей и смыслов.

Но сфера умопостигаемая (духовная) не является пространственной, не обеспечивает непосредственного материального контакта. Влияние одного явления на другое в этой сфере имеет опосредованный характер, но может быть синхронистично во времени. При этом одна причина может иметь не одно следствие, а несколько. Информационные поля искажаются в ситуации однозначного предсказания и линейной причинности, а будущее становится вероятностным. Об этих проблемах в числе первых стал догадываться и размышлять шотландский философ Д. Юм.

Он сомневался в надежности и объективности причинных объяснений и подверг критике общепризнанное представление – «...все, что начинает существовать, должно иметь причину существования» [8, 175]. Одно и то же следствие может быть вызвано разными причинами. Нередко последовательность событий искусственно называют причинными связями. Но если день следует после ночи, то отнюдь ночь не является причиной дня. По существу, на возникновение идеи причинности, полагал он, повлияло то, что соединили три признака: следование, смежность, регулярность.

Затем А. Шопенгауэр выделил три характеристики материального мира: *пространство, время и причина*. «Причина и действие – в этом вся сущность материи» [7, 1, 23]. Причинность находится в тесной связи с временной последовательностью. Если нечто не имеет причины, то оно нахо-

дится вне времени, в вечности. Память воспроизводит реальные впечатления прошлого, а воображение способно их комбинировать, усиливать или ослаблять, а то и создавать, творить. Самовнушение способно создавать мотив для действия без достаточных для этого причинных оснований. Еще одним мощным источником (не причиной) действий является вера. Однако, «истинной и реальной причиной идеи и сопровождающей ее веры нужно считать наличное впечатление» [8, 202]. Затем закрепленная в памяти идея впоследствии может замещать наличное впечатление и «оказывается совершенно тождественной последнему по крайней мере для нашей нынешней цели» [8, 206]. Память воспроизводит реальные впечатления, а воображение способно их комбинировать, хотя они могут быть более слабыми по своему воздействию: «...идеи памяти *сильнее и живее* идей воображения» [8, 183].

Мотивация выражает потребности души, а причинность – телесного эго. Причинность, по существу, отрицает свободу. Как об этом писал Б. Спиноза: человек считает себя свободным тогда, когда свои действия осознает, а причин, которые их вызвали, не замечает. Из этого вытекает причинно-информационная предопределенность будущего. На самом деле будущее детерминировано не однозначно, а лишь вероятно. Между прошлым и будущим имеется «пространство» настоящего, которое создают возможность для свободного произвола и непредсказуемости.

Закон причинности хорошо работает в рамках механики Ньютона, но попытки его использования в социальной и гуманитарной сферах очень часто заводят в тупик. Рассудок связан с практическим знанием, разум – с теоретическим, абстрактным. В основе идеи причинности, как заметил Бергсон, лежит наша память, которая позволяет сопоставлять события и изменения во времени и делать заключения об их причинной взаимосвязи. Гипотеза причинности опирается на полученном в опыте убеждении, что «одинаковые объекты, поставленные в одинаковые условия, всегда будут производить одинаковые действия» [8, 205]. Другим источником идеи причинности является «кинематографический» характер зрительного восприятия и осмысления реальности, опирающегося на рационально-логический стиль левополушарного мышления. При этом движение останавливается, фиксируется, осмысливается, затем переключается на следующий «стоп-кадр» и так далее. Такая дискретность позволяет изучать лишь прошлое, настоящее ускользает из «поля зрения и внимания».

Чтобы анализировать процесс и его причины, надо процесс остановить (объект анализа должен быть обездвиженным, стабильным). Но когда мы это остановленное изучаем, то оно не имеет адекватного выражения процесса. На это указали апории Зенона Элейского и исследования современного химика И. Пригожина. По словам А. Бергсона, «наш интеллект ясно представляет себе только неподвижность», только отдельное, он

«...характеризуется неограниченной способностью разлагать вещи по любому закону и соединять их в любые системы» [3, 172–174]. Его главное преимущество заключается в способности отыскивать средства (инструменты) и выход из практических трудностей. Однако его творчество имеет ограниченный характер комбинирования, принципиальной новизны он обеспечить не в состоянии. В этом заключается главная проблема, о которой писал А. Бергсон: жизненный порыв «состоит в потребности творчества» [3, 277], но интеллект «отвергает творчество» [3, 181], поскольку «характеризуется природным непониманием жизни» [3, 183].

Таким образом, представление о причинности имеет три основания: отношения *смежности*, *последовательности* и *постоянства*. Наш опыт обнаруживает, что одна и та же причина в одинаковых условиях вызывает (как правило) одно и то же действие. Однако нельзя считать день причиной ночи, хотя она следует за днем.

Современная эпоха по скорости и динамичности преобразований не знает себе равных. Неравновесный, нестабильный мир – так определяют нынешнее состояние универсума ученые. Многовариантность хода событий, принципиальная открытость будущего, изначальная неравновесность онтологических структур, хаосомность и стохастичность требуют иных средств методологического анализа и обосновывают потребность в новой методологии.

Классическая историческая наука исследование *причин* считала одной из центральных задач. Если обнаружена сущностная причина изучаемого события, то задача историка считалась выполненной. Между тем метод причинности (каузальный) имеет серьезные ограничения в социальных науках. Как полагал Л. П. Карсавин, в конкретно-историческом исследовании сведение существа проблемы только к причинности приводит к серьезным ошибкам, к примитивизации проблемы. Получается, что вспышка гнева имеет причиной соответствующую склонность характера – вспыльчивость, а причиной философии – склонность к философствованию.

На границы применимости закона причинно-следственной связи в социальных и гуманитарных науках указывал И. Кант [5, 517]. Если преувеличивать роль причинных связей, то можно заявить, что причиной поражения Наполеона в 1812 г. или Германии во Второй мировой войне были суровые морозы в России. Будучи правилом конституирования явлений материального, чувственно воспринимаемого мира, этот закон не может быть распространен на умопостигаемую сферу. Человек является личностью, которая обладает свободой и ответственностью за свои поступки.

Причина может вызвать следствие или не вызвать его. Все зависит от условий и обстоятельств, в которых действует причина. В отличие от причины условия оказывают не прямое влияние на явление, а косвенное. Два процесса, происходящих одновременно в непосредственной близости, мо-

гут оказывать друг на друга взаимное влияние. Еще сложнее, если один из них является сознательно управляемым, имеющим свои привходящие интересы и цели.

Особенно интересна ситуация бифуркации, неустойчивого равновесия, в котором находится система. В таком положении даже очень слабый фактор, как полагал И. Пригожин, может вызвать катастрофические последствия. Важным условием, помогающим причине реализоваться, является энерговооруженность.

Наш интеллект (опирающийся на деятельность левого полушария головного мозга) может допустить комбинаторную новизну, качественная новизна недоступна его пониманию [3, 182]. Это связано с тем, что «интеллект всегда старается реконструировать действительность, и притом пользуясь данными элементами, он не схватывает того, что есть нового в каждый момент какой-либо истории. Он не допускает непредвиденного. Он отвергает творчество. Наш ум удовлетворяется тем, что определенные предшествующие приводят к определенным последующим, которые можно вычислить, как функцию» [3, 181]. Анри Бергсон исследовал две формы знания, два способа осмысления мира – интеллектуальный и интуитивный. Это не две формы, высшая и низшая, а две параллельные, взаимодополняющие стороны освоения мира, опирающиеся на деятельность левого и правого полушарий головного мозга. Анализ – функция интеллекта (левого полушария), синтез – функция интуиции (правого полушария).

В противоположность механистическому детерминизму сначала философы и психологи в XIX, а в XX веке физики допустили принцип *индетерминизма*: хотя в физическом мире все события причинно обусловлены, но не все предопределены с абсолютной точностью во всех своих деталях. Поэтому будущее *вероятно*. И тогда предшествующее событие считается причиной последующего. По справедливому наблюдению Д. Юма, чувство причинности есть лишь привычка индивида ожидать, что одно событие последует за другим, как это бывало уже не раз прежде. Между тем если присмотреться к социальной реальности, то редко можно встретить в жизни лишь одну причину, вызывающую одно следствие. Кроме всего прочего, причинность может быть случайно-вероятностной, произвольной (свободной) и непроизвольной (зависимой).

В сознании каждого человека идет незримая, не вполне осознаваемая борьба между интересами эго (тела) и Я (души). Во многих случаях верх одерживают первые. В поддержку вторых включаются моральные и правовые механизмы. На тело действуют причинные необходимости, на душу – субъективные желания и мотивы. Сопоставим их различие в таблице 1.

Мотивация может быть бессознательной (инстинктивной) и сознательной (сопровождающейся волевым принуждением — внешним или внутренним). Таким образом, можно подчеркнуть, что:

- ссылка на «объективные» причины служит для ухода от ответственности и уменьшения психологического переживания вины;
- в социальной сфере у любого события не одна, а несколько причин, выбор одной из них в качестве *главной* обычно произволен (субъективен);
- кроме объективных причин нередко гораздо важнее – причины субъективные;
- проявление причин зависит от конкретных условий и обстоятельств, поэтому одна причина в разных обстоятельствах приводит к неодинаковым следствиям;
- попытки однозначного планирования в социальной сфере приводят к выводу: «Хотелось как лучше, а получается как всегда!»

Таблица 1

<i>Причинность</i>	<i>Мотивация</i>
Материальна	Нематериальна
Непосредственна	Опосредована
Принудительна	Добровольно-принудительна
Объективна	Субъективно-объективна
Бессознательна	Бессознательно-осознанна
Одномерна	Многомерна
Изоморфна	Гетероморфна
Одновременна	Разновременна
Внеморальна	Связана с моралью и ответственностью

Итак, причинность является характеристикой материальных, физических, статичных явлений, которые сменяются изоморфными следствиями. В отличие от разрушительной деятельности творчество есть такой способ самореализации, который имманентно, органически присущ по природе человеку как носителю эктропийного, созидательного божественного начала. В творчестве человек преодолевает свою ограниченность и прикасается к бесконечности, объективируя в продукте творчества вечное становление божественного порядка. Творчество направлено на антиэнтропийное упорядочение и энергоинформационное усложнение мира, оно воплощает индивидуальную свободу человека как возможность самореализации человеческого духа в соответствии с осознанными целями и смыслами его существования.

Литература

1. Антология мировой философии: В 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 327.
2. Аристотель. Физика // Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 59–262.

3. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999.
4. Бунге, М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке / М. Бунге. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
5. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980.
6. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис; Прогресс, 1992.
7. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений: В 6 т. / А. Шопенгауэр. – М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011.
8. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм // Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 1. – С. 77–788.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА
В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ
В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

**REGIONAL INNOVATION SYSTEM IN THE EMPLOYMENT
OF THE POPULATION IN THE LENINGRAD REGION:
STATE AND PROBLEMS**

**А. А. Салахутдинов
Artur A. Salakhutdinov**

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)*

***Аннотация.** Рассматриваются основные вопросы и проблемы инновационного трудоустройства населения Ленинградской области. В статье рассмотрены статистические данные занятости и трудоустройства населения Ленинградской области, стратегия социально – экономического развития Ленинградской области до 2030г., векторы её развития. Сделан вывод о необходимости использования комплекса мер и мероприятий для развития инновационного трудоустройства в рамках формируемой инновационной экономики Ленинградской области.*

***Abstract.** The main issues and problems of innovative employment of the population of the Leningrad region are considered. , Evaluators, analysts, analysts, analysts and analysts. The conclusion is made about the need to use a set of measures and measures for the development of innovative employment and innovative economy of the Leningrad Region.*

***Ключевые слова:** инновация, инновационная система, трудоустройство.*

***Keywords:** innovation, innovative system, employment.*

Для современного развития сферы труда характерны глобальные преобразования и нововведения, влияющие на все аспекты социально-трудовых отношений. Это находит свое проявление и в том, что все активнее

осуществляется процесс адаптации рынка труда регионов к российским и мировым стандартам; происходит внедрение нетрадиционных и интерактивных инноваций, новых методов и технологий, регламентирующих занятость населения; трансформируются и методы ее управления.

В научной литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, нет единого мнения (о понимании) сущности инновации. Наиболее распространенными точками зрения о толковании инновации являются:

– инновация как процесс (Т. Брайан, Ф. Никсон, Н. И. Лапин, В. Г. Мединский);

– инновация как конечный результат деятельности (А. Левинсон, Л. М. Гохберг, И. Н. Молчанов, И. Т. Балабанов).

В роли инновации могут выступать не только прогрессивные нововведения технологического и продуктового характера, но и мероприятия организационного, экономического, производственного или иного характера, при внедрении которых повышается эффективность деятельности реализующих их субъектов хозяйствования.

Применительно к нашему объекту исследования – Ленинградской области, а именно сферу трудоустройства населения, мы будем определять инновацию как создаваемые, осваиваемые новые или усовершенствованные технологии, виды продукции или услуги, а также решения производственного, экономического, финансового, коммерческого, организационного, социального, юридического или иного характера, обеспечивающие в результате их внедрения и последующего практического применения положительный эффект для субъекта экономической деятельности [1, с. 68].

Стоит сказать, что инновацией и инновационным процесс будет считаться только для этого региона, в силу того, что в федеральном округе, в стране в целом и в других государствах, данные процессы перестали быть инновационными. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что Ленинградская область обладает большим потенциалом в различных отраслях и сферах экономики для решения проблемы занятости населения. По отчету губернатора Ленинградской области об итогах деятельности Правительства ЛО в 2017 г. на рынке труда за указанный период количество высокопроизводительных рабочих мест увеличилось на 9,6 тысяч, а численность работников, занятых в промышленности, по итогам 2017 года увеличилось на 5 тысяч человек, в целом по экономике на 12 тысяч человек [2].

Однако, существующие методы, средства по регулированию рынка труда не в полной мере способны решить трудоустройства населения по многим причинам. Более того, прогнозируемая роботизация труда, внедрение инновационных технологий, техник в сферу производства, будет сопровождаться вытеснением живого рабочего труда. В условиях мобильных изменений в жизнедеятельности региона, соответственно и в сфере занятости, требуются и новые (инновационные) подходы и технологии регулирования

рынка труда и занятости, способные своевременно реагировать на запросы сферы производства и проблемы трудоустройства жителей области.

Основополагающим документом регулирования рынка труда инновационными подходами является стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г. [3, с. 65] (принята Законодательным собранием Ленинградской области 13 июля 2016 года).

В документе указывается, что для достижения поставленной в стратегии развития региона цели, в том числе, необходимо создание условий для эффективной занятости населения. Решение этой задачи предполагается в рамках двух проектов – векторов развития ЛО: «Индустриальное лидерство» и «Профессиональное образование».

По вектору «Индустриальное лидерство» к 2030 году промышленность должна сформировать основное количество высокооплачиваемых рабочих мест для жителей Ленинградской области, сохранить свою долю в региональной экономике, проходить процесс постоянного обновления на основе инноваций [3].

Однако, по результатам анализа статистических материалов по ЛО, на фоне роста промышленного производства наблюдается дефицит высококвалифицированных специалистов технического направления. Одной из причин сложившейся ситуации является то, что между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью существует конкуренция за работников – около 0,5 млн населения Ленинградской области работают в Санкт-Петербурге. Более того, в регионе отмечается несбалансированность между потребностью в работниках и количеством безработных. По данным официальной статистики на конец 2017 года на 18,7 тыс. вакансий приходится 4,1 тыс. безработных; уровень зарегистрированной безработицы составил 0,4 % к численности рабочей силы [4].

На предприятиях Санкт-Петербурга работает большая часть экономически активного работающего населения Ленобласти, в то время как трудовые ресурсы Санкт-Петербурга не покрывают дефицит работников по массивному списку набора вакансий.

Низкоквалифицированные иностранные трудовые мигранты не способны компенсировать нехватку специалистов на инновационных и высокотехнологичных предприятиях города [5, с. 91].

В то же время основными вызовами и проблемами современного развития промышленности в Ленинградской области и перехода к новому технологическому укладу являются: [2]

- относительно низкая производительность труда,
- высокая дифференциация доходов
- дефицит квалифицированных кадров, в том числе рабочих и инженерных специальностей;
- значительный риск дефицита квалифицированных трудовых ресурсов для инновационной экономики;

– недостаточная интеграция системы образования и промышленности.

Результатом реализации проектной инициативы «Индустриальное лидерство» должна стать реструктуризация промышленности за счет развития современных высокотехнологичных кластеров. Целью проектной инициативы является адаптация традиционных отраслей промышленности к новому технологическому укладу за счет формирования источников роста инновационной экономики в рамках кластерных проектов, а также достижение глобальной конкурентоспособности региональной промышленности по отдельным направлениям. Успешная реализация проекта напрямую связано и с кадровым вопросом – необходимостью подготовки специалистов для работы в высокотехнологичных производствах.

Одним из инновационных технологий трудоустройства населения области в перспективе является вектор – «Профессиональное образование». Согласно этому проекту, к 2030 году должна быть создана региональная сеть современных организаций профессионального образования, в которых жители Ленинградской области могут стать высококвалифицированными специалистами для любой из сфер экономики региона с гарантиями последующего трудоустройства на предприятия Ленинградской области.

Большая работа идет по подготовке рабочих, специалистов по направлению «инновационное образование». Осуществлена реновация Киришского и Кировского техникумов, проводится реновация Кингисеппского колледжа технологий и сервиса, Тихвинского техникума, Беседского сельскохозяйственного техникума.

В Гатчине создается межпрофессиональное учреждение «Центр профессиональных компетенций», который позволит производить процесс обучения и переобучения, переподготовку и повышение квалификации для преподавателей, направлять на производственные стажировки, получить аттестат о переподготовке или повышении квалификации для преподавателей. Проектирование Центра осуществляется на базе нанотехнопарка, который будет укомплектован инновационным оборудованием.

Идеи профессионального образования, повышение квалификации в новых экономических условиях находят свое новое реальное воплощение. Современная инновационная экономика, ориентированная и требующая новых знаний, компетенций, в том числе и в управленческой деятельности, актуализирует развитие профессионального образования, восстановление институтов повышения квалификации.

В этом контексте, Ленинградская область отличается продуманной концепцией регулирования в системе рынок труда – инновации – образование.

Так, например, Ленобласть стала участником организации «WorldSkills». На базе Гатчинского Технопарка, при котором создадут тренировочную базу для участников сборной команды Ленобласти WorldSkills с решением вопросов получения опыта на новейшем оборудовании с возможностью

проживания в центре, создан региональный координационный центр союза «WorldSkills Россия». Система производственного обучения включает в себя участие в соревнованиях «WorldSkills» на уровне мировых стандартов, а также экзаменационную базу по системе «WorldSkills».

Правительство Ленинградской области собирается поддержать проект ОНФ «Профстажировки.рф», который направлен на то, чтобы помочь студентам и выпускникам инженерно-технических учреждений подобрать предприятие для прохождения стажировки по специальности. В рамках проекта, предприятия смогут подбирать себе кадры из числа выпускников, которые в дальнейшем смогут трудоустроиться сразу после получения диплома. Таким образом, формируется новый механизм взаимодействия молодых специалистов и работодателей, способный минимизировать разрыв между потребностями работодателя и результатом выпускаемой вузом продукции в лице выпускника, и трудоустройства молодого специалиста в соответствии полученного им образования и квалификации.

Особую группу населения, нуждающихся в обеспечении их работой, составляют социально незащищенные группы людей: люди с ограниченными возможностями, инвалиды, лица, прибывшие из мест лишения свободы; женщины, имеющие детей до 18 лет; лица предпенсионного и пенсионного возраста; военнослужащие и члены их семей; подростки 14-18 лет; учащиеся 9 классов.

Практика показывает, что наиболее эффективными для этих групп людей являются специализированные ярмарки и мини – ярмарки. Только на 2018 год запланировано проведение 242 ярмарок – вакансий.

В 2017 году главной площадкой единого дня был Всеволожск. По всей области работодатели предоставили соискателям более 10000 вакансий.

Подобные мероприятия позволяют соискателям ознакомиться с банком вакансий всей области, зарегистрироваться на интерактивном портале регионального комитета по труду и занятости, познакомиться с присутствующими работодателями, а также пройти собеседование по Skype. Специалисты центра занятости проводят консультации по выбору профессии, имеющимся вакансиям, а также предлагают заполнить анкету для формирования кадрового резерва Ленинградской области [6].

Современные темпы развития, обусловленные требованиями инновационного проектирования развития ЛО всех сфер общественной жизни, ставят перед необходимостью структурных изменений большей части секторов и экономики области. В связи с этим, обеспечение развития высшего профессионального образования и научно-исследовательских центров в соответствии с требованиями инновационной политики, создание новых инновационных производств на базе существующих научно-производственных центров, например в г. Сосновом Бору и наноцентр на базе Петербургского института ядерной физики в г. Гатчина, – становятся приори-

тетными причинами перехода на инновационные модели подготовки кадров, с последующим их трудоустройством.

Формирование и эффективное использование инноваций и инновационного потенциала при трудоустройстве населения Ленинградской области должно входить в число приоритетов при развитии Ленинградской области.

Для развития инновационного трудоустройства населения и инновационной экономики региона, необходимо использовать комплекс мероприятий и мер, такие как федеральные и региональные целевые программы; развитие института малого инновационного предпринимательства; переориентация государства на развитие наукоемких отраслей и усиление поддержки системы образования и подготовки квалифицированных специалистов [7].

Литература

1. Венский, В. Л. Инновации: сущность, содержание и классификация / В. Л. Венский // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 2008. – № 2. – С. 67–71.

2. Экономическая ситуация в Ленинградской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://tt47.ru/o-leningradskoj-oblasti/ekonomicheskaya-situatsiya-v-leningradskoj-oblasti> (дата обращения: 09.06.2018).

3. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года: (Принята Законодательным собранием Ленинградской области 13 июля 2016 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://econ.lenobl.ru/Document/1474013824.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).

4. Официальная статистика рынка труда и занятости населения Ленинградской области: [данные Петростата] [Электронный ресурс]. – URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Leningradskaya_area/employment/ (дата обращения: 11.06.2018).

5. Бугаев, М. А. Маятниковые миграции на рынке труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области / М. А. Бугаев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 5. – 2015. – Вып. 4. – С. 86–116.

6. Кто и где требуется? [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazetavyborg.ru/article.php?table=events&item=58139316&album=null> (дата обращения: 09.06.2018).

7. Отчет Министерства образования и науки за 2014 год по деятельности организаций образования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.doc (дата обращения 10.06.2018).

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА
РАЗВИТИЯ «ОПОРНЫХ РЕГИОНОВ» РОССИИ
НА ОСНОВЕ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ¹**

**COMPARATIVE ASSESSMENT OF RUSSIA'S "BASIC REGIONS"
DEVELOPMENT ON THE BASIS
OF SOCIO-ECONOMIC INDICATORS**

**В. П. Самарина¹, Т. П. Скуфьина²
Vera P. Samarina, Tatiana P. Skufina**

¹ *Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал)
НИТУ «МИСИС» (Старый Оскол, Россия)*

*Saryu Oskol Technological Institute, branch of National Research
Technological University «MISIS» (Saryu Oskol, Russia)*

² *Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина
ФИЦ «КНЦ РАН» (Апатиты, Россия)*

*Institute of Economic Problems of the Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences (Apatites, Russia)*

Аннотация. «Опорные регионы» России включают группы сырьевых и старопромышленных субъектов Российской Федерации. В статье представлена сравнительная оценка рейтинга «опорных регионов» на основе сравнения социоэкономических показателей их развития. Выявлены перспективы развития регионов. Обозначены социоэкономические факторы, сдерживающие развитие «опорных регионов».

Abstract. Russia's "basic regions" include groups of raw and old industrial territorial subjects of the Russian Federation. Comparative assessment of "basic regions" rating on the basis of comparison of socioeconomic indicators of their development has been presented in article. The prospects of regions development have been revealed as well. Some socio-economic factors constraining "basic regions" development have been designated.

¹ Исследование включает результаты, полученные при поддержке грантом РФФИ № 17-12-31003 (в части определения характеристик опорных регионов России); грантом РФФИ № 17-46-51063б (в части оценки влияния социоэкономических факторов на динамику процессов регионального развития), при выполнении госзадания ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2018-0005_ИЭП (в части развития методологии дифференциации российских регионов).

Ключевые слова: *социоэкономические показатели, «опорные регионы», социально-экономическое развитие, динамика, рейтинг развития.*

Keywords: *socio-economic indicators, "basic regions", social and economic development, dynamics, rating of development.*

В структуру Российской Федерации входят регионы, различающиеся по социокультурным, socioэкономическим и другим параметрам. В силу этого российские регионы отличаются высокой дифференциацией развития. Все это актуализирует задачу выделения и изучения групп регионов с позиций определения оптимальности их управления.

Для того чтобы разработать рекомендации по управлению регионами с учетом их особенностей применяется ранжирование на основании различных типологических признаков [1; 2; 3]. С исследовательской точки зрения задача типологизации определяется необходимостью выделения среди субъектов РФ однородных группы для проведения межрегиональных сопоставлений и выявления дифференциации российских регионов, а также определения динамики socioэкономических процессов на региональном уровне.

В представленной статье мы предлагаем рассмотреть регионы одного из системных типов – «опорные регионы» России, – и сравнить их рейтинги на основе socioэкономических показателей. Использованная нами типология регионов была разработана упраздненным в настоящее время Министерством регионального развития России на основе проекта Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Типология включала несколько групп регионов с учетом возможностей их развития в долгосрочной перспективе: 1) «Регионы – локомотивы роста»; 2) «Опорные регионы»; 3) «Депрессивные регионы»; 4) «Особые спецтерритории» [4]. Несмотря на критику некоторых критериев рассматриваемой типологии [5; 6], для целей настоящего исследования она вполне подходит.

Изучение регионов одного системного типа позволит лучше выявить объективные факторы socioэкономического развития. Предполагается, что регионы, входящие в один системный тип, имеют схожие субъективные условия развития. Вероятно, что тенденции развития у них будут сходны.

В состав «опорных регионов» России входят группы сырьевых и старопромышленных субъектов Российской Федерации. Сырьевые «опорные регионы» характеризуются следующими отличительными особенностями:

1. Сырьевые зоны России.
2. Экспортноориентированность региональной экономики.
3. Отсутствие высококачественной социокультурной среды жизнедеятельности.

Сырьевые регионы России характеризуются ориентацией на развитие экспорта сырьевых ресурсов и продуктов их первичной переработки. Суть проблем сырьевых «опорных регионов» лежит в их экспортоориентированности, транзитном характере экономики. Прямая зависимость экономического благополучия таких регионов от мировых цен на энерго- и другие ресурсы неизбежно приводит к снижению их рейтинга при неблагоприятной экспортной ситуации. Кроме того, в основе многих социальных проблем этих регионов лежат климатические факторы и географические особенности.

Особое внимание обратим на такую характеристику, как отсутствие высококачественной социокультурной среды жизнедеятельности. Наши исследования показывают, что природные условия и особенности расселения населения большинства субъектов РФ, отнесенных к этому типу, предопределяет развитие урбанистического общества. Так доля горожан в Республике Коми составляет 75,2 %, в Тюменской области – 77,4 %, в Сахалинской области – 86,7 %, а в Ханты-Мансийском АО достигает 90,9 % [7]. Но высокая степень урбанизации ни в коей мере не указывает на отсутствие социальных проблем. Исследования показывают постоянный отток населения из сырьевых регионов. Это связано с тем, что на современном этапе развития общества многим жителям сырьевых регионов не достаточно получать высокие заработные платы. Они хотят развитой высококачественной социокультурной среды жизнедеятельности: наличия парков, кинотеатров, театров, стадионов, выставочных центров и т. п. Мы в своих исследованиях неоднократно подчеркивали несоответствие экономического изобилия сырьедобывающих регионов и культурно-социальной ситуации [8; 9].

Характеристики старопромышленных регионов, также относящихся к «опорным регионам» Российской Федерации, принципиально другие:

1. Многолетнее традиционное индустриальное производство.
2. Преодоление перманентного социоэкономического кризиса, вызванного устаревшей технологической базой предприятий, недостаточной конкурентоспособностью региональной продукции, низким качеством жизни населения, загрязнением окружающей среды и т. п.
3. Развитие социокультурной среды жизнедеятельности.

Старопромышленные регионы России характеризуются развитием традиционных индустриальных отраслей. Практически все старопромышленные регионы в период вхождения в рыночную экономику пережили структурный кризис, вызванный снижением спроса на промышленную продукцию. По-прежнему на большинстве предприятий преобладают устаревшие технологии и выработавшие свой срок полезного использования основные фонды. Потеря регионами конкурентоспособности сопровождалась низким уровнем жизни населения. Необходимо учесть, что старопро-

мышленные регионы испытывают значительные экологические проблемы, решению которых не уделяется достаточное внимание [3; 8].

В последние годы ситуация улучшается. Предприятия модернизируются. Многие из них внедряют технологии ресурсо- и энергосбережения, что позитивно влияет на разрешение экологических проблем. Развиваются инфраструктурные сети (дороги, газопроводы, средства связи и пр.), что способствует гомогенизации старопромышленных регионов и их интеграции в общероссийское пространство. Увеличиваются доходы населения. Сама структура старопромышленных регионов предопределяла хорошую подготовку специалистов-производственников. В XXI веке система подготовки кадров претерпела изменения в сторону увеличения числа и расширения специализаций высших учебных заведений. Достаточное количество рабочих мест закрепило трудовые ресурсы в регионах. В результате в большинстве старопромышленных регионов дефицит кадров можно считать несущественным. Многолетнее функционирование регионов привело к тому, что в них создана, а в последние годы и активно развивается, социокультурная среда жизнедеятельности. Причем развитие касается не только городов, но и сельских населенных пунктов.

Проанализируем динамику развития «опорных регионов» на основе социоэкономических показателей. Для сравнения использовались данные Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня» [10; 11]. Рейтинг, составленный агентством «РИА Рейтинг» базировался на комплексном анализе социально-экономической ситуации в регионах России. Методика построения рейтинга основывалась на агрегировании четырех групп различных показателей, характеризующих важнейшие региональные социоэкономические факторы: показатели масштаба экономики; показатели эффективности экономики; показатели бюджетной сферы; показатели социальной сферы. На основании данных показателей рассчитывался комплексный агрегированный рейтинг. Мы использовали рейтинги «опорных регионов» за 2015 и 2016 годы и сравнили значения показателей между собой. Результаты представлены в таблице.

Прежде всего, обратим внимание на то, что среднее значение рейтинга сырьевых «опорных регионов» существенно выше среднего значения рейтинга старопромышленных «опорных регионов». Это говорит о том, что объективные факторы развития обеспечили сырьевым регионам более высокий социоэкономический уровень развития. Также обращает на себя внимание неизменность места регионов в группе: ни один регион не изменил своих позиций в вертикальном сравнении с другими.

При этом горизонтальное сравнение рейтингов сырьевых «опорных регионов» регионов по уровню социоэкономического развития показало ухудшение рейтинга в 2016 г. по сравнению с 2015 г. В некоторых случаях (Ненецкий автономные округа и Республика Коми) спад достигает 4 пози-

ций. Это может свидетельствовать о снижении значимости добывающих регионов в экономике России в 2016 году.

Таблица

Изменение рейтинга «опорных регионов» РФ (расчеты автора по материалам Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» [10; 11])

Table

Change of Russian "basic regions" rating (the author's calculations according to Rating agency "RIA Rating" materials [10; 11])

Субъект РФ	Интегральный рейтинг			Место в группе	
	2015 г.	2016 г.	Рост	2015 г.	2016 г.
Сырьевые «опорные регионы»					
Ханты-Мансийский АО	72,871	69,933	-2,938	1	1
Ямало-Ненецкий АО	64,581	66,805	2,224	2	2
Сахалинская область	62,914	60,294	-2,620	3	3
Тюменская область	61,367	60,082	-1,285	4	4
Республика Саха (Якутия)	53,103	51,881	-1,222	5	5
Республика Коми	50,343	46,582	-3,761	6	6
Кемеровская область	46,143	43,529	-2,614	7	7
Ненецкий АО	41,579	37,77	-3,809	8	8
Среднее значение	56,613	54,610	-2,003	–	–
Старопромышленные «опорные регионы»					
Самарская область	57,933	57,388	-0,545	1	1
Нижегородская область	56,589	55,277	-1,312	2	2
Челябинская область	54,436	52,233	-2,203	3	5
Белгородская область	54,358	52,353	-2,005	4	4
Липецкая область	53,837	51,812	-2,025	5	6
Ростовская область	51,963	54,383	2,42	6	3
Иркутская область	50,719	51,776	1,057	7	7
Приморский край	48,595	50,605	2,01	8	8
Омская область	48,324	46,515	-1,809	9	13
Томская область	48,132	48,057	-0,075	10	11
Новосибирская область	47,443	48,865	1,422	11	9
Хабаровский край	46,956	48,048	1,092	12	12
Волгоградская область	46,801	44,222	-2,579	13	15
Ярославская область	46,376	43,031	-3,345	14	16
Вологодская область	45,789	48,467	2,678	15	10
Рязанская область	44,001	44,794	0,793	16	14
Астраханская область	35,910	34,371	-1,539	17	17
Среднее значение	48,764	48,426	-0,339	–	–

В категорию старопромышленных «опорных регионов» попали субъекты РФ как с высокими, так и с довольно низкими оценками социоэкономического развития. Обращает на себя внимание следующий факт. Многие старопромышленные регионы к 2016 году смогли преодолеть структурный кризис, проведя диверсификацию производства, выйдя на новые рынки

и существенно повысив уровень жизни населения [12; 13; 14]. Тому подтверждением являются высокие рейтинги Самарской, Нижегородской, Челябинской и других областей.

Дифференциация развития «опорных регионов» во многом базируется на объективных социально-экономических факторах: наличие и уровень разработки природных ресурсов, географические и климатические условия, исторически сложившаяся производственная и селитебная инфраструктура, социокультурные особенности населения и др. Но наряду с объективными факторами существенное влияние на региональное развитие оказывают субъективные факторы: политика управления и институциональные условия предпринимательской деятельности. В целом «опорные регионы» имеют высокий потенциал развития материального и нематериального генезисов, и демонстрируют очевидные социально-экономические достижения.

Литература

1. Баранов, С. В. О методах исследования межрегиональной дифференциации / С. В. Баранов, Т. П. Скуфьина // *Фундаментальные исслед.* – 2013. – № 10-7. – С. 1495–1499.
2. Баранов, С. В. Свойства методов определения положения регионов по уровню социально-экономического развития / С. В. Баранов // *Вестн. Челябин. гос. ун-та.* – 2009. – № 19. – С. 81–88.
3. Юрина, В. С. Анализ проблем устойчивого инновационного развития экономики регионов / В. С. Юрина, Г. Э. Кудинова // *Наука – промышленности и сервису.* – 2013. – № 8-1. – С. 46–51.
4. Типология социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minregion.ru/Workitems/NewsItem.aspx?NewsID=492>
5. Самарина, В. П. Возможности и ограничения применения современных методов районирования территории России к задачам региональной экономики / В. П. Самарина // *Региональная экономика: теория и практика.* – 2008. – № 23. – С. 75–83.
6. Скуфьина, Т. П. Межрегиональные и межгородские сопоставления как особый вид научного исследования: Теоретический аспект / Т. П. Скуфьина, С. В. Баранов // *Теория и практика общественного развития.* – 2011. – № 7. – С. 322–325.
7. Скуфьина, Т. П. Российская Арктика: Фундаментальные проблемы социально-экономического развития и позиции исследований / Т. П. Скуфьина // *Фундаментальные исслед.* – 2012. – № 11-3. – С. 790–793.
8. Самарина, В. П. Проблемный регион как объект анализа и управления / В. П. Самарина // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2008. – № 5. – С. 46–52.

9. Баранов, С. В. Этапы регулирования регионального развития в России / С. В. Баранов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 6 (18). – С. 34–45.
10. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2015 года [Электронный ресурс]. –
URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2016.pdf
11. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2016 года [Электронный ресурс]. –
URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf
12. Самарина, В. П. Современные проблемы развития и кризиса в социально-экономических системах / В. П. Самарина // Регион: системы, экономика, управление. – 2015. – № 1 (28). – С. 38–41.
13. Демьяненко, М. С. Управление инновационным развитием территорий в Центрально-Черноземном регионе / М. С. Демьяненко, Р. И. Найденова // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы Итоговой (тринадцатой) Всерос. науч.-практ. конф. ГОУ ВО КРАГСиУ.– Сыктывкар, 2014. – С. 118–122.
14. Скуфьина, Т. П. Новая региональная политика в контексте проблемы сбалансированного развития северных территорий России / Т. П. Скуфьина // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 29 (404). – С. 25–34.

Сведения об авторах

Асылханова Гульнар Жанабековна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Право и история» Инновационного Евразийского университета (г. Павлодар, Казахстан), aktobe-akt@mail.ru

Афанасьева Юлия Александровна – интерн ЗАО Deloitte&Touche CIS (г. Новосибирск), afanasye8a@mail.ru

Баймурзина Гузель Римовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Уфа), guzrim@mail.ru

Баранец Сергей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры ГМУ СЗИУ – филиал РАНХиГС (г. Санкт-Петербург), brnts@rambler.ru

Басовский Леонид Ефимович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), basovskiy@mail.ru

Басовская Елена Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), basovskaya.elena@mail.ru

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва), bela46@mail.ru

Васильченко Диана Дмитриевна – студент Курского государственного университета (г. Курск), Di.2810@yandex.ru

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, проректор по научной работе Смоленского государственного института искусств (г. Смоленск), alvinocurov@yandex.ru

Власова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск), vla-nataly@yandex.ru

Галкина Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск), ruh2000@mail.ru

Герасимов Григорий Иванович – доктор исторических наук, доцент, научный консультант Тульского государственного музея оружия (г. Тула), ggi1957@mail.ru

Гетманцев Леонид Вячеславович – научный сотрудник ГЦМП МО РФ, член Астраханского регионального отделения «Российское военно-историческое общество» в Ахтубинском районе (г. Ахтубинск), leonid.get62@yandex.ru

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета (г. Тюмень), vlad_davidenko@mail.ru

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета (г. Ульяновск), comm3@yandex.ru

Дроздова Юлия Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС) (г. Вологда), juliadrozdova@mail.ru

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград), nv-dulina@volsu.ru

Кабелевский Роман Александрович – главный инструктор-специалист отдела по работе с общественностью управления по местному самоуправлению и молодежной политике администрации города Тулы (г. Тула), st.const@mail.ru

Кадничанская Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск), m-i-kad@yandex.ru

Каргаполова Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Астраханского государственного университета (г. Астрахань), k474671@list.ru

Касавина Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва), kasavina.na@yandex.ru

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Курского государственного университета (г. Курск), eakogay@mail.ru

Костюченков Сергей Владимирович – председатель правления Центра содействия развития местного самоуправления г. Тула (г. Тула), 384633t@mail.ru

Крупчатникова Вера Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск), premiera_vera@mail.ru

Кудинова Галина Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель группы «Экономика природопользования», старший научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН (г. Тольятти), GKudinova@yandex.ru

Кулибаба Сергей Иванович – кандидат искусствоведения, заведующий отделом национальных культур Центра культуры народов России Государственного Российского дома народного творчества имени В. Д. Поленова (г. Химки), ksind81@mail.ru

Кульсеева Татьяна Гавриловна – кандидат философских наук, доцент Курского государственного медицинского университета (г. Курск), kulsi@rambler.ru

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета (г. Уфа), nmlavr@yandex.ru

Лапин Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, председатель Научно-координационного совета секции ФПСПП Отделения общественных наук РАН, советник РАН (г. Москва), Lapini31@mail.ru

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), mashkor@mail.ru

Мажитова Альфира Раисовна – кандидат философских наук, менеджер Государственного бюджетного учреждения «Центр сельскохозяйственного консультирования Республики Башкортостан» (г. Уфа), karagai-kipsak@yandex.ru

Маркова Юлия Сергеевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), julyamarkova@gmail.com

Мартынова Елена Петровна – доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), ep_martynova@mail.ru

Мартьянова Елена Георгиевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории по социологии, культурному туризму и прикладной этике при кафедре философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), helena183@yandex.ru

Мельникова Анастасия Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (г. Новосибирск), nastazi19@mail.ru

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор Тульского социологического центра, старший научный сотрудник Центра региональных исторических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), mosin55@bk.ru

Мостовая Елена Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры политической экономики Новосибирского национального исследовательского государственного университета (г. Новосибирск), 3304146@mail.ru

Назарова Юлия Владимировна – доктор философских наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), fox353@yandex.ru

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета (г. Курск), yulia_pasovets@mail.ru

Петросян Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (г. Владимир), ilyich87@yandex.ru

Петрушенко Татьяна Константиновна – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), tatpetr52@mail.ru

Плеханов Евгений Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), (г. Владимир), eaplekhanov@gmail.com

Пивоев Василий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северного института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (г. Петрозаводск), pivoev@mail.ru

Плотникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), plotnikova1958@yandex.ru

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета (г. Тюмень), gr136@mail.ru

Салахутдинов Артур Андреевич – научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), artes_93@mail.ru

Салахутдинова Резеда Халяфутдиновна – кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), rezeda_soc@mail.ru

Самарина Вера Петровна – доктор экономических наук, профессор Старооскольского технологического института им. А. А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС» (г. Старый Оскол), samarina_vp@mail.ru

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Чебоксары), ninapolupan63@mail.ru

Скворцова Оксана Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент Сибирского государственного университета водного транспорта (г. Новосибирск), skv-ok@yandex.ru

Скуфьина Татьяна Петровна – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономических проблем им. Г. П. Лузина – обособленного подразделения ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (г. Апатиты), skufina@ier.kolasc.net.ru

Сорокина Нина Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (МАИ) (г. Москва), nd-sorokina@mail.ru

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и корпоративного управления Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Чебоксары), tarvlad2015@yandex.ru

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), a.n.tarasova@mail.ru

Титаренко Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (г. Минск), Larisa166@mail.ru

Ушакова Юлия Владимировна – ассистент Тюменского государственного университета (г. Тюмень), ushakovajuli@gmail.com

Федорова Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), laetitia05@mail.ru

Федорова Яна Юрьевна – ученица 10-го класса Киреевской школы для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (г. Киреевск), 2001fedorovayana@gmail.com

Харитонов Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары), val1957@rambler.ru

Хорошилова Анастасия Вячеславовна – магистрант Курского государственного университета (г. Курск), nastyaa2195@yandex.ru

Чеснова Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула), Elenika.Nova@gmail.com

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда), aas@vscc.ac.ru

Щепотьев Александр Викторович – кандидат экономических наук, профессор ЧОО ВО – Ассоциация «Тульский университет (ТИЭИ)», председатель Тульской областной организации Общероссийской общественной организации – Общество «ЗНАНИЕ» России (г. Тула), shepotevsv@mail.ru

Эгамбердиев Азизбек Абдумаликович – старший преподаватель Андижанского государственного университета (г. Андижан, Узбекистан), aziz_botir@mail.ru

Юлдашева Фарид Хужамкуловна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Социальные науки» Андижанского государственного университета (г. Андижан, Узбекистан), adu_yuldasheva@mail.ru

Юрина Владлена Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти), vlada_tlt@mail.ru

Юсупов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент Чеченского государственного университета, директор Центра социально-стратегических исследований (г. Грозный), Musa_y17@hotmail.com

Содержание

Предисловие	3
Пленарное заседание	
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАХ РОССИИ	7
<i>Латин Н. И.</i> Региональные инновационные системы – способ саморазвития российских регионов.....	7
<i>Басовский Л. Е., Басовская Е. Н.</i> Проблема идентификации факторов инновационного развития экономики регионов России	20
<i>Беляева Л. А.</i> Качество жизни в постиндустриальном обществе: ориентиры для России	28
<i>Дергунова Н. В.</i> Инвестиционная политика как механизм управления инновациями в регионе.....	39
<i>Когай Е. А.</i> Стратегическое планирование в развитии российского макрорегиона	46
<i>Мосин В. И.</i> Создание системы эффективной деятельности территориального общественного самоуправления в социокультурном развитии региона.....	56
<i>Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А.</i> Тюменская область как полигон российских управленческих инновационных практик	62
<i>Салахутдинова Р. Х.</i> Особенности инновационной политики Ленинградской области как приграничного региона: современные проблемы и перспективы	73
<i>В. Т. Тарасов</i> Региональные инновационные системы: анализ взаимодействия факторов.....	81

<i>Шабунова А. А.</i> Социальные инновации как фактор социокультурного развития региона.....	90
--	----

Секция 1

РОССИЯ, ЕЕ РЕГИОНЫ И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА НА НОВОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ	101
--	------------

<i>Асылханова Г. Ж.</i> Социальный дискурс о стабильности казахстанского общества.....	101
---	-----

<i>Дулина Н. В., Каргаполова Е. В.</i> Эволюция региона как гетерархической системы.....	108
---	-----

<i>Пасовец Ю. М.</i> Определение конкурентных преимуществ региона в контексте стратегического планирования его социально-экономического развития.....	115
---	-----

<i>Петросян Д. И.</i> Политическая культура жителей Владимирской области сквозь призму доверия региональным институтам.....	122
---	-----

<i>Семедова-Полупан Н. Г.</i> Чувашия на новом этапе социокультурной эволюции.....	129
---	-----

<i>Тарасова А. Н.</i> Трансформация трудового поведения молодежи под воздействием новой индустриализации	134
--	-----

<i>Титаренко Л. Г.</i> Модернизационный потенциал студенчества как социокультурный фактор инновационного развития Беларуси.....	142
---	-----

<i>Харитонова В. Г.</i> Ценностный потенциал населения Чувашии и модернизация региона	148
---	-----

<i>Юлдашева Ф. Х., Эгамбердиев А. А.</i> Инновации как фактор стратегического развития Узбекистана	156
---	-----

<i>Юсупов М. М.</i> Религия – фактор стимулирования или ограничения социокультурной модернизации?	160
---	-----

Секция 2

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ (РИС).....

167

Васильченко Д. Д.

Инновационные сценарии развития

регионов Центрального Черноземья 167

Кадничанская М. И., Галкина Е. П.

Инновационный потенциал молодежи как фактор развития региональной
инновационной системы (на примере Ульяновского региона)

174

Касавина Н. А.

Наука как фактор инновационного развития региона

181

Кудинова Г. Э.

Инновационная экономика как фактор устойчивого развития.....

186

Лавренюк Н. М.

Интеллектуально-инновационный потенциал регионального сообщества –
ключ к инновационному развитию региона России

192

Ласточкина М. А.

Актуальные проблемы инновационного развития макрорегиона СЗФО.....

198

Плеханов Е. А.

Инновационное развитие Владимирской области:

пятилетие неосуществленных возможностей.....

205

Хорошилова А. В.

Малый и средний бизнес как агент инновационного развития

регионов Центрального Черноземья.....

211

Чеснова Е. Н.

Научный потенциал как фактор развития Тульской области.....

218

Чеснова Е. Н., Мартыанова Е. Г.

Особенности формирования инновационного

потенциала Тульской области (на примере культурного туризма).....

226

«Круглый стол»

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ234**

Баймурзина Г. Р.

Занятость молодежи как фактор инновационного развития.....234

Винокуров А. И.

Стратегия социокультурной политики муниципалитетов
по формированию комфортной городской среды
(на примере г. Смоленска).....241

Кабелевский Р. А., Костюченков С. В.

Роль организаций территориального общественного самоуправления
в социокультурном развитии региона.....248

Мельникова А. С.

Проблемы жизнедеятельности муниципальных образований
и выбор субъектов их решения
в оценках жителей Новосибирской области.....254

*Мостовая Е. Б., Скворцова О. В.,
Афанасьева Ю. А., Мельникова А. С.*

Самоуправленческая активность населения и администрации
сельских районов Новосибирской области в 2017 году:
задачи, инструментарий и первые результаты исследования.....261

Петрушенко Т. К., Федорова Т. Н.

Социокультурные аспекты проблемы социального самочувствия
населения Ломоносовского района Ленинградской области269

Плотникова Е. Б., Маркова Ю. С.

Модернистский потенциал жителей Пермского края
как ресурс социокультурного развития275

Юрина В. С.

Развитие моногородов России в условиях
новой социально-экономической реальности282

«Круглый стол»

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ
РЕГИОНОВ И МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ.....288**

Винокуров А. А.

Женщины, работницы органов местного самоуправления, –
организаторы новаторства в сфере досуга.....288

Дроздова Ю. А.

Символический ресурс региона как фактор развития территории.....293

Кульсеева Т. Г.

Система здравоохранения Курской области
и перспективы ее развития в процессе модернизации региона300

Мартынова Е. П.

Потребности населения Тульской области
в этнокультурном образовании306

Назарова Ю. В.

Влияние парламентской этики на социокультурные процессы
в регионе в период финансово-экономического кризиса314

Сорокина Н. Д.

Практика реализации градостроительных решений
в различных регионах России319

Ушакова Ю. В.

Модернизация сферы труда
в условиях цифровизации мировой экономики.....325

Щепотьев А. В., Гетманцев Л. В.

Современные тенденции развития просветительской деятельности330

Щепотьев А. В., Федорова Я. Ю.

Идея придания Киреевскому району Тульской области
почетного звания военно-патриотической направленности.....337

«Круглый стол»

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА И КОНКРЕТИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ВЫЯВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ РЕГИОНОВ	341
<i>Баранец С. Н.</i> Местная власть как субъект имплементации инновационных региональных политик и стратегий	341
<i>Власова Н. В.</i> Технологии проектного образования в высшей школе как механизм подготовки кадров для инновационной экономики.....	350
<i>Герасимов Г. И.</i> Мировоззренческие основы инноваций.....	358
<i>Крупчатникова В. В.</i> Формирование инфраструктуры инновационной деятельности в регионах.....	365
<i>Кулибаба С. И.</i> Местное сообщество: творческие процессы и социокультурная деятельность	371
<i>Мажитова А. Р.</i> Социокультурный потенциал сел Республики Башкортостан.....	378
<i>Пивоев В. М.</i> Причинность и мотивация в социальном знании.....	386
<i>Салахутдинов А. А.</i> Региональная инновационная система в трудоустройстве населения в Ленинградской области: состояние и проблемы	394
<i>Самарина В. П., Скуфьина Т. П.</i> Сравнительная оценка развития «опорных регионов» России на основе социоэкономических показателей.....	400
Сведения об авторах	407

Научное издание

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
И СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ
В РЕГИОНАХ**

*Сборник докладов
участников XIV Всероссийской
научно-практической конференции по программе
«Проблемы социокультурной эволюции
России и ее регионов»*

Печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 08.10.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 26,25. Тираж 100 экз. Заказ 18/028. «С» 1771.

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого. 300026, Тула, просп. Ленина, 125.

Отпечатано в ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
300026, Тула, просп. Ленина, 125.